

ЧУВАШСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ
НАУК

ISSN 2225-7314

№ 17

ЧУВАШСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

2022

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

№ 17

**ЧУВАШСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
ВЕСТНИК**

АРХЕОЛОГИЯ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИЯ
ПРАВОВЕДЕНИЕ
СОЦИОЛОГИЯ
ФИЛОЛОГИЯ
ЭКОНОМИКА
ЭТНОЛОГИЯ

Чебоксары 2022

Учредитель БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики

Редакционная коллегия:

Ю.М. Артемьев, доктор филологических наук, профессор,
Н.С. Березина, кандидат исторических наук,
И.И. Бойко, доктор исторических наук, профессор,
А.П. Долгова, кандидат филологических наук,
Д.В. Егоров, кандидат исторических наук,
В.П. Иванов, доктор исторических наук (заместитель главного редактора),
Р.Р. Исхаков, доктор исторических наук,
М.Г. Кондратьев, доктор искусствоведения, профессор,
П.С. Краснов, кандидат философских наук (главный редактор),
Г.А. Николаев, кандидат исторических наук,
А.К. Салмин, доктор исторических наук

Ответственный редактор
В.П. Иванов

Чувашский гуманитарный вестник
Чебоксары, 2022. № 17

Научный журнал
Основан в феврале 2006 г.
Выходит 1 раз в год

© Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 2022
© Редакция журнала «Чувашский гуманитарный вестник» (составитель), 2022

УДК 27(470.6)"04/06"

ЧГВ, 2022 г., № 17
© А.Р. Мухамадеев

ХРИСТИАНСТВО В ГУННСКОМ СООБЩЕСТВЕ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (V—VII ВЕКА)

Автор статьи на основании исторических источников и соответствующей научной литературы показывает историю проникновения гуннов на территорию Северного Кавказа и принятия их отдельными представителями христианства. Первый крещеный гунн здесь зафиксирован в V в. В последующий век зафиксированы десятки случаев принятия христианства гуннами, в основном предводителями. В обществе гуннов вели проповеди христианские миссионеры. Очевидно, финно-угорский компонент сыграл большую роль в этногенезе чувашского народа.

Ключевые слова: археология, чувашский народ, погребальный обряд, кладбища средневекового и нового времени, этногенез.

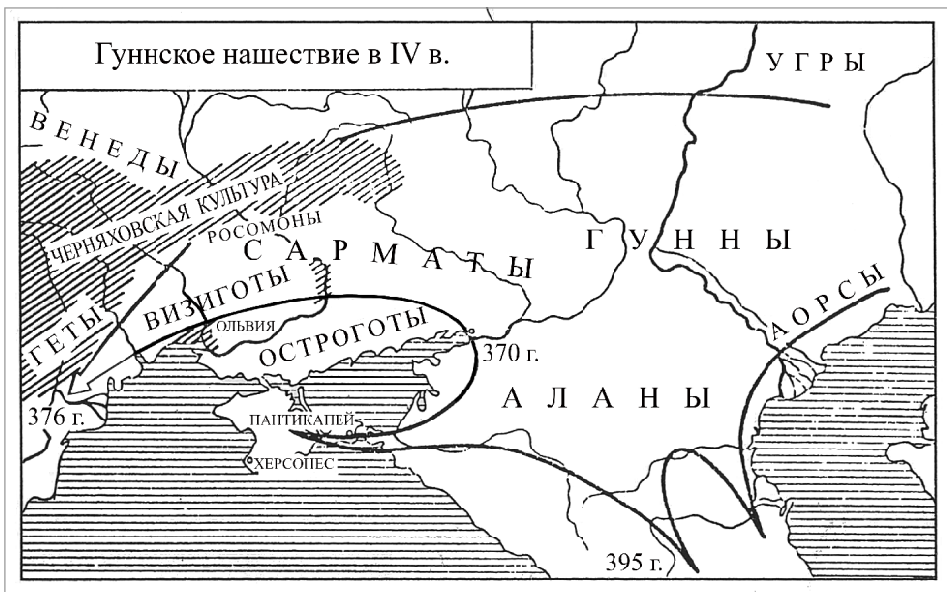
История хунно-гуннов, их этногенеза, появления на просторах Восточной Европы, создания ими государственно-политического образования, способного на равных соперничать как с Западной Римской, так и с Византийской империями, не теряет научной актуальности до сегодняшних дней. В данном случае нас интересует регион под названием «страна гуннов», сформировавшийся на территории Северного Кавказа. Именно здесь письменными источниками были зафиксированы неоднократные случаи крещения представителей гуннского сообщества.

Как выявили исследователи по сведениям античных авторов, появление нового населения гуннов на Северном Кавказе отмечается с середины II в. н.э. Укрепившись на обретенной территории Западного Прикаспия, гунны в III — первой половине IV в. активно вмешиваются в военно-политические события, происходящие в Закавказье. На основании иссле-

---

Алмаз Раисович Мухамадеев — доктор исторических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: almazrm42@mail.ru.

дований Н.В. Пигулевской, М.И. Артамонова, А.В. Гадло, В.А. Кузнецова, С.А. Плетневой и др., Л. Гмыря также приходит к выводу, что в 70-х гг. IV в. началась массовая миграция гуннских племен в регион и расселение их по побережью Каспийского моря, в том числе и в районе Каспийского (Дербентского) прохода. К 90-м гг. IV в. исследователи относят возникновение племенного союза, включавшего гуннские и аланские (маскутские) группы населения, территория обитания которого простиралась от р. Терек до Дербентского прохода. Территория расселения гуннских племен в Прикаспии с середины V в. начинает именоваться современными армянскими авторами «страной гуннов». Пограничным рубежом между владениями гуннов в Прикаспии и странами Закавказья в источниках называются «Дербентские укрепления», часто именуемые «воротами гуннов». Гунны, занимавшие в V в. территорию севернее Дербента, были в это время основной военной и политической силой в Восточном Предкавказье¹.

Гуннское нашествие в Восточную Европу в IV в.
[Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962. С. 41]

Эти важные события совпали с хорошо известным в мировой истории по своим последствиям Великим переселением народов IV—VII вв., которое коснулось также Кавказа. Тогда, в IV в., на Северном Кавказе появились различные племена, в том числе гунны, которые «шли в авангарде широчайшей миграции с Востока на Запад (из Азии в Европу) кочевых племен, положивших начало эпохе великого переселения народов», а также савиры, булгары, барсилы и многие другие. Некоторые из них позже создали собственные государственно-политические структуры, и в их составе порой оказывались автохтоны и часть региона, другие же проходили

далее на юг — на Южный Кавказ. Тогда часть населения приморской зоны Дагестана стала называться «гуннами».

Один из первых известных случаев крещения представителей гунно-болгарского сообщества Восточной Европы, отмеченный летописцами, произошел в середине V в. именно в «стране гуннов». В 454 г. молодой гунн по имени Бел, происходивший из князей племени хайлындур, находился на службе у персидского шахиншаха Иездигера II (438—457). Бежав к кушанам (кидаритам), он предупредил их о наступлении персов и тем самым помог им разгромить врагов. По словам армянского историка, вардапета Елише, Бел был христианином и изменил Иездигеру из сочувствия к подвергавшимся преследования армянам. В частности, он сообщил царю кушан (кидаритов), что крепость, построенная персами для обороны от гуннов, до основания разрушена армянами².

Действительно, как показывает история, представители древнетюркских этносов, в том числе гунно-болгарского сообщества, были довольно толерантными и могли достаточно легко воспринять любое, в том числе христианское религиозное учение и мировоззрение. Так, Феофан в 527—528 гг. сообщает о правителе гунно-болгар, живущих поблизости от г. Боспора, по имени Горда, который «стал христианином и был просветлен»³.

Горда принял крещение в Константинополе, а вместе с ним и определенные обязательства по отношению к Византии. По словам Феофана, новообращенный, восприемником которого был сам император, получив богатые подарки, вернулся на родину, чтобы охранять римские пределы и г. Боспор. Вместе с ним император Юстиниан отправил в Боспор трибуна с отрядом испанцев не только для охраны города, но и для собирания с гуннов положенной дани в виде скота (быков).

Расположение и щедрость императора подвигли Горду переманить в христианство и своего брата. Однако следующий шаг Горды стал для него роковым: он переплавил идолов из серебра и электрона, почитаемых народом. Разъяренные «гунны сговорились с его братом и убили Горду, царем же сделали его брата Муагериса»⁴.

Д. Иловайский еще в XIX в. заметил, что крещение Горда означало не что иное, как превращение его в вассала Византийской империи⁵. Как пишет М.И. Артамонов, христианизация «варваров» была одной из форм их связи с империей и являлась актом больше политическим, чем религиозным. Подкупая вождей, наделяя их богатыми подарками и пышными титулами, рассылая епископов и священников, Византия расширяла сферу своего непосредственного влияния и власти⁶.

В сирийской хронике Захария Ритора упоминается еще один случай крещения знатного гунна в первой половине VI в. Так, в связи с военными действиями между византийцами при правлении императора Юстиниана и персидскими войсками здесь на стороне византийцев упоминается некий «Суникс муж, бывший военачальником гуннов, крестившийся, найдя убежище у ромеев». Они вместе с византийским хилиархом Симосом с двумя-

стами воинами несколько раз отгоняли все персидское войско от Дары. Это были профессиональные и опытные воины, с «суровыми и устрашающими голосами», которые убили двоих персидских «начальников, с немалым войском всадников», уничтожили и прогнали много пехоты⁷.

Христианские проповедники проникали и далеко в глубь кочевий гуннов. В той же сирийской хронике Захария Ритора сохранилось любопытное повествование о том, как семь христианских священнослужителей во главе с армянином Кардостом проникли через горы в страну гуннов и занимались не только обслуживанием находившихся там пленных христиан, но окрестили и обучили многих гуннов.

Бывшие пленники рассказали, что, когда к гуннам прибыли епископ Кардост с семьей спутниками, «они говорили с пленными, многих окрестили, и обучали [некоторых] гуннов. Они оставались там семь лет и выпустили там писание на гуннском языке».

Скрупулезно изучившая сирийские источники Н. Пигулевская полагает, что Кардост проповедывал христианство среди гуннов-савир. Основанием послужили высказывания тех лиц, со слов которых ведется рассказ в хронике Захария Ритора. Они попали в плен при взятии персидским шахом Кавадом г. Амида на верхнем Тигре в 503 г., а затем, проданные гуннам, были приведены в страну последних через «ворота», под которыми подразумевается Дербент. Сам Кардост был епископом Аррана, то есть современного Азербайджана, откуда он и пришел к гуннам, хотя и не через «ворота», а каким-то проходом через горы. Так как гуннами, ближайшими к «воротам» и Аррану, были савиры, то естественно вытекает предположение, что и христиане-пленники из Амида и проповедники во главе с Кардостом находились у них⁸.

Еще один случай крещения знатного северокавказского гунна описан в «Истории агван» Моисея Каганкатваци. Здесь рассказывается, что ученики албанского проповедника Месропа Маштоца отправились в паломничество в Иерусалим и прибыли обратно в Албанию в канун Пасхи. Там их застигло нападение некоего северного народа, который именуется в житие «росмосоками». По данным источника, «царь росмосоков» разделил свое войско на три группы: первой из них было поручено разграбление Албании, второй — Иберии (Картли), третьей — Армении. Во главе первой из них был поставлен «полководец гуннов», который также именуется «военачальником Фовельского полчища», «полководцем гуннов» и «великим царем гуннов»⁹.

Войска «полководца гуннов» захватили крупную добычу. Между тем «полководец гуннов» вознамерился жениться на знатной и богатой пленнице Такуги из албанской провинции Ути, приказав обходиться с ней с уважением. Однако Такуги отказалась сблизиться с ним, публично оскорбляла гунна, за что и была мученически убита. Той же ночью гунны заметили лучи, «звездopodobный свет», осветившие место казни женщины. Люди позже назвали это место «Холмом Звезды». Как повествуется в ис-

точнике, это побудило князя гуннов позвать пленных христианских священников, после чего он, «поучившись у них путям спасения, уверовал в Бога живого»¹⁰. После крещения «полководец гуннов» принял имя Феофил, а его сыновья — Мовсес и Анеролог.

После этих событий новообращенный князь Феофил отпустил пленных и «на утро Пасхи со святыми священниками и множеством других обращенных» прибыл к лагерю царя росмосоков, который в это время приносил благодарственные жертвы языческим богам. Увидев это, «Христом украшенный Феофил» и его воины начали приносить жертвы по христианским обрядам, с благословением христианских священников и украшением своих знамен крестом.

Разгневанный царь росмосоков вызвал к себе Феофила с тридцатью знатными гуннами и стал увещевать, а затем и угрожать, чтобы они тоже принесли жертвы своим богам. В противном случае грозился уничтожить его вместе с войском. Феофил и его военачальники отказались повиниться, а «полководец гуннов» даже выдал пламенную речь о достоинствах новой религии. В наказание за это царь росмосоков приказал подвергнуть Феофила и тридцать гуннских военачальников, а также священников, смертельным пыткам. Сыновья Феофила Мовсес и Анеролог с крещеной частью войска гуннов бежали на юг и достигли некоей высокой горы. Однако оскорбленный царь росмосоков не успокаивался и направлял в погоню за беглецами отряд за отрядом. В итоге гунны-христиане были настигнуты на вершине горы, где их пытались убеждениями вернуть в родное язычество и

Гуннский вождь. V в.
[История татар с древнейших
времен. Т. I. Казань, 2002. С. 158]

покорности царю росмосоков. Но, не добившись результатов, «предали их мечу на месте»¹¹.

Анализ содержания данной информации привел К.В. Тревер к заключению о достоверности изложенных в нем фактов, причем нападение росмосоков на Закавказье было отнесено ею к 532 г. Однако это вызвало возражения М.И. Артамонова, указавшего, что в источнике говорится о том, что набег происходил вскоре после смерти Месропа Маштоца (умер в 440 г.), то есть в 40-х гг. V в., и никак не мог происходить в VI в.¹² Если это так, то это — первый известный случай крещения представителей гуннского сообщества.

В «Истории агван» приведен еще один яркий пример крещения представителей гунно-болгарского сообщества. Известно, что в результате миссионерской деятельности албанского епископа Израиля (вторая половина VII в.) правитель прикаспийских гуннов (савиров) Алп-Илтебер (Алп-Илитвер) и его приближенные приняли христианство, что, в свою очередь, привело к борьбе за ликвидацию культовых центров и обрядов старой веры.

По мнению некоторых исследователей, принятие гуннами христианства стало явлением скорее экономическим, нежели конфессиональным, ибо это открывало им торгово-транзитную дорогу в христианские государства. В целом же христианизация гуннов Северного Кавказа албанскими миссионерами преследовала несколько целей: 1) прекращение гуннских нашествий на «единоверное» Албанское государство, то есть на Южный Кавказ; 2) опора на христианизированных гуннов в борьбе албан против зороастрийского Сасанидского государства; 3) опора на тех же гуннов с целью избежать насильственного насаждения Сасанидами зороастризма в христианской Кавказской Албании.

Как пишет Ю.Р. Джафаров, в этих целях Албанская церковь неоднократно направляла к врагам Сасанидской державы — гуннам Северного Кавказа — своих миссионеров: в первой половине V в. епископа Григориса, в 515 г. — епископа Кардоста, в 529 г. — епископа Макара, в 682 г. — епископа Израиля¹³. Однако исследователь не рассматривает интересы самих гуннов и их знати, правителей в принятии христианства, не выявляет причины, побудившие к переходу на новую, существенно отличавшуюся от языческой веры — монотеистическую религию. Правда, характеризуя масштаб деятельности Израиля, автор говорит также о том, что он охватил «многочисленные царские лагеря — Гуннистана», давая тем самым повод предполагать, что в стране гуннов, помимо поселений, подобных Варачану, имелись и поселения другого типа, представляющие временные ставки Алп-Илитвера и его окружения. Он превозносит Алп-Илитвера за то, что тот «в разных местах строил церкви». Как предполагает А.В. Гадло, упоминание о строительной деятельности Алп-Илитвера, возможно, относится к местам расположения этих «лагерей»¹⁴.

Вслед за Израилем Алп-Илитвер обратился к правителям и епископам Албании и Армении с извещением о своем вступлении в семью христианских государей, с просьбой об установлении в его стране епископства

и о назначении главой гуннской церкви Израиля. В письме к великому святителю албан Илиазару и «владельческому князю» Албании Вараз-Тридату настоятельно требует «даровать» им Израиля, обещая в таком случае водворение между их народами «несокрушимой любви»¹⁵.

Таким образом, мы можем констатировать, что среди гуннов, в частности, представителей гуннского сообщества Северного Кавказа V—VII вв., крещение, принятие христианства было явлением далеко не редким и чрезвычайным. Напротив, мы видим конкретные случаи, зафиксированные современниками и летописцами в разных исторических письменных источниках, когда крещение гуннов происходило в добровольном порядке. Несомненно, что в первую очередь новое вероучение принимали выходцы из высших кругов и приближенные к ним князья и вельможи.

Литература

¹ Гмыря Л. Гунны на Северном Кавказе // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: РУХИЯТ, 2002. С. 156.

² Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. С. 78.

³ Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бреварий» Никифора: тексты, перевод, комментарии. М.: Наука, 1980. 215 с.

⁴ Там же.

⁵ Иловайский Д.И. Исторические сочинения. Ч. 2. М.: Типолит. товарищества И.Н. Кушнерев и К^о, 1897.

⁶ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 91.

⁷ Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 162.

⁸ Пигулевская Н.В. Указ. соч. С. 84—87.

⁹ Артамонов М.И. Указ. соч. С. 73—74.

¹⁰ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века: пер. с армян. СПб.: Тип. Императ. Акад. наук, 1861. С. 76.

¹¹ Там же. С. 77—78.

¹² Семенов И.Г. Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк») // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234 / Ин-т археологии РАН. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. С. 207.

¹³ Джафаров Ю.Р. Гунны и Азербайджан. Баку: Азернешр, 1993. С. 71.

¹⁴ Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1979.

¹⁵ История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века. С. 210.

A.R. Mukhamadeev

CHRISTIANITY IN THE HUNNIC COMMUNITY (V—VII CENTURIES)

The author of the article, based on historical sources and relevant scientific literature, shows the history of the penetration of the Huns into the territory of the North Caucasus and their adoption by individual representatives of Christianity. The first baptized Hun is recorded here in the V century. In the following century, dozens of cases of the adoption of Christianity by the Huns, who were mostly leaders, were recorded. Christian missionaries preached in the society of the Huns.

Keywords: North Caucasus, Huns, Suvars, paganism, Christianity, missionaries, baptism.

УДК 94(470)"09/13"

ЧГВ, 2022 г., № 17
© В.Г. Родионов

ЭВОЛЮЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ВОЛЖСКИХ БУЛГАР (X—XIV ВЕКА)

Автор статьи реконструирует динамику развития этнического сознания волжских булгар X—XIV вв. Она прошла несколько этапов идентификации. Самоназвание «булгар» изменялось от племенного названия, политонима и соционима до конфессиональных эндоэтнонимов *бесермен* и *чуваши*.

Ключевые слова: идентификация, волжские булгары, менталитет, языковое сознание, ислам и язычество.

Изучение различных форм человеческого самосознания (этнокультурного, социального, профессионального и др.) в древних и средневековых сообществах — задача для исследователя непростая. Во-первых, в ходе реализации подобных целей невозможно использовать метод непосредственного опроса населения; во-вторых, сам объект исследования (сознание людей) относится к нематериальной сфере деятельности индивида и коллектива, поэтому его «отпечатки» весьма сложно находить среди археологического материала. В-третьих, весьма своеобразны письменные памятники (нарративы), отражающие различные формы самоидентификации этноса, в данном случае — волжских булгар дозолотоордынского периода. Хотя многие из них и содержат определенную информацию об их поведении, реакции на те или иные события, но эти письменные памятники не являются историческими документами. Подобные нарративы, как правило, весьма субъективны в плане аксиологических характеристик, — они отражают мировидение, социальное положение и установку средневекового автора, чаще всего чужеземца. Поэтому и здесь нелегко находить истинные «отпечатки» сознания этноса. Очевидно, именно

Виталий Григорьевич Родионов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: vitrod1@yandex.ru.

из-за вышеперечисленных причин по проблеме, вытекающей из названия нашей статьи, весьма недостаточно опубликованных этнологических работ.

В этом плане совершенно новым словом в болгароведении явилась для нас «Глава 4. Средневековые болгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность» (автор — Искандер Измайлов) во втором томе («Волжская Булгария и Великая степь») семитомной «Истории татар с древнейших времен»¹. Наконец, в современном болгароведении начинает складываться новое направление, которое активно использует современные достижения ученых в области теории и методологии науки об этносе. В качестве альтернативной методики изучения средневековых этнических общностей, в том числе и болгарского этноса, казанский исследователь И.Л. Измайлов выдвигает палеоэтнологию, взаимодействующую с этноархеологией. Основой для подобной системной методики является, как полагает ученый, изучение средневековой болгарской ментальности, как источника сведений о ключевых аспектах этнополитической и этноконфессиональной идентификации². Хотя удовлетворительного определения понятия «менталитет» в исторической этнологии пока не существует, но ведущие специалисты понимают его как «совокупность сознательных и бессознательных установок», сопряженных с этнической традицией³.

Действительно, определителем сознания этноса необходимо считать менталитет в смысле интегральной характеристики духовной жизни этноса (данный новый термин нами используется как синоним словосочетания «традиционное сознание этноса», включая в его содержание сознательные и бессознательные установки). При этом исследователь менталитета конкретного народа обязан сопоставлять ментальные признаки ряда соседних народов, без чего невозможно выявить и структурировать специфическое содержание менталитета одного народа⁴.

Рассматриваемые И.Л. Измайловым отдельные стороны менталитета (принцип противопоставления этнообразующих факторов и этнических признаков, появление отчетливого самосознания своей общности и отличия от других) в подобных исследованиях непременно должны быть основополагающими. Не менее важными аспектами являются выявление неизменных поведенческих и коммуникативных моделей этноса, изучение действий психологических защитных механизмов традиционного сознания, обнаружение внутриэтнического конфликта и т.д.

Проблема этнического (традиционного) сознания тесно связана с вопросом этнического бессознательного, психологической характеристикой народа, поэтому она требует использования в научном анализе динамического метода. Изучение смены главных идеологических доминант этноса в переломные для него периоды позволяет установить повторяющиеся парадигмы (константы) культуры, а этимологизация этнонимов способствует восстановлению этнических процессов в регионе.

Парадигматическими формами этнического сознания являются этнические константы, которые «неизменны на протяжении всей жизни этноса,

а ценностная ориентация может меняться, она является результатом свободного выбора людей»⁵. При этом исследователь обязательно должен отделять истинные ценности от «образа для других», который создается с целью коммуникации (например, письменно зафиксированные ответы болгар на вопросы иностранцев-путешественников). По мнению С.В. Лурье, общим принципом исследования этнических констант может являться изучение того, как та или иная ценностная система представлена в сознании народа, адаптирована народом, какой подвергнута корреляции, чтобы стать совместимой с этническими константами данного народа⁶.

Если этнические константы действительно не меняются от начала формирования до полного растворения этноса в новых сообществах, то они в той или иной степени должны отражаться в его эндоэтнониме. «Именно анализ этнонима и стоящего за ним самоназвания, — пишет И.Л. Измайлов, — а не бессодержательная лингвистическая эквилибристика названиями или ненаучная попытка объяснить смену этнонима “навязыванием” его этносу извне, дает исследователю ключ к пониманию последовательной эволюции этноса как его постепенной трансформации или череду “взрывов” этничности, ведущих к коренной их смене и формированию нового этноса»⁷.

Действительно, самым истинным, наиболее ярким маркером сознания является самоназвание (эндоэтноним) того или иного этноса или этнической группы. Не менее объективным определителем сознания служат названия человеческих сообществ, данные со стороны соседних этносов. Эти экзоэтнонимы зачастую не совпадают с самоназваниями народов и отражают этнические процессы, проходившие в другие эпохи (обычно до утверждения самоназвания). Например, удмурты знают современных казанских татар как *бигер*. Данный термин существовал еще в древнетюркском мире (*beger* < *beg* «правитель, вождь, бек, князь» + *er* «муж, мужчина»⁸), соответственно, в Улусе Джучи, а потом в Ногайской Орде так называли князей. Этим сословно-феодальным термином первоначально выделяли золотоордынских князей, потом князей Казанского ханства, в том числе и Арской даруги. Язык и религия князей-переселенцев с Арской даруги в бассейн р. Чепца способствовали распространению среди удмуртов их сословного названия (*бигер*) на всех татар-мусульман⁹. В то же время луговые марийцы знали население Заказанья (в русских источниках XVI в. *арская чуваша*) как *суас*, *сўэс*, то есть «чуваш» (данный экзоэтноним проник в русский язык через казанских татар). Чуваша, а за ними и горные марийцы называли казанских татар *тудар*, *тадар*, а мордва — *кельмаз*, *печкаст*. Казахи знали их как ногайцев. Все эти экзоэтнонимы указывают на многоэтапный и многокомпонентный этногенетический процесс современных казанских татар. К такому же выводу мы придем в результате анализа экзоэтнонимов чувашей и их этнографических групп.

С позиции историко-политических и общественно-социальных процессов в средневековом Поволжье необходимо выделить следующие эпохи (периоды): волжскобугарская (IX — первая треть XIII в.), золотоордын-

ская (вторая треть XIII — первая четверть XV в.), казанская (вторая четверть XV — середина XVI в.), московская (середина XVI — середина XVIII в.). Вышеперечисленные эпохи (периоды) социально-политических сообществ не полностью совпадают с этапами этногенетических процессов, но они, как нам представляется, помогают создавать их исторический фон, контекст.

Началом формирования волжских булгар принято считать вторую половину IX в., когда в результате различных военно-политических коллизий на Средней Волге складывается ряд этнополитических объединений, в состав которых И.Л. Измайлов включает булгар, эсегел и берсула. По мнению казанского исследователя, именно между ними разгорелась борьба за гегемонию¹⁰. Остальные племена (сувар, баранджар), вслед за П. Голденом, он считает мелкими родовыми группами. На наш взгляд, сувары в формирующемся государстве (X в.) все же представляли определенную этнополитическую силу. В г. Сувар чеканились монеты, как известно по сохранившимся монетам, в 948/949, 951/952, 975/976, 976/977 гг.¹¹, а по утверждению А. Мухамадиева, даже в 869/870 г.¹² К 1074 г. в тюркском мире («Диван Лугат ат-Турк» Махмуда ал-Кашгари) знали всего два наречия языка волжских булгар: «Булгар» и «Сувар». По сведениям Ибн Фадлана, политическим соперником «царя йылтывара, царя булгар» в первую очередь был «народ, называемый сувар»¹³. Скорее всего, сувары в этнокультурном плане были более близки к беленджер (в рукописи Ибн Фадлана написано, очевидно, опять по ошибке переписчика, «баранджар») и барсил (эти племена мигрировали с Северного Кавказа). По утверждению М.Г. Магомедова, кувшины, найденные на Верхнечирюртовском городище (там находился г. Беленджер, первая столица Хазарского каганата, сформированного на территории бывшей «страны алан Барсили»¹⁴) «имеют больше общего с салтово-маяцкими кувшинами и особенно с кувшинами с болгарских памятников, таких как Больше-Тарханский и Нови-Пазар, что может являться следствием культурных и этнических связей населения этих районов»¹⁵. Эти савиро-барсилские племена Приморского Дагестана постепенно начали оседать и вплотную заниматься отгонным скотоводством, а также орошаемым земледелием и садоводством. Вынужденные покинуть свои плодородные земли и богатые города (Беленджер, Семендер, Варачан и др.) из-за осложнившихся отношений Хазарского каганата с арабами, они в поисках новой родины оказались на Средней Волге. Скорее всего, именно потомки суваро-барсил и беленджер, имевшие на Северном Кавказе богатый опыт градостроительства и земледелия, способствовали превращению Волжской Булгарии в земледельческое государство с высоко развитой городской культурой (X—XIII вв.). Как сообщает А.Н. Москаленко, в кладах куфических монет на Дону была обнаружена монета с титулом «Эмир барсал»¹⁶, что указывает на наличие политических амбиций не только сувар, но и барсил (Алмыш считал себя йылтаваром и царем племени булгар, а также общим царем ас-сакалиба¹⁷).

Итак, сувары и барсилы вместе с беленджерами (по сообщению Ибн Фадлана, последних было «в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже всех принявших ислам»¹⁸; очевидно, они являлись мигрантами из г. Беленджер, поэтому с исламом были знакомы еще на Северном Кавказе) представляли наиболее оседлую часть населения Волжской Булгарии. Именно данная часть болгарского этноса намеревалась отказаться от перекочевки вместе с бывшим йылтываром Алмышем, новоиспеченным эмиром Джафаром ибн Абдаллахом. Царь племени эскел, как сообщает автор «Рисала», «был у него в повиновении, хотя еще не принял ислама»¹⁹.

Союз царей племен болгар и эскел (эсегел) имел, следует полагать, более глубокие корни, чем только родственные связи (первый был тестем второго). Выделяя группу салтово-маяцких памятников в среднем течении Северного Донца, В.Ф. Генинг отмечает следующее: «Все эти памятники расположены довольно компактной группой по среднему течению Северного Донца, преимущественно его левого берега, у низовьев р. *Оскола* (курсив наш. — В.Р.), и могут быть выделены в своеобразную локальную группу, связанную с одним из племен болгарского объединения»²⁰. Здесь ученый однозначно подразумевает полуоседлое племя эскел, царь которого в 921/922 гг. был в союзе с царем другого племени — болгар. По сведениям Ибн Русте, страна Аскал являлась самой юго-западной областью Булгара и находилась она на правобережье Волги²¹. Эти два этнические сообщества как по образу жизни (полуоседлые), так и по типу культуры несомненно были несколько иными, чем суваро-барсилы с Северного Кавказа (барсилы следует локализовать в районе г. Биляра, уран которого был *барадш/бурадш*²² < *барас* «барс»).

Самоназвания ряда болгарских племен отражены прежде всего в названиях первых городов и титулов их правителей: *Булгар*, *Сувар/С'авар* (< *савир*) и *Аш'ял*²³ (< *эсгель*). Из трех названий городов последние два фонетически трансформированы по законам болгаро-чувашского языка, а название первого города (Булгар) не подвержено этим изменениям (причину мы назовем несколько позже). В эндоэтнониме *сувар* (чув. *с'авар*) отражено фонетическое изменение первых гласных в словах болгаро-чувашского языка: (*a > o > y*), а в самоназвании племен *аш'ял* отражены аж два закона: *э > а* (в анлауте) и выпадение полувзвонкого *к* в середине слова.

Название «Великого города» (*М'ан Пу'лер*) образовано, как пишет А.В. Дыбо, полностью на основе болгаро-чувашских слов: *м'ан* «большой», «великий» + *p'üle* «город» + *or* «ров, укрепление»²⁴. На монете, чеканенной во время правления Алмышы (308 г. х.), имеется надпись «Эл-эмир б.л.р.м.а.л.», которую А. Мухамадиев читает как «Эл эмир *Бил'эр малы*» (Монета/имущество эмира Биляра)²⁵. Последний факт указывает на время возникновения названия города — конец 20-х гг. X в. Новый эндоэтноним-соционим (вместо племенных названий) у болгар утвердился, скорее всего, после постройки столицы *Буляр'а*, то есть Великого города (*М'ан Пу'лер*), но не позднее 970 г. Около указанного года венгерский аноним, рассказывая

о приходе в Венгрию болгар-мусульман, со слов болгарских мигрантов упоминал о биярской земле (*terra Bular*) и ее населении (*bilers*)²⁶. Очевидно, перед миграцией в Венгрию часть буярцев вошла в какой-то конфликт с эмиром страны, что послужило причиной их ухода к родственному народу, проживающему далеко на западе.

Есть все основания утверждать, что в болгарскую (дозолотоордынскую) эпоху (IX — первая треть XIII в.) в Поволжье сложился и развивался средневековый болгарский этнос с эндоэтнонимом *bülär/pülär*. В пользу такого утверждения выступает и следующая народная этимология, прочитанная путешественником Абу Хамидом ал-Гарнати (1135—1136) в «Истории Булгар» болгарского кадия Йа'куба ибн Ну'мана: «А ученый у них называется *балар*, поэтому называли эту страну “Балар”, смысл этого “ученый человек”, и арабизировали это, и стали говорить “Булгар”»²⁷. Здесь, скорее всего, подразумеваются древнетюркские слова *bil-* ‘знать, ведать’ и *er* ‘муж, мужчина’²⁸. Данный эндоэтноним булгар в XII в. звучал как *bülär* (чув. *něl-* «знать» + *ar* «муж, мужчина»). Со слов болгарского кадия мы узнаем, что волжские булгары тогда прекрасно различали свое этническое название (эндоэтноним) от его несколько арабизированного экзоэтнонима (фактически политонима). Если первоначально *bülär* означал лишь жителей «Великого города» (соционим), то к 970 г. он стал эндоэтнонимом для большей части болгарского населения Волжской Булгарии.

Истоки экзоэтнонима *булгар* несомненно восходят к арабской историко-географической литературе. В сохранившейся рукописи Ибн Русте «Книга драгоценных ожерелий» (903—925) он написан как «булкар» (название страны и народа), а начиная с Ибн Фадлана (после 921/922) — «булгар» (название народа). В золотоордынский период г. Булгар был центром Булгарского вилаята в составе Золотой Орды, в русских источниках он известен как город Бряхимов. Между тем, как уже отметили, эндоэтноним болгарского этноса еще с X в. имел форму *бюлер* (*bülär*). Экзоэтноним *булгар* (в исламском мире) и *болгар* (в христианском мире) поддерживались в международной среде прежде всего купцами и государственными служащими, религиозными деятелями и учеными. Первый вариант (булгар) был возрожден среди татар, следует полагать, благодаря исламской литературе. Лишь к середине XIV в., по ряду исторических причин, общеполитическое самосознание начало заменяться былыми родоплеменными или же другими (названиями местности, конфессий) субэндоэтнонимами²⁹.

Субэндоэтнонимы некоторых болгарских племен сохранились в названиях ряда городов, а также родовых фамилий из этих метрополий вплоть до XIV в. Например, в текстах болгарских эпиграфических памятников того времени их бывшие племенные названия представлены как *mün suwar jali* (чув. *Män Sävar ялè*) «община Великого Сувара», *mün Bülär* (*Män Пүлер*) «Великий Буяр»³⁰. Эти эпитафии оставлены мусульманским населением Булгарского вилаята Улуса Джучи. Следует полагать, что в XIV в. там активно происходили центробежные процессы, а также движения этногене-

тического характера (появление на территории бывшей Волжской Булгарии кыпчакоязычного населения, татар-нукеров и бесермян-горожан).

Далее нам следует говорить о языковом сознании волжских болгар. Ф.С. Хакимзянов допускает, что в Волжской Булгарии еще в начальный период ее сложения соперничали *r*- и *z*-языки, в дальнейшем двуязычие сменилось господством второго (огузо-кыпчакского) языка³¹. Аргументация исследователя опирается на тот факт, что в рукописи Ахмеда ибн Фадлана «Рисала» (Записки) встречается двойное написание одного и того же гидронима: *Джавшыз* и *Джавшыр*³². В этой же рукописи общеизвестное племенное название «сувар» написано как «суван». А.П. Ковалевский считал, что это ошибочное написание слова «суваз»³³. Именно так можно объяснить и двухвариантность гидронима в рукописи арабского путешественника. Действительно, переписчики рукописи Ибн Фадлана, не зная подлинного названия неизвестных им гидронимов и племен, при переписывании могли легко перепутать отдельные буквы, в особенности в конце слов. Как убедительно доказывают специалисты исторического взаимодействия языков региона, болгарские заимствования в языках соседних народов (удмуртов и коми, мари и мордвы) отражают только *r*-язык, они расположены в пределах X—XIV вв.³⁴ Поэтому доводы Ф.С. Хакимзянова никак не могут послужить серьезной причиной для пересмотра устоявшихся позиций отечественных и зарубежных лингвистов о языке волжских болгар. Даже эволюция названий племен указывает на одни и те же законы языка, которые действовали в языке предков современных чувашей в первые четыре столетия прошлого тысячелетия. В конце XIII в. в болгарскую среду начали проникать отдельные группы огузо-кыпчаков, часть которых оставили эпиграфические памятники на своем родном и болгарском языках. Но массовое передвижение кыпчаков-золотоордынцев на территорию бывшей Волжской Булгарии напрямую связано с распадом Золотой Орды и образованием Казанского ханства. Именно к этому времени относятся основные кыпчак-татарские заимствования в языках народов Урало-Поволжья.

Наиболее дискуссионной является проблема о конфессиональном сознании волжских болгар. Как известно, идет давний спор ученых о наличии или отсутствии среди болгар так называемых «язычников». Следует заметить, что позиция того или иного участника дискуссии строится методом исключения третьего. Действительно, Волжская Булгария с самого начала известна как официально принявшая ислам страна. Все же категорично утверждать, что в X—XIII вв. в этом государстве жили одни мусульмане, невозможно по ряду объективных причин.

Во-первых, внедрение в традиционный образ жизни народа новой религии во всех средневековых странах затягивалось на несколько веков, в том числе и в Киевской Руси. «Принятие христианства, — объясняет Б.А. Рыбаков, — в очень малой степени изменило религиозный быт русской деревни X—XII вв. Единственным заметным новшеством было прекра-

щение трупосожжений. По ряду второстепенных признаков можно думать, что христианское учение о блаженном посмертном бытии “на том свете” как награде за терпение в этом мире распространилось в деревне после татарского нашествия и в результате первоначальных представлений о неизбывности иноземного ига»³⁵. Аналогичным образом Н.И. Ашмарин объяснял религиозную ситуацию в Волжской Булгарии. Как он доказывал в ряде сочинений, в XIV в. под сильным воздействием культа мусульманских святых и административно-социальной номенклатуры Золотой Орды структурно обновилась языческая мифология предков современных чувашей и других немусульманских народов региона. Поднявшееся на новую теологическую высоту чувашское неоязычество, весьма близкое к народному варианту ислама, в период Казанского ханства упорно противостояло государственной религии и лишь потом, в условиях жесткого противостояния двух мировых религий в Поволжье, а также насильственной христианизации большей части чувашей, оно испытало структурную деформацию. Модель перехода Древней Руси от язычества к монотеистической религии, как нам представляется, типична и для их соседней — Волжской Булгарии. Новая религия меняет прежде всего внешнюю (обрядовую) жизнь неопита и лишь вслед за этим (через долгий путь двоеверия) она проникает в его мировидение и мирозерцание. Именно так объясняет Б.А. Рыбаков исчезновение из похоронной обрядности русского народа традиции трупосожжения. Поэтому факт соблюдения волжскими булгарами при погребении своих сородичей мусульманской обрядности нисколько не означает, что они все (представители всех социальных слоев) стали полноценными мусульманами. Перемена веры ими расценивалась внутренне не как смена убеждений, а как перемена формы внешней обрядности и замена имен божеств³⁶. Прежде всего это относится к начальным двум-трем векам болгарского государства. Д.К. Валеева рассматривает болгарское искусство X—XIII вв. как «составную часть языческой Восточной Европы»³⁷. Как пишет искусствовед в своей диссертации, в болгарском искусстве ислам с его суровыми догмами, запрещающими изображение всего живого, не скоро еще одолел языческую одушевленность предметов искусства. Но в конце XII — начале XIII в. постепенно изображения живых существ в искусстве болгар стали как бы «тайными», замаскированными. Этим исследователь объясняет пышный расцвет растительного и геометрического орнамента, что свойственно всей исламской культуре.

Во-вторых, современный чувашский язык, а вместе с ним и традиционная народная культура (обрядовые комплексы, мифология) чувашей и казанских татар-кряшен (они как по названию, так и по структуре совпадают полностью) являются общим наследием волжских болгар и генетически восходят к непрерывным традициям древних тюрков³⁸. Признание их исконности и исторической непрерывности вынуждает признать тезис о наличии в культуре волжских болгар мощного языческого слоя во все времена. Ритм жизни простого земледельца построен, если подходит такое сравнение, по

заданному алгоритму годового календарного цикла (в основном от весеннего равноденствия до начала следующего «нового дня»³⁹). Поэтому в оболочке мусульманских и христианских праздников сохранились древние языческие обряды татар (*Курбан-байрам*, *Сабантуй*), чувашей (*Мункун*, *Симёк*, *Питрав*) и других народов региона⁴⁰. Почти неистребим и культ языческих священных мест простого народа. Понимающие данную истину муллы и священники строили на подобных объектах культа мавзолей мусульманских святых, церкви и часовни.

В-третьих, если не подвергать сомнению ряд категоричных утверждений мусульманских путешественников-проповедников о поголовной исламизации булгар, то мы обязаны полностью признать и следующее противоположное сообщение венгерского путешественника и католического миссионера Юлиана (XIII в.): «Великая Булгария — великое и могущественное царство с богатыми городами, но все там — язычники. В том царстве, говорят в народе, что вскоре они должны стать христианами и подчиниться римской церкви, но дня, как говорят, они не знают, а слышали так от своих мудрецов»⁴¹. Булгарию он называет «языческим царством», что, конечно, не полностью соответствует действительности. Можно лишь полагать, что автор здесь подразумевает не официальную религию, а реальную обрядовую жизнь простых булгар, которые, считаясь мусульманами, на практике придерживались ранних традиций предков. Истина находится, скорее всего, где-то посередине. Мусульманские путешественники в Волжской Булгарии получали информацию в первую очередь через мусульманское духовенство и единоверцев-булгар, а католик Юлиан общался с представителями других конфессий, прежде всего с приверженцами народной религии, у которых были свои мудрецы. При этом не следует забывать, что кроме официального ислама всегда существовал еще так называемый «народный ислам», в котором официальная религия синтезировалась с доисламской религией этноса. Подобные мусульмане (они, как правило, принадлежали к низшим социальным слоям общества) фактически являлись «плохими мусульманами», то есть двоеверцами.

Для выяснения вопроса о времени и глубине проникновения ислама в чувашское сознание следует анализировать заимствованную лексику чувашского языка. Как известно, в ней представлены арабские и персидские заимствования болгарского (дозолотоордынского) и золотоордынского периодов, среди которых имеются и слова, связанные с мусульманским миром⁴². В традиционной чувашской религии много мотивов и представлений мусульманского происхождения, часть которых восходит и к домонгольской эпохе⁴³. Все это позволяет говорить о том, что предки современных чувашей соприкасались с мусульманской цивилизацией задолго до образования Казанского ханства и тесного общения с его официальной властью.

В конфессиональном сознании народов Поволжья всегда существовало двоеверие, в особенности среди крестьянского сословия. Например, крещеные татары (*керэшен*) в XIX в. разделялись, по сообщению И. Софий-

ского, на три разряда: 1) *чиста, таза* или *чий керэшен*; 2) *кара керэшен* и 3) *ак керэшен*⁴⁴. Первые «меньше других своих единоплеменников подвергались изменению в религиозно-нравственном состоянии, более других сохранили у себя чистых языческих верований. Это — татарин крещеный, но не просвещенный, не наученный вполне истинам новой религии, не бывший прежней религии, не оставивший языческих обрядов и суеверий»⁴⁵. Отсюда видно, что до крещения они являлись язычниками. Вторые характеризуются сравнительно большею преданностью христианской вере, а третьи — исламу. В терминологии отражен рейтинг трех конфессий, из которых самую высокую оценку получает ислам, затем — язычество. Презрительное отношение к христианам объясняется их потерей своей первоначальной (чистой) веры.

О конфессиональной ситуации в Волжской Булгарии в первой трети XIII в. можно догадаться из неординарного события, происшедшего в ее столице в 1229 г.: один из болгарских купцов-мусульман перешел в православие и стал публично выступать против своей бывшей религии. Данный исторический факт известен из сохранившегося «Жития св. мученика Авраамия, мученика Булгарского», изданного в 1874 г. в переводе с русского на чувашский язык. «Авраамий восхотел быть проповедником учения Христова между ними, — сообщает автор биографии Авраамия Булгарского, — во время ярмарки в городе Булгаре, когда стеклось туда множество народа, он вдруг, вместо обычного занятия торговлею, начинает всенародно благовестить согражданам своим Господа Иисуса Христа и убеждать их сделаться, подобно ему, христианами. Изумлены были болгары неожиданною проповедью дерзновенного исповедника Христова, считали его за помешанного. Они старались его самого отвратить от Христова веры, а потом, когда он мужественно отверг все льстивые речи и угрозы нечестивцев и объяснил, что готов умереть за исповедуемого Христа Иисуса, предали жестоким мукам и много дней томили его, принуждая отречься от св. веры. <...> Видя непреклонность Авраамия в св. вере, изуверы предали его казни: отсекали ему ноги, руки и голову. Это было 1 апреля 1229 года»⁴⁶.

Булгарский город на правобережье Волги и центр отдельного княжества (рус. *Ошель*, тат. *Ашлы*, чув. *Эшлӗ*) был сожжен русским князем Святославом в 1220 г. Через девять лет, вскоре после публичной казни Авраамия в Великом городе (Биляре) начался грандиозный пожар, и в течение нескольких дней выгорел почти весь город. Если с запада и севера угрожали русские князья и ушкуйники-христиане, то с востока и юга к болгарам пробирались монголы-язычники (1223, 1232). На этом фоне слухи, распространенные в народе (они услышаны и зафиксированы венгерским монахом Юлианом в 1236 г.), могут быть весьма достоверными, поэтому позволяют восстановить психологическое состояние болгар перед нашествием монгольских орд. В тот период этническое сознание болгар значительно продвинулось в сторону конфессионального сознания: у одних оно резко обострило их религиозные чувства, у других, наоборот, появились большие со-

мнения в истинности своей веры. Такая ситуация могла создаваться лишь в условиях наличия конкуренции между конфессиями в разных социальных слоях общества. Например, Авраамий как купец был заинтересован в общении с Владимирским княжеством, интересы других купцов были направлены на мусульманский Восток. Большая часть болгарских крестьян, живущих по традиционному земледельческому обрядовому календарю (он сохранялся у чувашей и кряшен, как уже было отмечено, вплоть до XX в.) являлись если не чистыми приверженцами народной веры, то, во всяком случае, двоеверцами.

Периодом смены былого самоназвания болгар (*bülär*) следует считать вторую половину XIV — первую четверть XV в., когда в результате природных катаклизмов и состояния смуты в Улусе Джучи произошла массовая миграция как болгар, так и кыпчаков-золотоордынцев в более спокойные и безопасные районы государства. Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов считают, что одной из главных причин упадка Улуса Джучи являются наступившие во второй половине XIV в. природные катаклизмы: усыхание степной зоны, уменьшение количества выпадавших осадков, повышение уровня Каспийского моря и т.д.⁴⁷ Распространение эпидемии бубонной чумы в середине этого века, а также разрушение болгарских городов в 1361 г. и нашествие золотоордынских мигрантов стали основными причинами исчезновения основной части болгарской городской знати; вместе с ней из сферы письменной культуры постепенно вытеснился исконный огуро-болгарский язык (г-язык). Тогда же бывшее общеполгарское этническое самосознание (*bülär*) трансформировалось в сторону конфессиональной идентичности этносоциальных групп. В подобном процессе инициативу всегда проявляла этническая элита, навязывающая новое сознание социальным низам общества. Именно с вышеописанными процессами следует связать формирование этнического сознания чувашского народа, так называемых «худых болгар» из «Казанской истории» неизвестного автора.

Аналогичные этногенетические процессы в тот период проходили во всем евразийском пространстве, в том числе на Руси. В результате распада Улуса Джучи в отдельных его областях постепенно формируются новые этносы, этническое сознание которых отражает либо названия господствующей элиты, хана (Чагатай, Узбек, Ногай), либо названия местности, города (казанцы, крымцы), при этом «почти все они сохраняют макроэтноним “татар”»⁴⁸.

Попутно необходимо внести в теорию этноса Л.Н. Гумилева некоторые коррективы. Как известно, полным циклом функционирования любого этноса известный ученый считает 1200 лет. Но продолжительность функционирования этноса волжских болгар размещается, как мы увидели, примерно в рамки шести веков (ровно половина гумилевского 1200-летнего цикла). Данное своеобразие следует объяснить особенностью евразийской степи и лесостепи⁴⁹. Как известно, данная территория континента весьма чувствительна к изменениям климата: их территории постоянно смещались

и смещаются то к северу, то к югу попеременно. На основе вышеперечисленных методологических предпосылок можно объяснить этногенетические процессы и потомков волжских булгар — казанских татар и чувашей, которые начиная с XV в. составляли две конфессиональные группы поволжских тюрков: мусульман и приверженцев народной религии (так называемых «язычников»). Эти группы образовались у волжских булгар еще в X в., когда они официально приняли ислам в 922 г.

Следует возвратиться к проблеме изменения в Улусе Джучи этнического сознания населения (суперэтнуса). В данный период феодальные раздоры золотоордынских ханов стали сопровождаться обвинениями в адрес своих врагов в отступлении от веры, требований ислама. Например, о второй половине XIV в. татарский писатель Хюсам-эд-дин Булгарский (XVI в.) писал так: «И наши булгары славились своим развратом. Ученые законными уловками разрешали брать проценты, а равно много было грехов прелюбодеяния и смертоубийства; по причине же пьянства оставили джуму, оставили обряды, употребляемые после пятикратных молитв; считали дозволенным пить бузу и пиво, говоря, что нет у нас мисра, оставили сборное моление, порицали имама Шафи, говоря, что его слова — пустословие; также оставили аид (духовные праздники): стали весьма грешны противу всевышнего бога»⁵⁰. Как сообщает татарский писатель далее, Аксак-Тимур (Булгар был разрушен Пулат-Тимуром в 1361 г.) полностью разрушил г. Булгар, повесил 36 ученых, а уцелевший народ приказал разогнать в разные стороны, наказав, чтобы они там не обитали⁵¹. Булгар обвинили, что они джуму не исполняли прежде всего в селах. По искреннему признанию самого автора сочинения, булгары действительно были не сведущи в сунне.

Если задуматься над проблемой возникновения и исчезновения эпиграфических памятников в Волжской Булгарии конца XIII — первой половины XIV в., то возникает ряд логических вопросов, которые требуют исторического обоснования и объяснения. Например, таким путем Д.М. Исхаков и И.Л. Измайлов (они ссылаются на сочинение Ю. Шамильоглу) приходят к мысли о наличии тесной связи между исчезновением *r*-язычных эпиграфических памятников и исчезновением городской булгарской знати с глубокими этнокультурными корнями⁵². Закономерным продолжением вышеизложенного предположения является допущение, что новая булгарская знать, заменившая старую, уже пользовалась небулгарским (*z*-языком), то есть кыпчакским языком.

В связи с языковой ситуацией в Булгарском улусе Золотой Орды в конце XIII — начале XIV в. следует опять возвратиться к эпиграфическим памятникам этого времени. Самые первые датированные памятники, приведенные в вышеназванных сочинениях Ф.С. Хакимзянова, написаны как на *z*-, так и на *r*-языках. На первом памятнике (12..?) место погребения имеет название *zijařät*, а на втором (1299) — его измененную форму *zerät*. Начиная с 1311 по 1357 г. все датированные памятники со словом *zijařät* на-

писаны на огузо-кыпчакском языке (таких памятников всего десять, в остальных *z*-язычных текстах даты не поставлены), кроме трех болгароязычных памятников (они имеют следующие даты: 1346 и 1349 гг.). Основная часть *r*-язычных текстов содержит лексему *bälük* (35 памятников). Кроме того, три текста, относящиеся к *z*-языку, содержат более древнюю форму *belgi*⁵³.

Итак, выявленные особенности текстов болгарских надгробных памятников позволяют выдвинуть следующие предположения: 1. Традиция установки памятников становилась одновременно на *z*- и *r*-языках. 2. Слова, означающие понятие «могила», на первом языке писали в строго соответствующей арабо-мусульманской стилистике (в точной к арабскому оригиналу форме), чем на втором (*zerät*). 2. Исконно болгарской традицией является использование древнеболгарского слова, первоначально означавшего понятия «знак, метка» (*bälük*). Данное древнеболгарское слово проникло в венгерский язык в форме *bélyeg* «марка, знак», «метка», «тавро», «клеймо»⁵⁴.

Доказательством вышеприведенным предположениям служит и такой факт: Ф.С. Хакимзянов удачно заметил и подтвердил, что два памятника, сохранившиеся на кладбище современного с. Иски-Рязяп Куйбышевского района Татарстана принадлежат отцу (Анбала сына, Хасану) и его сыну (Амбала сына, Хасана, сына хаджи Бу)⁵⁵. На могиле отца (он умер в 1345 г.) поставлен памятник с текстом на чистом *z*-языке и со словом *zïjarüt*. Дата смерти сына неизвестна (он мог быть моложе отца на 20—30 лет), его эпитафий написан на *r*-языке и со словом *bälük*. Это древнеболгарское слово к тому времени обрело совершенно новое значение — «памятник». Идентичное же содержание придает ему Ф.С. Хакимзянов. Как известно, в чувашском языке в таком значении оно существует по настоящее время (*nalăk* < *bälük*).

Возвращаясь к языкам текстов на могилах отца и сына, исследователям следует задуматься над следующим вопросом: почему мастера (или члены семьи) первому (отцу) предпочли *z*-язык, а второму (сыну) — *r*-язык? Очевидно, выбор языка эпитафий зависел от языковой установки как в семье, так и обществе того времени. Обычно язык семьи меняется в результате отрыва от своей традиционной среды обитания, поэтому Хасана следует отнести к мигранту первого или же второго поколения (по всей видимости, он вместе с родителями мигрировал в Булгарский улус из кыпчакских степей). Его сын, будучи мигрантом уже последующих (второго или третьего) поколений, успешно освоил язык и традиции своей среды, то есть он полностью обулгаризировался. Данный факт относится не к чисто этническим, а к социокультурным явлениям болгарского общества в условиях существования супергосударства Улуса Джучи. Итак, в интерпретации возникновения и функционирования эпитафических памятников на могилах умерших из ряда точек зрения наиболее приближена к истине позиция Н.И. Егорова: данная традиция в болгарскую среду проникла через миг-

рантов-мусульман с южных и восточных улусов Золотой Орды. Именно эти мигранты-кыпчаки способствовали формированию нового этнического сознания *бесермен*⁵⁶.

Как показывают исследования чувашских ученых последних лет, в золотоордынский период (вторая треть XIII — первая четверть XV в.) болгарское городское население, дифференцируясь в мусульманской среде (в отличие от военного сословия Улуса Джучи *tatar*), называло себя этноконфессионалистом *besermen* (< *musliman*). По такому же принципу горожане идентифицировали своих единоплеменников-земледельцев конфессионалистом *s'ivas'*, что означало «язычник», «проводящий обряд *s'iva*» (< др.-тюрк. *jog + aq*)⁵⁷. Следует полагать, что в состав *besermen* вошли и пришлые кыпчаки (переход *l* в *r* в середине данного этнонима, как известно, широко распространен в среднеазиатских тюркских языках, включая туркменский).

Выявленные особенности эпиграфических текстов позволяют предположить, что инициатором разделения этнического сознания болгар была их мусульманская элита. Именно она возвышала культ святых и синтезировала его с культом предков (этапы смещения первоначальной семантики *zijařät* таковы: «посещение, визит, паломничество» > «посещение могилы» > «могила, место посещения»)⁵⁸. Своих единоплеменников, придерживающихся народного варианта ислама, которые на могилах умерших с древних эпох ставили *bälük*, они назвали конфессионалистом *s'ivas'*, что означало, как уже было отмечено, «проводящий языческий обряд поминовения предков».

Более подробно следует остановиться на проблеме складывания нового этнического сознания у отдельных социально-конфессиональных групп былого болгарского этноса, прежде всего так называемых «худых болгар». Если смотреть на этногенетические процессы болгар с точки зрения «внутриэтнического конфликта», который необходим для нормального функционирования любого этноса, следует обратиться к характеру взаимодействия между различными группами русского этноса. В таком суперэтническом образовании, как Российская империя, внутренний конфликт созрел, как считает С.В. Лурье, вокруг образа правителя (царя). Модель взаимодействия внутриэтнических групп в русском обществе (с одной стороны — государство, а с другой — община) была унаследована, следует думать, от сложившихся еще в Золотой Орде государственно-правовых традиций. Но взаимоотношения русских княжеств с ханами Улуса Джучи были несколько иными, чем, например, у народов Поволжья. Если у первых была сохранена высшая национальная элита (княжеское сословие и духовенство) с ее автономными правами, то у вторых управляли ханские феодалы (князья и мурзы), которые для местного населения являлись иноверцами, собирающими дань (*хырăç* «иноверческая подать в мусульманских государствах»). Князья и мурзы чувашского происхождения, вынужденные принять официальную религию Золотой Орды и Казанского ханства, со временем полностью отатарились (перешли на золотоордынско-кыпчакский

язык и культуру). В русских исторических документах они известны как горные служилые татары. От имени своих народов из местного покоренного населения выступали прежде всего сотные (*сёрпу*) и десятные (*вунлұ*) и тарханы, которые нередко исполняли функции и старейшины (руководителя общины), и языческого жреца (*мъчавър*). Именно они могли реально стать во главе народно-крестьянской оппозиции к власти.

Характер внутриэтнического конфликта в таких суперэтнических сообществах, как Золотая Орда и Казанское ханство, определялся следующими факторами: адаптационной потребностью оппозиционных этносоциальных групп (социальной элиты государств и крестьянских родоплеменных общин), их потребностью в выражении основных смыслов своих этнокультурных и конфессиональных особенностей.

Смешение мусульманско-городской части болгар (она представляла болгарскую элиту) с пришлыми кыпчаками-золотоордынцами (в их состав входил, очевидно, ряд городских сословий) способствовало сложению у другой (общинно-крестьянской) группы болгар самостоятельного этнического сознания (крестьянские общины, как известно, всегда стремились быть автономной самодостаточной целостностью). В результате подобного изменения конфессиональное сознание трансформировалось в этническое, но сохранив при этом былое противопоставление. Именно по этой причине чуваша, принимая ислам, сразу стали называть себя «татарами», прежде всего подразумевая их религию.

Завершая статью об эволюции этнического сознания волжских болгар, считаем необходимым сформулировать следующие основные выводы.

1. Сувары и барсилы вместе с беленджерами представляли наиболее оседлую часть населения Волжской Булгарии. Булгары и эсегели как по образу жизни (полуоседлые), так и по типу культуры были несколько иными, чем суваро-барсилы с Северного Кавказа.

2. В болгарскую эпоху (IX — первая треть XIII в.) в Поволжье формировался и развивался средневековый болгарский этнос с эндоэтнонимом-соционимом *bülär/pülär* и экзоэтнонимом-политонимом *булгар*.

3. В конце XIII в. отдельные группы огузо-кыпчаков начали проникать в болгарскую среду часть которых оставили эпиграфические памятники на своем родном и болгарском языках. В дальнейшем они смешались с булгарами-горожанами и стали идентифицировать себя эндоконфессонимом *бесермен*, а золотоордынцы-нукеры — соционимом *татар*. Инициатором разделения этнического сознания болгар была их мусульманская элита. Именно она возвышала культ святых и пыталась синтезировать его с культом предков. Своих единоплеменников, придерживающихся народного варианта ислама, которые на могилах умерших с древних эпох ставили *bälük*, они называли конфессонимом *s'uväs'*, что означало «совершающий языческий обряд поминовения предков».

4. В первой половине XIV в. стали возрождаться бывшие племенные этнонимы в статусе названий отдельных общин и территорий. Конфессио-

нальное сознание булгар обострилось перед началом золотоордынской эпохи и вскоре стало главной причиной сложения двух этносов: болгароязычных чувашей-язычников и кыпчакоязычных татар-мусульман. У чувашей-язычников конфессиональное сознание трансформировалось в этническое, но сохранив при этом былое противопоставление. Здесь немалую роль играл и социальный фактор, так как основную часть язычников составляли крестьяне, а мусульман — служилые люди и городское население. Лишь в период Казанского ханства в состав татарского крестьянства влились принявшие ислам предки современных чувашей, удмуртов и марийцев.

Литература, источники и примечания

¹ Измайлов И.Л. Средневековые булгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность // История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. 2: Волжская Булгария и Великая степь. Казань: РухИЛ, 2006. С. 631—649.

² Там же. С. 631.

³ Лурье С.В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. М.: Академ. Проект: Гаудеамус, 2004. С. 59.

⁴ Родионов В.Г. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. С. 162—173.

⁵ Лурье С.В. Указ. соч. С. 603. В выборе ценностной ориентации этноса, как полагает автор, большую роль играет внешнее окружение (с. 604).

⁶ Там же.

⁷ Измайлов И. Указ. соч. С. 632.

⁸ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1969. С. 91.

⁹ Родионов В.Г. Указ. соч. С. 122—124.

¹⁰ Измайлов И. Указ. соч. С. 124.

¹¹ Валеев Р. Денежно-весовая система // История татар с древнейших времен. Т. 2. С. 297.

¹² Мухамадиев А. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. С. 155.

¹³ В редакционных примечаниях к тексту перевода А.П. Ковалевского по неизвестной причине ошибка переписчика рукописи Ибн Фадлана (*суван* вместо *сувар*) не объяснена, что легко может привести неосведомленного читателя к так называемой теории «суварского происхождения чувашей». Название *сувар* никакого отношения не имеет к этнониму *чăваш* (< *çăvasç*) (подробнее см.: Родионов В.Г. К проблеме реконструкции чувашского обрядового комплекса *су* // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары. 2007/2008. № 3. С. 53—62). Такая тенденциозность, скрытое навязывание ненаучных теорий происхождения чувашей и их языка наблюдается в статьях ряда авторов семитомной «Истории татар».

¹⁴ Гадло А.В. Этническая общность барсилы // Историческая этнография: традиции и современность. Межвузовский сборник. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 79—91. Об этнической близости барсилы к суварам и постоянном их соседстве автор пишет следующее: «И, видимо, не случайно после образования Хазарского каганата осколки барсилы (берсула) и савиров (сувар) оказались на Средней Волге, где составили часть волжско-булгарской конфедерации» (с. 84). Как считает А.В. Гадло, барсилы в период борьбы гуннского объединения с аланами включили в свой состав отдельные родовые подразделения алано-сарматского круга и испытывали на себе их влияние (с. 87).

¹⁵ Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата (по материалам археологических исследований и письменным данным). М.: Наука, 1983. С. 121.

¹⁶ Москаленко А.Н. Славяне на Дону. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. С. 103. Мусульманский титул (эмир) указывает на нижнюю дату чеканки монеты — не ранее вре-

мени официального принятия булгарами ислама (921/922), а С.А. Янина полагает, что клад был зарыт не позднее середины X в. Из этого можно предположить, что монета эмира барсил была чеканена между этими датами.

¹⁷ История татар с древнейших времен. Т. II. С. 731. В редакционном примечании к тексту перевода А.П. Ковалевского читаем следующее: «Ас-сакалиба не совсем ясный для этого времени этноним, который мог обозначать и славян, и финно-угров. В понятие “ас-сакалиба” арабские путешественники и географы вкладывали разное содержание. Например, в противовес “ат-турк” тюркские народы, “ас-сакалиба” может означать нетюркские народы, в том числе и славян; или “ас-сакалиба” — народ, населяющий леса, в отличие от народов, населявших степь» (с. 726). В другом примечании читаем: «Ибн Фадлан называет “царя” болгар “царем ас-сакалиба”, что свидетельствует о его влиянии и на соседние с Булгаром северные народы, а это придавало большее значение посольству, отправленному к болгарскому правителю» (с. 717). Раннебулгарское государство фактически образовалось на основе симбиоза пришлых булгаро-суварских племен и местных (финно-угорских) этнических сообществ.

¹⁸ Там же. С. 736.

¹⁹ Там же. С. 737.

²⁰ *Генинг В.Ф., Халиков А.Х.* Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник). М.: Наука, 1964. С. 120. Арабский географ Ибн Русте локализует «страну Аскал, которая относится к Булгарам», между печенегами и маджарами (предками венгров). Печенежские земли в то время простирались примерно от середины большой излучины Дона до нынешнего Криворожья [Ибн Русте. *Китаб ал-а'лак ан-нафиса Книга драгоценных ожерелий*] // История татар с древнейших времен. Т. 2. С. 703].

²¹ В этом плане большой интерес представляют Большетарханский могильник I и II (VIII—IX вв.), расположенный на правом высоком берегу Волги выше г. Ульяновска, и Богдашкинское городище, нижний горизонт культурных отложений которого исследователи датируют X—XI вв., а верхний горизонт — с четкими следами пожара в первой трети XIII в. (История татар с древнейших времен. Т. II. С. 196). На этом месте до 1236 г. функционировал г. Ошель (Ашлы), глубоко пострадавший от похода Владимиро-Суздальского князя Святослава в 1220 г. Остатки языческого могильника Богдашкинского городища по обряду захоронения очень близки к ближайшим Большетарханскому и Тетюшскому могильникам (там же).

²² *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1877. С. 57. Здесь, следует полагать, образ мифического крылатого барса (булг. *бури) загрязнился с образом белого дракона (*Шаркань*), типичного для булгарских племен (см.: *Родионов В.Г.* Указ. соч. С. 43—51).

²³ Чувашский вариант названия булгарского города на правобережье Волги сохранилось в ойкониме *Ашял* (первичное название чувашской д. Альшеево, что на левом притоке Свяги, недалеко от Богдашкинского городища): *Асху(м)* «название племени, рода» + *ял* «страна, род, община» > *Эшел* > *Эшел*. Подробнее см.: *Родионов В.Г.* «Записка» («Рисала») Ибн Фадлана и особенности раннего этапа формирования волжских булгар // Вестник Чуваш. ун-та. 2022. № 2. С. 103.

²⁴ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский языкооснова. Картина мира пратюркского этноса по данному языку. М.: Наука, 2006. С. 216.

²⁵ *Мехаммедиев Эзьэр.* Борынгы хазар ыәм болгар-татар акчалары. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1986. Б. 80.

²⁶ История татар с древнейших времен. Т. II. С. 163.

²⁷ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153) // История татар с древнейших времен. Т. 2. С. 781.

²⁸ Древнетюркский словарь. С. 98, 175.

²⁹ *Родионов В.Г.* Указ. соч. С. 120—131.

³⁰ *Хакимзянов Ф.С.* Новые булгарские эпиграфические памятники из Закамья // Чувашский язык: история и этимология: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 44; *Его же.* Язык эпитафий волжских булгар. М.: Наука, 1978. С. 126.

- ³¹ *Хакимянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар. С. 22.
- ³² *Хакимянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. М.: Наука, 1987. С. 7.
- ³³ *Ковалевский А.П.* Чуваши и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1954. С. 14. Фактически в оригинале рукописи должно быть название племени сувар, в такой же форме написанное на монетах, чеканенных в г. Сувар.
- ³⁴ *Федотов М.Р.* Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. Ч. 2. 214 с.; *Тараканов И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке // Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.
- ³⁵ *Рыбаков Б.А.* Язычество в Древней Руси. М.: Наука, 1987. С. 773.
- ³⁶ Там же. С. 774.
- ³⁷ *Валеева Д.К.* Искусство домонгольской Волжской Булгарии X — нач. XIII вв.: дисс. ... канд. искусствоведения. М., 1981. С. 37.
- ³⁸ *Родионов В.Г.* О системе чувашских языческих обрядов // *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 106—182.
- ³⁹ Многие тюркские народы, переходя от кочевничества к земледелию, восприняли иранский календарь с началом нового года в день весеннего равноденствия (ноуруз). Предки чувашей в этот день отмечали *калӓм кун* «день [обряда] *калӓм*». Слово *калӓм* (< византийское *kalende*) в древнебулгарский язык проникло, по утверждению лингвистов, в эпоху проживания предков чувашей на Северном Кавказе.
- ⁴⁰ За несколько дней до христианской Пасхи (в четверг на страстной неделе) чувашаи проводили обряд *калӓм кунӗ* (с принятием христианства он передвинулся к православной Пасхе), а в четверг перед Троицей — *Симӗк* (он до христианизации имел название *сӓва* «обряд поминовения предков вблизи кладбищ» и проводился в месяце *су*, совпадающих со второй половиной мая и первой половиной июня). Чувашаи-христиане в Петровку обязательно варили *шӓрпе* из молодой баранины, отсюда можно догадаться, что данный обряд остался от языческих летних жертвоприношений *уй чӓкӗ* «полевое жертвоприношение». Аналогичный обряд предков татар преобразился в *курбан байрам*. Подробнее см.: *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 109—137; *Его же.* Чувашский этнос. С. 110—120.
- ⁴¹ Известия Юлиана о венграх, булгарах и татарах // История татар с древнейших времен. Т. 2. С. 887. Булгарию он называет «языческим царством», это, конечно, не соответствует действительности. Можно лишь полагать, что автор здесь подразумевает не официальную религию, а реальную обрядовую жизнь простых граждан страны, которые, считаясь мусульманами, на практике придерживались ранних традиций предков.
- ⁴² К заимствованиям дозолотоордынского периода относят такие арабизмы и фарсизмы, как *эрне* «неделя», «пятница», *мыскара* «забава», «шутка», «потеха», *хыпар* «известие», *хырса* «подать», *хысна* «казна» и т.п. См.: Современный чувашский литературный язык. Т. I. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990. С. 136—141.
- ⁴³ *Егоров Н.И.* Указ. соч. С. 174.
- ⁴⁴ *Софийский И.* О киреметях крещеных татар Казанского края // Известия по Казанской епархии за 1877 год. Казань, 1877. С. 687.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ *Золотицкий Н.И.* Избранные труды: статьи, лингвистические исследования, словари, письма, отчеты, разные документы / сост. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 138—139.
- ⁴⁷ *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Образование Золотой Орды и формирование средневекового татарского этноса (XIII — первая четверть XV в.) // Татары. М.: Наука, 2001. С. 97—98.
- ⁴⁸ Там же. С. 95.
- ⁴⁹ Об этом подробнее см.: *Родионов В.Г.* Чӓваш этносӗн аталану тапхӓрӗсем // *Сӓмах / Слово*: 1993. Шупашкар: ЧГТИ, 1994. С. 3—19; *Его же.* Новые подходы к изучению этносов

и их культур // *Родионов В.Г.* Этнос. Культура. Слово. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. С. 237—246.

⁵⁰ Из «Булгарских повествований» Хюсам-Эддина Булгарского // История Татарии в документах и материалах. М.: Наука, 1937. С. 42.

⁵¹ Там же. С. 43.

⁵² *Исхаков Д.М., Измайлов И.Л.* Указ. соч. С. 98.

⁵³ Ср.: др.-тюрк. *belgü* «(при)знак, примета» (Древнетюркский словарь. С. 93).

⁵⁴ *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. Т. 1. С. 382—383.

⁵⁵ *Хакимзянов Ф.С.* Эпиграфические памятники Волжской Булгарии и их язык. С. 5—6.

⁵⁶ *Егоров Н.И.* Указ. соч. С. 175.

⁵⁷ *Родионов В.Г.* К проблеме реконструкции чувашского обрядового комплекса *су*.

⁵⁸ *Хакимзянов Ф.С.* Язык эпитафий волжских булгар. С. 83.

V.G. Rodionov

EVOLUTION ETHNIC IDENTITY VOLGA BULGARS (X—XIV CENTURIES)

The author of the article reconstructs the dynamics of the development of the ethnic consciousness of the Volga Bulgars of the X—XIV centuries. She went through several stages of identification. The self-designation «Bulgar» changed from a tribal name, a politonym and a socionym to the con-fessional endo-ethnonyms Beserman and Chuvash.

Keywords: identification, Volga Bulgars, mentality, linguistic consciousness, Islam and paganism.

УДК 391(=512.111)(=512.145)

**СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ
ЧУВАШЕЙ
И ТАТАР**

ЧГВ, 2022 г., № 17

© Н.И. Захарова-Кульева

В данной статье на основе архивных документов, предметов, хранящихся в фондах Чувашского национального музея, электронного Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, рассмотрены параллели в традиционной верхней одежде чувашей и татар. Также проанализированы труды татарских и чувашских этнографов, историков, культурологов, искусствоведов, а также лингвистов. Анализ источников и литературы показал, что больше всего аналогий встречается в верхней одежде чувашей и периферийных групп татар-кряшен и мишарей, сохранивших черты более древних традиций. Костюм казанских татар в значительной степени трансформировался под воздействием мусульманской культуры.

Ключевые слова: чувашаи, татары-кряшены, татары-мишари, верхняя одежда, межэтническое взаимодействие.

Традиционная народная одежда любого народа, формировавшаяся на протяжении многих столетий, является одним из устойчивых артефактов материальной культуры. Несмотря на то, что музейные фонды располагают самыми ранними предметами, датированными лишь XVIII в., в костюме замечаются более архаичные детали, сохранившиеся в покрое, орнаменте и украшениях. Сравнительно-сопоставительный анализ деталей одежды с аналогичными вещами других контактировавших народов дает более четкую картину для дальнейшего исследования.

У каждого народа скомплектован свой костюм на основе его истории, культуры и вероисповедания. На формирование ансамбля костюма оказывали влияние этносы, с которыми приходилось контактировать. Среднее Поволжье являет собой регион, где пересекались разные культуры и языки. Длительное взаимодействие тюркских и финно-угорских народов на данной территории способствовало формированию неповторимого обли-

---

Наталья Ивановна Захарова-Кульева — старший научный сотрудник Музея чувашской вышивки, структурного подразделения Чувашского национального музея; e-mail: nataliya_z@mail.ru.

ка в их национальных костюмах. На сегодняшний день накоплено значительное количество материалов, содержащих свидетельства о параллелях в их материальной культуре¹, музыке и стихосложении², языке³, мифологии и обрядах⁴, этнической идентичности⁵. В ряде публикаций нашли отражение материалы сравнения отдельных деталей одежды. Например, Н.И. Гаген-Торн при рассмотрении рубах сасовских мишарей Рязанской области отметила сходство с чувашской рубашкой из с. Старые Чукалы Шемуршинского района Чувашии. Она писала: «Как и в мишарской рубашке, продольные швы покрыты не красной полосой ткани, а прошивкой, плетеной из красных с белым ниток»⁶. В.П. Иванов в статье, посвященной чувашско-татарским этнокультурным параллелям, указал общие черты в костюмах соседствующих народов. Он считает, что в XVIII в. татары, как и чувашаи, подпоясывали белые рубахи. У обоих народов были однотипные головные уборы (*тастар* — *сурпан*; *такья* — *тухья*; *кашнау* — *хушту*). В.П. Иванов делает вывод, что «многие древнейшие элементы хозяйства и быта оказались законсервированными в традиционной культуре именно крещеных татар»⁷. Характеризуя этнографическую литературу, мы констатируем, что параллели в традиционной одежде чувашей и татар не становились предметом специального исследования. В связи с этим считаем, что выбранная нами тема актуальна и представляет значительный научный и практический интерес.

В качестве источников для написания данной статьи послужили фондовые предметы Чувашского национального музея (далее ЧНМ), Национального музея Республики Татарстан, электронного Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации и архивные документы. Также нами привлечены труды татарских и чувашских этнографов, историков, лингвистов.

В традиционной одежде чувашей и татар параллели наблюдаются во всех типах и видах традиционной одежды. Однако в объеме одной статьи их невозможно разместить, поэтому ограничимся рассмотрением параллелей в верхней одежде. Она связана с хозяйственно-культурными типами и климатическими условиями, в которых проживают народы. Быт чувашей больше связан с земледелием, соответственно сырьем для изготовления теплой одежды служили продукты животноводства и технические растения. Зимняя одежда готовилась из шерсти и шкуры; осенняя и весенняя — из шерстяного сукна, летняя — из холста.

Понятие «верхняя одежда» чувашаи передают словами *тум* / *том* / *тумтир*. Подобная формулировка характерна для большинства тюркских народов, в том числе и татар⁸. Кроме того, оба народа эти слова используют для обозначения теплой зимней шубы. Они присутствуют в сочетании с другими названиями одежды. Соответственно, с их помощью передавали характерные особенности покроя, расцветки и оформления. Оба народа шили зимние шубы из овчины мехом вовнутрь.

Подготовка сырья и шитье верхней одежды требовали особых знаний, умений и навыков. Данным ремеслом занимались отдельные люди, в этом

деле набившие руки. По архивным источникам, в каждой деревне таких мастеров было один или два человека. Если их вовсе не было, то в такое село к кому-нибудь пускали домой портного, который обшивал всю деревню. В 1928 г. корреспонденты Н.В. Никольскому сообщили, что «всю верхнюю одежду шьют: нижнюю дома иглой, а верхнюю почти всю отдают шить портным. <...> Любимые цвета верхней одежды черный, коричневый, желтый и синий»⁹.

Судя по фотографиям, сохранившимся в фондах ЧНМ, и письменным источникам, чувашские женщины в конце XIX — начале XX в. чаще всего носили шубы с отрезной спиной и присборенной нижней частью на уровне талии (ЧКМ 5095, ЧКМ 9053). О верхней одежде чувашских женщин А.Н. Львова написала, что «женские шубы шились — бедные из 6—7 овчин, а богатые — из 9. Лучшим подарком девушке-невесте в недавнем прошлом была шуба из девяти черных овчин. Боров в таких шубах делали много, в особенно богатых до 90 штук. Поэтому женские шубы ниже талии были очень пышными. Воротник у шубы делался обычно стоячий, застежка правой полрой на крючках. Карманы у женских шуб делались не всегда. Довольно часто полы и воротник, реже рукава и карманы богатых шуб обшивали мехом, из которых любимыми были тюлений и котиковый. Обшивали шубы также, хотя и редко, лентами, цветной тесьмой и покрывали строчкой»¹⁰. В фондах ЧНМ хранятся фотографии из экспедиции музейных сотрудников в д. Новое Изамбаево Комсомольского района в 1949 г., на которых запечатлены мужские дубленки с борами на талии спереди и сзади (ЧКМ 5086, ЧКМ 9053, рис. 2б, в).

Аналогичные шубы с пышной нижней частью встречались среди женщин татар-кряшен. Ю.Г. Мухаметшин в своей монографии о данной этнографической группе татар отмечает, что «широкое распространение имели шубы с отрезной спинкой с борами (*бөрмәле тун*), которые шились без воротника или с низким стоячим воротником»¹¹.

Нужно отметить, что среди татар больше всего была распространена прямоспинная верхняя одежда. Это отмечают многие исследователи. По наблюдениям Р.Г. Мухамедовой, татары носили «шубы с прямой спинкой (*туры тун, намах туны*) — прямоспинная шуба из овчины, длиною до колен, со стоячим воротом и с длинными рукавами. Ворот, пола и подол иногда оторачивались мехом»¹². Таким же образом украшали края полов дубленок и чуваша. Более мастеровитые отделявали их вышивкой, выделяя правый угол подола особым орнаментом.

Тăлăп — толып

В зимнюю стужу чуваша носили длинную распашную меховую одежду *тăлăп* (рис. 1а, б). Ее покрой был прямоспинный, длинные полы и спина выкраивались из цельных кусков овчины. Мужские тулупы от женских отличались большим шалевым воротом, который при поднятии наверх покрывал голову до макушки. Чуваша говорили: «*Тăлăп сұхаллă нултăр, сұрт*

tăřăllă pultăř»¹³. (Пусть тулуп будет с воротом, а дом — с крышей.) Ибо в зимнюю стужу можно было замерзнуть. Среди чувашского населения тулупы были распространены повсеместно. Они были двух цветов: *sară tălăp* (тулуп желтой дубки)¹⁴ и *xura tălăp* (тулуп черной дубки)¹⁵. По архивным и фольклорным источникам, тулупы отличались и материалом, которым их покрывали: *постав tălăp*¹⁶ (т.е. тулуп, обшитый с лицевой стороны черным сукном). Вполне возможно, что для изготовления тулупов использовали и шкуры диких животных. В чувашских народных песнях упоминаются словосочетания, в которых отражается, из чьей шкуры шили тулуп. Например: *кашкăр тир(ĕ) tălăpĕ* (волчий тулуп)¹⁷; *сăсар тир(ĕ) tălăpĕ* (куний тулуп)¹⁸; *тилĕ tălăpĕ* (лисий тулуп)¹⁹.

В архивных папках Н.В. Никольского, присланных его корреспондентом В. Никифоровым в 1902 г., записано: «Когда зовут в гости, то сверх шубы надевают тулуп (тăлăп), если тулука нет, то — чапан (чаппан) из своего сукна»²⁰. Тулупы надевали в дорогу поверх другой верхней зимней одежды. А.Н. Львова, автор главы «Одежда» книги «Чуваши», сообщает: «Тулупы имели только одну застежку у основания воротника и в дороге подпоясывались кушаком или просто глубоко запахивались»²¹.

Такие же длинные меховые тулупы с большим шалевым воротником повсеместно носили татары. Этнографы не раз отмечали схожесть данного вида меховой одежды с тулупами русских и других народов²². Татары, как и чувашаи, надевали их «в дорогу поверх бешмета или шубы»²³.

Их происхождение в costume чувашей до конца не выяснено. Название однозначно тюркского происхождения. М.Р. Федотов в своем словаре отметил его как заимствование из русского языка, как у чувашей, так и у татар²⁴. Г.В. Судаков считает, что в русский язык и быт он попал от тюрков в конце XVI в.²⁵

Кĕрĕк — чоба

В зимнем costume чувашей бытовала еще одна меховая одежда — *кĕрĕк*, которую, как и *tălăp*, делали из овчины. Ее шили из дубленой овчины мехом вовнутрь, носили и женщины, и мужчины (рис. 2). Женские дубленки изготовляли из более светлой овчины, они назывались *sar kĕrĕk*²⁶ / *sar tunkă kĕrĕk*²⁷. Мужские шубы были темных расцветок: *xura tunkă*²⁸ / *xura tunkă kĕrĕk*²⁹ / *xura kĕrĕk* (черная шуба)³⁰.

Меховая шуба *кĕрĕк* отличалась по материалу, отделке и покрою. Шубу шили из разного количества шкур, смотря по состоянию семьи, и это нашло отражение в названиях. Наиболее состоятельные шили шубы из восьми шкур *sakăr тир кĕрĕкĕ*³¹ / *sakăr тиртен сĕленĕ sară кĕрĕкĕ*³² и из девяти шкур *tăxăr тир кĕрĕкĕ*³³. Последняя особенно ценилась и являлась частью приданого невесты. Она часто упоминается в свадебных песнях³⁴. Дорогая шуба не всем была доступна. Бедные крестьяне обходились верхней одеждой с меньшим количеством сборок или вовсе заказывали *кĕрĕк* простого прямого покроя — *лантак кутлă кĕрĕк*³⁵.

По материалу в источниках зафиксированы: *арта кёрёк* (киргизская овчина)³⁶; *тилё тир кёрёк*³⁷ и *сукна кёрёк*³⁸.

По отделке особенно нарядными считались шубы, украшенные по бортам вышивкой и тесемками. Вот как описывает Н.В. Никольский подобные шубы: «Полы, карманы и концы рукавов обшиваются узкой лентой сафьяна или мерлушки или же лентами тюленевой шкуры. Некоторые обшивают полушубки кругом черной оторочкой (*хэйшё кёрёке хэнтёр тытас-сё*). Оторочка готовится дома из черной шерсти. Вышивка чаще всего бывает на мужских полушубках: спереди от шеи до подола, на воротнике, на подоле, на рукавах»³⁹. Подобная меховая шуба попала и в фонды ЧНМ (ЧКМ 12029, рис. 2а). Здесь также хранится фотография молодого мужчины в вышитой шубе (ЧКМ 13500 ОФ 10436). Ворот у них стоячий шириною 3 см. Правая пола шире и закрывает левую, «для застегивания к шубе пришивают крючки *каптёрма* или же делают из кожи на одной стороне петли, а на другой пришиваются шарики величиной в горошину; внизу пришиваются (тоже из кожи) ляжки: одна вовнутрь с левой стороны, а другая с наружной — с правой стороны»⁴⁰. Кроме вышитых шуб встречались крытые фабричной тканью *тул турттарнэ кёрёк*⁴¹.

По покрою среди чувашского населения самыми распространенными были шубы с отрезной спиной и борами *пёрмеллё кёрёк* (шуба с борами): «*Тёне кёмен чэвашсен кёрёкё пёрмеллё пулнэ, ислам чэвашёсен — вис пилёклё*» — У некрещеных чувашей шубы были со сборами, а у исламских чувашей — с талией в три полосы»⁴². Трехшовные шубы в основном были характерны для чувашей, проживающих в Башкирии и Оренбургской области. Вот что пишет Л.А. Иванов, побывавший у них в экспедиции: «*Висё пилёклё кёрёк и висё пилёклё сэхман*, т.е. шуба и кафтан, сшитые в талию, без сборов, очевидно, распространившиеся под влиянием татарской верхней одежды»⁴³. В некоторых местах они были известны как *тутарла кёрёк* — шуба на татарский лад⁴⁴, так как татары носили одежду с цельной приталенной спиной. Прямоспинные шубы носили присвияжские чувашские мужчины. Об этом мы узнаем из этнографического очерка Г.Т. Тимофеева: «*Хёлле тэхәнма пурин те кёрёк пур. Картишёнче, унта-кунта, выльах таврашёнче ёслеме аван тесе, вёл кёрёке те арсынсем пурте некех пилёксёр тутараçсё*»⁴⁵. (Зимой надевать у всех есть шубы. Мужчины их заказывают прямоспинными, так как считают, что во дворе в них удобнее работать.)

Два вида шуб были распространены и среди татар-кряшен. С.В. Сулова и Р.Г. Мухамедова отмечают, что «в конце XIX — начале XX в. среди татар-кряшен одновременно с приталенной шубой бытовали шубы с отрезной спинкой и со сборами. Девичьи шубы кряшен по краям ворота, бортов и на талии по бокам украшались строчкой вышивки или узкой полоской яркой ткани. Для кряшенок характерны были желтые дубленки»⁴⁶. Татары, как и чувашаи, нагольные шубы «покрывали фабричной тканью»⁴⁷. Данный вид зимней одежды чувашаи и татары называли по-разному. Слово, соответствующее чувашскому *кёрёк*, у татар отсутствует, однако содержится в «Древнетюркском словаре»: *kürk* «меховая одежда, шуба»⁴⁸.

О древности шубы *кёрёк* у чувашей свидетельствуют и разные обрядовые действия с ее использованием. В седьмом томе Словаря Н.И. Ашмарина описана сцена сватовства: «*Хёр сураснӑ сурта чи малтан пырса кёрсен кёрёк сине лартассӑ. Мёшиён тесен хёре качча парсан хулӑнӑ вырӑнне выльӑх парассӑ, савна вӑсем кёрёк сине лартсан выльӑх-чёрлӑх ёрчет, тессӑ*»⁴⁹. (Как только войдут в дом засватанной невесты, то (их) в первую очередь сажают на шубу. Потому что вместо калыма за невесту дают скотину. Это они делают, так как верят, что это помогает увеличивать количество голов скота.)

В XVIII в. у чувашей *кёрёк* надевали главные персонажи обрядовых действий. Данных правил придерживались и во время *чӱк*. Наблюдая за чувашами, Дюла Месарош зафиксировал следующую сцену: «Совершающий жертву хозяин и, значит, зачинатель молитвы по случаю жертвоприношения всегда надевает свою зимнюю шубу (даже когда тепло), а свою шапку держит под левой мышкой. Если в вышеупомянутых двух случаях (*килӑи пӑтти* — каша домашних; *хёрт-сурт пӑтти* — каша домового. — Н. З.-К.) жертву приносит женщина, то и она надевает на себя шубу мужа и держит под левой мышкой шапку мужа»⁵⁰.

Чаппан — чапан

Вплоть до начала XX в. у чувашей сохранилась прямоспинная верхняя одежда *чаппан*, сшитая из домотканого шерстяного сукна коричневого, черного и синего цветов. Н.В. Никольский в «Кратком курсе этнографии чувашей» пишет, что в Буинском уезде «встречается женский чапан из белого сукна; иногда расшит разноцветным сукном и узорами»⁵¹. Его квадратный воротник с закругленными углами был большим. Считался дорожной одеждой, «предохраняющей от ветра и непогоды. Она обычно не застегивается, очень редко подпоясывается, а запахивается на левую сторону»⁵². *Чаппан* кроили по типу туникообразного халата *шупӑр*, с той лишь разницей, что присутствовали наплечные швы, большой ворот и выкройные рукава (рис. 3а, б). Кроме прямоспинного чапана, у чувашей бытовал и приталенный, у которого сзади два клина не отрезались, а составляли наспинную часть (рис. 3в, г). В данном случае основу составляет белое домотканое шерстяное сукно. Края правых пол и круглый ворот обшиты контрастной темной материей (рис. 3в, г).

Подобную одежду с таким же названием носили казанские татары. По мнению Н.И. Воробьева, «под наименованием “чапан” были известны, преимущественно городским татарам, яркие многоцветные бухарские халаты, привозимые из Средней Азии казанскими купцами или питомцами бухарских медресе. Эти чапаны надевали только духовные лица или богатые пожилые люди, идя в мечеть. Чапаны появились в крае во второй половине XIX в., но распространения не получили»⁵³. Дольше он сохранился у татар-мишарей. Р.Г. Мухамедова утверждает, что «чапан, как и тулуп, по

покрою был идентичен с одеждой других народов Среднего Поволжья и Приуралья»⁵⁴.

Сапаны, чапаны, цапаны были известны и томским татарам. У них это были распашные халаты туникообразного покроя с боковыми клиньями, сшитые из среднеазиатского шелка. Н.А. Томилов, как и Н.И. Воробьев, считал, что они появились в Поволжье и Приуралье «благодаря бухарским купцам из Средней Азии»⁵⁵. В данном регионе он встречается у всех народов: каракалпаки и казахи носили *шапан*⁵⁶, киргизы — *чапан*⁵⁷, узбеки и таджики — *чапон*⁵⁸. Появление чапана, как и *пешмета* в costume чувашей, скорее всего, шло через татар.

Асам — эжэм

В этнографических источниках и письменной литературе, содержащих описания чапана, зачастую параллельно упоминается *асам*. Это была плечевая весенне-осенняя верхняя одежда из домотканого сукна. По одним источникам считается, что ее носили нараспашку или с широким поясом, и он имел большой шалевый откидной воротник⁵⁹, по другим — они были с небольшим воротом⁶⁰, по третьим — их делали вовсе без этой детали⁶¹.

Все процессы подготовки сырья для *асам* лежали на плечах женщин. Об этом подробно сообщает корреспондент К.В. Элле Т. Михейкина из с. Старое Мокшино Кривозерской волости Чистопольского у. (ныне Аксубаевского района Республики Татарстан). Приведем сокращенный вариант: «*Чăваш халăхĕ асама питĕ нумай усă курать: сивĕ тăмансенче, юрлă-пăрлă сăмăрсенче. Ана тăхăнса чăваш хайсн сывлăхне упрать. Тумашикăн та вăл асама савăн пек сивĕ, усал санталăксенче тăхăнма тесе тăваççĕ. Асам тума тытăнсан чăваш хĕрарăмĕсем питĕ нумай вăхăт ирттересçĕ. <...> Сурхи сăмран арланине тăлан куммине лартаççĕ. <...> Кĕркунне арланă сиптине тăлан ураççине ывăтаççĕ. Хĕлле пулсассăн асам сĕтеме сĕвĕссем кĕртеççĕ. Асамлăх пуснă тăларан сĕвĕссем асамне кил хуçи пĕвĕне виçсе касаççĕ. Пирвай асамăн сурăмне, унтан малти аркине, хаййисене, саннисене касаççĕ. Чăн кайран вара сухине машинапа сĕлесе пĕтересçĕ»⁶². [Чувашский народ азам использует очень много: в морозную ненастную погоду. Надевая ее, он сохраняет свое здоровье. Готовят ее специально, чтобы носить в такую холодную, ненастную погоду. Чувашские женщины на азам тратят очень много времени. Нитки, спряденные из шерсти весенней стрижки, заправляют в основу (ткацкого стана). Нитки, спряденные из осенней стрижки, используют для утка. Зимой пускают портных для шитья азамов. Вначале кроят спину, потом — передние полы, боковые клинья и рукава. В последнюю очередь (кроют) и шьют воротник]. В конце рукописи даны схематичные рисунки покроя азамов. Данный тип одежды сохранил прямой туникообразный крой.*

В начале XX в. во время экспедиции по Чувашии К.В. Элле зафиксировал в своей тетради, что в Тораевской волости «азамы обязательно были черные или белые (большинство — белые)»⁶³, а в Хочашевской — «азам

мы без ворот изжиты лет 20—30 тому назад»⁶⁴. Получается, к концу XIX в. чувашаи их уже почти перестали носить, и встречались они крайне редко. Затем их место занял другой вид распашной одежды. По схожести покроя народ их начал называть двойко: *асам* или *чаппан*.

У татар чувашскому *асам* соответствует *эжэм*, бытовавший в крышенском костюмном комплексе как верхняя рабочая одежда «с отрезной по линии талии спинкой и с борами»⁶⁵. Их покроем идентичен чувашскому *сӑхман* (холщовый кафтан).

Появление *асам* в костюме чувашей и название данной верхней одежды Н.И. Егоров считает «татарским заимствованием, восходящим к арабскому *азам* «перс»⁶⁶.

Камсул / кансол — камсол

В свадебном обрядовом костюме низовых чувашей встречается упоминание о верхней одежде без рукавов *камсул*. В архиве Мемориального музея-квартиры М.С. Спиридонова в одной из экспедиционных рукописей художника дается описание костюма самых активных участниц свадьбы (*туй матки*): «*Хушпу тӑхӑнӑ. Умне тӑрлӑ тенкӑсем ҫакнӑ. Кӑне ҫинчен камсул тӑхӑнӑ. Камсула хӑрлӑ материалтан тунӑ. Пилӑкӑнче пӑр-икӑ пӑрме пулнӑ, ҫанни пулман. Вӑрӑмӑшӑ ҫиелти кӑне арки таран пулнӑ. Камсул халат пек тӑмеллӑ пулнӑ*»⁶⁷. [Надевали *хушпу* (женский головной убор). Спреди вешали много разных украшений из монет. Поверх рубахи надевали камзол. Его шили из красного материала. На уровне талии были один или две складки. Рукавов не было. Длина была равна длине верхней рубахи. Камзолы так же, как и халаты, застегивались на пуговицы. (Перевод здесь и далее мой. — Н. З.-К.)] Данная информация записана в 1930 г. в д. Уразаметово Яльчикского района Чувашии. Дополнительную информацию об этой верхней одежде можно узнать в записях, сделанных художником в том же районе в с. Сабанчино: «*Камсул тӑрлӑрен рисуноксемлӑ пурҫӑн материрен. Хӑрлӑ ҫанӑсӑр, пилӑкӑ пӑрмесӑр, чӑркуҫҫи таран. Тӑхӑнасса хӑрсем те, арӑмсем те тӑхӑнаҫӑ. Вӑл пустав халат вырӑнне пулнӑ. Камсул тӑхӑнма пӑрахни пӑр 50 сул*»⁶⁸. [Камзолы из разных узорчатых шелковых материй. (Он) красного цвета, приталенный, без бортов и до колена. Его носили как девушки, так и женщины. Это была верхняя одежда вместо *пустав*. Камзолы перестали носить лет 50 тому назад.] Таким образом, можно сделать вывод, что камзолы среди низовых чувашей исчезли во второй половине XIX в., и шили их из фабричных дорогих тканей. Некоторые из них включены в Словарь Н.И. Ашмарина: *калӑмпи камсул / калӑмпир камсул*⁶⁹, то есть камзол, сшитый из колленкора. Там также сохранились названия, отражающие особенности кроя данной верхней праздничной одежды. Например, *виҫ пилӑкӑ камсул*⁷⁰, то есть трехшовный камзол, имевший приталенную спину. Нижнюю часть от талии расширяли, добавляя боковые клинья. Отделка камзолов отразилась в чувашских народных песнях:

Аршайнах та аршайн шурӑ-хура
Чӑпар пусма камсул пишххинчен
иртес сук. <...>⁷¹
Сирӗн сийӗрти камсул пит килӗшет.
Те аркине пархӑт тытнӑран. <...>⁷²

Аршин да аршин бело-черный
Пестрый камзол ниже пояса
не бывает. <...>
Камзол, который вы надели, очень вам идет,
То ли оттого, что подол okayмлен бархагом.
<...>

У татар камзолы входили в костюмный комплекс мишарей и кряшен. Их носили как мужчины, так и женщины. По описаниям Р.Г. Мухамедовой, татары-мишари «камзол носили поверх рубахи. Он воспринимался народом как вид домашнего (горничного) платья; в нем на улицу выходили редко, особенно в городах. Шили его из фабричных тканей темных тонов, на тканевой же подкладке (реже на меху) длиной чуть выше колен, с небольшим стоячим воротником без рукавов или с короткими, до локтей, рукавами. Во второй половине XIX в. заметна тенденция сокращения его общей длины. Так, в начале XX в. в костюме татар, особенно у молодежи, получили распространение короткие, приближенные к европейскому жилету, камзолы-безрукавки. При этом они сохранили свою традиционную “трехшовную” приталенную основу»⁷³.

В книге «Народный костюм татар Поволжья и Урала» С.В. Суслова и Р.Г. Мухамедова дали описание камзола кряшенок Чистопольского уезда Казанской губернии. Здесь его «не запахивали и его полы сходились на груди; верхние углы бортов откидывались в сторону, образуя отвороты»⁷⁴.

Йӗлен — жилӗн

Среди закамских и приуральских чувашей праздничным халатом считался *илен*⁷⁵ / *йӗлен*⁷⁶. В музейных собраниях верхней одежды с таким названием не числится, поэтому мы вынуждены обратиться к письменным источникам. Из Словаря Н.И. Ашмарина мы узнаем о некоторых особенностях покроя, а именно, что это «короткий халат с рукавами у девушек и старух из синей материи, носят на праздниках»⁷⁷. Далее он уточняет: «илен, кӑтат, хыс, шупӑр — одно и то же почти»⁷⁸. О других деталях данной одежды информирует Г.Б. Матвеев, побывавший среди чувашей Приуралья: «Праздничный *йӗлен* шьют из темного сатина приталенным, со множеством складок, украшают позументом, монетами, вышивкой, носят в незастегнутом виде»⁷⁹.

В научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук хранятся фотографии с комплексной экспедиции 1962 г. по изучению быта и культуры чувашского населения, проживающего в Башкирской АССР и Оренбургской области. Среди них имеются фотографии двух женщин, стоящих в темных приталенных *йӗлен* разного покроя⁸⁰. Одна из них сфотографирована в с. Исайкино Абдулинского района Оренбургской области и на ее спине видны три длинных шва, переходящих в нижнюю половину халата: прямой в середине и два боковых закругленных. На обратной стороне написано: «Чувашка в национальном халате йӗлен (виç пи-

лѣклѣ сѣленѣ) <...>»⁸¹. Передняя часть с левосторонним запахом с тремя пуговицами до талии и оформлена отложным воротником. Это хорошо видно на другой фотографии той же женщины, сделанной спереди⁸² (рис. 4а, б).

Йѣлен из д. Захаркино Абдулинского района Оренбургской области сшит с отрезной спинкой. В верхней половине — два фигурных шва, исходящих от линии соединения рукавов. Нижняя широкая часть собрана в крупные складки. Перед халата, изображенный на другой фотографии, повторяет покрой *йѣлен* из д. Исайкино Абдулинского района. Данный тип больше похож на присборенные кафтаны чувашей, живущих в Чувашской Республике. На этих халатах никаких украшений не видно. Видимо, это были более поздние, рабочие варианты верхней одежды.

Указанные фотографии были сделаны Л.А. Ивановым, участником экспедиции 1962 г. Позднее, в 1966 г., он опубликовал статью об одежде и украшениях прикамских и южноуральских чувашей, содержащую информацию и о *йѣлен*. По его наблюдениям, женщины носили *йѣлен* «в торжественных случаях. Без *йѣлен* не выходила замуж ни одна уважающая себя невеста. В *йѣлен* одевалась каждая основная участница свадебной церемонии»⁸³.

Ношение башкирскими чувашами *йѣлен* наблюдали и другие исследователи. Так, Л.П. Петров записал: «*Бишкаин ялѣнче йѣлен тесе хура халата калащсѣ. Вѣл хѣрарѣмсен те, арсынсен те пулнѣ*»⁸⁴. (В д. Бишкаин *йѣленем* называют черный халат. Он имеется и у женщин, и у мужчин.)

О мужском илене пишет и Н.В. Никольский. Однако в местности, где он зафиксирован (с. Новая Тепловка Старотепловской волости Бузулукского уезда Самарской губернии, ныне Бузулукского района Оренбургской области), его носил жених: «На свадьбе употреблялся мужской кафтан (подвенечный) из синей бумажной ткани; покрой его: передние полы цельные, прямые, гладкие, от ворота до пояса украшены треугольниками из красного кумача с полоской позумента, без застежек; спина отрезная, гладкая до пояса; украшена полоской красного кумача с позументом, ниже собрана мелкими сборками; рукава прямые, гладкие, у кисти обшиты полоской красного кумача; воротник прямой, стоячий; верхняя часть кафтана на подкладе из синей, с белыми полосками, бумажной ткани, подол подшит пояском домашнего тканья из серой и коричневой бумажной нити». В комментариях он пишет, что «два таких кафтана (илен) имеется в Государственном музее (б. Александра III) в Ленинграде, в коллекции 968-й (№ 60 и 61)»⁸⁵.

В 2021 г. сотрудники Российского этнографического музея его выставили в электронном Госкаталоге (РЭМ 968-60. Госкаталог 21932715). Фотография данного двубортного халата с длинными рукавами дана только спереди. Действительно он имеет отрезной стан и два красных отворота-лацкана, украшенных вертикально расположенной желтой тесьмой посередине. Под треугольным вырезом виднеется полосатый бело-синий подклад. Красными полосами украшены концы рукавов (рис. 5).

Как видно из сохранившихся к началу XX в. визуальных и материальных источников, чуваша диаспоры словом *йӗлен* обозначали разные типы халатообразной верхней одежды.

В костюмном комплексе татар-кряшен Восточного Закамья и северной части Заказанья Елабужского района бытовали распашные халаты *жилэн*. По исследованиям Ю.Г. Мухаметшина, «по покрою различались зияяны двух типов. Наиболее старинными и популярными являлись зияяны первого типа, сшитые с прямой спинкой. Такие зияяны носили как прямоспинное платье. Их шили из белого холста, с прямыми рукавами, без воротника, карманов, застежек и завязок. Концы рукавов, края ворота украшались гладевой вышивкой красной шерстью. Второй тип зияяна — с приталенной сплошной спинкой, без боров»⁸⁶.

Рисунок покроя первого типа *жилэн* дан в книге Р.Г. Мухамедовой «Народный костюм татар-кряшен»⁸⁷. По своей конструкции, если не обращать внимания на орнамент, он сходен с чувашским распашным халатом *шунӑр*. Различия заключаются лишь в длине рукавов: у татар-кряшен они короче. О прямоспинном туникообразном *жилэне* кряшенки пишут и другие татарские этнографы⁸⁸. Второй тип *зияянов*, сшитых из черных фабричных тканей, имеют аналоги с *йӗлен* приуральских чувашей (рис. 6а, б).

По мнению Н.И. Егорова и Ю.Ф. Ефимова, чуваша данный вид верхней одежды также позаимствовали у соседей — татар и башкир⁸⁹.

Шунӑр — джуа / чува, шабур / чабыр

Одним из самых древних типов верхней одежды у чувашей считается праздничный и обрядовый распашной халат *шунӑр*. В фондах ЧНМ их сохранилось восемь единиц (ЧКМ 373, ЧКМ 377, ЧКМ 1077, ЧКМ 1099, ЧКМ 3107, ЧКМ 3110, ЧКМ 3449, ЧКМ 6388). Два из них найдены в Богородской волости (ныне Козловского района ЧР), два — в д. Орауши Ядринского уезда (ныне Вурнарского района ЧР), два — в с. Кукшум Ядринского уезда (ныне Вурнарского района ЧР), один — в с. Тойси Батыревского уезда (ныне Батыревского района ЧР), один — в д. Кильдишево Ядринского уезда (ныне Ядринского района ЧР). Как показывают материальные источники, старинные вышитые *шунӑр* больше всего сохранились в центре Чувашской Республики — в Вурнарском районе.

Шунӑр имеет туникообразный покрой, длинные рукава, богатый вышитый орнамент, сочетающийся с нашивками, и боковые разрезы на подоле по вертикальным швам. Его нагрудная, наспинная и наплечная части полностью покрыты геометрическим орнаментом, собранным из нашитых шелковых лент. Если посмотреть сверху, то общая композиция узора в середине полотнища имеет форму в виде квадрата, вернее, располагается в виде пончо: один угол спускается до низа груди, второй — до низа лопаток; третий и четвертый — на плечи. Вертикальные соединительные швы покрыты шелковыми лентами. По подолу и на концах рукавов широкая кайма узора, обрамленная сверху и снизу красной тесьмой. По боковым швам

на некоторых сохранились вырезы, украшенные М-образной вышивкой (рис. 7). Если боковой клин шили из цельного куска, то вырез не делали. Однако его место орнаментировали так же, как у *шунӑр* с вырезом. Ворот у халата был съемный. Его делали из прямоугольной полосы, украшенной вышивкой, и при надевании крепили к краю халата на уровне шейного позвонка и спереди, чуть ниже ключиц.

Туникообразный халат не имел застежек. Считается, что его носили с поясом. По архивным источникам «поверх шоборов никогда, кроме как на свадьбах, пояском не опоясываются»⁹⁰. Так записал в 1925 г. К.В. Элле в своей тетради во время экспедиции в Тораевской волости Чувашии. На музейных образцах у некоторых халатов в верхнем углу бортов видны остатки нитяных завязок.

У татар верхняя одежда туникообразного покроя встречается крайне редко. В книге Р.Г. Мухамедовой «Народный костюм татар-кряшен» дана одна иллюстрация распашного туникообразного джиляна⁹¹. Видимо, в более ранний период они также украшались вышивкой, так как по краю переднего выреза отмечены крестиками (рис. 11а, б).

В XIX в. покрой и оформление *шунӑр* заметно видоизменились. Материалом по-прежнему оставался белый домотканый холст. В коллекции ЧНМ хранится один изношенный мужской халат, отличающийся от остальных (ЧКМ 3594, рис. 8а, б). Он имеет отрезную спинку: верхняя часть сшита из одного целого и половины куска холста; нижняя — из четырех прямых полотнищ. Между первым-вторым и третьим-четвертым снизу добавлены узкие короткие клинья. Передние полы скроены из одного длинного цельного полотнища, лежащего наискосок. Второй поднимается до плечевого шва и между ними вставлен треугольный клин. Соответственно, грудная часть открыта и имеет V-образную форму. Рукава имеют выкройную пройму и к концам заужены за счет треугольной вставки. Края пол украшены темно-синей тесьмой. Параллельно линии отреза на талии вышит один ряд узора в виде цепи кругов. В аналогичных халатах изображены мужчины верховых чувашей на групповой фотографии Г.Ф. Локке, включенной в книгу А.Р. Риттиха «Материалы для этнографии Казанской губернии»⁹². Края пол также отделаны темной лентой. Однако они запахнуты направо, что не совсем характерно для чувашских кафтанов халатного покроя. Жених не подпоясан, а отец — с широким поясом.

В музейном фонде в большом количестве сохранились летние белые кафтаны иного покроя. Они также имели отрезной олов до талии. Нижнюю часть шили из семи-восьми полотнищ холста и сильно присбаривали сзади на талии. Из-за этих многочисленных плиссированных складок они получили названия *кӑтӑр кутлӑ шунӑр*⁹³ и *кӑр-кӑр шунӑр*⁹⁴. В верхней части на спине детали соединяли четырьмя фигурными швами (два — на плечах, два спускались от линии швов рукавов до талии). Нижняя половина со спины собиралась из пяти полотнищ холста. Дополнительно с двух сторон пришивали длинные треугольные клинья, вырезанные из одного прямого

куска холста. Передние полы составлялись из прямых цельных полотнищ. Карманы вшивали на месте соединения клиньев и передних частей. Круглый ворот был невысоким и стоячим. Правая пола запахивалась налево, и застегивалась до пояса с помощью крючков или пуговиц. Орнаментация, перешедшая на крест и тамбурную вышивку, сохранилась лишь на некоторых образцах. Именно такого «плиссированного» фасона шоборы бытовали в конце XIX — начале XX в. среди верховых и средненизовых чувашей (ЧКМ 9213, ЧКМ 15754, ЧКМ 11834/3, ЧКМ 18775, рис. 13).

По такой же схеме они шили утепленную верхнюю одежду с аналогичным названием. Изготавливали ее из фабричных тканей темных расцветок. Концы рукавов и подол украшали яркими лентами, тесемками и позументом. В северо-западных и центральных районах Чувашии подобный трансформированный вариант верхней одежды бытовал вплоть до середины XX в. (рис. 10а, б).

В Красночетайском районе верхняя часть женских шоборов отличалась от предыдущих. Здесь перед изготавливали из двух кусков ткани, положенных наискосок, поэтому горловина имела треугольный вырез. Спина часть выкраивалась из трапециевидного куска. Пышные рукава присборивали на плечах и на концах. Иногда они завершались манжетой и оборкой. Подопку пришивали только до талии. Подол украшали вышивкой тамбурными швами или крестом (рис. 9а, б).

В южных районах Чувашии верхняя одежда с борами известна под названием *сӓрман*. Здесь «угол правой полы часто украшался вышивкой или цветной строчкой»⁹⁵ (ЧКМ 7050).

Кафтаны *шунӓр* повсеместно носили чуваша Самарской Луки и Саратовского Правобережья. Они также были сшиты из фабричной ткани и выделялись «обшитыми галунами и нашивками, пошитыми в талию, без сборов»⁹⁶.

В своей монографии Ю.Г. Мухаметшин упоминает о существовании у кряшен холщовой верхней одежды туникообразного покроя *джуа*⁹⁷. Далее он пишет, что «верхняя одежда с аналогичным названием (*чува*) широко бытовала у казанских татар, в том числе у кряшен. *Чува* кряшен была обычно женской одеждой. Шили ее из белого дмотканого холста в виде распашного халата, с цельной прямой спинкой, длинными прямыми рукавами, низким стоячим воротником. В северной части Заказанья *чува* украшалась вышивкой из красной материи» (автор ссылается на полевой материал 1968 г., собранный в д. Дурга, входящий ныне в Балтасинский район РТ. — *Н. З.-К.*)⁹⁸. Ю.Г. Мухаметшин, цитируя Н.Н. Вечеслава, утверждает, что «для кряшен туникообразный халат являлся обрядовой одеждой»⁹⁹.

Сибирские татары носили холщовую верхнюю одежду *шабыр*. Ф.Т. Валеев пишет, что он «по покрою был почти такой же, как татарский камзол. Он шился с прямой спиной. Длинной ниже колен и со стоячим воротником, застегивался так же, как камзол, на 4—5 пуговиц»¹⁰⁰. Е.Ю. Смирнова, исследовавшая одежду татар Среднего Прииртышья, в своей монографии дает

более полное описание покроя *шабуров*: «Стан халата составлялся из прямой спинки, двух полков и боковых клиньев. Запах слева направо. Рукава, длинные и слегка суженные книзу, вшивались либо в слабо выраженную пройму (гладко), либо пришивались непосредственно к стану, причем основу ткани располагали вдоль детали, а недостаток ширины восполняли клиньями треугольной формы, располагавшимися в задней части рукава. Воротник выкраивался либо отдельно — отложной прямоугольный или шалью, либо, будучи цельнокроеным, то есть продолжая верхнюю часть полочек, был приближен к форме шали»¹⁰¹. Со временем у сибирских татар также под этим названием начали скрываться разные трансформированные виды одежды, сшитые из шерстяного домашнего сукна.

В книгах главного специалиста по татарскому народному костюму С.В. Сусловой *шабыр* не освещен. Однако в «Этимологическом словаре татарского языка» содержатся два слова, идентичных чувашскому *шупӑр*: *чабыр*¹⁰² и *шабыр*¹⁰³. По мнению авторов-составителей данного издания, последний из них вариативен башкирскому *шубыр* и чувашскому *шупӑр*¹⁰⁴. Они также указали, что через последних данное слово (заодно и предмет) проникло в быт соседних финно-угорских народов. Распашные халаты с подобным названием носили марийцы¹⁰⁵, коми-пермяки¹⁰⁶ и удмурты¹⁰⁷, у последних название отличается (*шортдерем*).

Распашная верхняя одежда с аналогичным названием широкое распространение получила среди народов Сибири. *Шабур* бытовал у русского населения Западной и Южной Сибири¹⁰⁸, *шабур* — у хантов¹⁰⁹, *сабыр / шобур* «шуба» — у хакасов-качинцев¹¹⁰.

Составители «Этимологического словаря татарского языка» происхождения *шабыра* связывают со старотатарским *чабыр*, проникшим к ним через персидскую культуру, у которых словами *чанпар*, *чанур* означали «читэн, юан аркаулы тукыма, чэпер»¹¹¹ (ткань с утолщенной уточной основой. — Н. З.-К.).

Распространение *шупӑра* у чувашей М.Р. Федотов считает заимствованием от соседних финно-угорских народов, в частности, от марийцев¹¹². Однако халат *шовыр* они считают тюркским предметом¹¹³.

Присутствие *шабура* в русском костюме Северных и Сибирских областей Г.В. Судаков также считает тюркским влиянием. Он пишет, что «шабур — тоже тюркское название. Наблюдается в письменности с 1626 г.»¹¹⁴.

Как видим, по поводу происхождения шабуров единого мнения нет. Очевидно то, что чувашаи сумели сохранить более древнюю форму как в покрое, так и в оформлении верхней части, нарукавных узоров *хултӑрмач* и боковых вырезов по бокам на подоле.

В течение XIX в. покрой и материал, из которого изготавливали чувашаи и татары свои *шобыры*, заметно изменились. Однако название халата *шабур*, перенесенное на трансформированный вид верхней одежды у сибирских татар, бытовало вплоть до начала XX в. В нем до сих пор слышится отголосок древней единой формы.

Сăхман — чикмен, сухман

Самой распространенной осенней и весенней верхней одеждой мужчины и женщины у чувашей был *сăхман*. Его носили повсеместно, и это отразилось в его вариативных названиях. Средненизовые, приуральские чуваша больше всего обозначали данный вид верхней одежды словом *сăхман*, низовые, саратовские, пензенские, частично средненизовые (в Урмарском районе) — *сăкман*, верховые — *сохман*. Изготавливали его из домашнего сукна *тăла*. Шили с длинными рукавами и левосторонним запахом, застегивающимся на три крючка или пуговицы. Длина не превышала коленного сустава. Поверх завязывали широкий пояс. По покрою больше всего распространены сукманы с борами, однако, если внимательнее приглядеться, то в них имеются отличия. Это заметил еще Н.В. Никольский. В своей книге «Краткий курс этнографии чуваш» по покрою он выделил 2 типа: «1) *лаптак кутлă сăкман*; 2) *пёрмеллĕ сăкман* (т.е. гладкие с борами). Первые идут для старух, стариков, для детей; вторые — для парней и девушек. Чем больше боров, тем кафтан считается красивее»¹¹⁵. В чем заключается их отличие, он не стал комментировать. Названия, взятые из народной речи, сами за себя говорят и объясняют, что первый был прямоспинный, а второй — с многочисленными складками. Там же Н.В. Никольский пишет, что «эту одежду чуваша называют очень древней (*чăн авалхи*)»¹¹⁶.

Анализируя сохранившиеся музейные сукманы, старинные фотографии, архивные документы и печатные издания, мы пришли к выводу, что чувашские сукманы встречаются трех типов: прямоспинные, с отрезной спиной и борами, и трехшовные со спины. Второй тип сукманов членится на два подтипа: с четырьмя фигурными бочками на спине и с прямой спиной до талии и пышными рукавами.

Прямоспинных сукманов в музейных фондах не сохранилось. Об их существовании свидетельствуют лишь архивные записи и письменные источники. Хотя они могут быть более архаичными. В книге Г.Т. Тимофеева «Тăхăръял» содержится следующее сообщение: «*Пайтахăйшĕ, ёҫе аван тесе, пилĕксĕр кёске сăкман, кёске ҫипиркке, камсул ҫёлетеҫё*»¹¹⁷. (Многие заказывают короткий сукман без талии, короткую сибирку, камзол. Считают, что в них удобнее работать.) Прямоспинные сукманы чуваша обозначали словосочетаниями *пилĕксĕр сăкман*¹¹⁸, *лаптак кутлă сăхман*¹¹⁹ / *лаптак кутлă сăхман*¹²⁰, *тарасаллă сăкман*¹²¹, *тўр кутлă сăхман*¹²².

Сукманы с отрезной спиной и борами носили как женщины, так и мужчины. Они запечатлены на многих старинных фотографиях XIX и начала XX в. Также их можно увидеть в музейных собраниях. По своим многочисленным мелким сборкам на талии со спины в народе они получили соответствующие названия: *кăр кот сăкман*¹²³, *кăр пёрмеклĕ сăкман*¹²⁴, *кăтăр кот сăкман*¹²⁵, *пёрмеллĕ сăкман*¹²⁶ / *пёрмеллĕ сăхман*¹²⁷, *пилĕклĕ сăкман*¹²⁸, *тарасаллă сăкман*¹²⁹. Они получили развитие не только в материнских селениях Чувашии, но и в дочерних. Например, из трудов Л.А. Иванова узнаем, что среди приуральских чувашей «почти по всей рассматриваемой тер-

ритории встречаются шуба (*кёрёк*) и кафтан (*сәхман*) с густыми борами *пёрмеллэ кёрёк* и *пёрмеллэ сәхман*¹³⁰. По покрою они были приталенные и полностью повторяли схему шоборов конца XIX в. Пышный подол часто расширяли, вставляя по бокам треугольные клинья, за счет которых сукманы получили название *клинлэ сәхман*¹³¹.

Трехшовные сукманы распространены среди приуральских чувашей, «их шили в талию, без сборов»¹³². По мнению Л.А. Иванова, они получили распространение «под влиянием татарской верхней одежды»¹³³. Так же, как и предыдущие типы, чувашаи их обозначали особыми словосочетаниями: *виç пилёклэ сәхман*¹³⁴, *виç тўр кутлэ сәхман*¹³⁵. Дословный перевод чувашских названий не совсем точно определяет покрой («сукман трех талий»), поэтому требует объяснения. Данный тип сукмана шили из длинных выкройных деталей. На спине один длинный шов располагался посередине (по линии позвоночника), два других, фигурных, — симметрично с двух сторон. Ближе к талии ширина деталей сужалась, а ниже — расширялась. Под рукавами тянулись швы, соединяющие заднюю часть с передними полами (рис. 4а). Кроме этого, бытовали и двухшовные сукманы, у которых на спине не было срединного шва. Покрой такого сукмана в свое время зафиксирован М.С. Спиридоновым¹³⁶ (рис. 12а, б).

По оформлению ворота сукманы, дошедшие до нас, все имеют небольшой стоячий воротник, пришитый к задней половине, однако их углы не доходят до ключицы, и верхние края полов прямые. Сукманы с подобным воротом чувашаи называли *катяк сохаллэ (сохавиллэ) сәхман*¹³⁷, то есть сукман с обрезанным (не целым) воротом.

По цвету нами зафиксированы сукманы четырех расцветок: белые — *шор сохман*¹³⁸/ *шуря тәла сәхман*¹³⁹, синие — *кәвак сәхман*¹⁴⁰, черные — *хура сәхман*¹⁴¹. В свое время в качестве особенностей кафтана Н.В. Никольский отметил, что «у верховых чуваш преобладает кафтан белый, то у низовых употребляют черный»¹⁴². По иллюстративным источникам можно утверждать то же самое. Низовые чувашаи в основном запечатлены в темных сукманах (ЧКМ 750). Черный цвет получали путем окрашивания сукна или холста корой ольхи¹⁴³.

Средненизовые чувашаи носили сукманы разного цвета. Это было замечено Г.И. Комиссаровым: «...только кафтаны у средненизовых бывают не одного цвета, хотя преобладающим остается белый»¹⁴⁴.

Среди низовых чувашей носили укороченные варианты кафтанов. Н.В. Никольский подчеркнул, что «в Спасском кантоне Татарской Республики известно еще мужские полукафтанье (*кёске сәхман*) и казинетовые кафтаны, носимые мужчинами»¹⁴⁵. В словаре Н.И. Ашмарина зафиксировано их более древнее название — *кётёк сәхман*¹⁴⁶.

В татарском костюме также присутствовала аналогичная прямоспинальная туникообразная с боковыми клиньями одежда под названием *чикмән*. В Приложении приводится рисунок его покроя из книги Р.Г. Мухамедовой¹⁴⁷ (рис. 14а, б). Данная схема идентична покрою старинных чуваш-

ских шуборов (рис. 8а) и прямоспинных чапанов (рис. 3а, б). У них, как и у чувашей, *чекмен* считался одним из распространенных видов одежды: «У казанских татар (они. — Н. З.-К.) были идентичны с джилянами, но их шили из темных однотонных тканей с рукавами до кистей. <...> Шили их часто из домашнего сукна, особенно более короткие, и они служили рабочей верхней одеждой, а не только выходной. В отличие от казанских татар приуральские татары-крестьяне чекмень глубоко запахивали и обязательно подпоясывали кушаком. Длинные чекмени, сшитые из весьма толстого и плотного сукна с большим отложным воротником, крестьяне нередко надевали осенью во время дождей поверх бешмета. Такие чекмени были совершенно идентичны чапанам крестьян всех национальностей Поволжья»¹⁴⁸. Дольше всех они сохранялись у татар-кряшен¹⁴⁹.

Происхождение слова *сӑхман* Д.Б. Рамазанова связывает с «добулгарскими тюрками»¹⁵⁰. Однако не пишет, какие народы имеет в виду под этим выражением. Она считает, что татарское название данной верхней одежды *чикмэн* — «более позднего происхождения и, возможно, принесено в Поволжье кипчаками»¹⁵¹.

Кафтан, идентичный по покрою и названию *сӑхман* = *чикмэн*, носили не только чуваша и татары. *Чекмень* был распространен у русских в юго-восточных губерниях России, особенно «у казаков на Дону, нижней Волге, на Урале»¹⁵². По мнению В. Радлова и М. Фасмера, русское слово «сукман» заимствовано из чувашского *сӑхман*¹⁵³. Название обычно всегда связано с определяемым предметом, и в культуру другого народа они проникают вместе. Подобный кафтан носили народы Поволжья и Приуралья¹⁵⁴, Сибири¹⁵⁵, Средней Азии¹⁵⁶, Передней Азии¹⁵⁷ и Кавказа¹⁵⁸. Вполне возможно, что они получили развитие от одного вида одеяния и в определенной местности. Однако спустя много столетий весьма сложно утверждать, где он зародился, так как на развитие материальных предметов оказывают влияние многие факторы.

Итак, рассмотрев параллели в верхней одежде чувашей и татар, можно сделать определенные выводы. Больше всего аналогий в верхней одежде содержится между чувашами и периферийными группами татар-кряшен и мишарей, сумевшими сохранить более древние черты. В этом свою роль сыграла, скорее всего, как писал Н.И. Воробьев, генетическая связь данных групп с «отатаренными соседями»¹⁵⁹.

В верхней одежде чувашей содержатся предметы, заимствованные от татар. К ним относятся: *камсул*, *пишмет*, *йӗлен* (*пишмет* в данную статью мы не включили). В настоящее время сложно определить период их проникновения в быт чувашского населения. По мнению Н.И. Воробьева, наиболее тесные отношения чувашей, особенно юго-восточной этнографической группы *анатри*, с казанскими татарами установились в XV—XVI вв. Именно с этого периода «казанские татары начали весьма сильно на них воздействовать как в бытовом, так и в языковом отношении»¹⁶⁰.

В верхней одежде чувашей сохранились более древние типы верхней одежды, связанные с древнетюркским миром. Например, *тум*, *кёрёк*, *сӑхман*. У чувашей слово *тум* употребляется более широко. Оно объединяет все типы и виды одежды. *Шунӑр* связывает чувашей с пермскими и сибирскими народами.

В верхней одежде чувашей и татар распространен левосторонний запах, именуемый в этнографической литературе «тюркским». Также много общего в покрое верхней одежды. У обоих народов халатообразная одежда вначале имела туникообразный покрой. Однако со временем все типы и виды одежды видоизменились. Непостоянным был и материал. Например, у чувашей дольше сохранялся домотканый белый холст. В костюме татар, особенно казанских, изменения в покрое, орнаментации и материалах происходили значительно быстрее, что было обусловлено связями татар с народами мусульманского Востока.

Литература и источники

¹ Гаген-Торн Н.И. Женская одежда народов Поволжья (материалы по этногенезу). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. С. 60; Иванов В.П. К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях // Болгары и чуваша. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1984. С. 103—121.

² Кондратьев М.Г. Чувашская *савра юрӑ* и ее татарские параллели. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. 78 с.

³ Ахметьянов Р.Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков: Фонетика и лексика. М.: Наука, 1978. 248 с.; *Его же*. Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. М.: Наука, 1981.

⁴ Исхаков Р.Р. Параллели в религиозно-мифологических картинах мира и обрядовости татар и чувашей (опыт историко-этнографической реконструкции) / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 60 с.

⁵ Егоров Н.И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. 52 с.

⁶ Гаген-Торн Н.И. Указ. соч. С. 60.

⁷ Иванов В.П. Указ. соч. С. 29.

⁸ Рамазанова Д.Б. Названия одежды и украшений в татарском языке: монография. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 43—48.

⁹ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 326. Л. 228.

¹⁰ Львова А.Н. Одежда // Чуваша: Этнографическое исследование. Ч. I. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. С. 280.

¹¹ Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. Историко-этнографическое исследование материальной культуры (середина XIX — начало XX в.) М.: Наука, 1977. С. 106.

¹² Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар-кряшен. Казань: Слово, 2005. С. 23.

¹³ Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ. 6 томпа тухать. V т. Вак жанрсем / пухса хатӗрленӗ Е.С. Сидорова. Шупашкар: Чӑваш. кӗн. изд-ви, 1984. С. 40.

¹⁴ Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. В 17 т. Т. I—XVII. Т. XI. Казань—Чебоксары. С. 68.

¹⁵ Чӑваш халӑх сӑмахлӑхӗ. V т. С. 196, 204.

¹⁶ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. X. С. 14.

¹⁷ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. XIII. С. 65.

¹⁸ Там же.

- ¹⁹ Песни низовых чувашей. Сборник песен / сост. М.Г. Кондратьев. Кн. II. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. С. 115—116.
- ²⁰ НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 173. Л. 128—129.
- ²¹ Львова А.Н. Указ. соч. С. 262.
- ²² Мухаметшин Ю.Г. Указ. соч. С. 107.
- ²³ Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар Поволжья и Урала: (середина XIX — начало XX в.). Историко-этнографический атлас татарского народа / Ин-т истории. АН Респ. Татарстан. Казань: Фэн, 2000. С. 67.
- ²⁴ Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. С.—Я. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 189.
- ²⁵ Судаков Г.В. Были о словах и вещах: [Из истории сев. нар. быта]. Архангельск; Вологда: Северо-зап. кн. изд-во, 1989. С. 27.
- ²⁶ Спиридонов М.С. Рукописный архив мемориального музея-квартиры М.С. Спиридонова (РАММКС). I — КП 8. Л. 8.
- ²⁷ Полевые материалы автора (ПМА) д. Нижнее Тимерчево Комсомольского района ЧР. 2020 г. Информатор — Тимофеева Раиса Николаевна, 1932 г.р.
- ²⁸ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. XVI. С. 208.
- ²⁹ ПМА.
- ³⁰ РАММКС. I—КП 8. Л. 1; Чăваш халăх сăмахлăхĕ. 6 томпа тухать. IV т. Юрăсем / пухса хатĕрленкĕсем, асăрхаттарусене сыракансем И.И. Одюков, Г.Ф. Юмарт. Шупашкар, 1979. С. 82.
- ³¹ Тимофеев Г.Т. Тăхăръял: Сĕве тăршинчи чăвашсем. Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1972. С. 317.
- ³² Чувашские народные песни. 620 песен и мелодий, записанных от Гаврилы Федорова / сост. Ю.А. Илохин. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. С. 191; ПМА.
- ³³ Халăх сăмахлăхĕ: хрестомати / Г.Ф. Юмарт пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2003. С. 245.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. VIII. С. 34.
- ³⁶ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. I. С. 72.
- ³⁷ ПМА.
- ³⁸ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. VI. С. 166; Моргаушский район. Традиции, обряды, праздники / сост. Е.А. Зайцева. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 86.
- ³⁹ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1928. Вып. 1. С. 165.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. XIV. С. 118.
- ⁴² Петров Н.П. Морфологические особенности чувашских говоров БАССР // Материалы по чувашской диалектологии: [сб. статей]. Вып. III. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1969. С. 119—172.
- ⁴³ Иванов Л.А. Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей // Исторический сборник / Учен. зап. ЧНИИ. Вып. XXXI. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1966. С. 173.
- ⁴⁴ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. V. С. 288.
- ⁴⁵ Тимофеев Г.Т. Тăхăръял. С. 152.
- ⁴⁶ Сулова С.В., Мухамедова Р.Г. Указ. соч. С. 129.
- ⁴⁷ Там же. С. 64.
- ⁴⁸ Древнетюркский словарь / ред. А.Н. Наделяев и др.; АН СССР; Ин-т языкознания. Л.: Наука, 1969. С. 329.
- ⁴⁹ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. VII. С. 288.
- ⁵⁰ Мессарош Д. Памятники старой чувашской веры / пер. с венг. Ю. Димитриевой. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 106.
- ⁵¹ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. С. 165.
- ⁵² Денисов П.В. Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР // Учен. зап. ЧНИИ. Вып. XI. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1955. С. 226.

- ⁵³ *Воробьев Н.И.* Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. С. 125—126.
- ⁵⁴ *Мухамедова Р.Г.* Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.: Наука, 1972. С. 91.
- ⁵⁵ *Томилов Н.А.* Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья: хозяйство и материальная культура. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1980. С. 148.
- ⁵⁶ Этнография каракалпаков: XIX — начало XX в. (Материалы и исследования). Ташкент, 1980. С. 68; Казахи // Народы Средней Азии и Казахстана / под ред. С.П. Толстого. Т. 2. М.: Наука, 1963. С. 418.
- ⁵⁷ *Абрамзон С.М.* Киргизы // Народы Средней Азии и Казахстана / под ред. С.П. Толстого. Т. 2. М.: Наука, 1963. С. 257.
- ⁵⁸ *Сазонова М.В.* Женский костюм узбеков Хорезма // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 91; *Люшкевич Ф.Д.* Одежда этнических групп населения Бухарского оазиса и прилегающих к нему районов. Первая половина XX в. (опыт сравнительной характеристики) // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 111.
- ⁵⁹ *Львова А.Н.* Указ. соч. С. 262.
- ⁶⁰ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. XVI. С. 245.
- ⁶¹ *Элле К.В.* Женская одежда по волосам Чувашии (описание с рисунками, работа черновая). Рукопись // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 567. Инв. № 6998. 1925. Л. 43.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Л. 47.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Указ. соч. С. 64.
- ⁶⁶ *Егоров Н.И.* Этимологический словарь чувашского языка // Известия АН ЧР. 1997. № 1. С. 153.
- ⁶⁷ РАММКС. I – КП 8. Л. 2—3.
- ⁶⁸ Там же. Л. 7.
- ⁶⁹ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. IX. С. 212.
- ⁷⁰ Там же. НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 4728. Л. 90.
- ⁷¹ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 4728. Л. 322.
- ⁷² НА ЧГИГН. Фонд Н.В. Никольского. Отд. I. Ед. хр. 211. Л. 65.
- ⁷³ *Мухамедова Р.Г.* Татарская народная одежда. Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. С. 16.
- ⁷⁴ *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Указ. соч. С. 120.
- ⁷⁵ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. III. С. 104—105.
- ⁷⁶ *Матвеев Г.Б.* Национальная одежда и пища. С. 63.
- ⁷⁷ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. III. С. 104—105.
- ⁷⁸ Там же. С. 104.
- ⁷⁹ *Матвеев Г.Б.* Указ. соч. С. 63.
- ⁸⁰ НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 207. Инв. № 1564.
- ⁸¹ Там же.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ *Иванов Л.А.* Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей. С. 174.
- ⁸⁴ *Петров Л.П.* Татарские заимствования в лексике чувашей Приуралья // Материалы по чувашской диалектологии. Вып. V. Чебоксары: ЧГИГН; Руссика, 1997. С. 71.
- ⁸⁵ *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. С. 167.
- ⁸⁶ *Мухаметшин Ю.Г.* Указ. соч. С. 103—104.
- ⁸⁷ *Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар-кряшен. С. 74.
- ⁸⁸ *Мухамедова Р.Г.* Татарская народная одежда: альбом. Казань: Татар. кн. изд-во, 1997. С. 50; *Суслова С.В., Мухамедова Р.Г.* Указ. соч. С. 114.
- ⁸⁹ *Егоров Н.И., Ефимов Ю.Ф.* Материалы к вопросу о татарских лексических заимствованиях в чувашском языке // Чувашский язык: проблемы исторической лексикологии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1986. С. 76.

- ⁹⁰ Элле К.В. Женская одежда по волостям Чувашии. Л. 49.
- ⁹¹ Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар-кряшен. С. 74.
- ⁹² Риттих А.Ф. Чуваши // Риттих А.Ф. Казанская губерния. Материалы для этнографии России. Ч. II. Казань: Тип. Казан. ун-та, 1870. № 2.
- ⁹³ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. III. С. 195.
- ⁹⁴ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. VII. С. 170.
- ⁹⁵ Денисов П.В. Указ. соч. С. 215.
- ⁹⁶ Иванов Л.А. Старинная женская национальная одежда чувашского населения Самарской Луки и Саратовского Правобережья // Бытовая культура чувашей. Материалы к историко-этнографическому атласу. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1985. С.79.
- ⁹⁷ Мухаметшин Ю.Г. Татары-кряшены. С. 104.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ Валеев Ф.Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань: Татар. кн. изд-во, 1992. С. 119.
- ¹⁰¹ Смирнова Е.Ю. Одежда татарского населения Среднего Тоболо-Иртышского междуречья в конце XIX — первой трети XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Омск, 1998. С. 13.
- ¹⁰² Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологиясы: Ике томда. I том (А—Л). Казан: Мәгариф—Вақыт, 2015. С. 399.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марий. кн. изд-во, 1992. С. 28; Народное искусство Урала. Традиционный костюм / ред.-сост. А.А. Бобрихин, О.Д. Коновалова, С.Н. Кучевасова, Н.Г. Сидорова, О.М. Тихомирова. Екатеринбург: Баско, 2006. С. 87, 91.
- ¹⁰⁶ Грибова Л.С. Коми-пермяки // Народы Поволжья и Приуралья: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1985. С. 63.
- ¹⁰⁷ Крюкова Т.А. Удмуртское народное изобразительное искусство. Ижевск; Ленинград: Удмуртия, 1973. С. 69—70.
- ¹⁰⁸ Одежда русских в коллекциях Новосибирского государственного краеведческого музея. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. С. 20—21, 56—57, 171.
- ¹⁰⁹ Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. С. 170.
- ¹¹⁰ Шибаева Ю.А. Одежда хакасов / Мин-во просвещения Таджикской ССР. Таджикский гос. ун-т им. В.И. Ленина. Сталинабад, 1959. С. 64.
- ¹¹¹ Әхмәтъянов Р.Г. Указ. соч. С. 474.
- ¹¹² Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Т. 2. С—Я. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. С. 461.
- ¹¹³ Народное искусство Урала. С. 87.
- ¹¹⁴ Судаков Г.В. Указ. соч. С. 30.
- ¹¹⁵ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. С. 165—166.
- ¹¹⁶ Там же.
- ¹¹⁷ Тимофеев Г.Т. Тәхәръял. С. 152.
- ¹¹⁸ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. IX. С. 213.
- ¹¹⁹ Никольский Н.В. Краткий курс этнографии чуваш. С. 166.
- ¹²⁰ Чуваши: Этнографическое исследование. Ч. I. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1956. С. 260.
- ¹²¹ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. XIII. С. 216.
- ¹²² Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. XIV. С. 219.
- ¹²³ Ашмарин Н.И. Указ. соч. Т. VII. С. 170.
- ¹²⁴ Там же. С. 198.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ РАММКС. I — КП 9.

- ¹²⁷ *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. С. 166; *Иванов Л.А.* Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей. С. 173; Чуваш. С. 260.
- ¹²⁸ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. IX. С. 212.
- ¹²⁹ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. XIII. С. 216.
- ¹³⁰ *Иванов Л.А.* Национальная одежда и украшения прикамских и южноуральских чувашей. С. 173.
- ¹³¹ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. VII. С. 326.
- ¹³² *Иванов Л.А.* Указ. соч. С. 173.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ Чуваш. С. 260.
- ¹³⁵ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. XIV. С. 219.
- ¹³⁶ *Спиридонов М.С.* НА ЧГИГН. Ед. хр. VIII—527. Табл. 16. Рис. 1, 2, 3, 6, 7. Инв. № 4314; табл. 18. Рис. 4. Инв. № 43. Рис. 14.
- ¹³⁷ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. VI. С. 154.
- ¹³⁸ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. XI. С. 220.
- ¹³⁹ РАММКС. II—67. Л. 3.
- ¹⁴⁰ НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 8. Л. 464.
- ¹⁴¹ РАММКС. II—67. Л. 6.
- ¹⁴² *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. С. 168.
- ¹⁴³ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. XVI. С. 205.
- ¹⁴⁴ *Комиссаров Г.И.* Чуваш. Казанского Заволжья // Известия ОАИЭ. Т. XXVII. Вып. 5. Казань, 1911. С. 342.
- ¹⁴⁵ *Никольский Н.В.* Краткий курс этнографии чуваш. С. 166.
- ¹⁴⁶ *Ашмарин Н.И.* Указ. соч. Т. VII. С. 320.
- ¹⁴⁷ *Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар-кряшен. С. 63.
- ¹⁴⁸ *Воробьев Н.И.* Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М.: Наука, 1967. С. 125.
- ¹⁴⁹ *Мухамедова Р.Г.* Татарская народная одежда. С. 55.
- ¹⁵⁰ *Рамазанова Д.Б.* Указ. соч. С. 39.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² *Лебедева Н.И., Маслова Г.С.* Русская крестьянская одежда XIX — начала XX в. // Русские: Историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда (середина XIX — начала XX в.). М.: Наука, 1967. С. 248; *Крюкова Т.А.* Указ. соч. С. 69. Рис. 45.
- ¹⁵³ *Радлов В.В.* Опыт словаря тюркских наречий. В 4 т. Т. 4. Ч. 1, 2. СПб., 1911. С. 54; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / под ред. Б.А. Ларина. М.: Прогресс, 1987. Т. III. С. 798—799.
- ¹⁵⁴ *Молотова Т.Л.* Указ. соч. С. 31; *Гаген-Торн Н.И.* Женская одежда народов Поволжья (материалы по этногенезу). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1960. С. 132—135.
- ¹⁵⁵ *Шиббаева Ю.А.* Указ. соч. С. 61.
- ¹⁵⁶ *Рассудова Р.Я.* Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по лекциям и записям П.Л. Троицкой и Г.Г. Гульбина, 1962—1927 гг.) // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии: сб. музея антропологии и этнографии. Т. XXVI. Л., 1970. С. 23, 34; Этнография каракалпак: XIX — начало XX в. (Материалы и исследования). Ташкент, 1980. С. 68, 69; *Морозова А.С.* Традиционная народная одежда туркмен // Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 1989. С. 47; *Жантеев Е.Н.* Этнокультурная лексика казахского языка (на материалах произведений М. Ауэзова). Алма-Ата: Наука, 1989. С. 18—19; *Абдуллаев Т.А., Хасанова С.А.* Одежда узбеков (XIX—XX). Ташкент: Фан, 1978. С. 14.
- ¹⁵⁷ *Абдуллаев Т.А., Хасанова С.А.* Указ. соч. С. 253; *Гаджиева С.Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX—XX вв. М.: Наука, 1976. С. 185.
- ¹⁵⁸ *Студенецкая Е.Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII—XX вв. М.: Наука, 1989. С. 137—138.

¹⁵⁹ *Воробьев Н.И.* Казанские татары. Этнографическое исследование материальной культуры дооктябрьского периода. Казань: Татгосиздат, 1953. С. 361.

¹⁶⁰ *Воробьев Н.И.* Этногенез чувашского народа по данным этнографии // Советская этнография. 1950. № 3. С. 75.

N.I. Zakharova-Kuleva

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF OUTERWEAR OF CHUVASH AND TATARS

In this article, on the basis of archival documents, objects stored in the collections of the Chuvash National Museum, the electronic State catalog of the Russian Federation, the parallels in the traditional outerwear of the Chuvash and Tatars are considered. The works of Tatar and Chuvash ethnographers, historians, culturologists, art historians, as well as linguists are also analyzed. Analysis of sources and literature has shown that the most analogies are found in the outerwear of the Chuvash and peripheral groups of Tatars-Kryashens and Mishars, who have preserved the features of more ancient traditions. The costume of the Kazan Tatars was largely transformed under the influence of Muslim culture.

Keywords: Chuvash, Kryashen Tatars, Mishari Tatars, outerwear, interethnic interaction.

а)

б)

Рис. 1. Верхняя одежда чувшей — *тӓлӓн*: а) женский тулуп. ЧНМ ВМ 383/14; б) мужские тулупы: прямоспинный (слева) и приталенный (справа). Конец XIX — начало XX в. д. Сталино Цивильского района ЧАССР. ЧНМ ЧКМ 5086

Рис. 2. Верхняя одежда чувашей — *кӗрӗк*: а) шуба, украшенная вышивкой. Начало XX в. ЧНМ ЧКМ 12029; мужчины в дубленках: б) спереди; в) сзади. Конец XIX — начало XX в. д. Новое Изамбаево Комсомольского района ЧАССР. ЧНМ ЧКМ 9053 и ЧКМ 5086

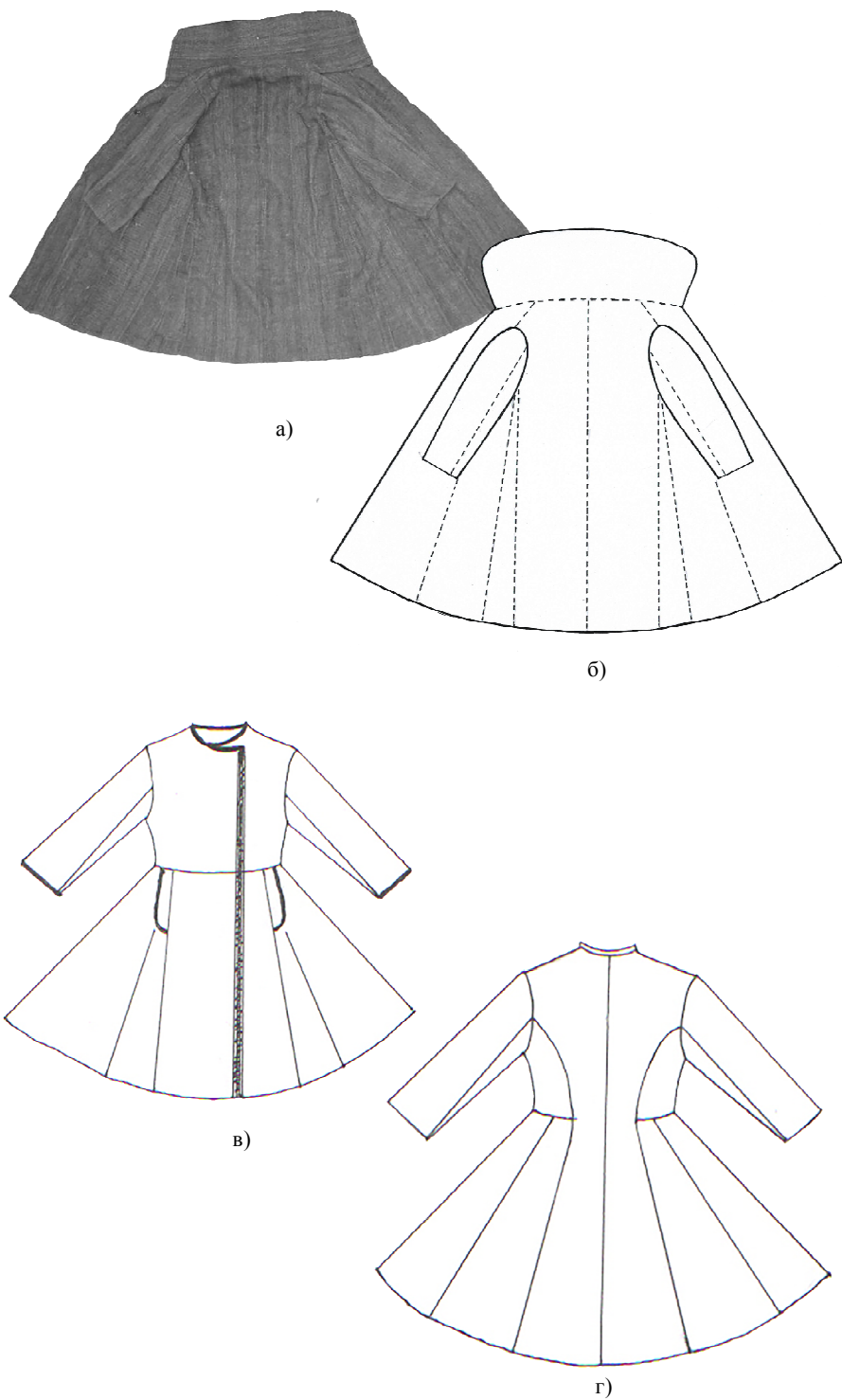

Рис. 3. Чапан: а) прямоспинный чапан. XIX в.; б) покрой прямоспинного чапана; в) покрой приталенного чапана спереди; г) сзади

а)

б)

Рис. 4. Чувашский женский халат *йşлен*. Начало XX в. Абдулинский район Оренбургской обл. Фотограф Л.А. Иванов. НА ЧГИГН. Отд. VIII. Ед. хр. 207. Инв. № 1564. а) с. Исайкино; б) с. Захаркино

Рис. 5. Чувашский мужской подвенечный кафтан *йşлен*. РЭМ 968-60. Госкаталог 21932715

а)

б)

Рис. 6. Женский *жилэн*. Елабужская группа татар-кряшен: а) спереди; б) сзади.
По кн.: Мухамедова Р.Г. Народный костюм татар-кряшен. Казань, 2005. С. 87

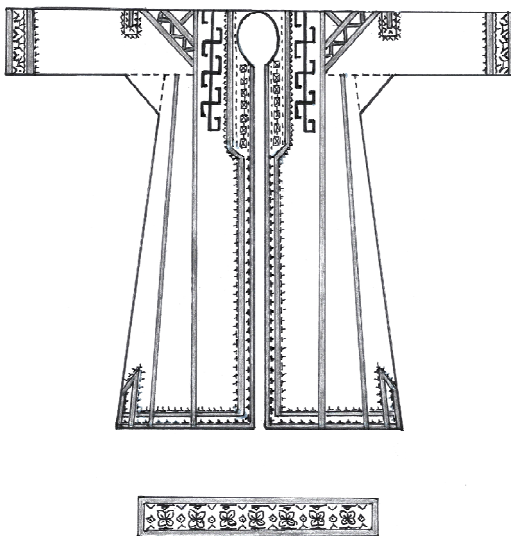

Рис. 7. Покрой туникообразного халата *шупәр*

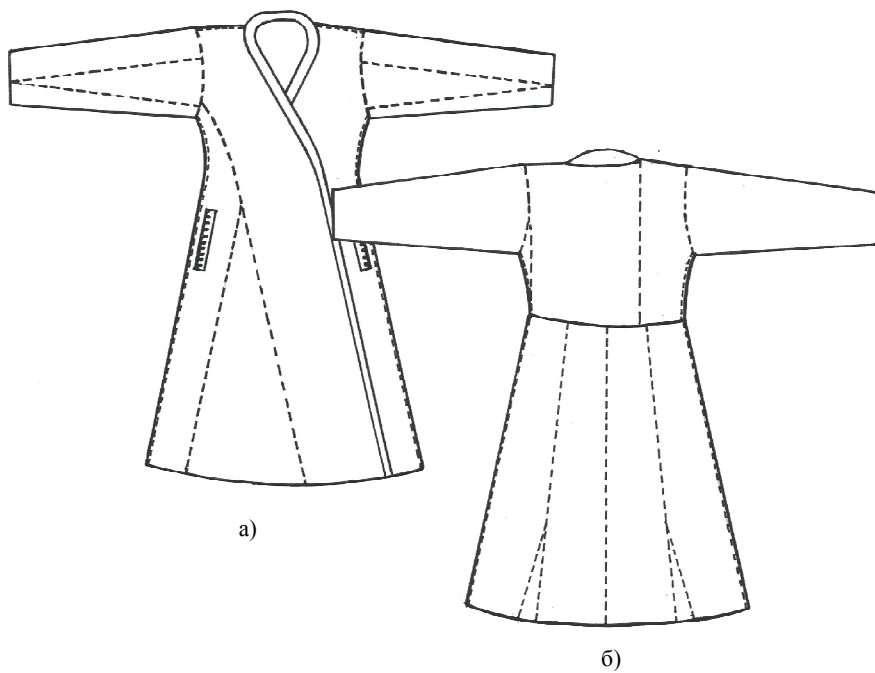

Рис. 8. Покрой мужского халата *шуп'ар*. Начало XX в. ЧНМ ЧКМ 3594:
а) спереди; б) сзади

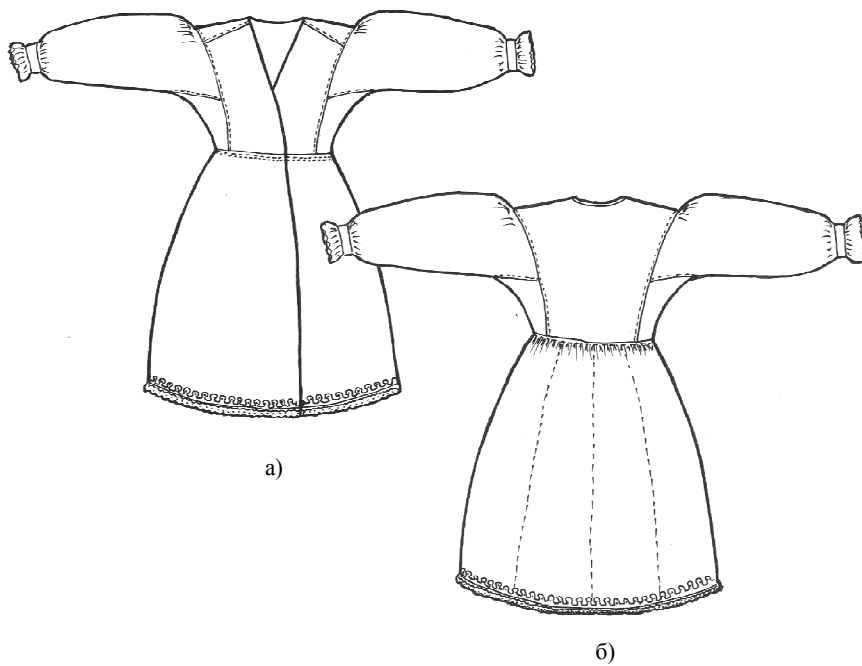

Рис. 9. Покрой женского приталенного халата *шуп'ар*. Конец XIX — начало XX в.
ЧКМ 17003. Красночетайский район ЧР. а) спереди; б) сзади

Рис. 10. *Шуня́р* утепленный. Начало XX в. ЧНМ ЧКМ 17496. а) спереди; б) сзади

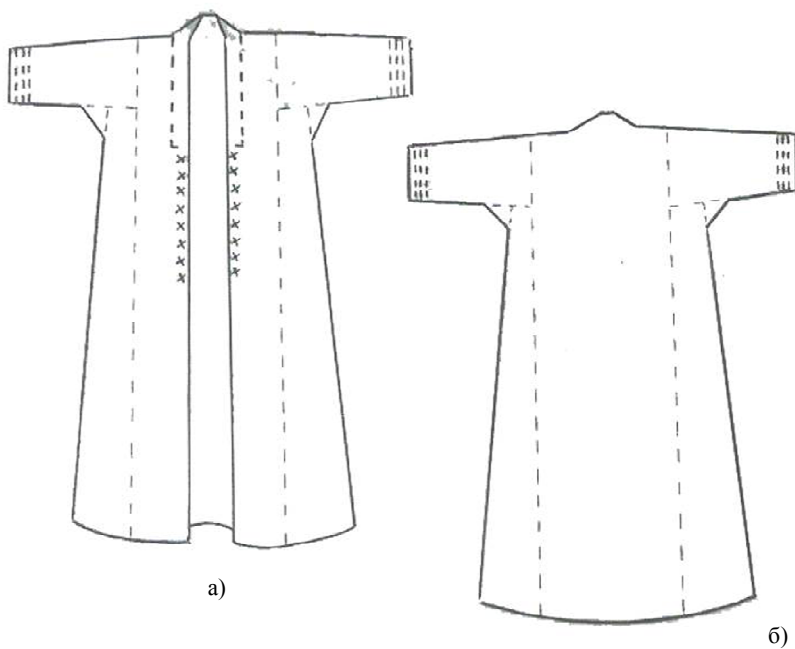

Рис. 11. Туникообразный джилян: а) спереди; б) сзади.
По кн.: *Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар-кряшен. Казань, 2005. С. 74

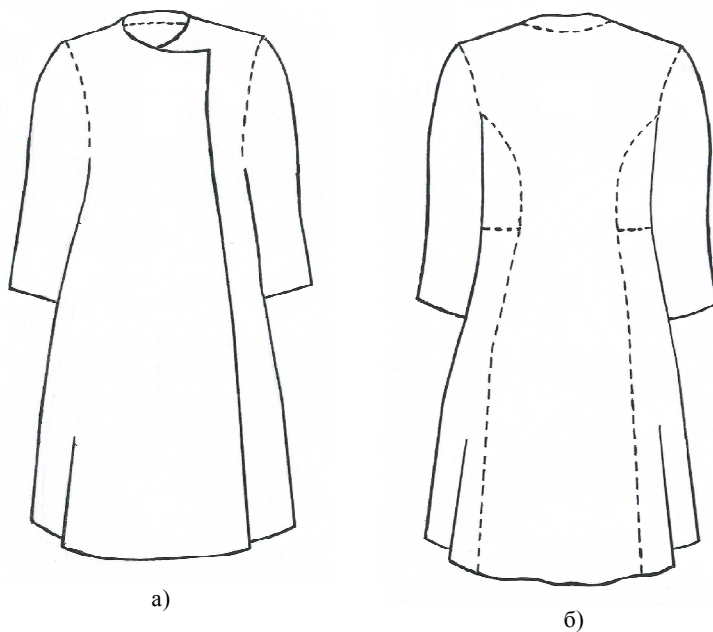

Рис. 12. Мужской двухшовный сукман (*икё пилёклё сáхман*).
 Рис. по М.С. Спиридонову. НА ЧГИГН. VII—527. Табл. 18. Рис. 4. Инв. № 43. Рис. 14:
 а) спереди; б) сзади. д. Старые Тойси Батыревского района ЧАССР

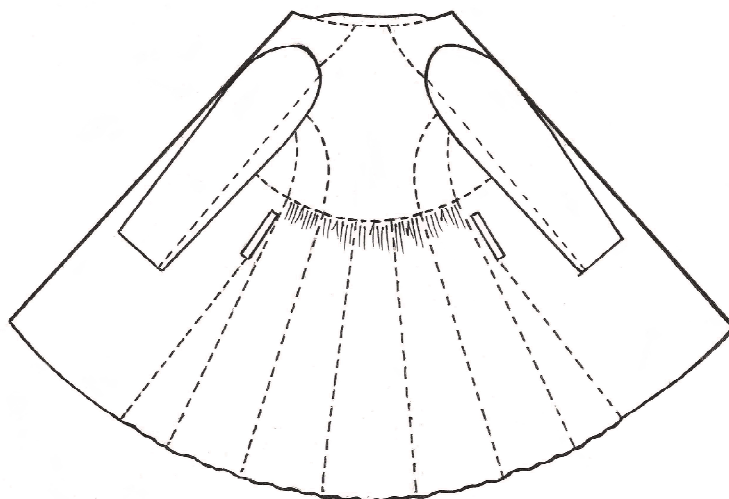

Рис. 13. Покрой пригального сукмана (*кáр пёрмеклё сáхман*,
кáр пёрмеклё шупáр). Конец XIX — начало XX в.

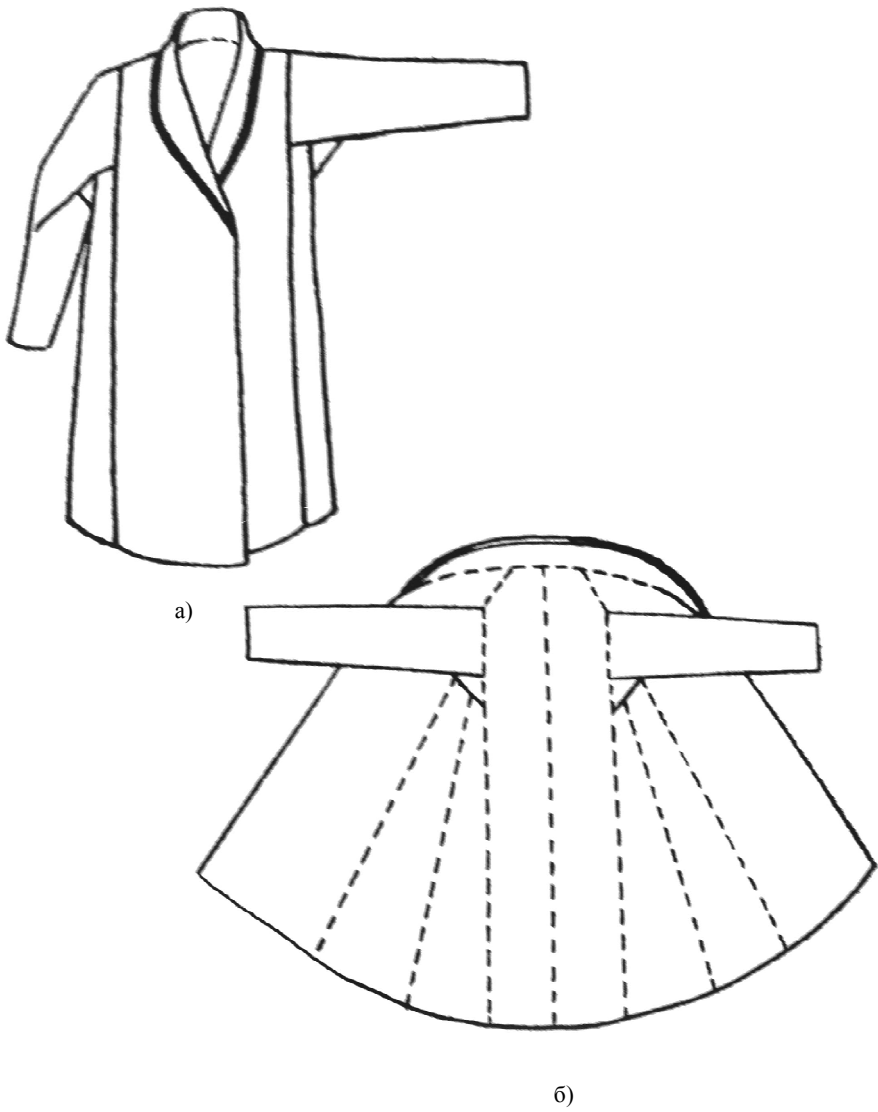

Рис. 14. Покрой сукмана *чикмен*: а) спереди; б) сзади.
Из кн.: *Мухамедова Р.Г.* Народный костюм татар-крышен. Казань, 2005. С. 63

УДК 316.653(470.344)

ЧГВ, 2022 г., № 17
© И.И. Бойко

СТУДЕНТЫ ЧУВАШИИ
ОБ ИСТОРИИ
РОССИИ

В статье рассмотрены материалы социологических опросов студентов Чувашии, выявлены позиции молодежи по отношению к важным периодам истории России, а также к государственным и политическим деятелям, в значительной мере определявшим и определяющим развитие страны. Отмечено, с одной стороны, слабое знание студентами конкретных фактов и событий отечественной истории, с другой стороны, заметно влияние ситуативности на отношение к историческим периодам и отдельным личностям.

Ключевые слова: историческая память, студенческая молодежь, социологические опросы, ситуативность.

Начало научного осмысления коллективной памяти традиционно относят к трудам французского социолога М. Хальбвакса, умершего в марте 1945 г. в немецком концлагере. В своих работах («Социальные рамки памяти», 1925; «Коллективная память», 1950, посмертное издание) он и ввел в научный оборот данное понятие. В дальнейшем интерес к осмыслению коллективной (исторической, социальной) памяти активизировался только в 1980-е гг., и вышло значительное количество книг и статей зарубежных и отечественных авторов. Анализ литературы этого направления исследований представлен в трудах Л.П. Репиной, И.М. Савельевой, А.В. Полетаева, Е.А. Ростовцева, Д.А. Сосницкого, В.А. Шнирельмана и других ученых¹. Ю.А. Сафронова выпустила специальное учебное пособие². Можно отметить исследования в сфере исторической социологии³, регулярно публикуются труды социологов, посвященные исследованию исторической памяти россиян⁴. В качестве особого направления следует выделить работы по изучению гражданских ценностей

Иван Иванович Бойко — доктор исторических наук, главный научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: boyko2003@yandex.ru.

российской молодежи, ее представлениям об историческом опыте России, отдельных регионов страны⁵. В Чувашской Республике также публикуются книги и статьи, посвященные изучению исторической памяти молодых людей, в первую очередь студентов. Эмпирической базой таких трудов являются социологические опросы. Чувашский государственный институт гуманитарных наук (ЧГИГН) проводит такие обследования, носящие мониторинговый характер, с начала 2010-х гг. Полученные материалы используются в проектах, разрабатываемых Сетью этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, Распределенным научным центром межнациональных и религиозных проблем, действующих при Институте этнологии и антропологии РАН. Так, в коллективной монографии, посвященной проблемам российского студенчества, имеется раздел, в котором приводятся материалы об отношении к стране и ее истории, полученные в 9 регионах Поволжья, в том числе в Чувашии⁶. Кроме того, такие данные выходят в свет и в региональных изданиях⁷. Отметим также отдельные публикации преподавателей Чувашского госуниверситета, в которых рассматриваются проблемы исторической памяти студентов через призму патриотизма⁸, восприятия истории России в целом⁹, а также таких важнейших исторических событий, как Октябрьская революция 1917 г.¹⁰, Великая Отечественная война¹¹.

В настоящей статье в основном будут использованы материалы опросов студенческой молодежи Чувашии, проведенных ЧГИГН в марте—апреле 2019, 2021 и 2022 гг. В 2019 г. опрашивались 688 студентов вузов, в 2021 г. — 453, в 2022 г. — 501 студент. Материалы 2020 г. у нас также имеются, но в силу начавшейся пандемии опрос пришлось прервать, поэтому решено не привлекать неполные данные этого года. Распределение студентов по полу, возрасту, направлениям образования соответствовало этим показателям по студенчеству в целом. Рассматривая проявления исторической памяти молодежи, мы солидаризируемся с мнением Л.П. Репиной, полагающей, что «историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти — как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память — не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом...»¹².

Прежде чем вести речь о теме исследования, выявим предпочтения молодых людей при выборе своего места в социальной системе общества. Им был предложен достаточно традиционный набор «Я-идентичностей», и данные опроса показали стабильность в приверженности студентов к определенным приоритетам. Следует отметить высокую частоту выбора общегражданской идентичности, которая была зафиксирована практически от двух третей до трех четвертей респондентов (табл. 1). Отметим, что в 2022 г. опрос проводился в марте, то есть во время специальной военной операции

на Украине, что, судя по всему, привело к росту чувства гражданской солидарности у молодых людей. Затем по частоте ответов приоритеты были направлены в сторону демографических признаков, иначе говоря, речь идет о возрастных и гендерных (половых) особенностях.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что для Вас является наиболее важным из нижеперечисленных позиций?»
(%, можно было выбрать не более трех вариантов ответа)

Варианты ответов: Я —	2021	2022
Представитель своего поколения	54	48
Представитель своей национальности	25	29
Представитель студенческой молодежи	11	5
Гражданин России	65	73
Житель Чувашии	29	29
Представитель своего района, землячества	8	8
Представитель своей религии	7	8
Представитель определенной идеологии (коммунист, консерватор, либерал-демократ и др.)	2	4
Представитель молодежных объединений (профсоюзных, экологических, военно-патриотических, спортивных, музыкальных и др.)	8	7
Представитель неформальных молодежных субкультур (байкеры, фанаты, скинхеды, рэперы, ролевики, эмо и др.)	6	4
Мужчина / женщина	30	36
Иное	5	2

Показатели региональной и этнической идентичности сохраняют свой высокий ранг, подтверждая их важность для самоопределения молодых людей. Заметно реже респонденты считали необходимым в качестве отличительного признака отметить приверженность к формальным и неформальным молодежным группам, важным для отдельных участников опроса, но не в такой степени, чтобы их можно было охарактеризовать как категории значимые и массовые.

Обратимся далее к ответам студентов Чувашии, дававших свою оценку некоторым периодам истории России. Данные приведены в табл. 2. Предварительно следует отметить, что предложенные для оценки периоды отличаются не только по длительности, но и по значению для экономического, политического, социального и другого развития страны. При разработке анкеты необходимо было учесть приемлемое для восприятия количество вопросов с тем, чтобы респонденты могли сопоставить и выбрать для себя определенные варианты. С этой точки зрения практически тысячелетняя дореволюционная история представлена только одной строкой, поскольку ее деление на отдельные периоды значительно увеличило бы их общее количество. Советские и постсоветские периоды в значительной степени представлены с учетом политической составляющей, личности «первого» лица в стране, то есть проведена определенная персонификация различных ис-

торических этапов. Отметим также, что для всей молодежи, участвовавшей в опросах, время социализации пришлось на современный период, то есть время В.В. Путина, с учетом этого происходит некоторое противостояние установок личности, которые в значительной мере были приобретены на основе собственного жизненного опыта и взглядов, сформировавшихся под воздействием знаний, полученных в учебных заведениях, СМИ, социальных сетях, некоторых идеологем, мифов, почерпнутых из различных источников и др. Также укажем, что мы располагаем оценками молодежи такого важнейшего события для нашей страны, как Великая Отечественная война, но в данной статье не используем их, поскольку эта проблема требует отдельного рассмотрения. Кроме того, привлечены мнения молодежи об отдельных личностях, проявивших себя в различные исторические периоды.

Таблица 2

Укажите, какой период в истории России в наибольшей степени соответствует Вашим идеалам, представлениям о том, какой должна быть Россия?

(%, можно было выбрать не более трех ответов)

Исторические периоды	2019	2021	2022
Российская империя до 1917 г.	12	11	9
СССР в период нэпа	3	6	4
СССР в период Сталина (1930 — начало 1950-х гг.)	13	12	12
Политическая оттепель второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. — период Хрущева	6	10	10
СССР в период Брежнева (середина 1960-х — 1980 гг.)	11	13	12
Период перестройки (Горбачев)	4	6	6
Период преобразований 1990-х гг. (Ельцин)	3	4	7
Современный период, Путинский период	23	29	46
Ни один из них	22	25	16
Другой период (укажите)	1	2	—
Затрудняюсь ответить	24	19	15

Из представленных данных следует несколько наблюдений. Во-первых, большинство студентов не воспользовались возможностью выбрать не один, а два или три ответа. В 2019 г. на одного участника обследования пришлось 1,2 ответа, в 2021 и 2022 гг. — по 1,4 ответа. Объяснения могут быть разными, но прежде всего речь может идти об отсутствии желания задуматься и незначительной осведомленностью об особенностях конкретных исторических периодов. Вполне возможно и сочетание этих причин. Далее подчеркнем, что для значительной части молодых людей прошедшие периоды истории не представляются значимыми с их точки зрения (вариант «ни один из них»). Такой выбор может быть обусловлен или неплохими знаниями и одновременно критическим отношением к истории страны. Но возможен и вариант отсутствия значительных знаний как в целом по истории России, так и ее отдельных периодов. Примерно такая же часть студенческой молодежи заявила о своих затруднениях в выборе конкретного ответа. Здесь также возможно несколько объяснений, и самый прос-

той вариант связан с отсутствием знаний или же желанием «отделаться» от интервьюера и побыстрее ответить на вопросы анкеты. Близкие по значению доли таких ответов в общем числе респондентов свидетельствуют об устойчивости результатов и не могут быть объяснены только нашим последним предположением. Следующее заключение сводится к тому, что личный опыт социализации играет заметную роль в оценке отдельных этапов истории России, особенно это заметно по данным 2022 г., но об особенностях выбора данного этапа немного ниже. В-четвертых, обращает на себя внимание распределение выбора студентов по семи первым перечисленным периодам. Можно говорить о низкой активности при выборе отдельных периодов, но и при таком выборе возможно условное выделение трех категорий исторических периодов по полученной доле предпочтений: набравшие от 9 до 13 % голосов (Российская империя, эпоха Сталина и период Брежнев), получившие от 3 до 7 % (периоды нэпа, Горбачева и Ельцина), а также период Хрущева, которому отдали предпочтение от 6 до 10 % респондентов. Дистанции, безусловно, незначительные, но и здесь можно высказать предположение, что играли роль различные установки молодых людей, о которых мы будем вести речь ниже. Сейчас же отметим их симпатии к современному периоду, особенно выраженные в 2022 г. Еще раз повторим, что в 2019 и 2021 гг. значение имела собственная практика социального осмысления действительности со многими ее проблемами, но и оптимизмом, в целом присущим молодежи, надеждами на будущее и др. В 2022 г. современный период выбрала практически половина участников опроса. Понятно, что этот выбор определялся событиями на Украине, проведением специальной военной операции, которая началась 24 февраля. Опрос прошел в марте 2022 г., то есть после ее начала, и молодежь не прямо, но косвенно высказала свое отношение к этим событиям.

Рассмотрим далее отношение студентов к лидерам государства, политическим деятелям различных эпох, то есть перейдем от общих предпочтений исторических периодов к их персонифицированному воплощению. Респондентам предлагался список таких лиц, но можно было вписать и свои варианты. Материалы представлены в табл. 3.

При ответе на данный вопрос можно было выбрать до четырех деятелей, и в 2019 г. в среднем на каждого респондента пришлось 2,1 ответа, в 2021 г. — 2,4 и в 2022 г. — 2,6 ответа. Первоначально поясним, что в 2019 г. фамилии С.К. Шойгу, С.В. Лаврова и М.В. Мишустина в списке не были представлены, но в этом году некоторые из участников опроса называли их в категории «другие политики». Отметим далее, что наибольшее внимание у них отмечалось к пяти представителям политической элиты. При этом четверо из них представляли уже ушедшие эпохи, как дореволюционные, так и советские. Можно отметить достаточно постоянный уровень их предпочтений, при этом лидером до 2022 г. оставался Петр I. Следует отметить, что такое внимание к этой личности отмечается и в других опросах. Постоянным является достаточно частый выбор В.И. Ленина, И.В. Сталина и

Екатерины II. До 2022 г. В.В. Путин также регулярно входил в число самых популярных лидеров страны, но в ходе последнего опроса его имя назвал каждый второй респондент. Понятно, что речь идет о новой ситуации, о проведении специальной военной операции, о роли в ней Верховного главнокомандующего. Отметим, что частота упоминаний таких деятелей, как Н.С. Хрущев, М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин коррелирует с частотой выбора исторических периодов, с которыми связана их деятельность. В то же время оценка Л.И. Брежнева немного ниже сравнительно с периодом середины 1960-х — начала 1980-х гг. Видимо, речь в данном случае идет не о роли отдельного человека, пусть и находящегося на вершине власти, а о представляемых достижениях всего государства и общества. Отметим также некоторое увеличение доли упоминаний современных руководителей государства, особенно С.К. Шойгу и С.В. Лаврова, которые играют значительную роль в военной операции, ее информационном сопровождении.

Отметим достаточно заметное сокращение доли затруднившихся ответить, а также тех студентов, кто скептически относился к предложенному списку и в то же время сами не могли предложить конкретные имена. Речь опять может идти о том, что выбор достаточно сократился в связи со сложившейся международной ситуацией.

Таблица 3

Кто из деятелей прошлого и настоящего, с Вашей точки зрения, более всего способствовал (или способствует) осуществлению массовых народных ожиданий
(%, можно было выбрать не более четырех вариантов ответа)

Деятели различных эпох	2019	2021	2022
Иван Грозный	7	6	4
Петр I	38	45	37
Екатерина II	21	21	25
Декабристы	7	18	9
В.И. Ленин	29	38	35
И.В. Сталин	23	23	28
Н.С. Хрущев	6	9	8
Л.И. Брежнев	6	7	6
М.С. Горбачев	4	3	3
Б.Н. Ельцин	4	5	6
В.В. Путин	32	23	49
Д.А. Медведев	3	7	6
С.К. Шойгу	—	2	8
С.В. Лавров	—	4	9
М.В. Мишустин	—	4	6
Другие политики современной эпохи	1	3	2
Другие деятели истории, современности	4	5	1
Никто из деятелей прошлого и настоящего не способствовал осуществлению массовых народных ожиданий	6	2	1
Затрудняюсь ответить	23	17	12

Среди других политиков и деятелей современности в 2019 г. назывались такие лица, как А. Навальный (1,3 %), Александр II (0,7 %), депутат Госдумы, бывший мэр Якутска С.В. Авксентьева (0,3 %), представители династии Романовых — М. Романов, Александр I, Николай II, исторические герои Е. Пугачев, Н. Махно, современные политики С.В. Лавров, В.В. Жириновский и некоторые др. В 2021 г. в категории «другие политики» лидировал А. Навальный (3,8 %), что объяснялось ситуацией, сложившейся в связи с его приездом в Россию, арестом, попытками организации протестов и др. Другой «опальный» политик С. Фургал был упомянут в 0,8 % случаев. Остальные действующие и исторические деятели назывались единично. В 2022 г. чаще других в этом разделе назывался В.В. Жириновский (2 %), за ним следовал А. Навальный (1,4 %), Н. Бондаренко и С. Фургал (по 0,4 %) и в единичных случаях — П. Грудинин, Е. Шульман, Г. Зюганов, Р. Кадыров, М. Захарова, Р. Минниханов, Н. Платошкин, Э. Набиуллина, Ю. Латынина. Иначе говоря, этот список не очень значительный, и в нем названы лица, представляющие различные политические предпочтения. Определить какие-либо тенденции не представляется возможным, поскольку число таких респондентов и называемых ими деятелей, является незначительным.

Интерес представляют мнения молодых людей о некоторых положительных, по их мнению, тенденциях развития, отдельных событиях и явлениях, которые можно было бы гипотетически заимствовать в современном периоде. Для большего удобства распределим эти ответы, как в целом по предшествующему периоду, так и по отдельным сферам государственной и общественной жизни. Подобные ответы получены в 2021 г., и при этом следует констатировать, что для большинства респондентов такая задача оказалась достаточно затруднительной. Абсолютное большинство из их числа не были готовы размышлять на эту тему и давать определенные ответы. Максимальная доля студентов (24 %) нашла положительные черты у времени, когда государством руководил И.В. Сталин. В дореволюционной эпохе видели возможность заимствования 18 % респондентов, по 14 % обратили внимание на время нэпа и Н.С. Хрущева, 10 % — на период Л.И. Брежнев. Время перестройки (М.С. Горбачев) и перемен 1990-х гг. (Б.Н. Ельцин) дало возможность высказаться 7 % участников опроса. Необходимо учитывать, что вопрос был задан о возможности заимствования, то есть полезного, привлекательного для современности, поэтому вне внимания молодых людей остались негативные оценки. Другое дело, что некоторые предлагаемые заимствования оказались весьма спорными как с точки их принадлежности к оцениваемой эпохе, так и полезности для современной. Напомним, что речь идет о представлениях, установках респондентов, их личном мнении, и в ряде случаев они не соответствовали исторической действительности, что и следует иметь в виду. Отметим также, что мы стремились сохранить стилистику ответов, исправляя грамматические ошибки. Из этих ответов явствует, что если вести речь обо всей эпохе **Российской империи**,

то студенты видели в ней такие положительные отличительные черты, как постоянное развитие, грандиозные цели, прогресс страны, решительность, принятие нововведений, стойкость, целостность России, расширение территорий и укрепление Российского государства, понятие о долге и чести, благородство, преданность Родине, стабильность. Небольшая часть ответивших особо отмечали развитие в годы Петра I и Екатерины II.

Характеристика *экономического развития* империи включала такие черты, как экономическая политика, интенсивное развитие экономики в целом и ее отдельных отраслей, подъем своей промышленности, ее быстрое развитие, изучение и применение европейских технологий, стремительная модернизация страны, искусство кораблестроения.

Привлекательными чертами *государственного строя, социального устройства* выделялись наличие монархии (в разных вариантах несколько раз), великодержавность, средоточение власти в одних руках, политическая мощь, наличие династии, местное самоуправление, уважение власти, реформы и революции — иногда они полезны, развитие гражданских институтов, развитие гражданского общества, национальное единство, единство народа, благополучие населения и авторитет страны, забота о людях, равнозначность господ и слуг, новая экономическая политика, общинность крестьян, судебная система. Выделен период Николая I, и отмечено укрепление госаппарата, при Петре I — курс на развитие империи. Один из студентов отметил, что «аппарат управления был создан не из “воров в законе”, а из элиты, образованных людей».

В сфере *идеологии, духовности* отмечены православие, самодержавие и народность — страна не может без этого существовать; вера, духовность и просвещение, национальная идея и культура, моральные принципы, честь, доблесть, этикет, этические и моральные принципы.

Для гипотетических заимствований из сферы *культуры, искусства, образования, науки* в дореволюционную эпоху назывались в целом культура, ее развитие (несколько раз), отношение к культуре и культурным деятелям, достижения в литературе, искусстве, уровень культуры и образование дворян, образовательная политика, модернизация высшего образования, уровень бесплатной медицины, бесплатное медобслуживание, отношение к идеалам, мода на балы.

Из сферы *международных отношений* в качестве привлекательных характеристик названы влияние и авторитет в мире, непоколебимость перед другими, правильное взаимодействие с другими странами, внешнеполитические связи, стремление к международному сотрудничеству, курс на Европу, больше с ней взаимодействовать (в дружественном плане), улучшение отношений с европейскими странами и др.

Применительно к *армии* выделено следующее: как сильная армия, армейский дух, готовность воевать «за веру, царя и Отечество».

Предложенные к использованию в современных условиях определенные качества дореволюционной Российской империи свидетельствуют об идеализации этой эпохи с различных точек зрения: молодым людям

Россия до 1917 г. представляется государством с динамично развивающейся экономикой, монархическим государственным устройством, одновременным развитием гражданских институтов и местного самоуправления, единением монарха и народа, наличием веры, в первую очередь православия, высоким уровнем культуры, образования, по крайней мере, дворянства. В международных отношениях Россия сохраняет влияние и авторитет, стремится к сотрудничеству с другими, прежде всего, с европейскими странами. Этому периоду приписаны такие явления, которые не были характерны для дореволюционной России: речь, например, идет о новой экономической политике, бесплатном медицинском обслуживании и некоторые другие. При этом определенные передовые идеи и элементы культурного развития распространяются на все государство и общество без учета его социального деления. Во взглядах студентов объединены и причудливо переплетены патриархальные оценки России и ее характеристика как динамично развивающейся державы с сильной армией, высокой культурой, социальными достижениями.

Период новой экономической политики был более всего интересен с точки зрения экономического развития. Речь шла о достижениях в экономике, бурном развитии страны, готовности к новому, стремлении к развитию, экономической независимости, открытию значительного количества предприятий и мастерских, мобильности экономики, поддержке малого и среднего бизнеса, борьбе с кризисами, проведении реформ, разрешении свободной торговли, свободного предпринимательства. Конечно, некоторые названные явления дают общую характеристику развития, трудно представить, как их можно заимствовать, но речь идет о взглядах молодых людей на события, происходившие в России 100 лет назад. Были предложения о росте рабочих мест при нэпе, что в целом не соответствует действительности, и проведении неизвестной образовательной реформы.

Говоря о системе *государственного строя, социального устройства*, респонденты олицетворяли это время с Лениным и Сталиным и думали о возможности их переноса в современность.

Из *идеологии, духовности* этого периода было предложено обратиться к таким качествам, как коллективизм, надежда и стремление к улучшению общества. Конечно, коллективизм и развитие частной собственности не были тесно связаны, скорее — наоборот.

Таким образом, период нэпа отмечен, в основном, с экономической точки зрения, и ответившие респонденты видят в нем время поисков, развития предпринимательства, экономические свободы. Не очень обширные знания вынуждают ограничиваться общими высказываниями о развитии экономики, борьбе с кризисами и др.

Эпоха И.В. Сталина, как уже отмечалось выше, вызвала наибольший интерес у студентов — каждый четвертый нашел, что можно взять полезного из этого времени. Если говорить о всей эпохе, то речь шла о политике Сталина в целом, целостности страны, сверхдержаве, скорости в развитии, использовании всех ресурсов по улучшению состояния страны, социальной и

экономической политике (несколько раз), уверенности в завтрашнем дне, честности по отношению к народу, стабильности.

Экономическое развитие этого периода также дало возможность выбрать что-то полезное, с точки зрения молодых людей. Речь в разных словах шла о подъеме экономики, ее росте, росте промышленности, плановой экономике, экономической мощи, планированию сверху, пятилетки, форсированная индустриализация, строительство большого количества предприятий, вовлеченность народа в производство, наличие возможности трудиться, отсутствие безработицы (трудозанятость, у всех была работа), стахановское движение, помощь в жилищных вопросах, качественные продукты питания.

Приоритетные качества *государственного строя и социального устройства* молодые люди видели в авторитете правителя, вождя, такого как Сталин, жесткости, твердости власти, четкой и жесткой системе государственной власти, дисциплине (несколько раз), методах правления страной, строгости Сталина, стремлении к развитию, борьбе с бюрократией, жестком контроле за государственной властью, в наказании чиновников, низкой коррумпированности, очень тщательной борьбе с ней (несколько раз), отсутствии коррупции и беззакония, в страхе перед законом, методах борьбы с преступностью, смертной казни, расстрелах (несколько раз), наличии депутатов из народа, нацеленности на благополучие общества, готовности народа работать, использовании труда заключенных, ответственности за свои поступки перед государством, отсутствии социального расслоения (нет бедных и богатых), в равенстве всех слоев населения, социализме, отсутствии тунеядства, «человек приносил пользу не только себе, но и государству», в заботе о гражданах, социальном равноправии, справедливости (несколько раз).

В сфере *идеологии, духовности* важно позаимствовать патриотизм (несколько раз), коммунизм, любовь к своей Родине, силу моральных ценностей, отсутствие расовых предрассудков, национальную идею, сплоченность народов, стремление в любое время постоять за страну, самопожертвование, коллективный дух народа, идеологическую направленность, цензуру.

В области *культуры, искусства, образования, науки* говорилось о значительных архитектурных сооружениях, направленности государства на науку, наличии научных достижений, доступном бесплатном и качественном образовании, отчуждении церкви от государства.

С точки зрения *международных отношений* обращалось внимание на внешнюю политику Сталина в целом, сплоченность по отношению к врагу (стойкость к внешним врагам), уважение на международной арене.

Для *армии* полезным могло быть быстрое реагирование на чрезвычайные ситуации, военная мощь, отличные командиры, мощные независимые спецслужбы, развитие вооруженных сил и др.

Время руководства страной Н.С. Хрущевым в целом характеризуется ее развитием, порядком, стабильностью, уверенностью в завтрашнем дне, принятием нового, реформами, тягой к будущему и переменами к лучшему.

Респонденты полагают, что из *экономического развития* страны времен Н.С. Хрущева следует воспользоваться его экономической политикой (без конкретных уточнений), отмечалось проведение восстановительных работ, активное строительство жилья для народа (несколько раз), бесплатное выделение квартир работникам предприятий, доступность жилья, борьба за технологический прогресс, развитие сельского хозяйства, освоение целины, развитие новых отраслей промышленности, скачок в развитии технологий, снижение налогов, повышение заработной платы, уменьшение рабочих дней.

По мнению опрошенных, в *государственном строе и социальном устройстве* этого периода следует заимствовать признание и исправление ошибок и проблем государственной власти, реабилитацию политических заключенных, хорошее отношение государства к народу, наличие прав человека, демократичность, льготы гражданам, отсутствие коррупции как таковой, борьба с ней (несколько раз), расстрелы и строгая дисциплина, повышение пенсий.

В области *идеологии, духовности* внимания заслуживают развитие идей социализма, ослабление тоталитарного режима, политическая свобода, отказ от культа личности, политическая оттепель, снятие цензуры (расцензурирование, частичное снятие цензуры и др.), свобода слова (несколько раз).

Для таких сфер, как *культура, искусство, образование, наука* были бы полезными новые идеи в научной и культурной деятельности, свобода от цензуры, свобода творчества, свобода мысли, возможности для самовыражения, свобода творческой деятельности, активная научная деятельность, внимание к новым разработкам, тяга к научному прогрессу, достижения в космосе (несколько раз).

Для *международных отношений* были такие полезные направления, как взаимодействие с Европой, мирное сосуществование, дружественные отношения с Америкой (несколько раз), стремление опередить другие страны в различных сферах, открытость Западу, улучшение отношений с другими странами.

Время Л.И. Брежнева в целом характеризуется порядком, развитием всех сфер жизни, положительными социальными тенденциями, радостью жизни, стабильностью, надежностью (несколько раз), стабильностью и уверенностью в жизни рабочего человека.

С точки зрения *экономического развития* следует обратить внимание на экономическую политику, строительство крупных предприятий с большим количеством рабочих мест, умение продуктивно работать, бесплатные квартиры рабочим (несколько раз), обеспеченность населения, дешевые и натуральные продукты, развитие сельского хозяйства, стабильный уровень цен.

Для *государственного строя и социального устройства* назывались такие положительные явления, как социализм, внутриполитическая стабильность, политическое развитие, стабильное развитие, социальная поддержка населения, забота о рабочем классе, квартиры молодым семьям, развитие социальной сферы, незначительная разница в заработной плате обычных граждан и представителей политической власти, равноправие в труде, борьба

ба с коррупцией (несколько раз), сокращение производства алкоголя, сухой закон, равный уровень жизни граждан, социальная ответственность политиков и самих граждан, курс на демократизацию, повышение благосостояния граждан, путевки для отдыха и лечения от организаций, товарищество, отзывчивость людей, ценится труд, семейные ценности.

В сфере *идеологии и духовности* следует больше пользоваться идеями коллективизма, социализма.

Для *культуры, искусства, образования, науки* следует воспользоваться свободой мысли, достижениями кинематографа, достижениями науки, изобретениями, нормальным бесплатным образованием, подъемом образования, достижениями науки (несколько раз), достижениями в космосе (несколько раз), техническими прорывами, медицинскими достижениями.

В *международных отношениях* полезно нераспространение ядерного оружия, развитие и сближение с западными странами.

Для **времени перестройки (М.С. Горбачев)** из положительных качеств отмечены реформы, решительность, стремление к новому, к развитию, желание лучшего стране, движение к благополучию путем преобразований, готовность кардинально менять сформированные устои, умение убеждать народ.

В сфере *экономического развития* важно внимание к социально-экономическим проблемам, создание более развитой экономики, экономическая система, рост благосостояния населения, улучшение жилищной ситуации, смешанная экономика, либерализация цен, развитие тяжелой промышленности, свобода предпринимательства.

Для *государственного строя и социального устройства* следует обратить внимание на объединение страны и граждан, вовлеченность народа в политические организации, курс на демократизацию, сокращение бюрократии, дружность, организованность, желание граждан работать на благо страны, сухой закон.

Для *идеологии и духовности* важны гласность (несколько раз), демократия, дух свободы, свобода слова, альтернативность, отсутствие цензуры, освобождение информационного поля.

В области *международных отношений* следует заимствовать общение с Америкой в мирных целях, улучшение отношений с Западом, активное взаимодействие с другими странами, прекращение холодной войны, развитие международных связей.

Годы преобразований при Б.Н. Ельцине характеризуются такими положительными явлениями, как готовность к новому, демократическими выборами, реформами, преобразованиями в разных сферах, которые возможны при талантливых управленцах.

В *экономическом развитии* были такие направления, как преобразования в экономике, высокий уровень развития сельского хозяйства, поддержка рабочих, приватизация собственности, развитие банковской системы, проведение либеральных реформ, бесплатное жилье.

Идеология и духовность могут заимствовать из этого времени надежду на будущее, свободу слова (несколько раз), свободу мысли и слова, свободные выборы, свободные СМИ, отсутствие цензуры, уменьшение цензуры.

В культуре, искусстве, образовании, науке важны отсутствие цензуры в творчестве, на телевидении, новые научные открытия.

Обратимся далее к данным, полученным в ходе опроса 2022 г., когда для характеристики исторического сознания молодежи была использована методика, предложенная М.К. Горшковым и Ф.Э. Шереги, формулировки отдельных вопросов, использованных ими, были немного изменены. Сразу же следует оговориться, что они имели возможность провести особенности формирования исторического сознания у возрастных когорт (поколений), то есть с учетом личного опыта социального становления в том или ином историческом периоде¹³. Возможностью подобного сравнения мы не обладаем, поскольку опрашивалось одно поколение, родившееся в XXI в., знание которого о прошедших эпохах сформировано официальной идеологией, транслируемой в рамках образовательного процесса, через литературу и искусство, систему СМИ. В то же время существуют сведения, с которыми можно ознакомиться в книгах, социальных сетях, выступлениях на различных ток-шоу и т.д., и которые несут другую точку зрения на исторические события, нередко противоположную. Для нас важным было выявить как положительные, так и негативные оценки отдельных исторических периодов в глазах студенческой молодежи. При этом следует помнить, что историческое сознание может меняться под изменением собственного жизненного опыта, новых знаний и т.д., но в данном случае речь идет о получении определенного среза оценок на конкретный хронологический период. Результаты представлены в табл. 4.

Выделим мнения студентов по отдельным сферам жизни государства и общества, которые уже определялись нами выше. При этом некоторые формулировки отчасти изменены или же введены новые, в том числе и потому, что нами предложены такие показатели, которые не были названы студентами в ходе ответов на открытые вопросы. Как видно из данных таблицы, в перечне исторических периодов нет нэпа, поскольку мнение о нем студентов было практически ограничено только экономической составляющей. Для характеристики периодов использованы показатели, величина которых превышает 20 %¹⁴.

Итак, **Российская империя до 1917 г.** Сфера *экономического развития* — это тяжелое экономическое положение (24 %); в *государственном строе и социальном положении*: социальная несправедливость (37 %), международные конфликты (30 %); в сфере *духовности*: уважение к церкви, верующим (31 %); *культура, искусство, образование*: успехи в искусстве (36 %); в *этической сфере*: неуверенность в своем будущем (25 %), бездуховность (24 %), страх (23 %). Таким образом, Российская империя предстает, по мнению студентов, как отсталая с экономической точки зрения страна, с высоким уровнем социальной несправедливости, противоречивой ситуацией в духовной и культурной жизни, отсутствием перспектив для значительной части населения. Вполне возможно, что такие представления о России сформированы в школе, литературой советского периода, но напомним, что речь идет не о

Таблица 4

Мнения студентов о различных исторических периодах истории России
(2022, можно было выбрать не более трех вариантов ответов)

	До 1917	Сталин	Хрущев	Брежнев	Горбачев	Ельцин
Тяжелое экономическое положение	30	20	15	9	31	47
Страх	23	77	9	7	8	17
Социальная защищенность	5	18	19	19	14	12
Наличие идеалов	19	52	16	16	12	8
Межнациональные конфликты	30	30	8	10	15	23
Дисциплина, порядок	7	74	12	16	10	7
Быстрое развитие экономики	5	38	21	16	10	11
Подъем сельского хозяйства	11	32	39	22	18	11
Жизнерадостность	13	9	17	24	14	13
Успехи в искусстве	36	12	15	17	18	10
Доверие между людьми	18	24	20	25	17	14
Возможность проф. роста, карьера	2	14	11	15	13	19
Возможность стать богатым	9	4	7	10	15	34
Преступность, бандитизм	16	9	12	12	37	62
Патриотизм	13	67	13	16	9	8
Успехи в образовании	7	30	18	23	13	14
Авторитет в мире	9	62	11	11	8	5
Бюрократия	13	13	18	23	25	26
Кризис	18	14	17	15	32	52
Гражданские и политические свободы	10	5	10	13	14	27
Успехи в науке и технике	6	29	24	20	11	11
Чувство гордости за страну	7	58	16	14	7	6
Неуверенность в своем будущем	25	14	13	11	26	44
Уважение церкви, верующих	41	12	8	12	11	13
Мощная промышленность	4	41	27	20	13	10
Социальная несправедливость	37	23	9	13	18	30
Коррупция, взятки	12	7	8	13	32	57
Развитие здравоохранения, медицины	3	18	13	15	13	12
Бездуховность	24	32	16	18	18	27

соответствии знаний молодежи конкретным фактам и событиям, а о мнении студентов об определенных исторических периодах.

Период, когда страной руководил И.В. Сталин. Для *экономического развития* были характерны мощная промышленность (41 %), быстрое развитие экономики (38 %), подъем сельского хозяйства (32 %), успехи в науке и технике (29 %) и тяжелое экономическое положение (20 %); *государственный строй и социальное положение* отличали дисциплина и порядок (74 %), межнациональные конфликты (30 %), социальная несправедливость (23 %); для сферы *духовности* были характерны: патриотизм (67 %), чувство гор-

дости за страну (58 %), наличие идеалов (52 %); в *культуре, искусстве, образовании*: успехи в образовании (30 %); в *международных отношениях*: авторитет в мире (62 %); *этическая сфера*: страх (77 %), бездуховность (32 %), доверие между людьми (24 %). Сталинский период представляется молодым людям временем, когда страна быстро развивалась экономически не только за счет достижений в науке и технике, образовании, но и за счет дисциплины, страха. Это не мешало людям быть патриотами, иметь идеалы. При этом некоторые качества, присущие этому времени, в значительной мере являются противостоящими, например, страх и патриотизм, чувство гордости за страну и межнациональные конфликты, социальная несправедливость.

Период Н.С. Хрущева не вызвал у студентов значительных реакций. Они достаточно инертно определили свои ассоциации, в основном характерные для сферы *экономического развития*: подъем сельского хозяйства (39 %), мощная промышленность (27 %), успехи в науке и технике (24 %), быстрое развитие экономики (21 %). Для *этической сферы* — доверие между людьми (20 %). При этом следует отметить, что многие характеристики подошли к уровню значимости (20 %), и пяти из них не хватило 1—3 %, чтобы быть включенными в перечень значимых черт исторического периода. В целом, можно отметить, что время Н.С. Хрущева в глазах студентов характеризуется развитием экономики, началом роста доверия между людьми.

Время Л.И. Брежнева в *экономическом развитии* отмечено подъемом сельского хозяйства (22 %), мощной промышленностью (20 %), успехами в науке и технике (20 %); *государственный строй* отличался бюрократией (23 %); *духовная сфера* характерна жизнерадостностью (24 %), *этическая* — доверием между людьми (25 %); в *культуре, искусстве, образовании* отмечены успехи в образовании (23 %). Имеем характеристику страны с успехами в экономике, но не очень значительными, зарождением бюрократии, и людьми, радующимися жизни и ценящими доверие между собой.

Период М.С. Горбачева отмечен только отрицательными характеристиками по всем рассматриваемым направлениям. В *экономическом развитии*: кризис (32 %), тяжелое экономическое положение (31 %); в *государственном строе и социальном положении*: неуверенность в своем будущем (26 %), бюрократия (25 %); в *этической сфере*: преступность, бандитизм (37 %), коррупция, взятки (32 %). По мнению молодых людей, это время является достаточно тяжелым испытанием для страны, когда экономика не справлялась с задачами развития, люди были разочарованы действиями государства, его неумением бороться с преступностью, коррупцией и другими негативными проявлениями.

Еще более выражено студенты высказали свое отношение ко времени, когда у власти находился **Б.Н. Ельцин**. В *экономическом развитии*: кризис (52 %), тяжелое экономическое положение (47 %); в *государственном строе и социальном положении*: неуверенность в своем будущем (44 %), возможность стать богатым человеком (34 %), социальная несправедливость (30 %), гражданские и политические свободы (27 %), бюрократия (26 %),

межнациональные конфликты (23 %); в *этической сфере*: преступность, бандитизм (62 %), коррупция, взятки (57 %), бездуховность (27%). Сравнительно с предыдущим историческим этапом во времена Б.Н. Ельцина произошло ухудшение экономической ситуации, люди теряли веру в будущее. Гражданские и политические свободы, а также возможность стать богатым человеком не закрывали от населения значительного разгула преступности, коррупции, нарастания бездуховности, усиления бюрократии.

Рассмотрение полученных материалов позволяет сделать ряд выводов об исторической памяти студентов Чувашии. Прежде всего следует отметить, что в ходе опроса студенты показали достаточно низкий уровень знаний отечественной истории. Во-первых, это следует из того, что большинство из участников опроса не смогли дать определенные характеристики периодам истории России, которые были предложены в анкете. Во-вторых, в ответах молодых людей имеется немало перечислений конкретных фактов и событий, которые не относятся к тем периодам, к которым их причислили респонденты. Речь идет как о дореволюционной истории, так и об отдельных периодах советского и постсоветского времени.

Формирование исторической памяти отдельной личности, пересмотр отдельных оценок происходит по разным причинам, в том числе и в силу меняющейся политической и международной обстановки. Это хорошо видно из сравнительного анализа материалов опросов 2019, 2021 гг., с одной стороны, и 2022 г. — с другой. Если в ходе первых двух опросов В.В. Путин воспринимался как один из лидеров страны, но его оценки молодыми людьми немного отставали от восприятия деятелей прошлого — Петра I, В.И. Ленина. По уровню доверия его опережал один из оппозиционеров. В 2022 г. ситуация изменилась, и В.В. Путин стал безусловным лидером в глазах студенчества. Конечно, при этом следует сделать оговорку, что действующий президент в большей степени принадлежит политике, чем истории, но в данном случае происходит его оценка сравнительно с деятелями прошлого. Система ценностных ориентаций участников опроса претерпевает заметные изменения под воздействием текущей ситуации. Иначе говоря, налицо усиление идеологического воздействия на массовое сознание, в том числе молодежи, и подобная ситуация не содержит ничего необычного. Речь может идти о новых технологиях, возможностях информационного воздействия, его значительной открытости, что не было возможным еще в конце XX в. При этом нельзя утверждать, что вектор изменений останется неизменным, многое зависит от хода текущих событий. Следует учитывать также, что это идеологическое воздействие происходит не только с одной стороны, ситуация осложняется современными возможностями техники и технологий.

Характеристика различных исторических периодов России, предпринятая в обследовании 2022 г., показала, что наибольший интерес у молодежи вызывает время, когда страной руководил И.В. Сталин. Отметим, что современный период, в котором происходит реальная социализация молодежи, нами не рассматривается, поскольку он еще не принадлежит исто-

рии. Молодежь видит не только различные положительные стороны развития страны при И.В. Сталине, в анкетах отмечены и негативные явления, но значительная часть студентов считает, что для прогресса страны возможен жесткий стиль управления, авторитарность. Не случайно, при ответе на вопрос о том, что можно позаимствовать из прошлого для сегодняшней России, нередкими были предложения о жесткости, преследовании взяточников, даже возможности расстрелов. Иначе говоря, молодежь полагает, что достижение справедливого общества — это не только поддержка позитивного, но и борьба с негативными явлениями. При характеристике времени Сталина сочетается выделение на высоком уровне таких явлений, как наличие идеалов, патриотизм, чувство гордости за страну и страх, дисциплина, порядок.

Остальные периоды истории России не вызывают у молодых людей значительного интереса, их мнения выражены достаточно аморфно, преобладание негативных представлений относится к периодам, персонифицированным М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным. Наличие положительных явлений, о которых студенты говорили в ходе ответов на открытые вопросы, не могло перевесить общего впечатления о преобладающих отрицательных тенденциях, сформированного в историческом сознании. Можно предполагать, что система личных ценностных оценок в данных случаях ориентирована на цельные итоги развития, а не на отдельные результаты.

Литература

¹ *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3—14; *Репина Л.П.* Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 39—51; *Ее же.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого. М.: ГУ—ВШЭ, 2005. С. 122—169; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого. С. 170—220; *Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А.* Направления исследования исторической памяти в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2014. Сер. 2. Вып. 2. С. 106—126; *Шнирельман В.А.* Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность. М.: РАН, 2018. С. 12—34 (508 с.).

² *Сафронова Ю.А.* Историческая память: введение: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019. 220 с.

³ О некотором подведении итогов работы в этом направлении см.: *Романовский Н.В.* Историческая социология в России: плоды и тревоги // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 79—90.

⁴ См., например: *Гориков М.К., Давыдова Н.М.* Историческое самосознание россиян // Мониторинг общественного мнения. № 1 (73). 2005. Январь—март. С. 17—24; *Покида А.Н., Зыбуновская Н.В.* Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга) // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 98—107; *Бараш Р.Э.* О некоторых причинах «советской» ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 4 (20). С. 124—151; *Андреев А.Л.* Российское общество постсоветской эпохи: социальное самочувствие, историческая память, идеалы и ценности // Россия реформирующаяся. 2018. № 16. С. 319—347; *Абрамов Р.Н.* Отношение к позднему советскому прошлому как объект социологического исследования // Общественные науки и современность. 2019. № 5. С. 108—120; *Тощенко Ж.Т.* Что происходит с исторической памятью о Великой Отечественной войне? // Социологические исследования. 2020.

№ 5. С. 18—22; *Фадеев П.В.* Историческая память россиян в социологических опросах: основания, реальность, проблемы // Вестник Института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 36—54, и др.

⁵ Социальная активность российской молодежи. Аналитический обзор результатов проведенных социологических исследований. ЦИРКОН (АНО «Социологическая мастерская Задорина»), 2008. 69 с.; *Воронцов В.С., Черниченко Д.А.* Представления студенческой молодежи об историческом опыте Российского государства (по материалам социологического исследования) // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2014. Вып. 3. С. 123—129; *Воронцов С.А., Понеделков А.В.* Об отношении российской молодежи к Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. // Власть. 2020. № 3. С. 92—98; *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: [монография]. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. Отдельная глава этой книги посвящена историческому сознанию молодежи; *Понн И.А.* Конструирование гражданской идентичности российской молодежи через проекты по сохранению исторической памяти // Вопросы всеобщей истории. 2020. № 23. С. 355—362, и др.

⁶ Российское студенчество: идентичность, жизненные стратегии и гражданский потенциал. М.: ИЭА РАН, 2014. С. 118—156.

⁷ *Бойко И.И.* Чебоксарские студенты о России (по материалам опроса 2013 г.) // Государство и общество в России: тернистый путь взаимоотношений и взаимодействия (к 20-летию Конституции Российской Федерации). II Смирновские чтения: сб. статей Международ. науч.-практич. конф. (Чебоксары, 15—16 ноября 2013 г.) / Чуваш. гос. ун-т; Харьков. нац. ун-т; Харьков. нац. педагогич. ун-т. Чебоксары, 2014. С. 159—167; *Бойко И.И., Харитонов В.Г.* Студенческая и учащаяся молодежь Чувашии: гражданские ценности, социокультурные ориентиры. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. 124 с.

⁸ *Василенко О.В., Иванов Д.С., Карпова О.В., Харитонов М.Ю.* Патриотизм в структуре исторического сознания современной российской молодежи (по материалам опроса студентов Чувашского государственного университета) // Вестник Чувашского университета. 2017. № 4. С. 38—47; *Василенко О.В., Карпова О.В., Харитонов М.Ю.* Историческая память и представления студентов о патриотизме (опыт исследования читательских интересов) // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 21—36.

⁹ *Григорьев А.В., Василенко О.В., Карпов А.В., Григорьев А.Д.* Историческая память студентов Чувашской Республики о периодах российской истории // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 56—64.

¹⁰ *Григорьев А.В., Карпов А.В., Карпова О.В.* Революция 1917 года в представлениях молодежи (на материале социологического исследования среди студентов ЧГУ им. И.Н. Ульянова // 1917 год в истории России и судьбах народов Поволжья: Материалы межрегиональной науч.-практич. конф. (Чебоксары, 13 октября 2017 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 108—115.

¹¹ *Григорьев А.Д., Карпов А.В., Харитонов М.Ю.* Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов: на примере студентов вузов Чувашии // Вестник Чувашского университета. 2020. № 4. С. 28—35.

¹² *Репина Л.П.* Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии. С. 129—130.

¹³ *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Указ. соч. С. 79.

¹⁴ Там же. С. 84.

I.I. Boyko

STUDENTS OF CHUVASHIA ABOUT THE HISTORY OF RUSSIA

The article examines the materials of sociological surveys of students of Chuvashia, identifies the positions of young people in relation to important periods of the history of Russia, as well as to state and political figures who largely determined and determined the development of the country. It is noted, on the one hand, the students' poor knowledge of specific facts and events of national history, on the other hand, the influence of situativeness on the attitude to historical periods and individuals is noticeable.

Keywords: historical memory, student youth, sociological surveys, situativeness.

УДК 811.512.111'36

ЧГВ, 2022 г., № 17

© Такач Мелинда

**ЗАМЕТКИ К ИСТОРИИ
ВОЗНИКНОВЕНИЯ
ПЕРВОЙ ЧУВАШСКОЙ
ГРАММАТИКИ***

Цель этого исследования — представить первую чувашскую грамматику (Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка) и рассмотреть обстоятельства ее возникновения. В отличие от предположений, сделанных более ранними исследователями на основании изучения главным образом внешних данных, здесь предпринята попытка начать с изучения самой работы как внутреннего источника. Анализ системы письма грамматики привел к определенным выводам, касающимся истории возникновения грамматики и личностей, внесших вклад в ее создание (респонденты, составители, автор). Изучение лингвистических данных показало, что среди респондентов, предоставивших словесный материал, были лица, говорящие на диалектах и анатри, и вирьял. Преобладали представители верхового диалекта (вирьял). Ошибки в семантике слов и неточности в технике написания позволяют предположить, что составители работы чувашским языком не владели, а знание русского языка нередко препятствовало правильной фиксации чувашских словоформ. В последнее время на первый план вышел научный дискурс, автором которого является В.Г. Родионов. Согласно ему, «Сочинения...» были написаны чувашским автором или чувашскими авторами. В данной статье представлено предположение, что эта идея убедительными аргументами не подкреплена; авторов или составителей этого труда надо искать в среде русской духовной интеллигенции.

Ключевые слова: первая чувашская грамматика, чувашский язык, история языка.

1. Введение

Письменная фиксация чувашского языка началась относительно поздно, только в XVIII столетии. Памятников языка «внутреннего происхождения» у чувашей, не обладавших собственной письменностью, не осталось. Первые записи были сделаны посетившими их в XVIII в. иностранцами. С первой половины этого столетия сохранились в основном списки слов, и только начиная с 1770-х гг., с началом обращения чувашей в православную веру, возрос интерес к этому тюркскому народу Среднего Поволжья.

Мелинда Такач — аспирант кафедры археологии Будапештского университета, студентка кафедры алтаистики Сегедского университета (г. Сегед, Венгрия); e-mail: mtakacs86@gmail.com.

* Статья опубликована в: Nyelvtudományi Közlemények [Публикации по лингвистике]. 2020. Т. 116. С. 191—220. Пер. с венг. Ю. Дмитриевой.

Краткая характеристика списков чувашских слов и словарей XVIII в. представлена в исследованиях В.Г. Егорова [Егоров 1949, 1951], к которым науке с тех пор ничего существенно нового добавить не удалось. Лингвистический анализ этих списков имеется в публикациях Л.П. Сергеева [Сергеев 1970, 1972], а их исторический фон описан В.Д. Дмитриевым [Дмитриев 1960, 1967]. Новые выводы о появлении некоторых из этих рукописей (трудов И.Э. Фишера и Г.Ф. Миллера) предложены Ховдхаугеном [Hovdhaugen 1975, с. 276—279] и Кларой Адягаши [Agyagási 1982a]. Материалы указанных словарей и списков пока не могут выступать в качестве источников для исследований по истории языка, так как они, за исключением чувашских лексем словаря Палласа¹, еще не проанализированы профессионалами-лингвистами.

Далее я представлю попытку лингвистического анализа первой чувашской грамматики на фоне изучения обстоятельств ее происхождения. Вопреки утверждениям более ранней специальной литературы, созданной в первую очередь на основе изучения внешних источников, постараюсь исходить из самого труда как внутреннего источника, анализируя систему написания первой чувашской грамматики, сделать выводы относительно ее возникновения и о причастных к ее составлению лицах (информанты, составители, автор)².

2. Первая чувашская грамматика

2.1. Описание труда и его отношение к марийской и удмуртской грамматикам

Первая печатная чувашская грамматика — «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» — вышла в свет в мае 1769 г. в Санкт-Петербурге тиражом 608 экз. [Мудрак 2011, с. III]. Сегодня данная книга является раритетом, в настоящее время известно всего пять ее экземпляров, два из них находятся в Москве, два — в Санкт-Петербурге, один — в Будапеште, в библиотеке Венгерской Академии наук. Факсимильный вариант грамматики с небольшими комментариями издан в Чебоксарах в 2011 г. под редакцией А.П. Хузангая³.

Как уже упоминалось, подготовка «Сочинений...» связана с обращением в православие, начавшимся в Среднем Поволжье во второй половине XVIII в., в частности с именем В.Г. Пуцека-Григоровича (иноческое имя Вениамин), архиепископа Казанского и Свияжского. Пожалуй, будет уместно остановиться здесь на подробном изложении жизненного пути

¹ См.: Савельев 2014.

² В процессе написания данного исследования я всегда могла рассчитывать на помощь Клары Адягаши, за что безмерно ей благодарна.

³ В ходе обработки грамматики я использовала данное факсимильное издание, см.: *Сочинения* 2011. Версия *Сочинений* в формате pdf также доступна в Интернете: URL: http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kpch_0_0000012.pdf (дата обращения: 03.02.2020).

архиепископа, игравшего центральную роль в появлении данной грамматики. Его биография хорошо репрезентирует эпоху и среду, в которых появилось на свет произведение, являющееся предметом данного исследования.

Василий Григорьевич Пуцек-Григорович (1700—1785) родился в г. Лохвице, расположенном на территории современной Украины, в семье военного офицера, мать — из рода польских дворян⁴. С 1728 по 1732 г. был студентом Киевской духовной академии; в 1732 г. переехал в Казань, где принимал активное участие в подготовке священников. Вначале он преподавал латынь и арифметику в славяно-латинском училище, с 1739 г. преподавал в Казанской духовной семинарии. В 1740 г. пострижен в монашество под именем Вениамин. Был префектом, затем ректором семинарии. В то же время он являлся активным миссионером, поддерживал работу Конторы новокрещенских дел в Казани, в ведении которой находились территории Казанской, Астраханской, Нижегородской и Воронежской губерний. Участвовал в миссионерских поездках к татарам, чувашам, мордве и удмуртам.

В 1746—1748 гг. он был священнослужителем в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга. В 1748—1753 гг. — епископ Нижегородский и Алатырский. Начиная с 1753 г. и до самой смерти был членом Святейшего синода. В 1753 г. переведен на Тверскую и Кашинскую кафедру. С 1758 г. — епископ Псковский, Нарвский и Изборский, затем до 1762 г. — архиепископ Санкт-Петербургский. В 1762 г. присутствовал при погребении императора Петра III в Санкт-Петербурге, при коронации императрицы Екатерины II в Москве. В том же году стал архиепископом Казанским. Он активно занимался миссионерской деятельностью — обращением в христианство местных языческих народов. Например, поддерживал работу школы, учрежденной для новокрещеных учеников, где слушатели духовной семинарии и местные новокрещенцы работали над переводами Священного Писания и других религиозных текстов на марийский, татарский и чувашский языки. (Рукописи этого времени были уничтожены пожаром в XIX в.) В этот период и в этой среде возникла и рассматриваемая первая чувашская грамматика.

В 1774 г. Казань заняли войска Пугачева. Во время осады архиепископ Вениамин устраивал крестные ходы, общие молитвы и убеждал жителей не присягать повстанцам. Несмотря на это, после падения Казани его обвинили в поддержке повстанцев и арестовали. В 1775 г. он был оправдан и освобожден. Екатерина II в знак благоволения пожаловала ему белый клобук с бриллиантовым крестом. (Позже эта история была использована Пушкиным.)

В 1782 г. Вениамин ушел на покой и до самой смерти в 1785 г. проживал в монастыре недалеко от Казани.

---

⁴ Биографические данные архиепископа Вениамина, а также список его трудов, литературу и источники о нем см. в электронной версии *Православной энциклопедии*: URL: <http://www.pravenc.ru/text/150309.html> (дата обращения: 30.01.2020).

Итак, в Казанской епархии с первой половины XVIII в. велась серьезная миссионерская деятельность⁵. В рамках данной деятельности под руководством архиепископа Вениамина в 1769 г. увидела свет первая чувашская грамматика, за ней в 1770 г. появилась удмуртская⁶, а в 1775 г. — марийская⁷. Эти три работы в целом построены по одной схеме, по всей видимости, как части одного проекта. Помимо однообразия типографики, структуры и частично совпадающего лексического материала, очевидным аргументом в пользу этого является общность их названия — сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского / черемисского / вотского языка. Однако некоторые структурные различия в этих трех трудах могут свидетельствовать о том, что у них разные создатели [Егоров 1951, с. 86].

Авторы ни одной из этих грамматик не известны. К тому же чувашская грамматика, в отличие от остальных двух, не содержит указания ни на место, ни на год издания, в связи с чем у исследователей очень долго не было сведений относительно этих данных. Что касается года издания, то у нескольких авторов можно встретить предположение, что она увидела свет в 1775 г., возможно, и два раза — в 1769 и 1775 гг. Местом издания некоторые исследователи называют Москву, другие — Санкт-Петербург⁸. В 1959 г. В.Т. Терентьев, потом в 1967 г. В.Д. Дмитриев обнаружили архивные материалы, которые помогли прояснить эти вопросы, так что теперь уже известно, что грамматика была напечатана в январе 1769 г. по непосредственному распоряжению епископа Пуцек-Григоровича, а 23 мая появилась в продаже стоимостью в 20 копеек [Терентьев 1959, с. 139—140; Дмитриев 1967, с. 156]⁹.

Особый интерес представляет то, что из трех грамматик только чувашскую предваряет предисловие, которое в свете рассматриваемых ниже вопросов считаю важным привести здесь полностью: «Когда многие для разных причин желают знать языки не только ближних, но и отдаленных, не только нынешних, но и прежде бывших народов, то кольми паче надлежит нам стараться довольно узнать языки тех народов, которые между нами

⁵ За распространение православной веры на Среднем Поволжье с 1731 г. отвечала учрежденная в Свияжске комиссия. В 1740 г. ее переименовали в Контору новокрещенских дел. Первая значительная волна крещения прошла в 1743—1747 гг., видимый успех которой обеспечили угрозы репрессиями в адрес местных народов, исповедавших язычество, и предоставление им материальных благ и льгот. В Цивильске и Свияжске были открыты школы для детей «новокрещенов», а с 1756 г. роль центра просвещения перенял г. Казань. С упразднением Конторы новокрещенских дел в 1767 г. дело обучения новокрещенных детей передали епархиальным управлениям в Казани и Нижнем Новгороде [Комиссаров 1992, с. 85—86].

⁶ Критическое издание см.: Décsy 1967.

⁷ Критическое издание см.: Sebeok 1956.

⁸ Споры специалистов о месте и времени издания грамматики подробно освещены В.Д. Дмитриевым [Дмитриев 1967, с. 160—162].

⁹ Публикацию связанных с этим архивных документов см.: Дмитриев 1967, с. 160—162.

внутри пределов единого отечества обитают и составляют часть общества нашего. Не одно нас любопытство, но и польза к тому поощрять должна, которая очевидна всякому, кто с ними обращается. Сочинитель книги сей похвалу заслуживает тем больше, что он первый подает пример. Нет сомнения, что и другие ему станут в сем деле последовать. Желаящим труд сей на себя принять предлежит пространное поле, так сказать, никем от века еще неоранное. Есть ли же бы никакой другой оттуда пользы мы не могли ожидать, то не довольно ли и той одной только, чтобы сим способом показать им и вперить в них мысли, что они суть члены тела нашего, что они наши сограждане и что мы их инако и не почитаем. Начало часто подвержено недостаткам; однако при сем нет той опасности, чтобы оные со временем не были исправлены без всякого ущерба. Желать остается, чтоб достигли мы в сем чрез сие до того совершенства, которое потребуется от людей благоразумных при начинании всякого труда»¹⁰.

2.2. История исследования первой чувашской грамматики

«Сочинения...» стали объектом лингвистических исследований в России во второй половине XX в.¹¹, но до сих пор нет их всестороннего анализа, даже несмотря на то, что это первый изданный в России тюркологический труд. Использованный его составителями описательный метод языка основан в первую очередь на системе латинских грамматик: восемь частей речи, пять падежей существительных, форма первого лица единственного числа глагола вместо инфинитива и ряд других особенностей¹² указывают на то, что, хотя тогда русские грамматики уже были доступны, составитель «Сочинений...» исходил прежде всего из своего классического образования.

В работе объемом в 68 страниц после введения представлена система чувашского языка по частям речи в форме таблиц. Разделы в ней следуют в таком порядке: имена существительные (682), имена прилагательные (158), имена числительные (23), местоимения (150), глаголы (350), союзы, междометия и прочие часто употребляемые слова (23). Каждая грамматическая категория дополнена тематически упорядоченным списком слов. «Сочинения...» содержат всего 1368 чувашских лексем [Хузангай 2011, с. VIII], среди которых встречается относительно небольшое количество заимствований (25—30 единиц) из русского языка [Егоров 1951, с. 91]¹³.

¹⁰ В предисловии — помимо, как нам кажется, на самом деле просвещенного взгляда Пуцек-Григоровича, — отражается духовность екатерининской эпохи. Я благодарю Валерию Кульчар за оказанную помощь при подготовке перевода!

¹¹ В.Г. Егоров [впервые] обратил внимание на грамматику [Егоров 1949], за ним следовали исследования Д.Д. Шамрая [Шамрай 1955], В.Т. Терентьева [Терентьев 1959], В.Д. Дмитриева [Димитриев 1967] и Л.П. Сергеева [Сергеев 1970].

¹² Об описательном методе языка *Сочинений* см.: Егоров 1951, с. 87—89; Алексеев 1970, с. 204—206.

¹³ Данный факт наглядно показывает, что в то время влияние русского языка на чувашский язык было незначительным.

Научная ценность «Сочинений...» возрастает еще более в связи с тем, что зафиксированный в них лексический материал на удивление единообразен с фонетической точки зрения, и, как показывают исследования, — на верховом (вирьял), то есть архаичном, диалекте чувашского языка [Егоров 1951, с. 90; Хузангай 2011, с. IV—V; Мудрак 2011, с. II]. Как пишет В.Г. Егоров, первый исследователь этой грамматики, по спискам слов можно предположить, что они относятся к диалекту современного Красночетайского района (северо-западная часть Чувашии) [Егоров 1949, с. 117; 1951, с. 90]. Немного глубже взгляд на этот вопрос у Л.П. Сергеева. По его мнению, на уровне фонетики, лексики и грамматики доминирование черт верхового диалекта несомненно, однако он обращает внимание на то, что границы диалектов в XX в. могут и не совпадать с границами 200-летней давности [Сергеев 1970, с. 230—231]. Исходя из некоторых характерных фонетических особенностей, он допускает наличие среди информантов носителей других говоров верхового диалекта, а именно сундырского, моргаушского, ядринского и урмарского [Сергеев 1970, с. 231]¹⁴. Он приводит дальнейшие параллели с «разбросанных территорий», находившихся в Ульяновской, Самарской и Саратовской губерниях. По его мнению, элементы низового диалекта лишь sporadически встречаются в словниках грамматики и касаются исключительно только лексики [Сергеев 1970, с. 231].

2.3. Гипотезы об авторах первой чувашской грамматики

Вновь и вновь возникает вопрос, кто и как писал/составлял первую чувашскую грамматику. В исследованиях В.Г. Егорова, высказавшегося первым по этому поводу, наталкиваемся на случаи серьезных противоречий. По его утверждению, надо принимать в расчет то, что чувашский материал записан носителем верхового диалекта, а отредактирован представителем низового диалекта [Егоров 1949, с. 117; 1951, с. 90]¹⁵. В то же время он указывает на ряд недостатков, свидетельствующих, что люди, сыгравшие основную роль в составлении труда, не могли быть носителями чувашского языка [Егоров 1949, с. 117; 1951, с. 89]. Материал «Сочинений...» фонетического, морфологического и лексического уровней содержит ряд ошибок и неточностей, при учете которых создается впечатление, что составитель или составители труда, хотя и старались основательно овладеть чувашским языком, все же были носителями русского языка. Не вдаваясь в эти подробности (о них речь пойдет ниже), хотелось бы отметить следующее: при записи слов наибольшие затруднения вызывало то, что состав кириллицы не позволял правильно фиксировать характерные фонетические особенности чувашского языка. А составители словарных списков,

¹⁴ Эти территории расположены на севере Чувашии на берегу р. Волги.

¹⁵ В общих чертах это же мнение повторил в 1970 г. и Л.П. Сергеев [Сергеев 1970, с. 232].

хотя и старались работать последовательно, не пытались облегчить эту задачу¹⁶.

В пользу предположения, что составители «Сочинений...» были русскоязычными, можно привести и другие аргументы. Вряд ли носители языка при описании грамматической системы языка допустили бы основополагающие грамматические ошибки, в первую очередь — при спряжении глаголов [Егоров 1949, с. 117]. То же наблюдается при подборе чувашских соответствий некоторым русским словам, в некоторых случаях встречаются ошибки, приблизительная передача семантики слова, неправильное определение части речи¹⁷.

Относительно обстоятельств составления первой чувашской грамматики В.Д. Димитриев в 1967 г. пришел к достаточно обоснованным выводам, утвердившимся надолго. Одним из наиболее важных из них является рассмотрение вопросов, связанных с авторством «Сочинений...». По его мнению, ничего не указывает на то, что Пуцек-Григорович лично написал бы хоть одну из трех грамматик (впрочем, об этих трудах умалчивают и биографы епископа)¹⁸, и он, что более вероятно, скорее всего мог быть участником координации работ. В качестве аргумента он приводит пример процесса редактирования вышедшего в 1785 г. «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии...», в предисловии которого указано, что составителями были преподаватели и ученики Нижегородской духовной академии, работавшие под руководством епископа Дамаскина [Димитриев 1967, с. 157]. А если для составления словаря понадобились усилия нескольких человек, то для создания грамматики (и даже трех!), написание которой намного сложнее, это верно в еще большей степени.

Следовательно, вполне вероятно, что «Сочинения...» возникли в результате коллективной работы нескольких записывающих, консультантов и информантов. Большинство участников, по всей видимости, были из числа преподавателей и учащихся Казанской духовной семинарии и новокрещенских школ, многие из которых могли быть носителями чувашского языка. Согласно источникам, в Казанскую духовную семинарию начиная с 1730-х гг. регулярно поступали чуваша. Статистика показывает, что в 1765—1769 гг. в школе новокрещенных 40—45 % каждого курса составляли учащиеся из

---

¹⁶ Вопрос, конечно же, в следующем: можно ли ожидать от человека, хотя и образованного, но все же не являющегося носителем языка, чтобы он нашел достойное решение для точной фиксации фонетики незнакомого для себя языка. Особенно с учетом того, что другие, явно чувашезычные участники составления словаря также не смогли преодолеть эту проблему.

¹⁷ Конкретные примеры см.: Егоров 1951, с. 88—90.

¹⁸ С этим согласны в основном исследователи всех трех грамматик [Егоров 1951, с. 86; Sebeok 1956, с. 13; Галкин 1991, с. 11]. В качестве исключения можно привести исследователя вотякской/удмуртской грамматики Дьюлы Дечи, по мнению которого работа готовилась так: Пуцек-Григорович «сел со своими учениками-вотяками» и после долгого их опроса написал данный труд. Дечи считает, что епископ мог так же действовать и при составлении марийской и чувашской грамматик, и так как работа носила характер «командной работы», он не указал на титульном листе ни своего имени, ни имен информаторов [Décsy 1967, с. 3].

чувашей, а это 44—58 (!) чел. Самые одаренные из них продолжали обучение в духовной семинарии, основная же часть сразу приступала к церковной службе: в 1767 г. — 10 чел., 1770 г. — 9, 1772 г. — 13, 1773 г. — 11 [Димитриев 1967, с. 159]. В период создания «Сочинений...» каждый учитель новокрещенской школы говорил либо на одном, либо на нескольких языках народов Среднего Поволжья. Поэтому нет никаких сомнений, что большинство преподавателей и учащихся здешних духовных семинарий имели необходимую подготовку для определенных этапов работы по составлению всех трех грамматик.

Совершенно иную точку зрения высказал по этому поводу В.Г. Родионов в публикации, вышедшей в 1983 г. Согласно его мнению, автор первой чувашской грамматики — чувашский священник, переводчик, поэт Ермей Рожанский, принявший участие также в составлении «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии...».

Ермей Иванов (псевдоним Рожанский он взял во время учебы на священника) родился в 1741 г. в маленькой деревне (на севере современной Чувашии недалеко от Курмыша)¹⁹. Его отец тоже был священником, активно участвовавшим в обращении в христианство населения края²⁰. В 1751—1758 гг. Рожанский учился в Нижегородской духовной семинарии. В 1765 г. чуваша-христиане Курмышского и Ядринского уездов обратились к епископу Нижегородскому Феофану с просьбой о назначении проповедником человека из чувашей в лице Ермея Рожанского. С получением разрешения от епископа Рожанский обосновался в Курмыше и проживал там до своей смерти в начале XIX в. Помимо миссионерской деятельности он активно занимался переводами, литературой и поэзией. В 1785 г. вместе с сыном участвовал в подготовке «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии...». С его именем связано издание первой книги на чувашском языке — «Краткого катехизиса, переведенного на чувашский язык», вышедшего в Санкт-Петербурге в 1800 г. [Родионов 1983, с. 158].

По мнению Родионова, словарная часть «Сочинений...» могла быть составлена несколькими людьми, однако для создания описательной части глав по грамматике достаточен был труд одного человека, которого не обязательно нужно отождествлять с епископом Пуцек-Григоровичем. Как считает Родионов, автора грамматики можно определить по следующим четырем параметрам: 1) автор хорошо знал красночетайский говор; 2) был носителем чувашского языка; 3) был хорошо знаком с латинским языком, по всей вероятности, учился в духовной семинарии; 4) после окончания семинарии он, должно быть, имел достаточный практический опыт для написания научной работы. По мнению Родионова, эти утверждения бесспорно

¹⁹ Источник данных, связанных с Ермеем Рожанским, см.: Родионов 1983, с. 160—162.

²⁰ Это было осложнено тем, что в окрестностях неоднократно поднимались вооруженные выступления против новокрещеных. Переход в христианскую веру, по всей видимости, стал интенсивнее после обещания [властей] в 1764 г. населению Козьмодемьянского, Чебоксарского и Казанского уездов освобождения их детей от рекрутской повинности после крещения и отправки в школы [Родионов 1983, с. 158, 161].

относится именно к Ермею Рожанскому, который, таким образом, по праву отождествляется с автором «Сочинений...» [Родионов 1983, с. 168].

Свое убеждение Родионов пытается подкрепить и более софистическими аргументами. В их число входят следующие: Рожанский, будучи уроженцем Курмышского уезда, говорил на краснотетайском говоре, кроме того, у него был высокий уровень богословской подготовки, значит, он имел необходимое классическое образование и обладал навыками для написания грамматики. Он отмечает — хотя фактами и не подтверждает — что в период создания данной грамматики в школах Казани не было ни одного чувашского учащегося, который владел бы краснотетайским говором [Родионов 1983, с. 170]. Обращает внимание на то, что в особенностях записи слов в «Сочинениях...» и в «Словаре языков разных народов в Нижегородской епархии...» (участие Ермея Рожанского в подготовке последнего уже доказано) наблюдаются сходства. В качестве доказательства приводит такой факт: 12 из 33 случайно выбранных слов, начинающихся с «б» из первой чувашской грамматики, полностью совпадают со словами словаря 1785 г.²¹, помимо этого обнаруживаются совпадения среди искусственно созданных слов обеих работ²². В качестве решающего аргумента он приводит то, что в указанных двух трудах автор заднерядный смычный звук *g* обозначает не кириллическим *г*, а латинским *g*²³. По его мнению, в трудах, подготовленных в Казанской семинарии, подобного решения с применением данной буквы не выявлено.

Аргументация Родионова во многом безупречна. Автор полностью игнорирует выводы более ранней специальной литературы, не считает необходимым уделять внимание противоречащим его теории фактам, не опровергает аргументы предыдущих исследователей. Возможно, наиболее значительный недостаток его работы в том, что он не объясняет, почему мы должны считать, что автор грамматики является носителем чувашского языка, в то время как в ней встречаются ошибки, заставляющие усомниться в том, что ее написал, редактировал или же хотя бы посмотрел человек, родным языком которого является чувашский язык. Достаточно отметить, что вряд ли Ермей Рожанский или кто-либо другой со знанием родного языка, редактировавший грамматику, систематически ошибался бы в спряжении глаголов, снабжал бы русским отыменным аффиксом чувашские прилагательные или не мог бы определить, к какой части речи относится то или другое чувашское слово.

Усилия Родионова, направленные на сопоставление лексического материала «Сочинений...» и «Словаря языков разных народов в Нижегородской епархии...», можно только одобрить. Но необходимо заметить: выбор *ad hoc* менее чем 40 слов из списков грамматики недостаточен для получения каких-либо выводов, ввиду того, что «Словарь языков разных на-

²¹ Примеры см.: Родионов 1983, с. 168—169.

²² Примеры см.: Там же, с. 170—171.

²³ Примеры см.: Там же, с. 169.

родов в Нижегородской епархии...» содержит 11 000 чувашских лексем, больше половины из которых являются искусственно созданными словами. Однако «аналитическая попытка» автора, с другой стороны, обращает внимание на печальный факт запущенного состояния сравнительно-лингвистических исследований памятников чувашского языка XVIII в.²⁴

По сходным причинам осталась неполной система аргументов, связанная с использованием латинской буквы *g*. На то, что данную букву использовал не только Рожанский, В.Г. Егоров указал еще в 1949 г. в ходе анализа словаря Палласа [Егоров 1949, с. 132]; составителей этих работ Василия Костычева и Ивана Александрова мы знаем даже по именам, известно и то, что они были из Казани [Сергеев 1970, с. 236]. Следовательно, буква *g*, вопреки утверждению Родионова, использовалась и в Казани; встречается она и в «братских» изданиях «Сочинений...» — в марийском и удмуртском. А то, что последние две работы написаны Рожанским, даже Родионов не предполагает.

Несостоятелен довод Родионова о том, что среди студентов Казани в 1760-х гг. не было носителя красночетайского говора. Данное утверждение автора трудно отнести к серьезным в свете исследований В.Д. Димитриева, отметившего, что в рассматриваемое время в Казани жили десятки говорящих на чувашском языке, обучавшихся в разных учебных заведениях или же состоявших на церковной службе. В 1756—1767 гг. в Среднем Поволжье школа для новокрещеных функционировала только в Казани [Комиссаров 1992, с. 86]²⁵, следовательно, вступив в российскую систему образования, чувашские дети имели хорошие шансы начать обучение в Казани. Как установил Л.П. Сергеев, среди них попадалось множество носителей разных говоров верхового диалекта, ведь в «Сочинениях...» — вопреки утверждениям Родионова — сохранились лексические элементы нескольких говоров верхового диалекта (и как минимум одного говора низового диалекта) [Сергеев 1970, с. 230—231].

Последним аргументом Родионова в пользу авторства Рожанского является следующее: автор грамматики имел классическое образование, хорошо знал латынь, по всей видимости, был священником, а кроме Рожанского не знаем никого, кто обладал бы такими качествами. Даже элементарные знания о положении церкви и региона той эпохи позволяют предположить, что эти качества являлись частью основного обучения, полученного в процессе церковного образования, которыми обладали многие из тех, чьи имена не сохранились до наших дней.

---

²⁴ В имеющейся научной литературе [Егоров 1949; Сергеев 1970; Novdhaugen 1975; Róna-Tas 1978; Agyagási 1982a; Agyagási 1982b] представлены мнения о диалектной принадлежности лексики первой чувашской грамматики и сопоставления ее с другими грамматиками XVIII в.

²⁵ Имеются данные о 320 новокрещеных чувашских учениках того периода, более 200 из которых в конечном итоге получили удостоверение об окончании учебы. Эти цифры кажутся весьма высокими и в то же время демонстрируют печальную картину эпохи, так как более 60 учеников умерли до получения удостоверения; ср.: Kapeller 2016, с. 76.

Несмотря на сомнительность результатов исследования В.Г. Родионова, Н.П. Петров в своей работе, опубликованной в 1999 г. и переизданной в 2009 г., рассматривает их как общепризнанные факты. Он считает, что и известные нам первое и второе стихотворения на чувашском языке, опубликованные анонимно в Казани, можно связать с именем Ермея Рожанского, аргументируя это тем же, что в первой чувашской грамматике: написанием слов *ання* ‘мать’, *парня* ‘подарок’ и *хибер* ‘счастье’ [Петров 1999, с. 112]. Более того, он утверждает, что составителем «Словаря языка чувашского...» тоже был Рожанский, так как слово *хибер* встречается и в нем [Петров 1999, с. 113]. (Правда, оно там снабжено русским аффиксом прилагательного, так что приведено в совершенно неправильной форме *хиберлий*. Это замечает и автор, но не приходит к соответствующему выводу, а именно к тому, что человек, написавший данную форму, не мог быть носителем чувашского языка.)

Привязка авторства множившихся в конце XVIII в. печатных памятников чувашского языка к Ермею Рожанскому на сегодняшний день попала в «мейнстрим» чувашских исследований. Хорошей иллюстрацией этого служит словарная статья Родионова, посвященная Ермею Рожанскому, в четырехтомной Чувашской энциклопедии. В ней утверждается, что Рожанский и Пуцек-Григорович вместе написали первую грамматику [Чувашская энциклопедия 2009, с. 576]. В факсимильном издании «Сочинений...» 2011 г. предисловие А.П. Хузангая, хоть и сдержанно, в сущности отражает аргументы Родионова [Хузангай 2011, с. VI—VII]. Недавняя работа Родионова, доступная только онлайн, содержит небольшую подборку документов XVIII в. о деятельности Рожанского [Родионов (б.в.д.), с. 136—151], которые автор, к сожалению, не комментирует, но и так ясно, что нет даже косвенной информации, позволяющей предположить, что курмышский священник имел бы какое-либо отношение к первой чувашской грамматике или лично знал Пуцек-Григоровича.

Возможно, мы недалеко от истины, полагая, что набирающая в последнее время обороты в Чувашии «мода» на Рожанского — это скорее проявление постперестроечного поиска чувашской идентичности, нежели реальное научное достижение.

Вряд ли когда-либо будет установлена с абсолютной уверенностью личность того или тех, кто придал конечную форму «Сочинениям...». Тем не менее стоит вернуться к единственному имеющему к этому отношению первоисточнику — к приведенному выше предисловию, которое позволяет предположить, что происхождение произведения связывалось современниками с неназванным автором, судя по тексту, не являвшимся носителем чувашского языка. Не исключено, что им мог быть Пуцек-Григорович, но предположить, что анонимным автором предисловия был епископ Казанский, «духовный отец» и координатор, а также непосредственный руководитель издания, основания есть.

3. Реконструкция истории возникновения первой чувашской грамматики на основе внутреннего анализа / на основе текстологического анализа

3.1. Графотактические и фонетические заметки об обстоятельствах возникновения «Сочинений...»

Время возникновения «Сочинений...» совпало с реформой письма в России, инициированной Петром Великим и научно обоснованной в основном уже М.В. Ломоносовым²⁶. Целью Петра было заменить церковнославянское письмо («книжный язык») на более близкий к разговорному русскому язык. Для этого первым делом нужно было создать «гражданское» письмо. Первый указ, связанный с этим, вышел в 1707—1708 гг.; из алфавита, состоявшего из 43 знаков кириллицы, были убраны графемы *юс*, *омега*, *ижшица*, *ферт*, *кси*, *пси*, *дз*, *и*, была введена новая буква для обозначения *е*, это — *э*. Несмотря на это, влияние реформы в практике письма в полной мере проявилось только во второй половине XVIII в., после внесения Российской академией наук дальнейших изменений. Настоящий прорыв в использовании нового письма принесла вышедшая в 1755 г. «Российская грамматика» [Ломоносов 1755/1952].

Графемы чувашских слов «Сочинений...» в большинстве своем отражают использование русской светской практики письма, что, естественно, не совсем соответствует современному кириллическому алфавиту. Звук *i* обозначен тремя буквами (*i*, *ї*, *и*); что касается звука *j*, хоть и редко, но уже встречается в качестве инновации графема *й*. Параллельно с оборотным *э* обнаруживаются *е* и *ять* (*ѣ*), последний означает закрытый *е*. Буквы *ё* в тот период еще не было (ее впервые использовал Карамзин в 1797 г.). В то же время авторы «Сочинений...», признавая этот пробел, создали специальную диграмму: *іѳ*. Хотя это в первую очередь относится к встречающимся в трудных русских словам, но необходимо отметить, что в этот период в конце слов, оканчивающихся на твердый гласный, всегда ставился твердый знак (*ь*).

Набор букв первой чувашской грамматики содержит 36 графем. 31 из них взята из русского алфавита (*а*, *б*, *в*, *г*, *д*, *е*, *ж*, *з*, *и*, *ї*, *й*, *к*, *л*, *м*, *н*, *о*, *п*, *р*, *с*, *т*, *у*, *х*, *ч*, *ш*, *ъ*, *ы*, *ь*, *ѣ*, *э*, *ю*, *я*), одна из латинского (*g*), остальные четыре диграммы (*іѳ*, *дч*, *ьо*, *іо*) составители «Сочинений...» создали, соединив элементы кириллицы и латиницы [Алексеев 1970, с. 206]²⁷.

3.2. Предполагаемые составители грамматики

Ниже приводится обзор ряда графотактических и фонетических наблюдений над лексическим материалом грамматики; по определенным кри-

²⁶ Подробное описание см.: Ломоносов 1755/1952.

²⁷ К 35 буквам «Сочинений...» я добавила диграмму *іѳ*, означавшую звуко сочетание *jo*.

териям выделены такие участники составления словарной части «Сочинений...», как: 1) информанты; 2) записывающий (или записывающие); 3) переписчик(и); 4) наборщик(и) типографии²⁸. Рассмотрение сформированных таким образом категорий (и вероятное расширение их в будущем) даст возможность более основательно узнать обстоятельства возникновения грамматики.

3.2.1. Информанты

Первая чувашская грамматика появилась, вероятно, после формирования современного чувашского языка. На территории, заселенной чувашами, в то время говорили уже на двух основных диалектах, на верховом (вирьял) диалекте на севере, на низовом (анатри) — на юге. Значит, будет логично предположить в качестве исходной точки, что сведения составителям грамматики были предоставлены носителями обоих диалектов. Лексический материал «Сочинений...» отражает современный чувашский язык, в котором уже произошли фонетические процессы, объясняющие расхождение двух диалектов, и которые в дальнейшем будут использованы в качестве критериев:

— в позднесреднечувашском огубленный полного образования звук *e* превратился в звук *o*, который в верховом диалекте сохранился, а в низовом стал более закрытым и звучал как *u* [Agyagási 2019, с. 221];

— чувашские закрытые гласные верхнего подъема (*i*, *ĩ*, *u*, *ü*) в начале среднечувашского периода редуцировались, в начале современного периода чувашского языка огубленные звуки в низовом диалекте стали неогубленными, тогда как в верховом диалекте их лабиальность (огубленность) сохранилась. К современному периоду чувашского языка завершился и процесс, в ходе которого указанные гласные звуки стали звуками среднего подъема²⁹.

В первой грамматике находим примеры упомянутых диалектных особенностей и того, и другого диалекта. В приведенных ниже таблицах они идентифицируются в контексте исторического формирования диалектных различий³⁰.

Согласно приведенным данным, трансформация позднесреднечувашского огубленного звука *e* в более закрытый звук *ko* времени составления «Сочинений...» привела к установлению двух диалектных вариантов, а информанты в основном были из числа носителей верхового диалекта.

---

²⁸ В ходе работы над рукописным вариантом настоящего исследования я составила транскрипцию 824 существительных и прилагательных первой грамматики.

²⁹ Историю формирования системы гласных звуков современного чувашского языка в последний раз подытожила Клара Адягаши [Agyagási 2019, с. 220—243]. Обзор системы гласных позднего среднечувашского периода см.: Agyagási 2019, с. 241; современного верхового диалекта: Agyagási 2019, с. 242; современного низового диалекта: Agyagási 2019, с. 243.

³⁰ Таблицы с примерами построены по следующей системе: рядом со среднечувашской лексемой я привожу ее чувашское и русское соответствия из «Сочинений...», далее следует транскрипция, затем — соответствия из верхового и низового диалектов. Сокращения см. в конце статьи.

Ср.-чув. *ǎ > В о > А и

Среднечувашская форма по [Agyagási 2019]	«Сочинения...»	Транскрипция	Вирьял	Анатри
*śâl 'дорога' (с. 205)	с̂оль 'путь, дорога'	[sol]	çол	çул
*tâm 'одежда' (с. 206)	томдирь 'одежда'	[tomDir]	томтир	тумтир
*xâm 'волна' (с. 206)	хомь 'вал'	[xom]	хом	хум
*ăyîx 'Луна' (с. 210)	ойхь 'луна, месяц'	[oy(ă)x]	ойăх	уйăх
*pâlî 'рыба' (с. 210)	пола 'рыба'	[polă]	полă	пулă
*śâtür 'дождь' (с. 213)	с̂омарь 'дождь'	[šömär]	çöмăр	çумăр
*âra 'нога' (с. 222)	ора 'нога'	[ora]	ора	ура
*pâś 'голова' (с. 223)	пось 'голова'	[poś]	поç	пуç
*pâu- 'богатеет' (с. 223)	буй 'богатство'	[Buy]	поян	пуян
*śâ ~ *śö 'лето' (с. 224)	сюла 'лето'	[šula]	çолла	çулла
*śâr 'весна' (с. 224)	с̂орконня 'весна'	[šorkonn'ă]	çор кунне	çур кунне
*śârim 'спина' (с. 224)	с̂орамь 'спина'	[šorâm]	çорăм	çурăм
*śâxa 'ворот, воротник' (с. 224)	с̂ога 'ворот'	[šoGa]	çоха	çуха
*tâtî 'вкус' (с. 225)	тода 'сытый'	[toDă]	тотă	тутă
*čâl 'камень' (с. 225)	чоль 'камень'	[čol]	чол	чул
*yân 'кровь' (с. 226)	ьонь 'кровь'	[yon]	йон	юн
*xâr 'гусь' (с. 226)	хорь 'гусь'	[xor]	хор	хур
*xâra 'черный свет' (с. 226)	хора 'черный'	[xora]	хора	хура
*xârax 'бандит' (с. 226)	хорахь 'разбойник, душегуб'	[xorax]	хорах	хурах
*yâr 'снег' (с. 226)	юрь 'снег'	[yor]	йор	юр
*xâl 'рука' (с. 226)	холпоси 'плечо'	[xolpoś(ś)i]	хол поçси	хул пуçси
*mânča 'bathing establishment' (с. 226)	могчя ³¹ , молча 'баня'	[moGča], [molča]	монча	мунча
*lâpas 'pantry' (с. 227)	лобашка 'ров, яма, овраг'	[loBaška]	лопашка	лупашка

³¹ Описка.

Ср.-чув. *i > В ě > А ě

Среднечувашская форма по [Agyagási 2019]	«Сочинения...»	Транскрипция	Вирьял	Анатри
*čir 'колено' (с. 207)	чиркоси 'колено'	[č'ěrkoš(š)i] ³²	чёр коцци	чёр куцци
*šivī 'шов' (с. 212)	сиввѣ 'рубец'	[šěvv'ě]	щёвѣ	щёвѣ
*t'iri 'живой' (с. 213)	черь 'живой'	[č'ěr'ě]	чёрѣ	чёрѣ

Среднечувашский *i* верхнего подъема в обоих чувашских диалектах развился в редуцированный *ě*, о чем свидетельствуют и лексемы «Сочинений...».

Ср.-чув. *ī > ср.-чув. *i > В ě > А ě / ср.-чув. *ī > В ă > А ă

Среднечувашская форма по [Agyagási 2019]	«Сочинения...»	Транскрипция	Вирьял	Анатри
*xir 'дочь' (с. 207)	хѣрь, хирь 'девица'	[x'ěr'], [x'ěr']	хёр	хёр
*xizi 'край' (с. 212)	хирня 'край'	[x'ěrn'ä]	хёрѣ	хёрѣ
*tixu 'курица' (с. 214)	чигы 'курица'	[čăGă]	чăхă	чăхă

Трудно судить о диалектной принадлежности примеров в случае среднечувашского гласного верхнего подъема, заднего образования *ī*, так как конечные результаты процесса в обоих диалектах совпадают.

Ср.-чув. *u > В ŷ (~ ѳ) > А ă

Среднечувашская форма по [Agyagási 2019]	«Сочинения...»	Транскрипция	Вирьял	Анатри
1	2	3	4	5
*muu 'шея, горло' (с. 208)	мый 'шея'	[măy]	мѳй	мăй
*pur 'лед' (с. 208)	пурь 'град или мерзлый дождь'	[pŷr]	пѳр	пăр
*šul 'ключ, родник' (с. 208)	сель, сюль 'колодезь'	[šŷl], [šŷl]	щѳл	щăл

³² Так как считаю, что записывающие были носителями русского языка, в своей транскрипции, согласно правилам чтения русского языка, согласные звуки, стоящие перед переднеязычными гласными, я обозначила как мягкие.

1	2	3	4	5
* <i>tum</i> 'измороз' (с. 208)	тумь 'мороз'	[tũm]	тõм	тãм
* <i>pulit</i> 'небо' (с. 211)	плюльть, 'облако'	[p'ũl' (ũ)t']	пõлõт	пёлёт
* <i>pulit</i> 'небо' (с. 211)	плеть 'облако'	[p'(ě)'ě't']	пõлõт	пёлёт
* <i>vurĭ</i> 'вор' (с. 212)	вьыро 'вор'	[vãrõ]	вõрõ	вãрã
* <i>vurĭ</i> 'вор' (с. 212)	вурӯ 'вор'	[võrõ]	вõрõ	вãрã
* <i>šultür</i> 'звезда' (с. 215)	сбодарь 'звезда'	[šõDãr]	çõлтõр	çãлтãр
* <i>šunux</i> 'мука' (с. 215)	сьонухъ 'мука'	[šõnũx]	çõнõх	çãнãх
* <i>vuru</i> 'семья' (с. 215)	вьыры 'семья'	[v'ãrã]	вõрõ	вãрã, вãрри

Ко времени составления «Сочинений...» в низовом диалекте произошла уже делабиализация редуцированных лабиальных (огубленных) верхнего подъема звуков первого слога. Большинство примеров из этого труда демонстрирует лабиальный редуцированный звук, однако иногда встречаются и низовые нелабиальные варианты.

Среднечувашская форма по [Agyagási 2019]	«Сочинения...»	Транскрипция	Вирьял	Анатри
* <i>kür</i> 'осень' (с. 208)	кюрконня 'осень'	[k'ũrkonn'ã]	*кõркõнне ³³	кёркунне
* <i>šüm</i> 'шерсть' (с. 209)	сюмъ, сямлы 'шерстистый'	[šũm], [šũmlã]	çõм	çãм, çãмлã
* <i>kümül</i> 'серебро' (с. 215)	кюмль 'серебро'	[k'ũm'ěl'] ³⁴	кõмõл	кёмёл
* <i>küntür</i> 'полдень' (с. 215)	кондурла 'полдень'	[kõnDũrlã] ³⁵	кõнтõрла	кãнтãрла
* <i>šükür</i> 'хлеб' (с. 216)	сюкрю 'хлеб'	[šũkrũ]	çõкõр	çãкãр
* <i>tütüm</i> 'дым' (с. 216)	тютюмь 'темнота'	[t'ũ(t)t'ũm']	тõттõм	тёттём

³³ Полный фонетический облик этого сложного слова в сборниках по диалектологии не нашли, но в «Сочинениях...» это слово однозначно встречается по правилам верхового диалекта.

³⁴ Неогубленный гласный звук второго слога в одном случае ([k'ũm'ěl']) сигнализирует о переходной (анатри) форме.

³⁵ К современному периоду чувашского языка редуцированные гласные переднего ряда, в позиции рядом с *k*, часто меняли свою рядность. Это отражено и в материалах «Сочинений...».

Представленный материал «Сочинений...» показывает, что гласный первого слога во всех примерах является лабиальным (только не отмечена редуцированность звуков), и это подтверждает принадлежность информанта к верховому диалекту.

Приведенные таблицы демонстрируют, что в первой грамматике преобладают верховые диалектные словоформы, но в то же время спорадически встречаются и слова из низового диалекта (ср. *буй, сюла, плеть, ввыры*). Также можно заметить, что часть фонетических изменений, характерных для среднечувашского периода истории языка, ко времени составления грамматики завершилась еще не на всем ареале распространения чувашского языка. Есть свидетельства того, что централизация редуцированных гласных верхнего подъема тогда еще не была завершена, поскольку гласные среднего ряда верхнего подъема в среднечувашском и в «Сочинениях...» представлены в том же варианте³⁶.

Рассмотренные факты способствуют идентификации фонетических диалектизмов, но и лексический материал «Сочинений...» содержит особенности, указывающие на диалектную принадлежность. В лексике наблюдаются примеры метатезы, что, согласно исследованиям Л.П. Сергеева, является диалектным признаком. Это явление спорадически встречается везде, но систематически выявляется в низовом диалекте [Сергеев 2007, с. 135—139].

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
коклъ	[kokl'ä]	кукăль	пирог
сивче	[šivč'ë]	сивёч	храбрый
сюкрю	[šükrü]	çăкăр	хлеб
сяклъ	[šäk'l'ë]	çекёл	крюк
тимря	[t'imr'ä]	тимёр	железо

3.2.2. Записывающий (записывающие)

Ряд особенностей фиксации слов приводит к мысли, что лица, записывающие лексический материал первой грамматики, не были носителями чувашского языка.

3.2.2.1. Глухие интервокальные согласные

Озвончение интервокальных согласных³⁷ чувашского языка произошло в среднечувашский период, то есть между XIII и XVIII вв. [Agyagási

³⁶ К примеру, написание *ÿ* (*нурь*: [pür], *тумь*: tûm, *сюмүлль*: šümüllä, *шумо*: šümö, *кюмгьль*: k'ÿm'ël', *тютюмь*: t'ÿ[t'ÿm') встречается намного чаще, чем фиксация с гласными среднего подъема (например, *черрь*: č'čr'č, *кондулла*: kônDürlla, *плеть*: p'[č]l'čr').

³⁷ Согласно орфографии современного чувашского языка озвончение не обозначается, но независимо от этого при произношении оно налицо. Кроме интервокальных согласных озвончение происходит и после звуков *l, n, r*.

2019, с. 186]. В результате появилось особое фонетическое явление — полувзвонкие согласные звуки³⁸. Среди слов «Сочинений...» имеются несколько примеров, подразумевающих полувзвонкое произношение интервокальных согласных. Данное фонетическое качество записывающие или не всегда замечали, или же не знали, как его обозначать:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
акышъ-жуми	[akäš-žöm(m)i]	акăш шăмми	перо лебединое
арака	[araka]	эрех	сивуха
купукъ	[kõpõk]	кăпăк	пена
лажа, лаша	[laža], [laša]	лаша	конь
ожу, ужу, ушу	[õžũ], [ũžũ], [ũšũ]	ăшă	жара, теплота
портырши	[portärši]	пуртă ырши	обух
пука	[pükä]	пăкă	втулка
саза, сасы	[sažä], [sasä]	сасă	голос
сорчикъ	[sorčäk]	сурчăк	слюна
коқырь	[kokär]	кукăр	кривой
мока	[mõka]	мăка	тупой

3.2.2.2. Отсутствие обозначения редуцированных гласных

Отсутствие маркировки редуцированных гласных показывает, что авторы «Сочинений...» часто не слышали, либо если даже слышали, не могли фиксировать³⁹ это качество гласных:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
опшка	[op(ä)ška]	упăшка	муж, супруг
плдарь	[p(ä)lDär]	пăлтăр	сени
плявь	[p'(ë)l'äv]	пёлев	оселок
преня	[p'(ë)ren'ä]	пёрене	бревно
пру	[p(ä)ru]	пăру	теленок
смарды	[s(ä)marDi]	пит сăмарти	щека
шналакъ	[š(ä)naläk]	шăналăк	занавеска

3.2.2.3. Лично-притяжательный аффикс

Составители словника «Сочинений...» часто не обозначали удвоение согласного перед лично-притяжательным аффиксом⁴⁰. Так как в русском

³⁸ Это фонетическое качество в тюркологической транскрипции обозначается малыми заглавными буквами (капителью).

³⁹ Нужно отметить, что выпадение редуцированных систематически встречается в верховом диалекте в четырех разных видах фонетического контекста [Сергеев 2007, с. 86—89], но ни один из приведенных примеров не относится к случаям, описанным Сергеевым.

⁴⁰ Чувашский лично-притяжательный аффикс (-i) не смягчает стоящий перед ним согласный звук, в связи с чем я при транскрибировании в этих случаях обходилась без знака мягкости.

языке нет геминации (удвоения согласных), записывающие, предположительно русскоязычные, или не замечали, или не знали, как ее обозначать:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
акышъ-жуми	[akäš-Žöm(m)i]	акăш шăмми	перо лебединое
виримъ холы	[v'ir'ëm hol(l)i]	вирĕм холли	ива
иплихолы	[[y]ëpl'ëxol(l)i]	йĕплĕ хулă	шиповник

3.2.2.4. Использование буквы ять (ѣ)

В первой чувашской грамматике часто используется *ять* (ѣ), который означал аллофон закрытого *e* северного диалекта русского языка [Горшкова 1972, с. 100—112]. Значит, составители «Сочинений...», используя *ять*, пытались обозначать им несколько иной звук. Однако эти усилия были непоследовательными, в частности из-за трудностей, связанных с фиксацией редуцированных гласных. Это связано с тем, что с помощью *ять* обозначаются также и звуки *i*, *e*, *ě*, *ä*; чаще всего этот знак используется при оформлении лично-притяжательного аффикса:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
аллапорнякъ	[aläp'örn'äski]	алă пурнески	наперсток
аслатъ	[aslat(t)'e]	аслати	гром
валѣмъ	[val'ëm]	валĕ	часть
врѣнь	[v'(ë)r'en']	вĕрен	канат, веревка
ѡмзѣ	[yomžä]	юмăç	чародей, ворожея
хѣсь	[x'ëś]	хĕç	сабля
черѣ	[č'ër'ë]	чĕрĕ	живой
чибѣ, чипи	[č'ëv'ë], [č'ëp'ë]	чĕпĕ	цыпленок
чрѣ, чири	[č'(ë)r'ë], [č'ër'ë]	чĕрĕ	здоровый
чѣрь	[č'ër']	чир	болезнь
ѣльмя	[y(ë)'m'ä]	йĕлме	илем

3.2.2.5. Использование буквы г

Как уже упоминалось выше, в лексическом материале «Сочинений...» смычный звук *g* обозначается латинской буквой *g*, что не редкость для словарей той эпохи [Егоров 1949, с. 132; Сергеев 1970, с. 237]. Использование *g* само по себе не указывает на русскоязычность записывающего, однако подтверждает, что он знал о том, что кириллической буквой *г* может обозначаться произнесение спираанта в южнорусских диалектах [Горшкова 1972, с. 136], поэтому считал важным отметить смычный характер этого звука:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
арга	[arGǎ]	аркă, арăк	пола, подол
выгурь	[vǎGǫr]	вăкăр	бык
корга	[korGa]	курка	ковш
кумага	[kǫmaGa]	кăмака	печь
погань	[poGan]	пукан	стул
тага	[taGa]	така	баран
чагакь	[čaGak]	чакак	сорока
ширга	[šǎrGa]	шăрка	гнида

3.2.2.6. Обозначение звука j

В лексическом материале «Сочинений...» находим примеры обозначения звука *j* как в церковной, так и в светской письменной практике. Чаще всего звук *j* даже не фиксировался или же обозначалась буквой *и* кириллицы. Характерно, что в позиции рядом с *i/i* буква *j* отсутствует. Это связано с тем, что в русской письменной практике звуко сочетание *йи/йы* не встречается:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
адаль иты	[aDǎl (y)itti]	шыв кайăкĕ, чарлан, пулă йытти, кăрлик	мартышка
вурмань каикь	[vǫrman kay(ǎ)k]	вăрман кайăкĕ	рябчик
игыть	[y(ĕ)G'ĕt]	йĕкĕт	молодец
кильижь	[k'iil'(y)iž'ĕ]	кил-йыш	хозяин
лаихь ширшъ	[lay(ǎ)x šǎrš]	лайăх шăршă	добрая душа
ывырь	[(y)ivǎr]	йывăр	тяжесть, бремя
ибя	[y(ĕ)B'ǎ]	йĕпе	влага
иварь	[y(i)var]	—	воз
лаихь	[lay(ǎ)x]	лайăх	красивый, хороший

В труде в некоторых случаях встречается и графема *й*, что является признаком светской практики письма:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
вуй	[vǎy]	вăй	сила
йорла	[yorla]	юрла	песни, петь
когазей	[koGaž'eiy]	кукаси	дядя
хыйра	[xǎyra]	хăйра	брус
суйль	[šüyl'ĕ]	сўлĕ	крутой

3.2.2.7. Звонкий согласный в начале слова

В лексическом материале «Сочинений...» обнаруживается несколько слов с начальным звонким звуком. С фонетической точки зрения их наличие объяснить нельзя; возможно, они были произнесены или в составе сложного слова, или после слова с ауслатным гласным, а записывающий выхватил их из такого контекста:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
буй	[Buy]	пуян	богатство
булань	[Bölan]	пăлан	олень
бусь	[Bus]	пус	копейка
буянь	[Buyan]	пуян	богатый
зюоль	[Žol]	сул	строчка
тошь, дось	[tos], [Dos]	тус	друг, приятель, знакомый

3.2.2.8. Проблемы членения при записывании словосочетаний

На русскоязычность составителей первой грамматики указывает и то, что записывая чувашские словосочетания, они обращали внимание не на их семантические компоненты, а на их интонационные особенности, поскольку границы слов им уловить не удалось. Чаще всего встречается слитное написание двух лексем:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
аллапорняксь	[aläp'örn'äski]	алă пурнески	наперсток
вадшора	[vaD(ä)šora]	ват шурă	седой
кумагахопъ	[kõmaGaxop(pi)]	кăмака хуппи	заслонка
нимичьпорзи	[n'im'ëç'pörži]	нимёç пăрси	боб
питьхаярь	[pit'xayar]	пит хаяр	злейший
согатимиръ	[soGat'im'ër]	суха тимёрё	сошник
утикишкаръ	[utäkăškar'ë]	ут кăшкарё	коневой щавель
клемзёрлы	[k'(ë)'emz'erl'ë]	кёлмёç юрлă	убогий
хшлязънгаръ	[x'(ë)š(ë)'l'äz'enG'är']	ешёл сенкер	купорос

А в других случаях членение словосочетаний на лексические единицы в корне неверно:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
сивъши вхораганъ	[s'ivši vxoraGan]	сив шыв хуракан	лейка
хорта мушь	[xorta mōš]	хурт амăш(ё)	пчелиная матка
хоръ лаганъ	[xor läGan]	хурлăхан	смородина

3.2.2.9. Русскоязычность, мешавшая записывающему

Не является исключением случай — кроме первой чувашской грамматики встречается подобное и в «Словаре языка чувашского...» и в «Словаре языков разных народов Нижегородской епархии...» [Егоров 1949, с. 127] — когда записывающее лицо, скорее всего под влиянием родного русского языка, снабдило чувашские прилагательные в словарях грамматическим аффиксом русских прилагательных мужского рода:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
вилимлый	[v'il'ëml'ëy]	вилёмлӗ	смертный
кашкырлый	[kaškärläy]	кашкӗрлӗ	волчий
мамыкый	[mamäkläy]	мамӗклӗ	пуховый
пирьлый	[p'ir'l'ëy]	пирлӗ	полотняный, холст, полотно
сӱнатый	[sönatläy]	сунатлӗ	крылатый
тиллй	[t'ill'ëy]	тиллӗн	лисий

3.2.3. Переписчик(и)

При окончательном оформлении «Сочинений...», очевидно, было необходимо привести в порядок собранный лексический материал и подготовить его к печати. Прделали эту работу сами составители или же отдали переписчикам — точно сказать невозможно, но вполне вероятно, что часть «неправильно написанных» слов, необъяснимых с точки зрения этимологии, может быть отнесена к вторичным ошибкам, возникшим в ходе этого этапа работы:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
каридыкъ ивысь	[karäDäk (y)iväs̄]	караӗнтӑк йывӑс	пьяльцы
килди-порнатрань	[k'ilD'i-pornatran]	килте пурнакан	домовой
послань	[poslan]	палан	калина
сюнь	[s'öt']	сӗт	молоко
акать	[akäš]	акӑш	лебедь
инярьпохми	[(y)ën'är'poxmi]	йӗнер пусми	стреля
тшаль	[t(ä)šal]	пӑшал	ружье

3.2.4. Типографские наборщики

Среди неправильно написанных слов первой чувашской грамматики выделяется круг лексем, которые были искажены в ходе типографских работ, как правило, в результате неправильного набора или нехватки краски:

«Сочинения...»	Транскрипция	Чувашская литературная форма	Русский перевод в «Сочинениях...»
с галь ⁴¹	[s(u)Gal]	сухал	борода
сюхачь ⁴²	[šuxač]	šaxan	ворон
тозачлы ⁴³	[toZačlă]	тусанлă	пыльный

4. Послесловие

Выше мной предпринята попытка изложить историю возникновения и исследования первой чувашской грамматики, особое внимание уделено выявлению круга лиц, участвовавших в ее создании. Для чего, в отличие от предыдущих исследователей, я обратилась к лексическому материалу грамматики, научная достоверность которого как первоисточника не вызывает сомнений. Полученные результаты основываются только на именах существительных и прилагательных, однако они представляют собой необходимое количество языковых форм (60 % всей лексики труда), чтобы выводы, сделанные с их помощью, можно было считать достоверными.

В ходе исследований я, исходя из анализа лексического материала «Сочинений...», попыталась выявить участников создания данного труда и определить круг их обязанностей. Лингвистические данные однозначно говорят о том, что среди информантов, предоставивших лексический материал, в одинаковой мере были носители и низового, и верхового диалекта, причем последние преобладали. Однако обнаруженные в этом материале семантические и графические ошибки, неточности указывают на то, что составители труда — записывающие, переписчики, типографские наборщики — не знали чувашского языка, или же их владение русским языком как родным часто становилось помехой для правильной фиксации чувашских словоформ. Таким образом, можем утверждать, что выдвинутый в последнее время на первый план в Чувашии научный дискурс, отмеченный именем В.Г. Родионова, согласно которому «Сочинения...» являются результатом деятельности чувашского автора (чувашских авторов), не основан на достаточно убедительных аргументах: авторов/составителей данного труда надо искать в среде русской церковной интеллигенции.

Сокращения

- А — анатри (низовой)
В — вирьял (верховой)
ср.-чув. — среднечувашский

⁴¹ Пробел (отсутствие гласного) после *с* возник из-за того, что свинцовая литера у была недостаточно покрыта краской.

⁴² Появление буквы *ч* этимологически необъяснимо. Однако, если предположить, что на левую нижнюю часть свинцовой литеры *и* не нанесено достаточно краски, то получаем приведенный выше результат.

⁴³ См. предыдущую ссылку.

Литература

Алексеев 1970 — *Алексеев А.А.* Заметки о первых грамматических трудах по чувашскому языку // Учен. зап. / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Вып. 49: Филология. Чебоксары, 1970. С. 203—220.

Галкин 1991 — *Галкин И.С.* К вопросу об авторстве первой грамматики марийского языка // Марийский археографический вестник. 1991. № 1. С. 10—11.

Горшкова 1972 — *Горшкова К.В.* Историческая диалектология русского языка. М.: Просвещение, 1972. 159 с.

Димитриев 1960 — *Димитриев В.Д.* Два описания чувашей и чувашские словари второй четверти XVIII века // Учен. зап. / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Вып. 19: Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1960. С. 270—302.

Димитриев 1967 — *Димитриев В.Д.* Документы об издании «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Учен. зап. / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Вып. 34: Филология. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1967. С. 153—162.

Егоров 1949 — *Егоров В.Г.* Чувашские словари XVIII века // Записки / НИИЯЛИ при Совете министров Чуваш. АССР. Вып. 2. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1949. С. 111—142.

Егоров 1951 — *Егоров В.Г.* Первая печатная грамматика чувашского языка 1769 г. // Тюркологический сборник. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 85—92.

Комиссаров 1992 — *Комиссаров Г.И.* Письменность на чувашском языке в XVIII веке // Проблемы письменности и культуры: материалы конф., посвящ. 250-летию со дня рождения чуваш. ученого и просветителя Ермея Рожанского / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. Респ.; отв. ред. В.Г. Родионов. Чебоксары, 1992. С. 85—104.

Ломоносов 1755/1952 — *Ломоносов М.В.* Российская грамматика. СПб., 1755. Репринт: *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии (1739—1758 гг.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389—578.

Мудрак 2011 — *Мудрак О.А.* Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка / ЧГИГН; ред.-сост. А.П. Хузангай. Репр. изд. Чебоксары, 2011. С. I—XIV.

Петров 1999 — *Петров Н.П.* Ермей Рожанский — автор первой печатной грамматики чувашского языка, писатель, словарист, переводчик-просветитель XVIII века // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 1999. № 2. С. 110—123. (То же: *Петров Н.П.* История старочувашской письменности: избранные труды / сост. Т.В. Денисова. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2009. С. 55—66).

Родионов 1983 — *Родионов В.Г.* Новое о деятельности Ермея Рожанского // Актуальные проблемы чувашской литературы: сб. статей / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1983. С. 157—178.

Родионов [1.2.4.] — *Родионов В.Г.* Ермей Рожанский: жизнь и творчество = Ермей Рожанский: пуриӑсӑне пултаруӑхӑ. [Электронный ресурс.] [Без выходных данных] URL: http://elbib.nbchr.ru/lib_files/0/kkni_0_0001007.pdf (дата обращения: 05.02.2020).

Савельев 2014 — *Савельев А.В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа): дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 445 с.

Сергеев 1970 — *Сергеев Л.П.* О памятниках чувашской письменности XVIII века // Учен. зап. / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Вып. 46: Филология. Чебоксары, 1970. С. 228—263.

Сергеев 1972 — *Сергеев Л.П.* О дояковлевском периоде чувашской письменности // 100 лет новой чувашской письменности = Сӑнӑ чӑваш сырулаӑхӑн 100 ӑулӑ: сб. статей / НИИЯЛИЭ при Совете министров Чуваш. АССР. Чебоксары, 1972. С. 47—76.

Сергеев 2007 — *Сергеев Л.П.* Диалектная система чувашского языка: монография. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т им. И.Я. Яковлева, 2007. 428 с.

Сочинения 2011 — Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка / ЧГИГН; ред.-сост. А.П. Хузангай. Репр. изд. Чебоксары, 2011. XII, 68, XVII А.

Терентьев 1959 — *Терентьев В.Т.* Еще раз о первой грамматике чувашского языка // Вопросы языкознания. 1959. № 3. С. 139—140.

Хузангай 2011 — *Хузангай А.П.* «Начав учиться языку у ласточки...» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка / ЧГИГН; ред.-сост. А.П. Хузангай. Репр. изд. Чебоксары, 2011. С. III—XII.

Чувашская энциклопедия 2009 — Чувашская энциклопедия. В 4 т. Т. 3: М—Се. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 686 с.

Шамрай 1955 — *Шамрай*. К истории появления первой грамматики чувашского языка // Ученые записки / НИИЯЛИ при Совете министров Чуваш. АССР. Вып. 12. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1955. С. 226—230.

Agyagási 1982a — *Agyagási K.* Hat XVIII. századi csuvas szójegyzék forráskritikája [О шести чувашских глоссариях XVIII века] // *Néprajz és Nyelvtudomány*. 26. Szeged, 1982. P. 7—35.

Agyagási 1982b — *Agyagási K.* On the Edition of Chuvash Literary Sources [Об издании чувашских языковых памятников] // *Chuvash studies. Bibliotheca Orientalis Hungarica*. Vol. 28. *Asiatische Forschungen*. Bd. 79 / A. Róna-Tas (ed.). Budapest; Wiesbaden, 1982. P. 7—17.

Agyagási 2019 — *Agyagási K.* Chuvash Historical Phonetics. An areal linguistic study [Чувашская историческая фонетика: ареальное лингвистическое исследование]. Wiesbaden: Harrasowitz Verlag, 2019. 333 s.

Décsy 1967 — *Décsy G.* First Votyak Grammar [Первая вотякская грамматика] // *Uralic and Altaic Series*. Vol. 81. Bloomington: Indiana University Press, 1967. 113 p.

Hovdhaugen 1975 — *Hovdhaugen E.* The phonemic system of early 18th century Chuvash [Система фонем чувашского языка начала XVIII века] // *Central Asiatic Journal*. Vol. 19. № 4. 1975. P. 274—286.

Kapeller 2016 — *Kapeller A.* Die Tschuwaschen: Ein Volk im Schatten der Geschichte [Чуваши: Народ в тени истории]. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2016. 276 s.

Róna-Tas 1978 — *Róna-Tas A.* An unpublished Chuvash wordlist in the Library of the Hungarian Academy of Sciences [Неопубликованный чувашский глоссарий в библиотеке Венгерской Академии наук] // *Jubilee Volume of the Oriental Collection 1951—1976*. Budapest: Library of the Hungarian Academy of Sciences, 1978. P. 159—173.

Sebeok 1956 — *Sebeok T.* The First Cheremis Grammar (1775) [Первая черемисская грамматика (1775)] // *Linguistic Society of America. Studies in Cheremis*. Vol. 3. Chicago: Newberry Library, 1956. 136 p.

Takac Melinda

NOTES ON THE HISTORY OF THE FIRST CHUVASH GRAMMAR

In this study, my goal was to introduce the first Chuvash grammar (*Sočinenija prinadležašče k grammatike čuvaškogo jazyka*) and the circumstances of its emergence. As opposed to the assumptions made by earlier scholarship mainly based on the examination of exterior sources, I tried to start off of the work itself as an interior source. Through the analysis of the writing system of the grammar, I came to conclusions about the birth of the grammar and the personalities who contributed to the work (respondents, compilers, author). The linguistic data examined made it clear that there were persons speaking the Anatri and Virial dialects among the respondents providing the word material. Representatives of Virial prevailed. However, semantic mistakes and inaccuracies in writing technique suggest that the compilers of the work did not know the Chuvash language and their Russian language competence in many cases prevented them from the correct recording of the Chuvash word forms. Recently, a scholarly discourse hallmarked by V.G. Rodionov came to the front. According to it, the *Sočinenija* was written by (a) Chuvash author(s). We can assume that this idea has not been supported by convincing arguments: if we want to find the authors/compiler(s) of the work, we should search among Russian ecclesiastical intellectuals.

Keywords: the first Chuvash grammar, Chuvash language, language history.

В статье впервые в чувашском литературоведении рассмотрены особенности функционирования и развития системы малых форм чувашской прозы начала XXI в., изучена специфика отдельных жанров, их характерные черты на современном этапе. Уделено немало внимания вопросам классификации малых повествовательных форм.

Ключевые слова: современная чувашская литература, чувашская проза, малые формы, начало XXI в., рассказ, сказ, короткий рассказ, литературная сказка, миниатюра.

Вопросы теории и истории малых повествовательных форм в целом и их развитие на современном этапе, в частности в чувашском литературоведении, недостаточно изучены. Современная чувашская малая проза является объектом изучения в статьях Г.И. Федорова¹, Е.П. Чекушкиной², А.Ф. Мышкиной³, В.В. Никифоровой⁴ и др. Особое внимание ей уделяется в монографиях Н.И. Степановой⁵ и Н.Н. Осипова⁶. В целом в данных работах изучаются характерные особенности основного малого жанра — рассказа. В более ранних исследовательских работах представлен анализ стержневых тенденций определенных периодов, творческой манеры отдельных писателей, разработаны вопросы истории и теории чувашской малой прозы. Это монография Г.Я. Хлебникова «Современная чувашская литература» (1971), книги В.П. Никитина (Станьяла) «Чувашский рассказ» (Ч. 1. 1985; Ч. 2. 1990), монографии Г.И. Федорова «Художественный мир чувашской прозы 1950—1990-х гг.» (1996) и А.Ф. Мышкиной «Чувашская художественно-философская и художественно-публицистическая проза второй половины XX века» (2005).

Вера Витальевна Никифорова — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник секции литературоведения филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: vera.nickiforova@yandex.ru.

Малая повествовательная форма в чувашской литературе отличается разнообразием. В ней выявляются традиционные жанры, подобные жанрам русской и других национальных литератур, такие как рассказ, сказка и др., так и собственно национальные формы. В данной работе поставлена цель проанализировать развитие малых форм на современном этапе [*калав* (рассказ); *хайла* (рассказ, сказ); *кёске калав, тёрленчёк, каласусем* (короткий рассказ); *юмах* (литературная сказка); *кёске тёрленчёк* (миниатюра)] в целом; изучить их отдельные особенности. Объектом исследования стали прозаические произведения начала XXI в. Такого рода обобщенный анализ имеющегося материала в современном чувашском литературоведении производится впервые.

Вопросы классификации малых повествовательных форм в чувашском литературоведении сегодня однозначно не решены. В частности, жанры рассказа и новеллы по сложившейся традиции употребляют как синонимы. В.П. Никитин в своей работе «Чувашский рассказ» попытался определить границы между данными терминами, определяя новеллу как отдельный жанр. «Новелла — жанр новеллистики, художественное произведение небольшого размера, сопоставимый по объему с рассказом, но отличающийся от него традиционно сложившейся структурой, резко очерченными характерами, остро развитым сюжетом, четкой и цельной композицией, однособытийным фокусом, закономерностями художественной ситуации, присущей только новелле, а не рассказу»⁷. В частности, литературовед утверждает, что в чувашской литературе новелла зародилась намного позднее очерка и рассказа, но уже в 20-е гг. XX в. признавалась как отдельный жанр⁸. Но в дальнейшем в работе В.П. Никитина намечается тенденция к синонимичному употреблению терминов *рассказ* и *новелла*.

Новелла традиционно воспринимается как «повествовательный прозаический жанр, для которого характерны краткость, острый сюжет, нейтральный стиль изложения, отсутствие психологизма, неожиданная развязка»⁹. Жанр в классическом виде не распространен даже в русской литературе. В качестве наиболее ярких примеров большинством исследователей признаются «Повести Белкина» А. Пушкина, «Шинель» Н. Гоголя, произведения А. Грина, «Легкое дыхание» И. Бунина и некоторые др. В чувашской прозе это также малочисленный жанр. Яркие произведения последних трех десятилетий — «Оля-Улькка» (1979, опубликовано в 1996), «Ёмётпе ёмётсёрлэх» [(Несбывшиеся мечты, старуха и фата(льность), 1988], «Читлэхри юрă» (Прерванная песня, 1992), «Чике старик ёмёчё» (Грезы маленького человечка, 1991) Л. Сачковой; «Рия» (1994) Е. Лисиной.

В новелле, в отличие от рассказа, нет авторской оценки характеров и действий персонажей. В рассказе оценка косвенно выражается в психологических портретах героев. Психологизма в новелле нет, здесь важно правильно задать динамику и вызвать напряженность — в этом главное отличие от рассказа. Не герой находится в центре внимания, а события, которые с ним происходят. В рассказе возможны ответвления от главных событий и др.¹⁰

Таким образом, можно констатировать, что границы чувашской новеллистики не очерчены вплоть до сегодняшнего дня. Термины «рассказ» и «новелла» употребляются в основном как синонимы. В частности, в обзорной статье ко второму тому двухтомника «Чувашский рассказ» составителя Б.Б. Чиндыкова «Несколько слов о русской и русскоязычной новеллистике Чувашии»¹¹ эти жанры также не отделяются друг от друга. Данный вопрос, разумеется, требует отдельного и внимательного рассмотрения. В настоящей статье мы лишь подчеркнем правомерность выделения новеллы как отдельного жанра.

В системе малых жанров прозы также имеются отдельные прозаические тексты, оригинальные по своему содержанию и форме, которые не укладываются в рамки «рассказа» в традиционном понимании и характерны только для чувашской прозы, что позволяет говорить о существовании собственно национальных жанров. При характеристике данных жанров для сравнения приводятся сходные жанры в русской литературе. Речь идет о таких жанрах, как *хайла* (рассказ, сказ), *калаçусем* (букв. — «разговоры, диалоги», аналог короткого рассказа) и др. Разумеется, также нужно помнить, что границы между жанрами в некоторых случаях бывают весьма зыбкими. Основные признаки определяются в соотносении с сопредельными жанрами. Следует также учесть и формальный признак — объем текста. Понятно, что минимальный объем имеет миниатюра и т.д. Но бывают и варианты, когда в границах заявленного жанра его потенциал не раскрывается. К примеру, текст имеет достаточный объем и заявлен как рассказ, но в нем слабо выявляются его признаки, поэтому он может оцениваться как короткий рассказ или же миниатюра. Иными словами, условный объем не гарантирует успешную реализацию жанра.

Особенности функционирования и развития как современного чувашского рассказа и других малых форм, так и всей чувашской литературы в целом, в наибольшей степени определены изменившейся социально-политической ситуацией в стране в конце XX в. Безусловно, они определяются также внутренними эстетическими закономерностями существования национальной словесности.

В начале 1990-х гг. произошла смена литературной парадигмы. Пришло новое поколение писателей, свободное от соцреалистических установок, с новым пониманием литературы. Примерно до 2010-х гг. в обществе, соответственно и в литературе, происходило формирование новых мировоззренческих установок, поиски некоей опоры, нового положительного героя, ориентира — обретение новых черт. Облик другой, постсоветской литературы формируется два-три десятилетия. Личность теперь воспринимается не как преобразователь мира или же функция, а как органическая часть природы, окружающей жизни. Акцент переходит на внутренний мир личности. По наблюдениям литературоведа Т.Л. Кузнецовой, в комической литературе, к примеру сказать, именно малые формы прозы конца XX — начала XXI в. органично выражают особенности мироощущения современности.

менника, своеобразие его духовного мира¹². Похожая ситуация сложилась и в чувашской литературе.

* * *

Калав (рассказ) в традиционном смысле термина¹³ является наиболее плодотворной формой в системе жанров современной чувашской малой прозы и имеет немало разновидностей (лирико-философский, лирико-психологический, детективный, фантастический, сатирический и др.).

Во всех национальных литературах после перестройки происходит разрушение прежних идеалов. Исчезает пафос героизации, свойственный литературе советского периода. Порой она принимает форму «чернухи»: печатаются произведения, в которых преобладает одностороннее изображение жизни. И в чувашской литературе в 1990-е гг. начинают все чаще изображаться негативные стороны современности, или «черный реализм»: разрушение деревни, пьянство и безработица и на селе, и в городе, неуважение людей друг к другу. При этом вечные вопросы «кто виноват?» и «что делать?» мало кто ставит, получается, есть изображение факта и нет анализа. На передний план нередко выходят герои, ранее воспринимавшиеся отрицательными: люди без определенного места жительства, нечестные на руку личности и т.д. (творчество Д. Гордеева, Н. Симунова, С. Павлова и др.). Сами писатели признаются, что в жизни не осталось места для позитива, что непременно отразилось в литературе¹⁴. Эта тенденция сохраняется и в самом начале XXI в. [рассказы У. Эльмень, «Сўппи» (Сюппи, 2004) Г. Цветковой¹⁵, «Чӓпар лӓпӓш» (Пестрая бабочка, 2004) Хв. Агивера (1943—2021)¹⁶ и др.]. Одновременно начинается преодоление «черного реализма», и в первую очередь — в творчестве молодых авторов [рассказы «Тӓвар тутиллӓ шуӓ сӓкӓр» (Соленый белый хлеб, 2002) Л. Викторовой, «Гӓтреллӓ сӓмӓр витӓр» (Сквозь дождливый туман, 2003) Н. Григорьевой и др.].

Один из признанных авторов в жанре чувашского рассказа — Арсений Тарасов. Писатель пытается постичь своеобразный, неоднозначный и противоречивый характер современника. Прозаик стал известен после публикации рассказа «Сутнӓ пӓрттри юлашки кас» (Последняя ночь в проданном доме, 1987). Многие рассказы А. Тарасова можно определить как лирико-философские или лирико-психологические. Его герои — чаще всего сельчане или горожане, у которых сельские корни. Сельчане в большинстве старики.

«Деревенскую» тему А. Тарасов продолжает и в начале XXI в. [«Тӓван ялӓм, хваттер яр!» (Пусти на пристанище, родная деревня! 2011) и другие рассказы¹⁷]. Он поднимает проблемы, актуальные для нового времени: если лучшие умы будут уезжать из села, кто же его будет развивать? Если каждый будет думать только о собственной благополучной жизни, как же сложится жизнь села? Таких, как Александр Кузьмич — Санька, кто в молодости уехал в город, а в старости возвращается на малую родину, герой произведения Максим Философ называет шабашниками. Рассказ пронизан иронией и самоиронией. Одновременно в нем ощущается боль за судьбу

родного села и небольшая, но — надежда на его возрождение. В рассказе «Парнеле мана Париж»¹⁸ (Подари мне Париж, 2011) раскрываются чувства мужчины средних лет. Сергей Владимирович, намеревавшийся вначале подарить поездку в Париж своей жене, решил подарить ее своей первой любви. Но в конце, и возможно, неожиданно для него самого, у него возникает чувство к Элене, которая намного младше его, но близка ему по духу. Автору удалось выстроить сложную интригу в рассказе, причем она видоизменяется в последней части произведения в результате случайного стечения обстоятельств, и характер героя раскрывается совершенно с неожиданной стороны.

В первом приближении к современному чувашскому рассказу складывается впечатление, что в основном в нем на первом месте находится событие, сюжет, а не характер. Именно через длинную череду событий, через реакцию героя на эти происшествия очерчивается его характер. А целенаправленное изображение определенных характеров, или же типов, встречается довольно редко. В частности, можно назвать цикл рассказов Лаврентия Таллерова «Ташласа хёр сураснӑ Тимук тата ытгисем» (Тимук, со-сватавший девушку танцуя, и другие, 2013). В восьми рассказах (объемом от четырех до тринадцати страниц) показывается «простой человек», житель деревни. Автор считает, что о таких людях тоже нужно знать, потому что красоту деревенской жизни создает каждый, кто там живет. Ценен каждый человек, даже если он и не герой, и не руководитель. Повторение данной вроде бы известной истины в литературе, несомненно, очень важно. Автор определяет функцию данных рассказов как «рассказы-эпитафии»¹⁹, так как они написаны в память о тех сельчанах, которые действительно когда-то здесь жили. По той же причине — наличию явной реалистической основы — эти тексты напоминают очерки. Но в них немаловажное значение имеет субъективное осмысление имеющегося материала. Иными словами, они созданы на стыке жанров. В связи с этим, более точным жанровым определением данных текстов является, на наш взгляд, «очерковый рассказ»²⁰.

В современной прозе нечасто, но продолжает звучать тема войны [Великой Отечественной — В. Константинов, Г. Максимов, Б. Чиндыков и др.), Афганской (А. Хмыт), Чеченской (Г. Желтухин)]. Сегодня открываются иные, новые грани в осмыслении этих трагических событий. Рассказы «Тусан айӑнчи чӑнлӑх» (Правда под пылью, 2011)²¹ Г. Максимова и «Алӑсем» (Руки, 2013)²² В. Константинова, поднимают сложные вопросы, касающиеся детей и внуков солдат Великой Отечественной, оставшихся в живых ветеранов (и лжеветеранов). Рассказ Г. Желтухина «Сӱсе кӑвакартнӑ тӑватӑ кун» (Четыре дня, за которые поседели волосы, 2013)²³ посвящен Герою России из Чувашской Республики Евгению Борисову. В нем описывается подвиг молодого солдата, который стал истинным примером мужества, героизма и патриотизма в начале нового тысячелетия.

В рассказе «Presens-Futurum» (2016)²⁴ Б. Чиндыков обращается к судьбе Анатолия [Кадеева], попавшего в плен к немцам во время Великой Оте-

чественной войны и помогавшего Й. Бенцингу в составлении чувашско-немецкого словаря и издании газеты на чувашском. Автор, размышляя над особенностями прошедшего времени в чувашском языке, поднимает важные вопросы, касающиеся чувашского менталитета.

Б. Чиндыков является также составителем сборника «Чувашский рассказ» в двух томах (Т. 1: Дети леса, 2016; Т. 2: Родные берега, 2016) и автором послесловия к нему. В первый том включены лучшие рассказы чувашских писателей XIX—XXI вв. в переводе на русский язык; во второй — произведения русских и русскоязычных писателей Чувашии, а также авторов чувашского происхождения из других регионов страны. Это издание стало заметным вкладом в чувашское культурное пространство; а у читателей, не знающих чувашского языка, появилась возможность познакомиться с хорошей национальной прозой.

Вопросы национального явно или неявно (детали, национальные реалии, размышления вскользь о характере и т.д.) проявляются в творчестве многих авторов (А. Тарасов, Н. Ильина, В. Ямаш, И. Иванов, Хв. Агивер, и др.). Рассказ Н. Ильиной «Даниил» (2003) констатирует и анализирует ситуацию, сложившуюся в среде чувашской интеллигенции. Дети многих из тех, кто красиво говорит на разных форумах о сохранении родного языка — его не знают. Значит, все разрушено? И не только одного Даниила, а дело целого поколения, если некому его продолжить... В поисках опоры герой отправляется в родную деревню, но и там он оказывается никому не нужен... Но небольшая надежда все же осталась: Даниил остается жив. В рассказе немало символических деталей: герой сбивается с пути в метель; оказалось, что все время он шел не по дороге, а по краю крутого обрыва; его не пускают через калитку на другую сторону и т.д. Рассказ напоминает притчу, мораль из которой каждый должен извлечь сам. Важное значение имеет эпиграф, взятый из М. Горького: «И вот он ходит, ходит повсюду... Видишь, он стал уже как тень, и таким будет вечно! Ему нет жизни, и смерть не улыбается ему» («Старуха Изергиль»)²⁵. Ярким примером последних лет служит рассказ Ильи Иванова «Durak» (2014), в котором автор с болью размышляет о сегодняшнем дне и будущем чувашского народа. В рассказе «Суккяр Хветура» (Слепая Федора, 2019)²⁶ писатель Хв. Агивер жизнь отдельной личности рассматривает в контексте чувашского мира, а жизнь чувашского народа оценивает с точки зрения вечности. Ценность отдельной человеческой жизни, судьба и будущее народа являются основными вопросами данного лирико-философского рассказа.

В новом веке Владимир Степанов продолжает писать детские рассказы, романы-этнофэнтези, журналистские статьи и *сатирические монологи*. В жанре монолога В. Степанов спародировал практически всех известных лиц республики: журналистов, артистов, политиков, деятелей культуры, а также некоторых российских политиков. Они публиковались в газете «Самрăксен хаçачё» (Молодежная газета) в 1990 — начале 2000-х гг. С 2012 г. публикации монологов возобновились в журнале «Самант» (Миг).

Эти произведения могут прочитываться как современная уникальная разновидность малой формы. Всего их более ста текстов. В творчестве других авторов жанр не получил распространения.

В творчестве прозаика недавно появился новый жанр – рассказ-этнофэнтези «Сунат ура» (Бегущий по воздуху, 2020)²⁷. Действие в рассказе происходит в другом — волшебном чувашском мире. Главный герой Анатолий / *Хёснер* вступает в битву со злом. Благодаря огненному мечу он становится непобедимым. Текст Степанова читается непросто, он представляет интерес для любителей интеллектуальной литературы. В конце имеется толковый словарь неологизмов, многие из которых автор придумал сам. Рассказ-этнофэнтези есть также в творчестве молодого прозаика И. Шашкиной [«Виçё хёвел» (Три солнца, 2020)], фэнтези — О. Австрийской [«Миххи пёви» (Пруд Миххи, 2017)]. Данные рассказы-этнофэнтези, фэнтези, на наш взгляд, нужно классифицировать как фантастические рассказы. Они создаются на стыке рассказа и литературной сказки, развивают национальные сказочные и мифологические сюжеты в контексте современности. В некоторых фантастических рассказах наблюдается тесная связь с мистикой [«Аста-ши эсё халё?» (Где ты сейчас? 2009) З. Нестеровой²⁸ и др.].

Произведения Елен Нарби объединяет общая идея: жизнь нужно прожить не ради денег и славы — Бог все видит, ничего не происходит случайно, за все нужно нести ответственность [рассказы «Тупсăмне шыраса...» (В поисках разгадки, 2013) и др.]. В ее книгах, обращенных к детям разного возраста и юношеству «Сумламан йăран» (Непрополотая грядка, 2007), «Салтак тўмипе Тал пиçен» (Ромашка и Чертополох, 2012), «Хёл лариччен» (Предзимье, 2019) и др., ощущается явная назидательность, но без излишних нравоучений. Примеры и ситуации, создаваемые прозаиком, убедительны. Читатель имеет возможность сделать из них собственные выводы. Произведения Е. Нарби воспитывают в хорошем смысле слова, помогают стать и остаться настоящим человеком. Творчеству данного прозаика по характеру близки рассказы Риммы Прокопьевой. В частности, в рассказе «Пёр пин тенкё» (Одна тысяча рублей, 2017)²⁹ она напоминает о том, что человеческая жизнь на земле — это всего лишь миг. Люди, которые деньги и другие блага ставят на первое место, этого не понимают или не хотят понимать, не прислушиваются к своему сердцу. Алевтина, к сожалению, также не понимает, что ее первая любовь с того света пытается ее спасти.

Очевидно, что для авторов-женщин³⁰ большое значение имеет собственный внутренний мир, его рост и развитие; а также внутренний мир современников и ровесников. Период зрелости (в первую очередь, душевной) изображается в творчестве Елены Алексеевой-Аксуби. В книге рассказов «Каснă чёлё» (Отрезанный ломоть, 2015) автор «изучает» уже сформировавшиеся характеры. Они не всегда предсказуемы, тем интереснее и достовернее предстает перед читателем та или иная жизненная история. Теплая атмосфера пронизывает рассказ «Кăвак сухал» (Седая борода) из

книги «Пехил» (Благословление, 2020)³¹. В нем изображается счастливая семейная жизнь супругов Саньки и Ленук. Они прожили вместе 50 лет, вырастили семерых детей. Изображение гармоничных отношений, кажется, представляет большую трудность для прозаиков, нежели изображение жизненных неурядиц. Е. Алексеевой-Аксуби удалось передать такое состояние. Героиня ее рассказа «Аҗтисук» (Нестоящая, 2014) Наташа, преодолев длинную полосу жизненных неурядиц, становится счастливой — в этом ей помогает любовь к искусству. В данном рассказе интересно проследить, как развивается и растет герой. В рассказе Лидии Сарине «Пытарнӑ җӑкӑр» (Припрятанный хлеб, 2016)³² показаны добрые и душевные взаимоотношения в многодетной семье. События в нем происходят в 1960-е гг.

Особого внимания заслуживают рассказы Николая Андреева, который начал публиковаться в республиканском журнале «Тӑван Атӑл» (Родная Волга) в 2015 г. Он изображает повседневную, обыденную жизнь сельских жителей. Герои молодого автора часто оказываются перед серьезным выбором, от которого зависит их дальнейшая судьба. Именно через внешние события и обстоятельства чаще всего прозаик приоткрывает внутреннюю трагедию героя. К примеру, в рассказе «Кама кирлӗ вӑл...» (Кому он нужен..., 2015) перед нами предстает отсидевший семь лет в тюрьме Митя. Множество трудностей встречаются на его пути, но в конце концов появляется надежда. Внутреннее состояние героя раскрывается здесь через цепочку событий, отдельные детали. «Митян вара вӑри куҗсуль пичӗ тӑрӑх юкса анса нӑрлӗ җӑре шӑварчӗ. Урӑлса пынӑ май Митян пурӑнасси килсе кайрӗ». (У Мити же горячие слезы катились по лицу, поливая влажную землю. Трезвея, Митя почувствовал пробуждающееся желание жить.)³³ Герой рассказа «Сая кайнӑ пурнӑҗ» (Напрасно прожитая жизнь, 2015) Володя отчасти близок Мите — он много лет (почти 25!) потратил на страдания по первой любви, не смог состояться как личность. Перед читателем проносится вся жизнь почти 50-летнего мужчины. И вот он осознал свою ошибку — но сможет ли он ее исправить, хватит ли у него времени? На пастбище у мужчины прихватывает сердце... Стиль Н. Андреева отличается от стиля других авторов: в нем все соразмерно, а в сдержанном проявлении глубоких эмоций чувствуется твердость духа.

Композиция рассказа Н. Андреева «Сӑнчӑр» (Цепь, 2017)³⁴ строится как бы по спирали: в начале рассказа (во сне) Петя видит цепь, в середине он соглашается украсть с места своей работы цепи для коров в счет долга фермеру, в конце он приносит их фермеру и освобождается от долга. Читатель понимает, что мужчина впервые в жизни поднял руку на чужое добро. Прозаик хорошо мотивировал поступок героя — очень трудно содержать семью и хозяйство на маленькую зарплату, имея при этом долги. Здесь чувствуется близость стилю письма А. Чехова, который, как известно, в коротких рассказах умел передавать глубокий смысл. Совершенно другой тип характера изображен в рассказе «Камилла» (2020)³⁵ Н. Андреева. Лева, по-

павший в сети безудержной страсти, совершает ошибку за ошибкой, в конце концов, погибает.

Выразительные примеры лирической прозы встречаются в творчестве Л. Сачковой, Р. Шевлеби, В. Константинова, Хв. Агивера и др. Рассказы, опубликованные в книге Л. Сачковой «*Ѕеґенхирти ир*» (Луговая рань, 2012) представляют собой небольшие, но живые, запоминающиеся эпизоды [«Пайши» (Лось), «Памирпа Казбек» (Памир и Казбек) и др.]. В книге Р. Шевлеби «*Иртнѐ вӑхӑт парни*» (Подарок прошедшего времени, 2014) увидели свет рассказы и *тӑрленчӑк*. В рассказе В. Константинова «Француз Йӑванӑн вилӑмӑ» (Смерть Ивана Француза, 2019)³⁶ поведена история сотворения и разрушения красивой мечты. Иван всю свою сознательную жизнь мечтал поехать в Париж, копил деньги на поездку, при этом честно работал, доверял и делал добро людям. В конце концов, когда уже все было готово, его обманывает любимая женщина — она уезжает в Париж на деньги Ивана, но с другим мужчиной. Сердце Ивана не выдерживает такого предательства. Проводить мужчину в последний путь собирается вся деревня. Оказалось, что все его очень уважали... Своим примером он научил других «стремиться к чистоте и свету». Атмосфера самого рассказа также светлая и чистая, что, несомненно, определяется личностью главного героя. Красивые лирические рассказы о любви опубликованы в книге Хв. Агивера «*Йӑпхӑри сасӑ*» (Голос в измороси, 2017) — «Альбатрос суначӑсем» (Крылья альбатроса, 2005), «*Кӑрхи ҫиҫӑм*» (Осенняя молния, 2006).

Интерес представляют сатирические рассказы, опубликованные в книге А. Казанова «*Шӑтлӑ сӑмах — тӑр сӑмах*» (Шутливое слово — правдивое слово, 2015). По текстам, созданным в 1990—2010-е гг., можно проследить изменения в социальной жизни страны. Социальная жизнь общества, изменения, происходящие в нем сегодня, наглядно изображаются в творчестве Владислава Николаева [«Кумсем» (Шейк, клӑш, спайс) (Кумовья, 2016); «Франци — Америка» (Франция — Америка, 2017) и др.]. О необходимости беречь и приумножать семейные ценности основательно рассуждает Г. Максимов в рассказе «*Амӑшӑн пехилӑ*» (Благословление матери, 2009). Детективные рассказы публикуются нечасто [«*Тута купӑсӑпе кивӑ пиншак*» (Губная гармошка и старый пиджак, 2005) Хв. Агивера, рассказы Г. Кабакова и некоторых др.]. Вполне возможно, что это обстоятельство обусловлено временем: расследованием запутанных уголовных дел теперь мало кого можно удивить, по всем каналам идут подобные сериалы. К тому же, эта жанровая разновидность рассказа весьма специфическая.

Основным объектом внимания для молодых прозаиков Ольги Австрийской и Ольги Васильевой стала юность. Герои рассказов О. Австрийской, опубликованных в книге «*Чӑлах пуканесем*» (Искалеченные души, 2017) находятся в начале жизненного пути, чаще всего — на перепутье, когда предстоит сделать непростой выбор. Они попадают в сложные ситуации, иногда ошибаются, но, как правило, находят решение и не теряют надежду. Весьма отраднo, что молодой автор объективно оценивает окружа-

ющую действительность и пытается внести свою лепту в ее совершенствование. Важное место в ее рассказах, как и в произведениях О. Васильевой [книга «Юхатъ сӓлкас...» (Встреча у родника, 2018)], занимает изображение первой любви. В целом герои Австрийской более сосредоточены на собственном внутреннем мире, а герои Васильевой этот этап уже преодолели: им также важны взаимоотношения с окружающим миром.

Таким образом, мироощущение авторов начала XXI в. определяют вечные ценности и постулаты (добро, семья, не укради, не убий, уважай других, цени каждый момент бытия, и т.д.). Это спокойная, стремящаяся к объективности, проза. Если сто лет назад в творчестве прозаиков наблюдалось чаще всего прямое назидание (Игн. Иванов, И. Юркин), современная проза более многозначная и убедительная.

Хайла. Повествовательное прозаическое произведение чувашской малой прозы — *хайла* — в силу ряда причин (близость к *рассказу*, специфичность жанра, немногочисленность и др.) не становилось объектом отдельного внимания литературоведов. В связи с этим следует кратко проследить историю жанра. По наблюдениям В.П. Никитина, первые образцы *хайла* («быль-небылица, быличка, *шахвӓртни*, *пулнӓ-пулманла калани*») появились на страницах газеты «Хыпар» (И. Юркин, М. Акимов, Д. Демидов-Юлдаш) в 1906—1907 гг., а в 1970—1980-е, изменив некоторые черты, все еще публиковались на страницах сатирического журнала «Капкӓн» (Капкан)³⁷. В поле зрения других исследователей данный жанр практически не входит. Между тем жанр развивается и в XXI в. Он представляет собой весьма оригинальную форму литературного произведения, имеющую собственные структурно-семантические особенности, отчетливо и наглядно отражающую национальный менталитет.

По определению В.П. Никитина, «Хайла — повествовательное произведение малой формы, возникшее на сказочно-мифологической иносказательности, изображающее в форме притчей повседневные бытовые факты и завершающееся обычно дидактической или “ключевой” концовкой»³⁸. Семантика слова «хайла» включает в себя значения «хитрость», «уловка», «сообразительность», «находчивость», «притворство», «прибаутка» и др.³⁹ М.И. Скворцов, автор «Русско-чувашского словаря», в качестве одного из значений слова «притча» на чувашском языке констатирует значение «хайла»⁴⁰. Вид письма, в котором проявляются все вышеперечисленные особенности, и определяемый как *хайла*, имеет корни в национальном фольклоре, вероятно, у низовых чувашей⁴¹.

Относительно данного жанра сложилась интересная ситуация: де-факто жанр и его номинация в чувашской литературе функционируют с начала XX в. Художественные произведения в жанре *хайла* публиковались на страницах чувашской газеты «Хыпар» в начале XX в. Но в чувашской литературе и в науке о ней термин «хайла» не закрепился. Точнее, позднее он утратил «самоназвание». На современном этапе в чувашской гуманитарной науке распространены однокоренные с данным определением

лексемы: «хайлав» (произведение)⁴², «хайлани» (создание)⁴³ и некоторые другие.

«Вичёкён шӓллӓ шӓши» (Острозубая мышь)⁴⁴ И. Юркина — одно из первых опубликованных произведений в жанре *хайла*. Писатель свои небольшие тексты печатал под разными подзаголовками (иногда — без), которые, по всей видимости, склонялись к жанровому определению: «Мускав хӓлинӓ» (Московский хлын, 1906) — *калашу* (диалог, разговор)⁴⁵, «Ҷармӓссем вакра тинкӓле юрни» (Как марийцы в проруби толочно готовили) — *тӓрӓхлу* (сатира)⁴⁶, «Пуп тарси» — *шӓт* (шутка)⁴⁷.

Анализируя «Острозубую мышь» и произведения И. Тхти, В.Г. Родионов отмечает, что чувашская проза начала века тяготела к притчеобразному повествованию и философскому обобщению⁴⁸. Предполагаем, что многие прозаические произведения И. Тхти (1889—1938), повествователь которых аналитичен, язык образно-метафоричен и ироничен⁴⁹, а «излюбленной формой повествования писателя является сказ, в котором особое место занимают рассказчик и его речевая манера»⁵⁰, представляют собой трансформацию жанра *хайла*. Иными словами, чувашское *хайла* гомологично по отношению к русскому сказу. В отличие от русского сказа, в чувашском *хайла*, с нашей точки зрения, меньше стилизации и больше глубины. Есть основания некоторые примеры сатирической и юмористической прозы И. Мучи (1895—1946) интерпретировать как разновидность данного жанра. Повествование в произведениях прозаика нередко близко сказовому. «Иносказание, метафоричность выражений и оборотов писателя фиксируют устойчивые языковые структуры, характерные для чувашской традиции»⁵¹.

В последующей литературе заметным примером является произведение Хв. Уяра «Саламов пурнӓсӓ пире мӓне вӓрентет?» (Чему нас учит жизнь Саламова? 1976). Его жанр автором определяется как «эссе»⁵². Профессор Г.И. Федоров характеризует его как «очерковое эссе», подчеркивая при этом, что фигура главного героя не умещается в очерк и эссе. Исследователь считает, что «она очень близка к художественно-психологическому типу человека с “я” — маской, позой; такой персонаж становился предметом повестного анализа или даже изображения его в романе»⁵³. Анализ текста убеждает, что обозначенные рамки, как очерка, так и эссе, не отражают имеющегося внутреннего потенциала произведения. Он гораздо более глубок и многозначен. Наиболее адекватно жанровые особенности произведения выражает, на наш взгляд, именно определение *хайла*. На примере главного героя Хв. Уяр без излишних нравоучений, в метафорической форме, анализирует модель неприглядного поведения отдельной личности. При этом прозаик и прямо, и косвенно говорит о том, что в жизни любого человека есть моменты, которые могут чему-то научить других, помогают лучше понять самого себя.

В литературе начала XXI в. *хайла* встречается в творчестве Киурия Эрдея (Юрия Артемьева), Евы Лисиной, Владислава Николаева и некото-

рых других авторов. К. Эрдей (Иван Петров — другой псевдоним) является автором шуточных, сатирических произведений. Жанровая разновидность текста «Кёпер хывакансем» (Мостостроители, 2016)⁵⁴ определена самим Ю. Артемьевым как «аллегориллэ хайла» (аллегорическое *хайла*). В нем в иносказательно-иронической форме обрисовывается ситуация в среде чувашской интеллигенции. «Мостостроители» также не вписывается в рамки традиционной жанровой системы. Применяя доказательство от противного, можно утверждать, что по жанру это не является ни фельетоном, ни рассказом. Наиболее адекватно его формально-содержательный потенциал выражает именно определение *хайла*.

Свое произведение «Садри шӑллӑм, е эпӑ Фатимана йӑртесшӑн мар» (Братишка Садри, или я не хочу, чтобы Фатима плакала, 2016) Е. Лисина начинает с того, что подчеркивает реальность произошедших событий⁵⁵. В голодные послевоенные годы семья татарина Садри помогает выжить чувашской семье. Оказывается, когда-то эти чуваша спасли Садри от смерти. Связь между двумя семьями, стремление помогать друг другу передается из поколения в поколение. Быль, истинное происшествие описывается здесь в образном, где-то ироническом и даже метафорическом ключе. К примеру, как искали чуваша способ отучить Садри от конокрадства. В таких эпизодах выражается национальный менталитет, его опыт воспитания личности.

В рассказе Владислава Николаева «XXIII ёмӑрти халӑх поӑчӑ» (Народный поэт XXIII века, 2017)⁵⁶, с авторским определением жанровой разновидности как «фарс-фантазмагория», моделируется предполагаемая ситуация: в XXIII в. чувашская духовная культура, в том числе и литература, вымерла. Многие писатели перестали творить, а молодые авторы перешли на русский, английский или китайский языки. Но на правительственном уровне пытаются возродить литературу на чувашском языке или делают вид, что пытаются. Кульминацией рассказа становится присуждение 20-летнему никому не известному молодому человеку, прочитавшему шесть стихотворных строчек на заседании, звания «народный поэт». Автор рассказа пародирует тенденцию к профанации высоких званий, наметившуюся в чувашском обществе в XXI в.

Другое произведение В. Николаева, определяемое автором как «фантазмагория» — «Шӑнӑрсӑрсем» (Безжилые, 2018)⁵⁷ воспроизводит похожую ситуацию. Студенты-журналисты чувашской группы МГУ, кроме Юлия Иванова (Булгарского), согласились до получения диплома сделать операцию по смягчению жил и внедрению чипа. Все они работают теперь на хороших должностях. А Юлий, «первая скрипка» на факультете, пасет коров у фермера. В структуре произведения можно ощутить черты, напоминающие признаки социальной фантастики (антиутопии). Как известно, в пространстве антиутопии нивелируется человеческая индивидуальность, отдельные личности превращаются в винтики общественного строя и государства. Но текст В. Николаева более многозначен, метафоричен. В нем есть и элементы притчи: это иносказательное произведение, содержащее в

себе определенное нравоучение, назидание. Все эти особенности соединяются в жанре *хайла*.

Таким образом, можно предположить, что *хайла* является одной из традиционных форм чувашской малой прозы. Она сопоставима со сказом и рассказом в русской литературе. Жанр *хайла*, имеющий корни в национальном фольклоре, в чувашской литературе представляет собой повествовательное произведение малой формы, содержит в себе метафоричность, иносказательность; осмысливает реальность, как правило, через притчу, а также в сатирическом и ироническом ключе. Очевидно, что литературные тексты, относящиеся к жанру *хайла*, в большей степени также имеют сатирико-юмористическую направленность. Часто в подобных произведениях имеется скрытая назидательность, нравоучение. Думается, что такие формы, как фэнтези, гротеск (В. Степанов) и даже метафорический эскиз Г. Федорова «Ай, мӓнтайӓн хир мулкачи», также имеют опору в жанре *хайла*.

Кӓске калав, тӓрленчӓк, каласусем (короткий рассказ). Исследователи и сами авторы не раз высказывали мысль о том, что в конце XX в. наблюдается уменьшение размеров художественного текста в целом⁵⁸. Отчасти это прослеживается и в начале XXI в. В связи с этим нередко можно увидеть, что и традиционный рассказ стал меньшим по объему. Если на рубеже веков это было оправдано — он сжимался за счет концентрации содержания, то сегодня часто нет оснований для этого, и не всегда оно обосновано логикой. В век Интернета и большого объема информации, некоторые авторы зачастую, видимо, подсознательно или же сознательно стремятся к меньшему объему, что нередко сказывается на качестве художественного слога. Возникает неустойчивая средняя форма между традиционным и коротким рассказом. Возможно, это временное явление, и через какой-то период данная форма приобретет большую художественность или же изживет себя.

Кӓске калав (короткий рассказ), с формальной точки зрения, как более краткий по объему, нежели традиционный рассказ, конечно же, присутствует в чувашской прозе и встречается у многих вышеперечисленных авторов, а также в творчестве Н. Карая, В. Антонова, С. Азамат, А. Исемпи, и др. Короткий рассказ представляет собой неотъемлемую часть детской литературы. Общеизвестно, что произведения для детей должны быть краткими по форме, но емкими по содержанию. Авторы чувашских детских рассказов в целом стараются соблюдать эти требования (В. Абамзин, М. Карягина, Л. Сачкова и мн. др.).

Альтернативной формой короткого рассказа в чувашской прозе является *тӓрленчӓк*. Значение термина претерпело изменения в конце XX в. Ранее он обозначал в большей степени лирико-художественный очерк (В.П. Никитин). На современном этапе его определяют как разновидность рассказа в том числе⁵⁹.

Произведения, вошедшие в книгу Юрия Исаева «Картсем» (Зарубки, 2016) являются характерными примерами жанра *тӓрленчӓк*. Формально они

занимают срединную позицию между коротким рассказом и миниатюрой. Произведения Ю. Исаева соединяют особенности художественного и публицистического текста. Они основаны на воспоминаниях о детских и юношеских годах. Несмотря на реальную основу произошедших событий и даже наличие фотографий в книге, это не документальная проза или же нон-фикшн. В книге немаловажное значение имеет движение чувств и эмоций, изображение внутреннего, духовного роста главного героя.

Короткому русскому рассказу формально соответствует и такой жанр в чувашской литературе, как *калаçусем* (диалоги, разговоры). Жанр, подзабытый с XIX и XX вв.⁶⁰, возрождают Сантър Аксар (А. Мефодьев) и Светлана Азамат. Книга С. Аксара «Итле-ха, ывăлăм» (Послушай, сынок, 2016) включает в себя 15 *калаçусем*, текстов-обращений⁶¹ к подросткам на определенные темы. Тексты средним объемом 2,5—3 (5 — самый большой) страницы, внешне представляют собой монолог, разговор, обращенный к сыну. То есть конкретный адресат все же имеется. Новый текст поднимает новую тему. В книге затрагиваются особенности национального характера, его достоинства и недостатки, отношение к матери и т.д., то есть складывается кодекс поведения чувашей в современную эпоху. В 2017 г. выходит книга диалогов и рассказов С. Азамат «Çăка сешки сурăлсан...» (Когда липа расцветает). *Калаçусем* С. Азамат формально отличаются от текстов С. Аксара — они построены в форме диалога, разговора двух лиц. Но они также организуются вокруг одной темы. В произведениях поднимаются вполне прозаические вопросы, связанные с повседневным бытованием человека; выражается житейская мудрость. Хорошая, но без лишних оборотов, стилизация разговорной речи; точные детали позволяют прозаику в небольшом объеме текста представить своих героев, передать многогранность сложившейся ситуации. Тексты С. Азамат в среднем имеют объем 2—5 страниц (0,5 — самый маленький; 10,5 — самый большой)⁶².

Юмах (литературная сказка). Жанр авторской литературной сказки в чувашской литературе также немногочислен. В целом сказки пишутся для детской аудитории (Н. Ыдарай, Н. Ижендей, Г. Зотова и др.). Классические «сказки для взрослых» небольшого объема имеются в творчестве Михаила Сундала (1945—2021) и В. Николаева.

Проза, поэзия, публицистика, научная деятельность М. Сундала есть целостное явление, ищущее ответы на «чувашские вопросы». В книге прозы «Аса çапнă чун» (Пораженный громом: повести, рассказы, сказки, 1997) он размышляет о загадке чувашской души, его характере, ценностях национальных и общечеловеческих. Тексты сказок Сундала небольшие по объему (1—2,5 страницы — всего 15 произведений). В большинстве из них проявляются характерные признаки философской сказки. В них автор продолжает размышлять над важнейшими онтологическими вопросами, касающимися национального бытия. Прозаик задумывается о месте и роли чувашского народа в общемировом контексте, обращается к истории и судьбе народа. Он реконструирует смысл общеизвестных пословиц и погово-

рок [«Чăваш пётсен, тѣнче пѣтет» (Если чуваша не будет, то мира не будет)], интерпретирует значения того или иного явления [«Кăвак хуппи» (Зарница)]; метафор, значимых для чувашей [«Мăчавар кѣпи» (Рубаха водителя)] и др. В данных текстах немаловажное значение имеет притчевое начало.

Сказка для взрослых «Ăслăскерсем» (Умники, 2020) с подзаголовком «чувашская народная сказка на новый лад»⁶³ В. Николаева представляет собой новую, с социально-политической окраской, интерпретацию сюжета сказки о поиске глупцов по свету. Текст написан «на злобу дня», близок народной бытовой сказке и недвусмысленно прочитывается в контексте современности. Небольшая сказка «Кăмрăкпа кăвар» (Уголек и огонек, 2011)⁶⁴ Е. Мустаевой имеет выраженный символический план, который можно интерпретировать в разных вариантах.

Сказки Н. Ижендея адресованы в основном детям среднего и младшего школьного возраста. Но в некоторых из них поднимаются проблемы, актуальные и для более старших детей, и для взрослых. В частности, сказка «Чёрёлу юрри» (Песня Возрождения, 2017)⁶⁵ наводит на размышления о судьбе родного народа. Действие сказки «Савра кўлѣ хѣрринче» (На берегу Круглого озера, 2001)⁶⁶ происходит в *Сар хѣвел сѣршивѣнче* — Стране желтого солнца, в деревне, где жили разные животные и птицы. Поиск пропавшего Круглого озера помогает изменить жизнь деревни. В сказке моделируется уклад жизни сообщества, в котором всем будет хорошо.

Как обработчик и автор литературных сказок известен этнопедагог Геннадий Волков (1927—2010)⁶⁷. В его книге «Кил илемѣ» (Тепло родного очага, 2-е изд., 2017) представлены рассказы и литературные сказки. В них отражается чувашская народная мудрость, накопленная веками, и много поучительного как для детей, так и для взрослых. Сказки небольшие по объему, но глубокие по содержанию.

Таким образом, жанр литературной сказки не особо распространен в чувашской прозе. В основном такие произведения создаются для детей и имеют соответствующий язык.

Кѣске тѣрленчѣк (миниатюра)⁶⁸. Небольшие произведения, подобные известным произведениям русской литературы, как «Затеси» В. Астафьева, «Зерна» В. Крупина, «Камешки на ладони» В. Солоухина и др. отличаются от традиционного рассказа. Исследователи считают возможным подобные произведения определять как прозаическую *миниатюру*⁶⁹. Жанр является новым в литературе и не до конца теоретически осмысленным. Не случайно сами авторы предлагают свои названия данной короткой формы. Коми прозаик О. Уляшев, к примеру, — «произведения-наперстки».

В небольших эпизодах чувашского прозаика Николая Карая (1942—2016) зачастую вырисовывается вся жизнь героя. Произведения писателя, как правило, по объему меньше одной страницы и часто объединяются в циклы: «Пурнăс ўкерчѣксем» (Картинки из жизни)⁷⁰, «Ял калавѣсем» (Сельские рассказы)⁷¹. В частности, в произведении «Таврăнмарѣ...» (Не вернул-

ся, 2003) выражается боль вдовы и сына солдата, не вернувшегося с войны; «Тимёре те тутӑх сьет...» (И железо ржавеет..., 2003) повествует о горе, которое может состарить раньше времени; «Настя» (2003) — о страшном поступке отца, который пытался заживо схоронить свою четырехлетнюю дочь. Есть шуточные и где-то ироничные тексты. Многие героини Карая сильны духом и характером. Стиль прозаика размеренный, без лишних украшений, искренний.

Миниатюры, в основном, шуточные, сатирические, представлены в творчестве У. Улхаша [цикл «Пирён урам анаталла» (Наша улочка под горку)⁷²], Метте Петти (П. Метина) [цикл «Пурнӑс ўкерчӑкӑсем» (Картинки из жизни)⁷³ и другие произведения], Ю. Артемьева [цикл «Ура айӑнчи тӑпренчӑксем» (Россыпи под ногами)⁷⁴] и некоторых других.

Миниатюры впервые были опубликованы в букварях И.Я. Яковлева. Первое издание вышло в 1872 г. Это были краткие сюжетные зарисовки, содержащие обобщенные знания, кодекс поведения личности. Современные миниатюры, как правило, представляют собой небольшой эпизод из жизни, мгновение, где-то — ассоциации.

В чувашской прозе к миниатюрам очень близки стихотворения в прозе. Но в стихотворениях в прозе преобладает лирическое начало (Л. Сачкова, А. Юрату, Г. Федоров, А. Кибеч, С. Азамат, О. Тургай и др.), а в прозаических миниатюрах доминирует все же эпическое, сюжетное начало. В основе чувашских миниатюр, как правило, лежат реальные события. То, что происходило или происходит сегодня. В свое время исследователи русской прозы отмечали, что сущность этой художественной формы иная, если сравнивать его с обычным рассказом или повестью: не движение характеров, а отпечаток мыслящего чувства (Виктор Астафьев) или чувствуемой мысли (Юрий Бондарев)⁷⁵. То есть для русской миниатюры важно не описание этих событий, а выражение чувств и эмоций автора. Чувашские миниатюры в целом менее эмоциональны, но не менее полновесны. Семнадцатилетняя Нина громко поет на весь лес. Со стороны кажется, что у обладательницы этого красивого голоса все должно быть хорошо... [«Алӑсӑр Нина» (Безрукая Нина, 2002)]. И эта же героиня предстает перед нами через много лет: она такая же неунывающая, одной рукой грузит дрова, перевязывает их. Но по пути домой телега опрокидывается... Всего одна деталь, и становится понятно, насколько жизнь женщины сложна. За недосказанностью слов у Н. Карая чувствуется зачастую огромная трагедия.

С миниатюрами также можно сопоставить и такую «пограничную» жанровую форму, как *шӑранчӑк* («сплав», соединение в единое произведение поэтического и прозаического фрагментов (Г. Федоров, В. Родионов, В. Андреев и др.)⁷⁶. Хотя в некоторых случаях, например, разновидность *ярӑм-поэма* у Г. Федорова, она имеет немалый объем. Каждую из данных форм, думается, нужно изучать отдельно.

Таким образом, в числе малых форм современной чувашской прозы можно выделить следующие жанры: *калав* (рассказ), *новелла*; *хайла* (рас-

сказ, сказ); *кёске калав, тёрленчёк, каласусем* (короткий рассказ); *юмах* (литературная сказка); *кёске тёрленчёк* (миниатюра)]. Мы проследили их функционирование на современном этапе.

По наблюдениям составителя сборника чувашских рассказов в переводе на русский язык Б. Чиндыкова, «если в 1990-е годы чувашские прозаики, как правило, пришедшие в литературу на десятилетие-два раньше, порадовали читателей хорошими рассказами, то с начала 2000-х продолжается как количественный, так и качественный спад чувашского рассказа (как и всей чувашской литературы в целом)»⁷⁷. По поводу количественного спада позволим себе усомниться — авторов, публикующих свои произведения как «рассказы», в начале XXI в., пожалуй, меньше не стало. По поводу снижения общего уровня, как это ни печально, следует согласиться. На формирование общей атмосферы современной чувашской прозы немаловажное влияние оказало творчество авторов-краеведов, Интернет и т.д. Все же в чувашской прозе и сегодня есть яркие имена, потенциал которых дает повод верить в будущее как чувашского рассказа, так и прозы в целом. Это А. Тарасов, Л. Сачкова, В. Степанов, Е. Нарби, А. Мышкина, В. Константинов, В. Николаев и др. — старшее и среднее поколение; О. Васильева, Н. Андреев, О. Австрийская и др. — молодое поколение.

Литература и примечания

¹ Федоров Г.И. Илемлё сáмахлăх тымарёсемпе хунавёсем: 2008 сұлхи проза // Тăван Атăл. 2009. 6 №. 3—10 с.; *Его же*. О чувашской прозе последних 15—20 лет // Ашмаринские чтения: материалы межрегиональной науч. конф. Чебоксары, 2005. С. 147—168; *Унăнах*. Ёмёр чиккисен ани — сұтă кун-ши е тёттём кас? // Тăван Атăл. 2005. 8 №. 61—67 с.; и др.

² Чекушкина Е.П. Особенности прозы молодых писателей в чувашской литературе конца XX — начала XXI в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 6—2 (48). С. 184—187; *Ее же*. Исторический ракурс и жанровое многообразие современной чувашской прозы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 12 (90). Ч. 2. С. 266—269; *Ее же*. Парадигмы мифологических образов в современной чувашской прозе // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: проблемы регионального литературоведения и фольклористики. Материалы XI Международного симпозиума. Чебоксары: ЧГИГН; ЧГУ им. И.Н. Ульянова, 2018. С. 166—171; и др.

³ Мышкина А.Ф. Образ современности в рассказе Р. Прокопьевой «Одна тысяча рублей» // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. статей / Мар. гос. ун-т; сост. Р.А. Кудрявцева, Т.Н. Беляева; отв. ред. Р.А. Кудрявцева. Йошкар-Ола, 2019. С. 194—196; *Унăнах*. Сыравсан ама несёллех курăмё е литературăн илемлех тёнчи («хёрарăм прози») ăнлав тавра шухăшлани // Развитие образования. 2022. Т. 5. № 1. С. 10—14 и др.

⁴ Никифорова В.В. XX ёмёр вёсёнчи чăваш прозинчи сёне пулăсем (1995—2000) // Халăх пултарулăхёпе илемлех астăвăмё фольклорпа литературăра палăрса тăни = Фольклорное и литературное отражение художественно-эстетической памяти народа: сб. статей по материалам науч.-практ. конференций. Чебоксары: ЧГИГН, 2006. С. 125—154; *Унăнах*. Хальхи литература идеи-идеалё: 2001—2005 сұлсенчи проза // Чăваш халăх историйёпе культурин сивёч ый-тăвёсем: статьясен пуххи = Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа: сб. статей / сост. и науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. Вып. 1. 204—228 с.; *Унăнах*. Сёне ёмёрти проза сăн-сăпачё (2006—2010) // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 69—90.

⁵ Степанова Н.И. Хальхи чăваш литератури (XX ёмър вёсёпе XXI ёмър пусламăшĕ): вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар: ЧППУ, 2013. 187 с.

⁶ Осипов Н.Н. Хальхи чăваш калавĕ (2000—2015). Шупашкар, 2015. 192 с.

⁷ Никитин В.П. Чувашский рассказ: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1985. С. 11.

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Новелла. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/39563> (дата обращения: 22.09.2021).

¹⁰ Что такое новелла в литературе. URL: <https://nauka.club/literatura/novell%D0%B0.html> (дата обращения: 22.09.2021).

¹¹ Чиндыков Б. Несколько слов о русской и русскоязычной новеллистике Чувашии // Чувашский рассказ. В 2 т. Т. 2. Родные берега. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 510—519.

¹² Кузнецова Т.Л. Малые формы коми прозы конца XX—XXI века: особенности художественного развития. Сыктывкар, 2014. С. 3. (Научные доклады / Коми науч. центр УрО РАН. Вып. 518).

¹³ См. это и др. определения: «Рассказ — это небольшое по объему произведение, содержащее малое количество действующих лиц, а также, чаще всего, имеющее одну сюжетную линию»: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/guwiki/39215> (дата обращения: 12.08.2022).

¹⁴ Цит. по кн.: Станьял В.П., Камышова Н.Н. Чăваш халăх сыравси Денис Гордеев: пурнăçĕпе пултарулахĕн тĕрленчĕкĕ. Шупашкар: ЧПГАИ, 2013. С. 40.

¹⁵ Цветкова Г. Сўппи // Тăван Атăл. 2004. 5 №. 40—44 с.

¹⁶ Агивер Хв. Чăпар лĕпĕш // Тăван Атăл. 2005. 6 №. 36—21 с.

¹⁷ Тарасов А. Тăван ялăм, хваттер яр! // Тăван Атăл. 2011. 2 №. 39—57 с.

¹⁸ Тарасов А. Парнеле мана Париж // Тăван Атăл (Сунтал). 2011. 6 №. 51—73 с.

¹⁹ Таллеров Л. Ташласа хĕр сураснă Тимук тата ыттисем // Тăван Атăл. 2013. 1 №. 50 с.

²⁰ В современном литературоведении термин употребляется, для сравнения, здесь: Бирюкова О.И. Очерковый рассказ в мордовской литературе начала XX в.: проблема жанрово-стилевого синтеза. URL: <https://ocherkovuyu-rasskaz-v-mordovskoy-literature-nachala-hh-v-problema-zhanrovo-stilevogo-sinteza.pdf> (дата обращения: 23.08.2022).

²¹ Максимов Г. Тусан айĕнчи чăнлăх // Хыпар. 2011. Ака 6, 7, 12, 14, 19.

²² Константинов В. Алăсем // Тăван Атăл. 2013. 9 №. 108—112 с.

²³ Желтухин Г. Сўсе кăвакартнă тăватă кун // Тăван Атăл. 2013. 12 №. 99—112 с.

²⁴ Чиндыков Б. Presens-Futurum (Умстатья) // Тăван Атăл. 2020. 8 №. 58—61 с.

²⁵ Цитата из легенды о Ларре. Имя «Ларра» означает «отверженный, выкинутый вон»: Горький А.М. Рассказы. Очерки. Воспоминания. Пьесы. М.: Худ. лит., 1975. С. 41—57.

²⁶ Агивер Хв. Суккър Хветура // Тăван Атăл. 2019. 4 №. 3—21 с.

²⁷ Степанов В. Сўнаг ура // Тăван Атăл. 2020. 4 №. 52—65 с.

²⁸ Нестерова З. Аста-ши эсĕ халĕ? Калавсемпе повессем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2009. 223 с.

²⁹ Прокотьева Р. Пĕр пин тенкĕ // Тăван Атăл. 2017. 6 №. 23—31 с.

³⁰ Подробнее см.: Никифорова В.В. Чувашская женская проза в контексте современной литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. № 1. С. 67—71.

³¹ Алексеева Е. Пехил. Ульяновск, 2020. 191 с.

³² Сарине Л. Пытарнă сăкăр // Тăван Атăл. 2016. 3 №. 3—10 с.

³³ Андреев Н. Кама кирлĕ вăл... // Тăван Атăл. 2015. 7 №. 3—16 с.

³⁴ Андреев Н. Сăнчăр // Тăван Атăл. 2017. 10 №. 93—96 с.

³⁵ Андреев Н. Камилла // Тăван Атăл. 2020. 9 №. 63—78 с.

³⁶ Константинов В. Француз Йăванĕн вилĕмĕ // Тăван Атăл. 2019. 4 №. 39—45 с.

³⁷ Никитин В.П. Указ. соч. С. 23.

³⁸ Никитин В.П. Указ. соч. С. 24.

³⁹ Ашмарин Н.И. Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Словарь чувашского языка. Вып. XVI. Чебоксары, 2000. С. 14.

⁴⁰ *Скворцов М.И.* Русско-чувашский словарь. В 2 т. Ок. 32 500 слов. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. 160 с.

⁴¹ «Ыгла аван каласакан сынсем тесе калăпăр эфир чăн тĕн чăвашене. Вулакансем каллех апла каласан, ыйтĕс: “Тĕн чăвашсем йĕтисем пуласĕ-ши?” тесе. Эфир вĕсене тĕп чăвашсем тесе калăпăр хăшта хăш енчи чăвашсенче нумай юрăсем, халлапсем, юмахсем, хайласем, такмаксем, савăн пек тата ытти япаласем те, мĕншĕн тесен вăл япаласене кăларнă чăн тĕп авалхи чăвашсем». *Авторсăр.* Чăвашсем мĕнтен тĕрлĕ сĕрте тĕрлĕ каласасĕ // *Хыпар.* 1906. 6 №. 7 (93) с.

⁴² *Скворцов М.И.* Указ. соч. С. 174.

⁴³ Там же. С. 346.

⁴⁴ *Хыпар.* 1906. 8 №. 8 (127, 128) с.

⁴⁵ Там же. 7 №. 6 (108) с.

⁴⁶ Там же. 8 №. 8 (127) с.

⁴⁷ Там же. 8 №. 9 (129) с.

⁴⁸ *Родионов В.Г.* Чувашская литература 1909—1917 годов. Проза // *История чувашской литературы XX века. Ч. I (1900—1955): коллективная монография.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 115.

⁴⁹ Там же. С. 117.

⁵⁰ *Кириллова И.Ю.* Своеобразие художественного мира Илле Тхти: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2009. С. 45.

⁵¹ *Никифорова В.В.* Иван Мучи // *История чувашской литературы XX века. Ч. I (1900—1955): коллективная монография.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 337.

⁵² *Уяр Хв.* Саламов пурнăсĕ пире мĕне вĕрентет? // *Сăмах мехелĕ.* Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1980. С. 200.

⁵³ *Федоров Г.И.* Художественный мир Федора Уяра (Проблемы типологии, поэтики и художественной семантики). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991. 304 с.

⁵⁴ *Артемьев Ю.* Кĕпер хывакансем // *Хыпар.* 2016. Ака, 5.

⁵⁵ *Лисина Е.* Садри шăллăм, е эпĕ Фатимана йĕргесшĕн мар // *Тăван Атăл.* 2016. 10 №. 3—28 с.

⁵⁶ *Николаев В.* XXIII ĕмĕрти халăх поэчĕ // *Тăван Атăл.* 2017. 11 №. 65—71 с.

⁵⁷ *Николаев В.* Шăнăрсăрсем // *Тăван Атăл.* 2018. 1 №. 78—87 с.

⁵⁸ *Никифорова В.В.* Время перестройки и возвращение эстетических критериев (середина 1980-х — 2000 гг.). Проза // *История чувашской литературы XX века. Ч. 2 (1956—2000): коллективная монография.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 331.

⁵⁹ 1. Илемлĕ литературăри калавăн тепĕр евĕрлĕхĕ, нумай каласа панипе уйрăлса тăрать, социаллă ыйтусене хускатать. 2. Публицистикăлăх тата илемлĕх енĕсене пĕрлештерсе тарать, сав шутра тата документлă та пулнăран, очерк обществăра пулса иртекен ĕссене, япаласене кăтартать, сÿтсе явать, автор хай те анлантарса пырать. URL: <https://cv.wikipedia.org/wiki/Тĕрленчĕк> (дата обращения: 07.12.2021). Определение не бесспорное, но важно, что в нем отмечается соединение публицистичности и художественности в жанре.

⁶⁰ *Родионов В.Г.* Раннепросветительская литература (1800—1860 годы) // *История чувашской литературы XVIII—XIX веков: коллективная монография.* Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. С. 137.

⁶¹ На русский язык жанр переведен как «беседы»: *Аксап С.* Итле-ха, ывăлăм! Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 2016. 61 с.

⁶² Возможно, по объему некоторые тексты «переходят границы» короткого рассказа. Хотя вопрос об объеме данного жанра не решен ни в чувашской, ни в русской литературе, и точнее было бы считать его по количеству слов. Мы предполагаем, что как современный чувашский рассказ, так и короткий рассказ, во многих случаях по объему короче русских аналогов. Вопрос требует отдельного исследования. К тому же, в данном конкретном случае речь идет о приблизительной схожести чувашского *каласусем* и русского короткого рассказа, т.е. о национальной жанровой форме.

⁶³ *Николаев В.* Āслăскерсем // *Тăван Атăл.* 2020. 1 №. 117—119 с.

- ⁶⁴ *Мустаева Е.* Кăмрăкпа кăвар // Аннесене каçараççĕ. Ульяновск, 2012. 150 с.
- ⁶⁵ *Ижендей Н.* Чĕрĕлĕ юрри // Ачаш кулаш вăрттăнлăхĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2017. 51—55 с.
- ⁶⁶ *Ижендей Н.* Çавра кĕлĕ хĕрринче: юмах. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2001. 40 с.
- ⁶⁷ Подробнее см.: *Софронова И.В.* Чăваш ача-пăча тата çамрăксен литератури: вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар: ЧПУ изд-ви, 2012. 32—34 с.
- ⁶⁸ Термин предложен Г.И. Федоровым при анализе творчества Н. Карая: *Федоров Г.И.* Ёмĕр чиккисен ани: сутă кун-ши е тĕттĕм каç? // Тăван Атăл. 2005. 8 №. С. 67.
- ⁶⁹ *Фролова Е.В.* Рассказ-миниатюра в современной советской прозе // Малые жанры в русской и советской литературе. Киров, 1986. С. 162—171; *Баймиева В.Ю.* Жанр миниатюры в русской литературе XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 9. Ч. 3. С. 10—12 и др.
- ⁷⁰ *Карай Н.* Пурнăç укерчĕкĕсем // Тăван Атăл. 2002. 4 №. 1—3 с.; Тăван Атăл. 2003. 6 №. 38—40 с. и др.
- ⁷¹ *Карай Н.* Ял калавĕсем // Ялав. 2003. 1 №. 7—74 с.; Ялав. 2004. 9 №. 14—18 с.; Ялав. 2005. 2 №. 69—74 с. и др.
- ⁷² *Улхаиш У.* Пирĕн урам анаталла // Ялав. 2003. 1 №. 94 с.; Ялав. 2004. 9 №. 96 с.; Ялав. 2005. 2 № и т.д.
- ⁷³ *Метте П.* Чăвашла уйрăлу: шĕтлĕ калавсем. Шупашкар, 2011. 100 с.
- ⁷⁴ *Артемов Ю.* Ура айĕнчи тĕпренчĕксем // Хыпар. 2016. Çу, 6. 8 с.
- ⁷⁵ *Муриков Г.* Границы прозаической миниатюры // Звезда. 1981. № 9. С. 201.
- ⁷⁶ *Родионов В.Г.* Ум сăмах // Георгий Федоров. Суйласа илнисем. Шупашкар, 2021. 4 с.
- ⁷⁷ *Чиндыков Б.* Калейдоскоп чувашской жизни // Чувашский рассказ. В 2 т. Т. 1: Дети леса. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. С. 476.

V.V. Nikiforova

SMALL FORMS OF MODERN CHUVASH PROSE

For the first time in Chuvash literary studies, the article examines the features of the functioning and development of the system of small forms of Chuvash prose of the beginning of the XXI century, studies the specifics of individual genres, their characteristic features at the present stage. A lot of attention is paid to the classification of small narrative forms.

Keywords: modern Chuvash literature, Chuvash prose, small forms, the beginning of the XXI century, short story, fairy tale, short story, literary fairy tale, miniature.

УДК 001:316(470.344)(092)

ЧГВ, 2022 г., № 17
© В.П. Иванов

«И РАДОСТЬ, И УТЕШЕНИЕ —
В НАУКАХ»

В статье рассматриваются вехи жизни, научная и общественная деятельность доктора исторических наук, профессора, главного научного сотрудника Чувашского государственного института гуманитарных наук И.И. Бойко. Основное внимание уделено освещению его большого вклада в деле подготовки и издания «Краткой чувашской энциклопедии» и четырехтомной «Чувашской энциклопедии», а также деятельному участию И.И. Бойко в реализации крупных проектов по социологическому изучению и мониторингу этнополитических и этнокультурных процессов в Чувашии. Отмечено активное и плодотворное участие ученого в проведении совместно с московскими академическими центрами исследований социокультурных процессов.

Ключевые слова: университет, аспирантура, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, диссертация, И.И. Бойко, энциклопедия, этносociология, мониторинг, эксперт, научное сотрудничество.

Вынесенные в заголовок статьи слова Плиния Младшего (I в. н.э.) — видного древнеримского государственного деятеля и писателя — как нельзя содержательно характеризуют жизнь, научную и общественную деятельность видного ученого, историка и социолога Чувашской Республики, доктора исторических наук, профессора Ивана Ивановича Бойко. 31 мая 2022 г. исполнилось 75 лет со дня его рождения. Позади — жизнь, наполненная замечательными поисками и открытиями, весомыми научными достижениями, впереди — новые интересные исследовательские проекты.

По словам самого И.И. Бойко, одно из наиболее ярких впечатлений в детские и юношеские годы — это приобщение к миру книг. Так получилось, что ему больше нравилось читать о жизни и приключениях реальных исторических или мифологических персонажей, среди которых особенно запомнились герои Эллады, Спартак, Тиль Уленшпигель, Александр Суво-

---

Виталий Петрович Иванов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: etnovit@yandex.ru.

ров и многие лица, жизнеописания которых впечатлили юношу из сельской глубинки Чувашии. До начала учебного года обязательно прочитывались учебники по истории, которые в то время школьники получали с началом летних каникул. Казалось бы, что жизненный путь молодого человека складывался вполне определенно, но так получилось, что после окончания неполной средней школы в с. Стемасы Алатырского района он оказался в стенах Чебоксарского электромеханического техникума, который окончил в 1966 г. по специальности «электроприборостроение». До сих пор он с некоторой гордостью называет тему своего дипломного проекта, достаточно экзотическую для будущего доктора исторических наук: «Микроминиатюрный индикатор магнитоэлектрической системы с креплением подвесной части на растяжках».

И.И. Бойко. 2022 г.

Если говорить о техническом образовании, то И.И. Бойко никогда не жалел о годах, проведенных в техникуме и последующем опыте работы на промышленных предприятиях в качестве слесаря-сборщика в г. Арсеньев Приморского края и техника-конструктора в Чебоксарах. С его точки зрения серьезные занятия точными науками по особому образцу конструируют и дисциплинируют мыслительные процессы, открывают новые возможности для более системного взгляда на изучаемые проблемы. Практическая же деятельность на производстве дала опыт, оказавшийся весьма полезным в будущем, и его удалось переложить для понимания проблем, которые И.И. Бойко пришлось изучать с самого начала работы в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук). В институт он был распределен после окончания с отличием в 1976 г. исторического отделения историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. То есть привязанность к истории, стремление каким-либо образом познать ее, остались. Но судьба и штатное расписание института привели его не к решению исторических задач, а к социологическим проблемам, поскольку директор института В.Д. Дмитриев предложил ему работу в качестве социолога. При этом следует отметить, что в Советском Союзе в вузах социологов тогда не готовили, только с 1988/89 учебного года студентов начали обучать по специальности «прикладная социология». Но социологические исследования уже проводились, и в эту науку приходили из экономики, философии, истории, журналистики и т.д.

Постигать азы новой для себя науки пришлось с чтения доступных книг и статей Б.А. Грушина, Т.И. Заславской, А.Г. Здравомыслова, Ю.А. Ле-

вады, А.Г. Харчева, В.Н. Шубкина и других ученых-социологов. В ЧНИИЯЛИЭ в это время работал А.А. Зимин, уже имевший опыт в социологических обследованиях на промышленных предприятиях не только республики, но и страны. Первые статьи начинающего научного сотрудника также были посвящены производственным проблемам, в частности ему было поручено изучить движение наставников в индустрии республики. Ученичество на производстве имеет многовековую историю, но в СССР была предпринята попытка сделать подобный опыт социализации молодежи массовым. Началось все с Ленинградского объединения «Электросила», где отставной полковник С.С. Витченко, работая слесарем-сборщиком, столкнулся с достаточно массовыми нарушениями дисциплины, нежеланием постигать рабочее мастерство. По его предложению была создана молодежная бригада, которой ему и было поручено руководить. Фронтовик, пограничник, высококвалифицированный слесарь достиг на новом для себя поприще заметных успехов, через его школу прошло около 150 молодых рабочих. При этом упор им делался не на личное шефство, а на воспитание в коллективе, большое внимание обращалось не только на рост профессиональных умений молодежи, но и на ее всестороннее развитие. Такой подход был замечен, поддержан партийными органами и начал распространяться по стране. И.И. Бойко начал изучение этого движения на промышленных предприятиях Чувашии.

Для СССР попытки сделать массовым интересным опытом отдельных производителей были регулярными и начались с первых лет советской власти: коммунистические субботники, различные виды социалистического соревнования и т.д. Но весь опыт такой работы свидетельствовал, что отдельные примеры успешного повторения и развития всяческих починов имели место, однако при стремлении сделать их массовыми терялась суть интересных подходов, они бюрократичивались и становились всеобъемлющими в основном в отчетах заинтересованных лиц. Иначе говоря, речь шла уже не о реальных делах, а о симулякрах, то есть о потерявших смысл вторичных действиях. Пожалуй, исключением из этих выводов могут служить примеры массового трудового героизма на производстве в годы Великой Отечественной войны, но ситуация военного времени не может быть повторена в условиях гражданской жизни, и все усилия, направленные на развитие социальной активности населения страны, свидетельствуют об этом.

В опубликованных работах И.И. Бойко также пытается ставить вопрос о причинах выхолащивания сути весьма интересного опыта С.С. Витченко. О подобных проблемах он не раз писал в последующих трудах по исследованию рабочего класса не только республики, но и Волго-Вятского региона. Этими сюжетами он стал заниматься, вернувшись в Чебоксары в 1981 г. после окончания аспирантуры в Институте истории СССР АН СССР. Следует отметить, что перед поступлением в аспирантуру И.И. Бойко прошел короткую, но достаточно напряженную школу становления научного сотрудника и организатора научной деятельности. Менее года он трудился

в качестве младшего научного сотрудника, и чуть более года — ученым секретарем института. Как оказалось, это был очень полезный опыт: жесткая управленческая школа В.Д. Дмитриева дала хороший урок с точки зрения самомотивации как для научной, так и организационной работы.

С аспирантурой И.И. Бойко повезло, поскольку в Институте истории СССР АН СССР в конце 1960-х гг. был образован сектор историко-социологических исследований во главе с В.Е. Полетаевым, учеником которого и стал исследователь из Чебоксар. С этим сектором был достаточно тесно связан преподаватель Чувашского государственного университета Ю.П. Смирнов, который изучал различные проблемы развития промышленности и рабочего класса Чувашии, начал проводить социологические опросы на предприятиях. Он также старался ввести молодого выпускника в проблематику исследований социальной структуры общества. Следует отметить и сотрудников сектора, которые сыграли значительную роль в становлении И.И. Бойко как специалиста по новому историческому направлению: С.Л. Сенявский, В.Б. Тельпуховский, И.Л. Корнаковский, а также В.А. Устинов, один из основателей использования математических методов в советской исторической науке, и др.

Тема кандидатской диссертации — «Рабочие Чувашии в годы 9-й и 10-й пятилеток» — носила достаточно дежурный характер, но для ее написания использовались не только традиционные документы, но и материалы социологических опросов. Последние были проведены при участии соискателя, стремление выявить проблемные вопросы развития рабочих и как объекта, и как субъекта исторического процесса дало возможность высказать нестандартные суждения по этому сюжету. Как нередко отмечает сам И.И. Бойко, чаще всего неактуальными являются не темы исследований, а цели и задачи, поставленные автором, методика анализа, умение взглянуть на, казалось бы, исследованный сюжет с оригинальной точки зрения и т.д. С этой стороны большую пользу в освоении навыков социологии, проведении различных расчетов принесли знания, полученные в техникуме, конкретная работа на производстве.

И далее в своих трудах он применяет методы математико-статистической обработки и анализа источников, широко пользуется материалами социологических обследований, организатором и руководителем многих из которых является он сам. Дальнейший шаг в работе — накопление и обобщение материала на примере областей и республик Волго-Вятского района. В 1997 г. И.И. Бойко опубликовал монографию «Рабочие Волго-Вятского региона: опыт и уроки социально-экономического развития (1960—1985 гг.)». В 1999 г. он защитил по этой теме диссертацию на соискание ученой степени доктора исторических наук. На основе материалов статистики, социологических исследований, а также данных более 5 тыс. личных учетных карточек рабочих, выявленных автором в архивах и отделах кадров 26 промышленных предприятий Кировской и Нижегородской областей, а также Марийской, Мордовской и Чувашской республик, впервые в отечественной

историографии осуществлен системный анализ изменений производственного потенциала рабочих одного из экономических районов Российской Федерации. Автором проведен сравнительный анализ его важных составляющих в республиках и областях Волго-Вятского экономического района. И.И. Бойко первым из российских историков предложил дополнить материалы учетных карточек индивидуальными сведениями об участии рабочих в различных формах творческой активности и тем самым создал новый, уникальный по своей информативности источник. Им сделаны важные выводы о причинах и последствиях сохранения и углубления на протяжении четверти века диспропорций между компонентами культурно-технического уровня рабочих кадров, в том числе в неэффективном использовании на производстве их растущего образования.

В середине 1990-х гг. в регионах страны, с одной стороны, был достигнут достаточно высокий уровень развития исследований в различных отраслях науки, а с другой — все активнее стало проявляться стремление к созданию региональных энциклопедий. Не последнюю роль в таких устремлениях играло понимание «собственной» энциклопедии как важного атрибута статуса региона. Свой вклад внесла и историческая память: попытки создания региональных энциклопедий проявлялись и ранее, но с середины 1960-х гг. решением Москвы они были приостановлены. В Чувашии такой проект также начал разрабатываться в ЧНИИЯЛИЭ, но и он был прекращен на середине пути. По инициативе института в июне 1989 г. было принято решение правительства Чувашии о создании энциклопедии, сформированы главная и отраслевые редакции. Организационную работу в этом направлении начали вести заместитель директора института по научной работе В.П. Иванов и старший научный сотрудник отдела истории Г.А. Александров. В 1991 г. в институте был создан временный творческий коллектив по подготовке словарных статей. И.И. Бойко являлся членом редакционного совета, редакционной коллегии и заместителем главного редактора «Краткой чувашской энциклопедии». Перед редколлегией, члены которой непосредственно занимались всеми практическими вопросами создания книги, стояла задача обеспечения авторского коллектива всеми методическими материалами. Казалось бы, опыт создания подобных изданий имелся, но региональные энциклопедии отличались характерными чертами, определяемыми историческими, этнокультурными, экономическими, демографическими и другими особенностями развития отдельных областей и республик, которые следовало учитывать при работе над статьями. Если вести речь о тематических разделах, то, во-первых, речь шла об определении самого понятия «энциклопедический факт». Иначе говоря, какой уровень значимости для истории, культуры, природы, науки и других сфер следовало принимать во внимание перед составлением словников по разным направлениям будущего труда. С этой целью следовало найти общие и особенные критерии, определить соотношение различных отраслей, учитывая развитие экономики, социальной сферы, особенности исторического разви-

тия. Важно было учитывать, что содержательно энциклопедия должна была иметь два измерения: административно-территориальное и этническое. То есть речь шла об отражении в энциклопедии территории Чувашии во всем ее многообразии, и истории и культуры чувашского народа, которые, конечно, не были территориально ограничены. Определенные сложности пришлось преодолевать при создании биографических статей. Основной вопрос — кто может быть включен в энциклопедию? С выдающимися представителями литературы, искусства, науки вопросов не было, главная задача заключалась в определении «нижней» (с точки зрения каких-либо достижений) границы кандидатов на попадание в энциклопедическое издание. При этом следовало соблюдать сложившиеся энциклопедические традиции, по которым объем тематических статей должен был составлять около 60 % всего текста, а остальные 40 % отдавались биографическим статьям. Количество статей ограничивалось и объемом однотомной книги.

Конечно, были использованы наработки, созданные в конце 1980-х — начале 1990-х гг., но задача оказалась значительной и непростой. После решения этих принципиальных вопросов коллектив приступил к обновлению словариков и методических материалов для отдельных редакций. В данных условиях очень плодотворно проявились способности И.И. Бойко как человека, сумевшего организовать этот сложный процесс, найти компромиссы в спорах представителей различных редакций, которые нередко «тянули одеяло на себя». На него же легли и обязанности по обновлению и составлению методических материалов. Нелегкой оказалась и работа с авторами, квалифицированными специалистами в своих областях, но которые не только не имели опыта написания энциклопедических статей, но и не всегда хотели выполнять жесткие ограничения по их содержанию, соотношению разделов, объемов и т.д. Всего их насчитывалось около 80 человек. Проведение в жизнь этих требований, разбор типичных ошибок легли в основном на плечи И.И. Бойко, который на регулярных собраниях отраслевых редакций и наиболее активных авторов стремился к повышению качества энциклопедических статей. Ему же зачастую приходилось объяснять причины невключения в энциклопедию статей о достойных людях, проявивших себя в жизни республики. Были, конечно, обиды, но постепенно приходило понимание, что существуют достаточно жесткие правила, которые необходимо соблюдать. Большое место в подготовке книги занимала работа с Чувашским книжным издательством, сотрудникам которого пришлось вести литературное редактирование и готовить иллюстративный ряд будущего издания. «Краткая чувашская энциклопедия» увидела свет в 2001 г., и она заслуженно стала востребованной книгой, как говорится, среди широкого круга читателей. И.И. Бойко является автором около 70 биографических и тематических статей, опубликованных на ее страницах.

По инициативе директора института А.А. Трофимова уже с 2001 г. началась подготовка к созданию четырехтомной Чувашской энциклопедии. В том же году был образован отдел чувашской энциклопедии института,

руководителем которого стал И.И. Бойко. На сотрудников легла значительная работа по обеспечению издания книги. И.И. Бойко также был членом редакционного совета и заместителем главного редактора издания. Увеличение объема издания в 4 раза означало, что следует пересмотреть принципы включения в книгу как тематических, так и биографических статей, и такие изменения начались с организации 17 отраслевых редакций, которыми руководили не только сотрудники института, но и 9 преподавателей из вузов республики. В состав отдела чувашской энциклопедии также были включены сторонние специалисты-совместители по таким отраслям знаний, как география (З.А. Трифонова), биология (Л.Н. Воронов), сельское хозяйство (Е.А. Едранова). По словам самого Ивана Ивановича, особую роль в составлении и редактировании статей четырехтомника играли А.П. Долгова и В.Г. Харитонов, неоднократно читавшие все тексты, приводя их в соответствие с требованиями энциклопедического издания. Сам И.И. Бойко выполнял основную работу по составлению концепции многотомной энциклопедии, руководил составлением словариков и подготовкой статей, также читал и редактировал большинство из них. Он также написал свыше 120 тематических и биографических статей, включенных в энциклопедию. В 2006 г. вышел первый том, в 2008 — второй, в 2009 — третий и в 2011 г. — четвертый тома Чувашской энциклопедии. Конечно, не обошлось и без недочетов, фактических ошибок, пропусков статей о некоторых достойных людях и т.д. Но это была очень значительная работа, выполненная коллективными усилиями большого числа творческих людей. Всего в написании около 12 тыс. статей принимало участие свыше 300 человек, которые внесли разный вклад в создание энциклопедии, но каждый из них оказался автором уникальных материалов, которые в комплексе стали наиболее полным сводом знаний о республике, а выход книги — заметным явлением в развитии региональной энциклопедистики.

Особо следует отметить, что коллектив отдела чувашской энциклопедии насчитывал незначительное число сотрудников, которые вместе с совместителями занимали не более 11 штатных единиц. Эти цифры несравнимы с организациями, работавшими над башкирской и татарской многотомными энциклопедиями. Конечно, объемы материалов, вошедших в эти издания, заметно превышают показатели Чувашской энциклопедии, но в отдельных учреждениях, ведших работу в соседних республиках, насчитывалось примерно по 100 человек и более в каждом. Следует сделать еще один вывод из работы над энциклопедией: она показала эффективность временного творческого коллектива, которым оказался не только отдел, возглавляемый И.И. Бойко, но и авторский коллектив, в состав которого входили как квалифицированные специалисты в своих отраслях, так и краеведы, журналисты, учителя и т.д. Очень плотно пришлось работать с сотрудниками Чувашского книжного издательства, которых также можно отнести к составу этого творческого коллектива. Все лица, причастные к подготовке энциклопедии, имели четко поставленную задачу и были нацелены на ее достижение, а все сотрудники отдела являлись регуляторами и

контролерами этого небывалого по сложности научного процесса. На И.И. Бойко выпала роль дирижера, с которой он хорошо справился.

Но ученый не остается в стороне и от исследований актуальных проблем гражданской истории. Он является одним из основных авторов второй книги «История Чувашии новейшего времени», изданной в 2009 г. В данной монографии им исследованы политические, экономические и социальные процессы, происходившие в Чувашии в 1945—1991 гг., в том числе ранее не подвергавшиеся анализу: человек в системе мобилизационной экономики, политические настроения в обществе, этнополитические процессы, политика в отношении церкви и др. Темы, уже находившие отражение в историографии, освещены им творчески и оригинально, с привлечением большого массива ранее не публиковавшихся архивных документов.

Значительный массив неизвестных исследователям материалов использован им при написании «Истории Чебоксар» в двух изданиях (2014, 2019). В этих книгах он сделал успешную попытку показать усилия горожан, направленных на выполнение заданий по выпуску продукции для фронтовых нужд, обеспечение работы предприятий и фабрик, самоотверженность рабочих и служащих и т.д. Вместе с тем речь идет и о цене, отданной всем народом страны для обеспечения Победы, показаны трудности и лишения в быту абсолютного большинства чебоксарцев. Новые материалы присутствуют и в другой главе, в которой речь идет о жизни города и его жителей в последующее 20 лет. Свои взгляды он изложил и в других книгах по истории Чувашии, вышедших во втором десятилетии XXI в.

Еще одно направление деятельности И.И. Бойко — участие в реализации российского проекта, разработанного Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН под руководством члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. Проект начал реализовываться в 2005 г., исследователи из Чувашии принимают в нем участие с 2006 г. К настоящему времени в создании социокультурных портретов регионов России принимают участие ученые из ряда областей, краев и республик страны. В 2006, 2012 и 2016 гг. в Чувашии были проведены масштабные социологические опросы населения республики, во время которых опрашивались примерно по одной тысяче жителей в возрасте от 18 лет и старше. Все три исследования в Чувашии были поддержаны грантами РГНФ (с 2016 г. — РФФИ), двумя последними руководил И.И. Бойко. В ходе трех волн исследования были получены уникальные данные, использованные для написания книг, соавтором которых является и И.И. Бойко. Прежде всего, следует отметить его участие в создании трех монографий, вышедших в Москве. Это «Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (2009); «Проблемы социокультурной модернизации регионов России» (2013). Свообразным итогом проекта стал «Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (2016). Монографии подготовлены совместно с коллегами из Института философии РАН, научных и учебных учреждений Смоленска,

Тюмени, Астрахани, Перми, Курска, Ульяновска, Татарстана и других субъектов федерации. Кроме того, в Чебоксарах вышло 3 коллективных труда при непосредственном авторском участии И.И. Бойко, он являлся и одним из научных редакторов изданий. Это «Чувашская Республика. Социокультурный портрет» (2011); «Социокультурная эволюция регионов России: Чувашская Республика» (2015) и «Социокультурные факторы модернизации Чувашии: итоги трех волн исследования» (2018).

Другая сторона его научных интересов, имеющая прикладное значение — современные этнополитические процессы и межэтнические отношения. И.И. Бойко является экспертом Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов (EAWARN). Вместе с другими экспертами Сети (около 40 человек из 25 регионов России, 8 стран СНГ и Балтии), организованной в 1993 г. академиком РАН В.А. Тишковым при Институте этнологии и антропологии РАН, он собирает, обобщает и анализирует информацию, которая может быть полезна для регулирования межэтнических отношений и предупреждения конфликтов. По данной проблеме им опубликовано более 80 статей в изданиях Института этнологии и антропологии РАН. Он является соавтором 15 ежегодных докладов: «Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах» за 2000—2003 гг., «Этническая ситуация и конфликты в странах СНГ и Балтии» за 2004—2008 гг. и «Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах» за 2009—2014 гг., которые направляются в органы государственной власти Российской Федерации. И.И. Бойко также является экспертом Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем, созданного на базе Института этнологии и антропологии РАН в соответствии с решением Президента России от 4 апреля 2012 г. Эксперты РНЦ действуют в Северо-Кавказском, Южном и Приволжском федеральных округах, разрабатывают актуальные и приоритетные исследования прикладного значения. Регулярно публикуются экспертные доклады, участником которых является и И.И. Бойко.

В Чувашской Республике под руководством И.И. Бойко с 2009 г. осуществляется мониторинг этнокультурного развития и межнациональных отношений. По материалам этих обследований в государственные органы Чувашской Республики представляются научные отчеты, которые используются в их непосредственной деятельности. Регулярным стало изучение различных сторон жизни студенческой и учащейся молодежи республики, в частности активно исследуются гражданские ценности и социокультурные ориентиры молодежи. Еще одно направление исследований — проблемы этнокультурного образования в республике. Сведения, полученные в ходе этих опросов, находят отражение в публикациях И.И. Бойко и его коллег, представляются в Министерство образования и молодежной политики Чувашской Республики, Министерство культуры, межнациональных отношений и архивного дела Чувашской Республики для использования в их практической деятельности. В этом направлении им получены интересные результаты, о которых следует сказать особо. Во-первых, о межэтнических

отношениях в республике. Общепринято мнение, что в Чувашии практически не существует межэтнического напряжения, отношения между людьми разных национальностей представляют пример доброжелательности и терпимости. Это на самом деле так, и различные проводимые исследования об этом свидетельствуют. Но в опросах зафиксировано, что такой уровень взаимоотношений характерен для старожильческого населения республики, то есть речь идет о чувашах, русских, татарах, мордве, марийцах и представителях других этнических групп. В то же время в республике на достаточно высоком уровне сохраняется негативное отношение к мигрантам, при этом не только к лицам из других государств, но и соотечественникам из республик Северного Кавказа. В значительной мере это результат негативных установок и стереотипов, в большинстве случаев не подтверждаемых реальной практикой. Учитывать эту ситуацию, конечно, необходимо, в первую очередь в работе органов государственного и муниципального управления, куда и направляются отчеты исследователей.

Еще одна интересная проблема, которую применительно к Чувашии исследует И.И. Бойко с коллегами (В.Г. Харитоновна и А.П. Долгова), связана с общегражданской российской идентичностью и сложным культурным выбором в ходе самоидентификации жителей Чувашии. Если говорить совсем вкратце, то по данным ежегодных обследований, большинство опрошенных полагают, что в повседневной жизни их, в первую очередь, должны воспринимать как россиян, а затем уже и как жителей республики, лиц определенных национальностей и др. При этом И.И. Бойко уверен, что такая позиция не содержит негативных коннотаций, между различными

И.И. Бойко на форуме «МолГород—2016»

уровнями самоидентификации нет негатива, они органично дополняют друг друга. Из этого также следует, что самоидентификации нельзя жестко ранжировать, определять первые и последующие места. Во многом эти позиции ситуативны, зависят от многих объективных и субъективных обстоятельств. Если вести речь о сложной этнокультурной идентичности, то материалы обследований показывают, что часть респондентов на вопрос о своей этнической принадлежности и родном языке выбирают не одну национальность и один родной язык, а больше. Понятно, что в силу этнического состава населения, такой выбор чаще всего означает сочетание двух национальностей (чуваши и русский одновременно — 4—6 % всего населения и до 15—20 % молодых людей) и чувашского и русского языков (до 10 % всего населения и до 40 % у молодых людей). И.И. Бойко с коллегами в разработках этих известных в науке и реальной жизни вопросов показал на примере Чувашии сложные сюжеты этнокультурного развития и межнациональных отношений в реальном измерении.

Значительный прикладной интерес содержат исследования проблем этнокультурного образования, прежде всего изучения чувашского языка, которые также присутствуют у И.И. Бойко и его соавторов в научной повестке дня. Особую актуальность эти вопросы приобрели после 2017 г., когда изучение родных языков народов России в школьном образовании стало добровольным.

Многосторонняя и плодотворная научная работа ученого не остается без внимания. Заслуги профессора И.И. Бойко отмечены почетными званиями «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (2000) и «Заслуженный исследователь Чувашского государственного института гуманитарных наук» (2014), является лауреатом Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники (2001), награжден медалью «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения» (2002), медалью ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2017), памятной медалью «100-летие образования Чувашской автономной области» (2020). В 2022 г. награжден Почетной грамотой Чувашской Республики.

Остается только пожелать И.И. Бойко внимательно держать руку на пульсе научных проблем и отвечать на эти вызовы востребованным анализом.

V.P. Ivanov

«BOTH JOY AND CONSOLATION — IN THE SCIENCES»

The article discusses the milestones of life, scientific and social activities of Doctor of Historical Sciences, Professor, chief Researcher of the Chuvash State Institute of Humanities I.I. Boyko. The main attention is paid to the coverage of his great contribution to the preparation and publication of the one-volume and four-volume «Chuvash Encyclopedia», as well as the active participation of I.I. Boyko in the implementation of major projects for the sociological study and monitoring of ethno-political and ethno-cultural processes in Chuvashia. The active and fruitful participation of the scientist in conducting joint research and socio-cultural processes with the Moscow academic centers was noted.

Keywords: university, postgraduate studies, Chuvash Institute, dissertation, encyclopedia, ethnosociology, monitoring, expert, scientific cooperation.

В статье освещаются основные этапы разносторонней деятельности известного чувашского литературоведа, фольклориста, этнолога, поэта В.Г. Родионова, которому 5 октября 2022 г. исполнилось 75 лет. Анализируется вклад ученого в изучение истории чувашского стиха и национальной литературы, определяются главные аспекты его исследовательской деятельности.

Ключевые слова: чувашский стих, история чувашской литературы, народная поэзия, чувашский фольклор, сравнительное литературоведение Поволжья и Приуралья.

Т «Тёрлэ тёрёллэ тёнчем — Мир мой многоузорчатый» — название поэтического сборника Суvara Эрдивана, на наш взгляд, как нельзя лучше раскрывает широкий диапазон научной и творческой деятельности известного чувашского литературоведа, фольклориста, этнолога, компаративиста, поэта, доктора филологических наук, профессора, лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области гуманитарных наук Виталия Григорьевича Родионова. Круг научных интересов ученого пролегает в области как литературоведения и критики, поэтики стихосложения и истории национальной литературы, так и компаративистики и фольклористики, этнологии и истории чувашской культуры.

Жизненный путь В.Г. Родионова — это путь постоянного роста и освоения новых вершин, который можно условно разделить на следующие этапы: годы формирования исследовательского интереса (1970—1975), годы познания поэтики чувашского стиха и период создания исторической поэтики чувашской словесности (1976—1993), период возвращения лите-

---

Ирина Юрьевна Кириллова — кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник секции литературоведения филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: irinakir@yandex.ru.

ратурно-культурных ценностей и поиска новых методологических ориентиров (1994—2010), период написания новой истории чувашской литературы.

Годы формирования исследовательского интереса. Интерес к художественному слову у молодого Виталия Родионова появился еще в годы учебы в Кольцовской средней школе. Одно из ярких воспоминаний детства он связывает с первой публикацией в районной газете в начале 1960-х гг.¹ Это была заметка из жизни родного села Хора-Сирма Вурнарского района Чувашской АССР. Потом были и другие публикации, первые стихи. В итоге любовь к литературе и творчеству, пересилив другие увлечения [в разные годы он работал методистом РНМЦ, сотрудником Ибресинской районной газеты «Сӗнтерӱшӗн» (За Победу)], привела его на историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Под чутким руководством наставника профессора Г.Я. Хлебникова он вовлекся в мир филологических исследований и поэзии, активно участвовал в деятельности студенческого литературного объединения «Силсунат» (Ветрокрылый), которое стало творческой лабораторией и теоретической школой для десятков талантливых чувашских поэтов, прозаиков, публицистов и ученых. Его участники занимались литературной деятельностью, бурно обсуждали свои произведения, которые публиковали на страницах стенгазеты, следили за литературной и культурной жизнью республики. Именно здесь он формируется как исследователь и поэт.

Поэт В. Родионов, литературный псевдоним — Сувар Эрдиван (Сӑвар Эртиван), пробовал себя в разных жанрах. В 1974 г. он опубликовал первый сборник стихов «Вӗсев» (Полет). Стихотворения отличаются простотой слога и открытой фольклоризацией. Для его поэзии характерны присущие народной поэзии ритмический и интонационный строй стиха, метафорическая образность. Ключевыми мотивами-концептами в поэтическом мире являются *анне* (мать), *тӑван кил* (родной дом), *тӑван халӑх* (родной народ), *чӑваш чӗлхи* (чувашский язык), *тымар* (корни) и т.п. Особо можно выделить лиро-эпическое произведение «Кӗсӗн туй» (Упрощенная свадьба, 1972—1974), жанр которого сам автор определил как «поэма-рассказ». Уже в зрелом возрасте им были изданы сборники стихов разных лет «Тӗрлӗ тӗрӗллӗ тӗнчем» (Мир мой многоузорчатый, 2007), «Тӗрӗк тӗррисем» (Тюркские мотивы, 2007) и др.

Руководители литобъединения В.П. Станьял и Г.Я. Хлебников общались молодежь к творчеству, организовывали поэтические фестивали на региональном уровне, познавательные вечера поэзии с известными писателями. Неизгладимое впечатление на студента Родионова оказала встреча с оппозиционным к власти и официальному Союзу чувашских писателей поэтом Геннадием Айги. Проникшись его разговорами о свободном стихе, студент 3-го курса с особым энтузиазмом был вовлечен в исследование поэтических форм чувашского стиха и написал первые серьезные научные доклады «Роль рифмы и аллитерации в поэзии тюркских народов» (1973) и

В.Г. Родионов. 2022 г.

«Чăваш сăввипе чĕлхи сінчен (поззи формине шырани)» [О чувашском стихе и языке (поиск поэтической формы), 1973]. Именно изучение чувашского стихосложения в последующем становится одним из главных направлений в исследованиях В. Родионова.

Годы познания поэтики чувашского стиха. В 1976 г. В. Родионов был принят на работу в Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики (ныне — Чувашский государственный институт гуманитарных наук) в качестве младшего научного сотрудника отдела литературы и фольклора. Он пришел в науку, когда чувашское литературоведение испытывало определенные трудности

в области использования в анализе произведений чувашских писателей и всего литературного процесса в целом теоретических достижений общесоюзной науки о литературе. Не достигло больших успехов и традиционное чувашское стиховедение. Обстановка начинает меняться в ходе возникшей между известным ученым Н. Ивановым и молодым специалистом В. Родионовым дискуссии вокруг вопросов специфики ритмики и силлабо-тонизированности чувашского народного стиха. В 1960—1970-е гг. теория о силлабо-тонической природе тюркского народного стиха подверглась критике такими крупными теоретиками, как В.М. Жирмунский, З.А. Ахметов, М.К. Хамраев и др. Основываясь на их выводах, аспирант Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) В. Родионов предложил свои исследования в области чувашского исторического стиховедения. Тезисы его докладов были изданы в Алма-Ате (1976) и Ташкенте (1980), а статья «Некоторые теоретические вопросы тюркского стихосложения» (1979) — в журнале Московского государственного университета. В результате проблемы чувашского стиха (на фоне тюркских традиций) актуализировались на всесоюзном уровне. В 1979 г. под руководством доктора филологических наук, члена-корреспондента АН СССР, профессора Л.И. Тимофеева он успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Чувашское стихосложение и пути его развития (дооктябрьский период)».

Итогом многолетней работы по проблеме генезиса и эволюции чувашского стиха стала монография «Чувашский стих: проблемы становления и развития» (1992), впоследствии ставшая основой докторской диссертации В.Г. Родионова. Эта книга об истоках народной и о развитии профессиональной национальной поэзии. Примечательно, что происхождение чувашского фольклорного стиха автор рассматривает в контексте тюркского стихосложения, тем самым выявляя место чувашей в многовековой истории

тюркских народов. В региональном контексте им рассмотрены русско-чувашские, татарско-чувашские, марийско-чувашские и другие связи, что позволило показать не только взаимовлияние культур, но и особенности каждой. Исследуя фольклорную поэзию, автор подробно анализирует звуковую организацию и ритмические особенности некоторых фольклорных жанров, тем самым внося свой вклад в их исследование. Главной особенностью монографии стало то, что она серьезно заявила о необходимости смены теоретических, концептуальных ориентиров изучения художественной словесности. В этом отношении она намного шире и полней, чем просто изучение особенностей народного и профессионального стихосложения. В ней зримо проявились контуры концептуального видения истории литературы, контуры обновления литературоведческой теории национальной словесности².

Историческое стиховедение неминуемо привело В. Родионова к фольклористическим исследованиям. К 1980-м гг. собирателями разных поколений был накоплен достаточно объемный корпус национального фольклорно-этнографического материала XVIII—XX вв., который требовал системного изучения. В чувашской фольклористике отдельными исследователями предпринимались попытки анализа отдельных жанров фольклора, однако многие вопросы требовали теоретического осмысления, как и проблемы определения границ фольклорного жанра. Поистине инновационной для тех лет стала работа В. Родионова по проблемам жанрового разграничения чувашского устного народного творчества: «Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора» (1982)³. Исследователь показывает, что история любого жанра фольклора состоит из закономерных, последовательных переходов из одного состояния в другое и из внутреннего эволюционного развития. Поэтому, по его мнению, изменчивая народная классификация жанров не всегда совпадает с научной, и на основе локально-географического изучения терминов он приходит к значительным выводам. Разделяя фольклор на обрядовую поэзию, лирику и народную прозу, исследователь особо останавливается на эпическом роде и отмечает при этом самобытность национальных терминов. Актуальностью отличаются и его труды по исследованию чувашских фольклорных жанров («*сăвă-юрă*», «*кăлĕ*», «*вĕрĕ-суру чĕлхи*», «*пил*», «*ылхан*», «*ўкĕт*», «*пейĕт*»), мифологических образов, традиционных обрядов. Ученого интересует не простое бытование того или иного жанра или обряда, а скрытое в них и формируемое веками национальное этнокультурное мышление и образно-поэтическое самосознание. Из дотошного изучения их специфики и вырастает цельная и выверенная перспектива его теоретических, концептуальных положений. Фольклор и профессиональное искусство слова, по мнению литературоведа, создают единый ментально-ценностный, совокупный литературно-художественный мир народа. Опыт изучения в области устно-поэтического творчества народа и его традиционной обрядовой поэзии был широко использован В.Г. Родионовым в исследовании фольклорного периода эволюции чувашской художественной словесности.

Период создания исторической поэтики чувашской словесности.

В 1970-е гг. в чувашском литературоведении и критике выделились две тенденции. Одна часть литературоведов, именуемая впоследствии «сироткинцы», придерживалась традиционного понимания метода соцреализма, основанного на принципах классовости и партийности. Другие же, ученики и последователи идей Г.Я. Хлебникова, в рамки соцреализма включали национальную самобытность и эстетический идеал, особое внимание уделяли содержательной форме произведения⁴. Своеобразное противостояние «хлебниковцев» против попыток всяческой идеологизации и социологизации художественной литературы длилось вплоть до перестроечных времен и не способствовало успешному развитию литературно-критической и теоретической мысли тех лет. Особую остроту борьба (проблема) приобрела в ходе организованной ЧНИИЯЛИЭ научной конференции «Вопросы истории дореволюционной чувашской литературы», приуроченной к подготовке инициированной ИМЛИ им. А.М. Горького АН СССР трехтомной «Истории литератур народов СССР дооктябрьского периода». Несмотря на ранее запланированный столичными редакторами общий очерк по региону, чувашские литературоведы, в том числе В.Г. Родионов, отстаивали право на отдельный очерк «Чувашская литература». С этого времени чувашская литература официально углубилась почти на целый век и перестала считаться «литературой одиночек».

В 1979 г. в обстановке противостояния старых и новых подходов в ЧНИИЯЛИЭ началась подготовка к созданию коллективной монографии по истории чувашской литературы до XX в. и составлению «Памятников дореволюционной чувашской литературы». Проекты осуществлялись при непосредственном участии В. Родионова, где он был одним из авторов и научным редактором. Монография «Революцичченхи чăваш литератури (XX ёмърчен)» вышла в свет в 1989 г. и стала значительным событием в литературно-культурной жизни Чувашии рубежа 1980—1990-х гг. Благодаря В.Г. Родионову в ней впервые в чувашском литературоведении древнетюркская литература была рассмотрена как общее наследие тюркских народов, проанализированы отдельные культурные памятники волжских болгар, в том числе и письменные, исследована историческая связь чувашской культуры с языческой обрядовой поэзией Средних веков. Кроме того, здесь ученый впервые выделяет переводческие школы XVIII — начала XIX в.: нижегородская (деятельность Е. Рожанского и его учеников) и казанская (деятельность П. Галиева, А. Алмазова и др.). В 1830-е гг. на ниве чувашского раннего просветительства он отмечает просветительскую деятельность чувашевода В. Вишневого, ученики которого создают образцы чувашской письменной культуры дояковлевского периода (В. Громов, В. Сбоев, С. Михайлов, В. Лебедев, Н. Золотницкий).

Главной заслугой В. Родионова стало возвращение им чувашской художественной культуры к своим корням, цивилизационным основам. Чувашский народ унаследовал древнетюркские устно-поэтические традиции,

а его предки приобщались к письменным культурным ценностям древних и средневековых эпох. Чуваши и их предки не были на обочине истории, как внушали народу, а постоянно боролись и творили в рамках своего цивилизационного пространства. На основе концепции его монографии стали издавать хрестоматии и учебные пособия по чувашской литературе для национальных школ, программы для студентов факультета чувашской филологии и культуры ЧГУ им. И.Н. Ульянова и т.д.

Период возвращения литературно-культурных ценностей и поиска новых методологических ориентиров. 1985—1990-е гг. в истории развития чувашского литературоведения и критики охарактеризовали себя как время поисков новых методологических ориентиров, углубления в художественно-поэтические миры отдельных прозаиков и поэтов, возвращение наследия ранее «запрещенных» писателей и литературоведов, обновления литературоведческой мысли и совершенствования научно-критических исследований. Открытый характер приобретает обнародование произведений художественной литературы, запрещенной в годы репрессий и застоя. Проникнувшись веяниями перестроечной эпохи, В. Родионов опубликовал воспоминания народного поэта Чувашии С. Эльгера о страшных событиях 1937—1938 гг., обвинениях в свой адрес, написанные им после XX съезда КПСС (1956). В предисловии ученый ищет ответ на такой вопрос: «Почему до настоящего времени оказались живучими среди нас фанатизм и рабская преданность, догматизм и прочее? Может быть, в этом виновато наше дореволюционное прошлое (вера в единого бога и царя)? А категоричность в суждениях? Не результат ли это отсутствия в нас аналитического ума?»⁵. Как заместитель председателя Комиссии по возвращению наследия потерявших от культа личности писателей при Союзе писателей ЧАССР В. Родионов опубликовал ранее неизвестные читателю произведения народных поэтов С. Эльгера⁶ и П. Хузангая⁷, Г. Комиссарова (Вандера)⁸, А. Милли⁹ и других деятелей чувашской литературы с комментариями. Очень показательна его деятельность по части возвращения незаслуженно забытых или же идеологически отвергнутых имен: М. Юмана, Г. Комиссарова (Вандера), А. Милли, В. Рзая, И. Тхти и др. И это не просто опыт переоценки художественной деятельности тех или иных мастеров слова, их произведений. Процесс возвращения названных имен проходит в русле выявления подлинно чувашских, национально-неповторимых сторон литературно-эстетических процессов. В них доминирует мысль о важности поисков глубинных пластов словесной культуры народа. Необходимо особо отметить работу В. Родионова в составлении и подготовке к изданию трудов выдающихся деятелей чувашской гуманитарной науки, а именно: В. Вишневого¹⁰, Н. Золотницкого¹¹, Н. Ашмарина¹², Г. Комиссарова (Вандера)¹³, Г. Хлебникова¹⁴ и др. Это свидетельствует о том, насколько важен для ученого широкий общекультурный контекст.

Обновление содержания истории искусства слова В. Родионов не мыслит вне поисков новых культурных основ чувашского народа. В разные годы им выявлены особенности творческого пути Н. Бичурина, Е. Рожанско-

го, Н. Базилевского, В. Лебедева, С. Михайлова (Яндуша), И. Иванова, М. Федорова, К. Иванова, М. Сеспеля, М. Юмана, Ф. Павлова и др. Это дало возможность значительно восполнить картину литературного движения, уловить новые грани художественных процессов, проследить культурфилософские особенности становления художественно-эстетического сознания чувашей Нового времени. Подобный подход к памятникам словесности зримо проглядывается у ученого и в ходе подготовки избранных сочинений Н. Бичурина, В. Лебедева, И. Иванова, С. Эльгера, М. Сеспеля и др.

С 1994 г. трудовая биография В.Г. Родионова связана с педагогической деятельностью в ЧГУ им. И.Н. Ульянова. В качестве декана факультета Чувашской филологии и культуры и заведующего кафедрой чувашской литературы (с 2004 г. — кафедра чувашского и сравнительного литературоведения) он проделал большую работу по развитию факультета, инициировал создание новых специальностей и кафедр. На рубеже XX—XXI вв. факультет имел небывалый успех, когда на одном курсе учились более 100 студентов очного и 70 студентов заочного отделения. Педагогическую деятельность он удачно сочетал с исследовательской, научно-организационной и научно-педагогической деятельностью. С 1994 г. он является председателем Диссертационного совета Д 212.301.03 (филологические науки) на базе ЧГУ им. И.Н. Ульянова, который и на сегодняшний день обеспечивает высококвалифицированными научными литературоведческими и языковедческими кадрами не только Чувашскую Республику, но и соседние регионы. В их числе 15 кандидатов и 3 доктора наук, подготовленные В.Г. Родионовым. Как один из организаторов формирования и развития ре-

В гостях у удмуртского фольклорного ансамбля. г. Глазов. 2009 г.

гионального компаративного литературоведения он создал свою литературоведческую школу в области теории и истории сравнительного литературоведения, которая сегодня активно разрабатывает проблемы взаимоотношения и взаимовлияния национальных литератур народов Урало-Поволжского региона в компаративистской соотнесенности между собой и с другими явлениями словесной культуры¹⁵.

Активно разрабатывая на рубеже XX—XXI вв. методы сравнительного литературоведения и теоретической поэтики, В.Г. Родионов все больше и чаще интересуется проблемами пограничья социально-гуманитарных наук, что говорит о расширении диапазона его научных интересов. В литературоведческий анализ он умело вплетает этнологические, культурологические, социологические исследования. Интерес к истории чувашского народа у него возник еще в студенческие годы. «Исторический фокус» образования у студентов-филологов чувашского отделения известный этнолог А.К. Салмин, ближайший товарищ и сокурсник В.Г. Родионова, объясняет тем, что в те годы у них «при прилежном отношении к учебе, было больше возможностей, чем у студентов исторического отделения, для углубленного познания истории, этнографии, языка, традиций чувашского народа»¹⁶. Так, В. Родионовым еще в 1979—1980 гг. были опубликованы первые размышления об этнониме «чуваш»¹⁷. Далее ученый все глубже проникает в проблемы этногенеза, этнического и религиозного, мифопоэтического и художественного сознания чувашского народа в контексте других народов Поволжья и Приуралья, изучает новые подходы к изучению этносов и их культур¹⁸.

Период написания новой истории чувашской литературы. Чувашское литературоведение, являясь специфической областью национальной научной мысли, годами накапливало опыт обобщения литературного процесса той или иной эпохи. Определенные шаги в сторону углубления истории национальной словесности и ее художественно-эстетических истоков были сделаны В.Г. Родионовым в коллективных монографиях «История чувашской литературы XVIII—XIX вв.» (2020) и «История чувашской литературы XX в.» в 2 частях (2015, 2017). Как один из разработчиков концептуальных основ истории чувашской литературы и руководителей проекта, он представил его концепцию и научно обоснованную периодизацию истории развития чувашской литературы, которая легла в основу структуры монографии. В ней чувашский литературный процесс анализируется с новой идеологической позиции в контексте общественно-политического, религиозно-философского и литературно-эстетического сознания народа, а также в сопоставлении с литературными феноменами других народов Урало-Поволжья. Этапы становления и развития чувашской художественной литературы, формирование художественно-поэтического сознания В.Г. Родионов исследует в контексте развития мифопоэтического, конфессионального, этнокультурного сознания народа, в условиях появления письменной культуры от первых письменных памятников до появления первых классиков чувашской художественной литературы.

Сегодня, когда в очередной раз возобновилась потребность в монографическом исследовании чувашского фольклора, ведущий научный сотрудник ЧГИГН, по совместительству профессор В.Г. Родионов вновь оказался в гуще фольклористических изысканий. Он руководит проектом и является одним из авторов коллективной монографии «Чувашский фольклор», которая должна охватить насущные проблемы чувашской фольклористики, такие как этимология и классификация фольклорных жанров, исследование их жанровой специфики и всей целостной системы чувашского фольклора на новом уровне и с опорой на достижения современной отечественной фольклористики. Совершенно новым подходом к традиционному фольклору должно стать определение его места и роли в развитии профессиональной словесной культуры, для чего в монографии предполагается охватить также проблемы фольклоризма в произведениях чувашской литературной классики, вопросы жанрово-стилевого и поэтического взаимопроникновения.

В.Г. Родионов — автор более 300 научных трудов и учебно-методических пособий, в том числе более 50 монографий, учебных пособий, научно-популярных трудов и брошюр. Они имеют большое значение в разработке как чисто теоретических, так и историко-литературоведческих проблем отечественной науки о литературе. Оказывая значительное влияние на развитие чувашского литературоведения и критики, чувашской гуманитарной науки в целом, они в свою очередь являются ориентирами для дальнейших актуальных исследований в данной области.

Большие заслуги В.Г. Родионова в научно-педагогической деятельности отмечены почетными званиями: «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (1997), «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» (2010), «Заслуженный профессор ЧГУ им. И.Н.Ульянова» (2012), «Заслуженный исследователь Чувашского государственного института гуманитарных наук» (2022). В 2020 г. награжден памятной медалью «100 лет Чувашской автономии». Является лауреатом Государственной премии в области науки и техники (2018).

Имя В.Г. Родионова известно далеко за пределами Чувашской Республики. Его труды снискали достойное признание среди российских и зарубежных ученых-филологов. За время своей многолетней деятельности он установил научные связи с литературоведами Татарстана, Башкортостана, Мордовии, Удмуртии, Мари Эл, Коми республик и др. Ученый регулярно выступает с докладами на международных и всероссийских конференциях, ведет активную общественную деятельность.

Литература и источники

¹ Родионов В.Г. Чăваш пулса пурăнни // Ăс-хакъл хăвачё: интервьюсем. Шупашкар: ЧПГĂИ, 2015. 228—235 с.

² Федоров Г.И. Исследователь, литературовед, фольклорист, научный деятель, поэт // Современные проблемы филологии Урало-Поволжья: материалы Межрегион. научно-практ. конф. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. С. 3—10.

³ Родионов В.Г. Вопросы жанровой классификации чувашского фольклора // Чувашский фольклор. Специфика жанров: сб. статей. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 100—104.

⁴ Родионов В.Г. Одержимый идеей подвижничества // Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 162—163.

⁵ Родионов В. Наконец-то дело выяснилось — кошмар рассеялся (Предисловие к воспоминаниям С. Эльгера «Когда рассеялся кошмар») // Молодой коммунист. 1988. Январь, 28.

⁶ Родионов В. Чёлхе шйпи канăç паман (Ç. Элкерён «Чăваш йышĕ хăвăрт ирĕлет» статьи пирки) // Коммунизм ялавĕ. 1989. Май, 1; Родионов В. Чăваш халăх поэчĕ Çемен Элкер (Ç. Элкерён «Сыру», «Хам — чăваш, ачасем — ырăс» хайлавĕсем пирки) // Пионер сасси. 1989. Май, 1.

⁷ Родионов В., Хусанкай А. Хусанкай халалĕсем // Петĕр Хусанкай: статьясен пуххи. Шупашкар: ЧĂТИ, 1988. 81—98 с.; Чекушкин В.С. «Юлашки пăлхар» поэма // Чăваш литератури: поэтикапа стиль ыйтăвĕсем. Статьясен пуххи. Шупашкар: ЧĂТИ, 1989. 128—142 с.

⁸ Родионов В.Г. Чăваш литератури вĕрентĕвĕн малтанхи утăмĕсем // Чăваш литератури: поэтикапа стиль ыйтăвĕсем. Статьясен пуххи. Шупашкар: ЧĂТИ, 1989. 5—21 с.

⁹ Родионов В.Г. «Чăваш сырăвĕн ушкăнĕ» // Чăваш литератури: поэтикапа стиль ыйтăвĕсем. 41—60 с.

¹⁰ Вишевский В. Письменная культура раннего просветительства / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 616 с.

¹¹ Золотницкий Н.И. Избранные труды / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 526 с.

¹² Ашмарин Н.И. Чувашская народная словесность: исследования, автобиография, воспоминания, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2003. 430 с.

¹³ Комиссаров Г.И. О чувашах: исследования, воспоминания, дневники, письма / сост. и примеч. В.Г. Родионова. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 523 с.

¹⁴ Хлебников Г.Я. Чувашская литература второй половины XX века / сост. и автор послесл. В.Г. Родионов. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2007. 416 с.

¹⁵ Родионов В.Г. Проблемы изучения литератур народов региона и литературоведческая компаративистика // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 4. С. 297—232; *Его же*. К проблеме становления национальных литератур народов Урало-Поволжья // Вестник Чувашского университета. 2012. № 2. С. 351—354; *Его же*. Сравнительное и сопоставительное литературоведение народов Урало-Поволжья. Концепция. История: на материале чувашской и других литератур: монография. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2013. 162 с. (в соавт.); *Его же*. Чувашское сравнительное литературоведение: теория и практика: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 92 с. и др.

¹⁶ Салмин А.К. Рассуждение о науке и о жизни // Этнография. 2022. № 2 (16). С. 242.

¹⁷ Родионов В. «Чăваш» этноним астан пусланнă? // Тăван Атăл. 1980. № 2. 79—80 с.

¹⁸ Родионов В.Г. Этнос. Культура. Слово: сб. статей. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2006. 552 с.; *Его же*. Чувашский этнос: исследования по этнологии и мифопоэтике. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. 324 с.

I.Y. Kirillova

THE MULTIFACETED WORLD OF THE MASTER OF CHUVASH LITERATURE

The article highlights the main stages of the versatile activity of the famous Chuvash literary critic, folklorist, ethnologist, poet V.G. Rodionov, who turned 75 on October 5, 2022. The contribution of the scientist to the study of the history of the Chuvash verse and national literature is analyzed, the main aspects of his research activity are determined.

Keywords: Chuvash verse, history of Chuvash literature, folk poetry, Chuvash folklore, comparative literary studies of the Volga region and the Urals.

Диалог о книге «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии». Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. — 270 с. (авторы: Э.Е. Лебедев, В.Г. Родионов, И.П. Семенова, Е.В. Касимов)

Член-корреспондент АН СССР Николай Иванович Ашмарин — выдающийся тюрколог, основоположник чувашского языкознания, видный фольклорист, этнограф и историк. Его опубликованное научное наследие многогранно, и рукописи, хранящиеся на архивных полках, имеют огромную ценность для чувашеведческих исследований по целому ряду направлений. По мнению профессора И.А. Андреева, широта и разнообразие интересов ученого обусловлены потребностями того времени в развитии этнонациональной и духовной жизни чувашского народа, но его личной заслугой является осознание им этой потребности (1969). Как указывают авторы новой монографии о Н.И. Ашмарине, широк спектр тех научных вопросов и проблем, изучению которых он посвятил страницы своих исследований. И если количество написанных ученым монографий, статей и брошюр по современным меркам не столь велико, особо подчеркивают они, то в качественном отношении и в отношении их монументальности с Н.И. Ашмариным не сможет сравниться никто из чувашских языковедов следующих поколений. Действительно, нет, пожалуй, ни одной области чувашеведения, к которой бы он не проявил интерес. Упомянем здесь лишь несколько его работ: «Очерк народной поэзии у чуваш»; «Материалы для исследования чувашского языка. Ч. I. Учение о звуках (Фонетика). Ч. II. Учение о формах (Морфология)»; «Опыт исследования чувашского синтаксиса» в 2 частях; «О морфологических категориях подражания в чувашском языке»; «Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш»; «Об одном мусульманском могильном камне в загородном архиерейском доме в Казани»; «Болгарские надписи, найденные около села Тукмакла»; «Введение в курс чувашской народной словесности» и др. Особняком стоят легендарный труд ученого «Болгары и чуваш» и непревзойденный семнадцатитомный «Словарь чувашского языка», над которым он работал около 40 лет.

Нельзя сказать, что о Н.И. Ашмарине и его научном подвиге написано мало. Публикаций множество, причем не только лингвистов, филологов в целом (В.Г. Егоров, И.А. Андреев, М.Р. Федотов, В.Г. Родионов и др.), историков (В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев и др.). Но и то правда, что монография группы авторов — сотрудников ЧГИГН — стала событием, она явилась добротной и академически выстроенным исследованием жизни и научной деятельности Н.И. Ашмарина. Безусловно, прекрасно оформленная и информативно богато насыщенная книга, изданная в рамках серии «Замечательные люди Чувашии», не может не вызвать большого интереса. Редакция «Чувашского гуманитарного вестника» выражает благодарность ряду коллег за согласие принять участие в обсуждении монографии и вообще, в свете темы о Н.И. Ашмарине, проблемных вопросов чувашеведения. В нашем диалоге приняли участие доктор исторических наук В.П. Иванов, кандидат исторических наук Ю.В. Гусаров, кандидаты филологических наук Г.А. Дегтярёв, А.П. Долгова и О.Р. Студенцов.

Заслуги Николая Ивановича Ашмарина признаны мировой языковедческой наукой, однако память о нем увековечена не в должной мере. Книга Э.Е. Лебедева, В.Г. Родионова, И.П. Семеновы и Е.В. Касимова «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии» вносит достойный вклад в популяризацию имени и творческого наследия выдающегося ученого-филолога. Вдвойне ценно, что книга, адресованная широкому кругу читателей, вышла к юбилею ученого, став подарком для любителей чувашской истории и культуры. Хочется верить, что не за горами открытие памятника автору фундаментального «Словаря чувашского языка».

Авторы книги представляют разные гуманитарные науки: языковедение, литературоведение, историю, что позволило им привлечь широкий круг литературных и архивных источников, проанализировать творчество ученого-универсала с разных точек зрения. Однако при этом книга обрела стилистическую неоднородность, а авторский взгляд разделился и отчасти потерял фокус. Внимательный читатель заметит повторы одних и тех же биографических фактов, разнотипность в оформлении элементов научного аппарата, отсутствие привычной для книг биографического жанра летописи жизни и творчества главного героя и списка его трудов. Но эти особенности книги могут быть исправлены при ее переиздании.

В целом же книга авторам удалась. Иначе не могло и быть, ведь она написана с большой любовью к ученому. В книге жизнь Ашмарина показана на фоне великой и трагической эпохи, вместившей в себя экономические и культурные достижения, войны и революции, реформы и репрессии. Сложное время отпечталось в линиях его судьбы, богатой на резкие повороты и виражи.

Хронологические рамки книги не ограничиваются годами жизни ее главного героя. Авторы рассказали о жизни предков и потомков Ашмарина, о непростой истории издания его «Словаря», об оценке научных взглядов ученого его коллегами последующих поколений. Отметили, что многое из ашмаринского наследия сохраняет актуальность для чувашского языковедения и истории чувашского народа.

Авторы книги во многом уточнили и дополнили биографию ученого. Одновременно проявились ее белые пятна. На наш взгляд, беспристрастного рассмотрения заслуживает деятельность Ашмарина-цензора в созданном в 1906 г. Казанском временном комитете по делам печати, полярно оцениваемая учеными Чувашии и Татарстана (в книге ей посвящен один абзац). В служебные обязанности Ашмарина входила цензура книг на татарском, чувашском, удмуртском и марийском языках и помощь чиновнику особых поручений в наблюдении за татарскими книжными лавками и типографиями¹, поэтому изучать ее следует во всем объеме. Необходимо иметь в виду и работу ученого в качестве эксперта Казанского окружного суда по оценке изданий на «инородческих» языках на соответствие закону².

В книге не сказано о переводческой работе Ашмарина, связанной с деятельностью Переводческой комиссии Православного миссионерского общества (ПК ПМО), занимавшейся переводом и изданием церковной, миссионерской, отчасти учебной и светской литературы на языках народов Востока России и Переводческой комиссии при управлении Казанского учебного округа (ПК КУО), издававшей литературу для «инородческих» школ и оценивавшей учебные книги на соответствие системе Н.И. Ильминского и законам. Ашмарин являлся сотрудником, то есть переводчиком первой из них, и действительным членом, то есть руководителем работ по переводам — второй. Также и в его обязанности как члена Казанского временного комитета по делам печати входила подготовка переводов произведений печати на «мусульманских наречиях» на русский язык для судебных, административных и полицейских учреждений³.

Сотрудничество Ашмарина с ПК ПМО началось в 1890-е гг. В 1900 г. ее деятели называли имя ученого среди «очень полезных» сотрудников, специалистов по тюркским языкам⁴, а в 1906 г. отметили его «горячее содействие» работе комиссии как знатока чувашского и других урало-алтайских языков⁵.

Контакты Ашмарина с ПК КУО, состоявшей в большинстве из преподавателей Казанской инородческой учительской семинарии, начались не позднее 1908 г., когда он передал

в нее письмо своего корреспондента М.В. Филиппова с просьбой о переводе стихотворения с киргизского (т.е. казахского: до революции казахов называли киргизами) языка. Не зная казахского языка, Ашмарин с подачи того же корреспондента переадресовал просьбу председателю комиссии Н.Ф. Каганову⁶. В том же году ПК КУО приступила к подготовке к изданию, как сказано в ее отчете, «Полного чувашского словаря» Ашмарина⁷. Первый и второй его выпуски вышли в свет в 1910 и 1911 гг. (в выходных данных второго выпуска указан 1912 г.), а составителю выплачен гонорар по 160 руб. за каждый⁸. Третий выпуск словаря ПК КУО включало в планы на издание в 1912 и 1913 гг.⁹, но он по неизвестной причине не вышел.

1 декабря 1910 г. Ашмарин стал действительным членом ПК КУО «по чувашскому отделу», заменив отказавшегося от членства Н.В. Никольского¹⁰, и оставался им до прекращения ее работы в 1914 г. Когда в 1911 г. Н.В. Никольский, перешедший в разряд члено-сотрудников, заявил комиссии о готовности представить рукописи своих кратких чувашско-русского и русско-чувашского словарей, их рассмотрение было поручено Ашмарину¹¹. Словари планировалось издать в 1913 г.¹², что не осуществилось.

Как видно, между учеными-чувашеоведами имело место научное соперничество. Когда в 1912 г. в Казани вышел чувашский перевод Г.Т. Тихонова пушкинской «Полтавы», Ашмарин опубликовал заметку в газете «Камско-Волжская речь», в которой раскритиковал Н.В. Никольского за помещение в книгу без разрешения отрывка из его (Ашмарина) частного письма в пользу издания перевода и допущенные редакторские огрехи (указывалось, что текст издан «очень неряшливо в отношении правописания и местами искажен курьезнейшими опечатками»). По словам жившего в то время с Ашмариным некоего Петра Иванова, письмо в редакцию ученый написал «в раздражении и под влиянием зависти» к научным успехам Никольского¹³.

Хочу пожелать авторам книги продолжить изучение жизни и творчества Н.И. Ашмарина, которое сулит новые научные открытия.

Литература

¹ Патрушева Н.Г. Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века: дисс. ... д-ра ист. наук / Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2014. Т. 1. С. 325.

² Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 27 декабря 1912 года. Казань, 1913. С. 12.

³ Патрушева Н.Г. Указ. соч. С. 325.

⁴ Отчет о деятельности Братства св. Гурия за тридцать третий братский год с 4 октября 1899 года по 4 октября 1900 года. Казань: Типолит. В.М. Ключникова, 1901. С. 68—69.

⁵ Отчет Переводческой комиссии Православного миссионерского общества, учрежденной при Братстве св. Гурия в Казани, за время с 1 января 1905 года по 1 мая 1906 года. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1906. С. 2.

⁶ Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. Т. I. 1908 г. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1908. С. 172.

⁷ Там же. 1908 г. С. 677.

⁸ Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. Т. III. 1910 г. Казань: Типолит. Императ. ун-та, 1912. С. 730; Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 27 декабря 1911 года. Казань, 1912. С. 3, 8.

⁹ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 27 декабря 1911 года. С. 8; Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 27 декабря 1912 года. Казань, 1913. С. 9.

¹⁰ Циркуляр по Казанскому учебному округу. Приложения. Т. III. 1910 г. С. 733.

¹¹ Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 17 октября 1911 г. Казань, 1912. С. 13.

¹² Переводческая комиссия при управлении Казанского учебного округа. Протокол заседания 27 декабря 1912 года. С. 9.

¹³ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 228. Л. 60 об.

Николай Иванович Ашмарин — основоположник современного чувашского языкознания, исследователь чувашской словесности, яркий представитель отечественной тюркологии, обосновавший теорию болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности, создатель уникального словаря, ставшего сокровищницей не только чувашской лексикологии, но и чувашской традиционной культуры в целом. Казалось бы, известная личность, чей огромный вклад в науку и в развитие чувашского языка и культуры неоднократно становился объектом исследования, существует множество публикаций о его жизни и деятельности. Тем не менее, оказалось, знали мы о Николае Ивановиче, его окружении и его роли в судьбе чувашского народа далеко не все.

В ходе работы над монографией «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии» авторскому коллективу удалось за достаточно короткий срок выявить неизвестные для широкого круга читателей детали и обобщить имевшиеся в их распоряжении сведения об ученом, в том числе обнаруженные ими и обнародованные в данном издании впервые, в единой концепции (в этом немалая заслуга принадлежит ответственному редактору издания). Ученый, русский по происхождению, посвятивший свое дарование чувашскому народу, живший и творивший в непростое для страны время, прошедший через множество испытаний и потрясений, предстает перед читателем практически во всех гранях личности человека, беззаветно преданного своему делу, но все же человека — со всеми его переживаниями и устремлениями.

Книга основана на хронологическом подходе, в ней прослеживаются связанные с выдающимся ученым и его наследием факты, начиная от родословной предков до особенностей восприятия результатов его деятельности нашими современниками. Несмотря на то, что Николай Иванович ушел из жизни еще в 1933 г., реализация его грандиозного проекта (издание тезауруса) продолжилось и после этой печальной даты, а его труды, в том числе опубликованные впервые после его кончины, остаются актуальными по сей день, будоражат умы и вызывают споры в научных кругах. И авторам книги удалось не только подметить, но и в полной мере раскрыть это главное свойство научного творчества Н.И. Ашмарина.

Описанию конкретных научных трудов в книге отведено не очень много места, что, конечно же, оправданно, так как обусловлено требованием жанра. Исключение составляют «Словарь чувашского языка» и такая значительная для всего чувашеведения монография, как «Болгары и чувашки», содержание и история создания и публикации которых описаны более подробно.

В связи с этим хочется еще раз подчеркнуть, что давно уже назрела необходимость полноценного лингвистического анализа его основополагающих трудов и в качестве продолжения некоторых сюжетов, развернутых в обсуждаемой монографии, наметить несколько штрихов относительно наиболее близких мне грамматических исследований выдающегося лингвиста.

Первым исследованием, которым заявил о себе как о состоявшемся ученом-лингвисте молодой Николай Ашмарин, стали «Материалы для исследования чувашского языка», которые впервые вышли в свет в «Ученых записках» Казанского университета и почти в то же время, «по определению историко-филологического факультета при Императорском Казанском университете 30 апреля 1898 г.», были изданы в виде отдельного оттиска. Фактически же рукопись труда была готова к публикации уже в 1895 г. (с. 69). И, как справедливо замечает Э.Е. Лебедев, данная работа, хотя и носит «неброское название», на самом деле «представляет собой полноценный курс чувашской фонетики и морфологии» (с. 70) и содержит «исследование большинства вопросов, касающихся фонетической и грамматической (прежде всего морфологической) систем чувашского языка», а по отдельным проблемам «актуальность труда Н.И. Ашмарина сохраняется до наших дней, так как других подробных исследований по ним не сделано до сих пор» (с. 73). Со своей стороны хочу добавить: за прошедшие 125 лет так и не появилось труда с таким обилием и полнотой анализа фактического материала, отражающего практически все возможные фонетические вариации в диалектах чувашского языка.

Следующий большой труд по грамматике чувашского языка — «Опыт исследования чувашского синтаксиса» в двух частях (1903, 1923), надолго ставший вместе с «Материалами...» единственной научной разработкой, детально знакомящей с фонетическим, словообразовательным, морфологическим и синтаксическим строением чувашского языка (что признается практически всем тюркологическим научным сообществом). Автор этого раздела книги Э.Е. Лебедев подробно останавливается на предисловии к первой части «Опыта...», акцентируя внимание читателя на процессе работы над данным трудом и сложностях, возникших в ходе подготовки его к изданию. Действительно, невольно восхищаешься упорством и целеустремленностью ученого-первопроходца, и описание деталей научной и издательской деятельности той эпохи становится еще одним штрихом к портрету ученого. В меньшем объеме представлен анализ второй части исследования синтаксиса, посвященной почти полностью глаголу, его грамматическим формам и функциям в предложении. Автор вполне справедливо отметил, что до Н.И. Ашмарина в таком объеме и с такой глубиной эти категории никто не исследовал. Однако утверждение, что методика исследования была оригинальной (с. 147), пожалуй, не совсем точно. Такой подход к изучению и изложению описания синтаксиса — достаточно типичное явление для отечественного языкознания XIX и даже первой четверти XX в. — периода становления и развития самой синтаксической науки до формирования ее в привычной для нас структуре (в структуре так называемого традиционного синтаксиса — «синтаксиса членов предложения»).

В связи с этими же обстоятельствами остановимся на некоторых уточнениях и дополнениях (которые авторы в силу уже отмеченного выше обстоятельства — научно-популярного характера книги — не могли себе позволить развернуть). Залогом высокого уровня исследования звукового и грамматического строя чувашского языка Ашмарина, наряду с «кропотливым трудом по сбору и анализу материала», выступило не только блестящее знание «теории изучения тюркских языков» (с. 118), но и освоение теории отечественного языкознания и новинок зарубежной лингвистики. Ведь и «грамматики» русского языка вплоть до начала XX в. содержали описание не только морфологии (которая почти до конца XIX в. именовалась «этимологией») и включала в себя также фонетику) и синтаксиса (или «слово-сочинения»), но и орфоэпии, орфографии, иногда и пунктуации. Объяснение особенностей научного анализа в «Материалах...» и двух частях «Опыта...» тем, что в то время «терминологический аппарат еще не был развит» (с. 120), тоже представляется недостаточным. На уровне науки того времени подобный подход был практически единственным не только в отношении тюркских и монгольских языков, но и в российском языкознании в целом. Таким образом были построены труды Н.И. Греча, А.Х. Востокова, Ф.И. Буслаева и др. Например, по Ф.И. Буслаеву (издания 1850-х — 1880-х гг.), «этимология» (= морфология) рассматривает в числе ряда других вопросов изменение слов «по склонениям и спряжениям», а синтаксис объясняет значение и употребление изменения слов; поэтому в первой части его грамматики даются таблицы спряжения и склонения (т.е. внешняя, или формальная, сторона словоизменения), а во второй раскрывается внутренняя, или семантическая, сторона словоизменения, в том числе функциональные особенности залоговых и видовых форм, наклонений и времен глагола, описание значений падежей и т.д. (наряду с рассмотрением состава предложения и его составных частей, способов их связи; анализом сложных предложений и т.п.). Как видим, Н.И. Ашмарин, отдав при изучении синтаксического строя чувашского языка приоритет «не внешней форме слов, а их внутреннему содержанию, их значениям» (с. 147), следовал актуальным исследовательским тенденциям.

Что касается имевшихся у него на руках трудов по алтайским языкам, конечно же, они оказали Н.И. Ашмарину в его научной работе большую помощь (о чем упоминается на с. 69 и 120), ведь в «Грамматике турецко-татарского языка» (1839) и «Общей грамматике турецко-татарского языка» (1846) А. Казем-Бека, «Материалах к изучению киргизского наречия» (1861) Н.И. Ильминского, «Грамматике алтайского языка» (1869), «Краткой грамматике казак-киргизского языка» (1894, 1897) П.М. Мелиоранского уже были отмечены основные особенности тюркских и монгольских языков (порядок слов в предложениях, средства связи компонентов словосочетаний и сложных предложений и др.). Но Н.И. Ашмарин подошел к исследованию чувашского языка с более серьезными научными целями, он уже подвергает

глубокому рассмотрению те или иные явления не только как специалист «со стороны», но и как подлинный носитель языка, все больше и больше совершенствующий свои познания. Можно сказать, что он своими трудами поднял «на новый качественный уровень» не только чувашское языкознание (с. 68), но и тюркологию в целом.

Главная ценность научного наследия ученого кроется в первую очередь в обстоятельном описании языковых фактов с привлечением громадного материала и выстраивании их в цельную картину. В этих трех трудах представлен почти весь спектр грамматических явлений чувашского языка; просто нам, привыкшим к синтаксису членов предложения, не просто проникнуть в суть хитросплетений структуры изложения в них.

Тут уместно вспомнить о планах ученого издать еще одну книгу о синтаксисе чувашского языка. В книге «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии» авторы также поднимают вопрос о судьбе заключительной части синтаксиса, однако на этот вопрос, скорее всего, так никогда и не будет получен ответ. В предисловии к первой части исследования синтаксиса Н.И. Ашмарин писал, что планирует издать работу в двух частях, отметив, что в первой он «поместил общие замечания о строении и составе» чувашского предложения, об особенностях употребления форм множественного числа и падежей, дал характеристику «придаточных определительных предложений и предложений-имен». Здесь же он указал, что вторую часть предполагает посвятить формам глагола, притяжательным суффиксам, частицам, «словорасположению»; однако информация в изданной в 1923 г. части фактически будет ограничена сведениями о грамматических категориях глагола: наклонении (повелительном, уступительно-желательном, сослагательном), временных формах глагола, а также об употреблении вспомогательных глаголов. Можно предположить, что остальное упомянутое в предисловии первой части, было отложено для освещения в третьей части. Хотя, возможно, ученый разрабатывал (или планировал разрабатывать) совершенно иные синтаксические проблемы, ведь к 1920—1930-м гг. появились уже труды А.М. Пешковского и А.А. Шахматова, отличающиеся от исследовательских подходов ученых XIX в. и на долгие годы определившие основное направление развития отечественной синтаксической науки.

XIX в. стал периодом формирования и развития сравнительно-исторического языкознания, в России — прежде всего на материале славянских языков; практически сразу же методы этого направления начали применяться и при описании языков иных групп. И Н.И. Ашмарин нередко передает особенности строения чувашской речи через раскрытие функций и значений форм в сравнении с тюркскими и финно-угорскими языками. Естественно, исследование часто строится на сопоставлении явлений чувашского языка с материалом русского языка (так как подобные работы были ориентированы в большинстве своем на русскоязычного человека).

Еще одна группа слов в чувашском языке, которую Николай Иванович открыл миру во всем многообразии, — это имитативы (или подражательные слова, мимемы, ономатопы). Авторы обсуждаемой нами книги упоминают такие издания ученого, как «Основы чувашской мимологии (О подражательных словах в чувашском языке)» (1918) и «О морфологических категориях подражаний в чувашском языке» (1928), вполне обоснованно выделяя ключевые суждения об этой группе особых единиц, представленных как в тюркских, так и финно-угорских языках: о возможности изучения их только в контексте и/или в речевой ситуации, в которой они употребляются; о четком разделении звукоподражательных, образоподражательных и детских слов; о своеобразных «формулах» структуры и о семантике звуков как строевых элементах этих слов; о переходе их в иные части речи. Надо иметь в виду, что сам Н.И. Ашмарин пытается избегать использования термина «аффикс» для называния ограниченного круга элементов, выполняющих функции словообразовательных и словоизменяемых морфов, называя их «отличителями». Этим он также подчеркивал «особость» подражательных слов в системе частей речи того или иного языка.

Далее — небольшие комментарии по тексту книги, их немного, и носят они частный характер. Так, например, мне как человеку, интересующемуся обстоятельствами становления чувашской синтаксической науки, было весьма любопытно познакомиться с рецензией Н.В. Никольского, упомянутой на с. 99 (указания на источник нет). Занялась поисками, уда-

лось найти и прочитать эту небольшую библиографическую заметку, и в ней есть такие примечательные строки: «Безусловно полезный для священников, миссионеров, учителей, синтаксис г. Ашмарина заслуживает серьезного внимания и лингвистов. Сколько нам известно, ни одно из инородческих наречий Поволжья так подробно не подвергалось еще исследованию в синтаксическом отношении; так что труд Н.И. Ашмарина в указанном отношении является ценным вкладом в науку тюркского языкознания. По местам автор устанавливает отношение синтаксических форм чувашского языка к таковым же формам тюркских наречий» (Известия по Казанской епархии. 1904. № 3. С. 74).

В дополнение к сноске 222 (с. 69, 246) о первой публикации «Материалов...» — можно было сослаться не просто на статью В.А. Гордлевского, а на выходные данные самой публикации (Ученые записки Императорского Казанского университета. 1897. Кн. 2. С. I—XVI; Кн. 3. С. XVII—14; Кн. 4. С. 15—30; 1898. Кн. 3. С. 31—78; Кн. 5—6. С. 79—392. Приложения).

В разделе, посвященном книге «Болгары и чуваш», автор со ссылкой на В.Г. Егорова отмечает, что выводы Н.И. Ашмарина о соответствии слов *трунове* (из Троицкой летописи) и чувашского *тӳрӳн* «впоследствии подтвердил и известный языковед А.А. Шахматов... который... предположил, что именно чувашский язык является преемником языка волжских болгар» (с. 103). В добавление к этому: копия данной публикации А.А. Шахматова в «Сборнике Музея антропологии и этнографии» хранится в научном архиве нашего института. В том же выпуске сразу после этой заметки была напечатана небольшая работа будущего известного тюрколога А.Н. Самойловича (*Шахматов А.А. Заметка о языке волжских болгар // Сборник Музея антропологии и этнографии им. императора Петра Великого при Российской Академии наук. Т. 5. Вып. 1. Пг., 1918. С. 395—397; Самойлович А.Н. Турун — тудун (Еще пример турко-болгарского ротацизма) // Там же. С. 398—400*). С копией этой статьи также можно ознакомиться в архиве института. Известно, что эти небольшие исследования были присланы в редакцию А.А. Шахматовым вместе с письмом, в котором сообщалось: «А.Н. Самойлович одновременно со мною напал на древнеболгарское слово, о котором пишу, и изложил свои соображения в прилагаемой статье. Не найдете ли возможность напечатать и эту статью вслед за моей?». В обеих публикациях встречаются обращения к работам Н.И. Ашмарина как к авторитетным трудам в области тюркологии.

К сожалению, не удалось избежать в книге опечаток, смущают прописные буквы в отдельных наименованиях (Чувашский Научно-исследовательский Институт языка, литературы и истории, с. 206; Всесоюзный комитет Нового Алфавита при Совете национальностей, с. 227). В тексте встречаются аббревиатуры, некоторые из них (ОАИЭ, ЧНИИ, ЧГИГН) достаточно известны, но только для специалистов; есть менее распространенные (КЦКШ, КУО), и читателю приходится листать обратно в попытках уточнить расшифровку той или иной аббревиатуры. Так как книга больше рассчитана на широкую аудиторию, хорошим подспорьем был бы список аббревиатур.

В целом же знакомство с новой книгой не только значительно обогащает познания читателя новыми сведениями о жизни и работе великого исследователя, педагога и общественного деятеля, но и еще раз напоминает, каких усилий в условиях выпавшего на его долю времени ему стоило добиваться достигнутых им результатов, в каких сферах Николай Иванович был первопроходцем и в каких до сих пор остается единственным исследователем. Николай Ашмарин — наш Михайло Ломоносов и наш Владимир Даль в одном лице. Он — загадка, и решение этой загадки, наверно, у каждого свое. И то ли по этой причине, то ли из-за того, что для науки значимо даже восприятие идей ученого его последователями, кажется важным знать, от кого из соавторов данной книги исходит та или иная оценка, та или иная трактовка, изложенные в ней. К сожалению, это не всегда возможно, коллективный труд есть коллективный труд. С другой стороны, сотрудничество авторов, таких разных и по опыту исследовательской работы, и по специализации в различных сферах исторической и филологической науки, дало такой хороший результат. И мы, так или иначе задействованные в общий научный процесс, и просто любопытный читатель, заинтересованный персоной Н.И. Ашмарина, найдет ответы на многие вопросы. Надеюсь, авторы продолжат дальнейшие изыскания в направлениях, которыми они занимались в ходе работы над этой книгой.

Представленный в книге материал имеет кросскультурный характер, он многоплановый по фронтальности охвата темы о жизни, деятельности и личности Н.И. Ашмарина. Авторам удалось уйти от часто встречаемой в такого рода изданиях излишней увлеченности главным образом биографией рассматриваемой исторической личности или, наоборот, заикленностью только на ее научной деятельности. Хотя, конечно, не обошлось и без «уклонов». К примеру, как мне кажется, излишне детально (с. 149—158) авторы произвели разбор вопросов религиозной мифологии чувашей, особенностей иерархии религиозно-мифологических персонажей.

Думается, что дирекция института поступила совершенно правильно, поручив работу над книгой о Н.И. Ашмарине группе авторов разных научных направлений, в данном случае литературоведу, фольклористу и этнофилологу В.Г. Родионову, лингвисту-тюркологу Э.Е. Лебедеву, историку-архивисту Е.В. Касимову и языковеду И.П. Семенову. На мой взгляд, с учетом широты научных интересов и достижений Н.И. Ашмарина не лишним было бы введение в авторскую группу также и специалиста по этнографии. Как известно, все исследователи истории и культуры чувашей считают его один из наиболее известных трудов «Болгары и чуваша» (1902) весьма значимым и в этнографическом аспекте. С точки зрения этнографической науки непреходящее значение имеет его 17-томный «Словарь чувашского языка». Богатый лексический материал для него был собран Н.И. Ашмариным с участием большой группы корреспондентов, работавших по его программе. Словарь остается бесценным источником фактического материала по этнографии чувашей. В нем описано 40 тыс. слов, которые размещены гнездами, по родственным группам в соответствии со значениями. Для раскрытия смысла приведены фразы, объясняющие значение слов. Некоторые словарные статьи являются своеобразными краткими очерками о тех или иных явлениях культуры и быта. Так, группа слов, связанных с мельницей *арман*, и пояснительные фразы, являющиеся описаниями деталей мельницы, занимают более 60 страниц. Подробно описаны дохристианские праздники и обряды. По своему уровню и значению «Словарь» является достижением мирового значения, его отмечали ведущие специалисты. Фольклорно-этнографические сведения, собранные при подготовке словаря, хранятся в научном архиве ЧГИГН и составляют более 30 томов. Отдельные корреспонденции представляли записи, имеющие самостоятельную ценность.

В рассматриваемой нами книге оправданно большое внимание уделено вкладу Н.И. Ашмарина в разработку теории болгаро-чувашской языковой и этнической преемственности. Авторы произвели с этой точки зрения добротный анализ содержания труда ученого «Болгары и чуваша», а также широко и аргументированно подискутировали со взглядами казанских авторов (М.З. Закиев и др.) по вопросу болгарской теории происхождения чувашей. И это совершенно уместно, тем более, если иметь в виду, что, как ни поразительно, М.З. Закиев в одной из своих работ указанное исследование Н.И. Ашмарина квалифицирует как «научный труд в кавычках», делая тем самым попытку принизить профессионализм ученого.

Вместе с тем и то правда, что по ряду положений болгарская теория происхождения чувашей требует дополнительных прояснений, некоторые вопросы остаются пока без ответа. В частности, по мнению М.З. Закиева и Я.Ф. Кузьмина-Юманэди, «Ашмарин до конца своей жизни так и не смог объяснить, почему чувашезычные памятники появились только после монгольского нашествия и вскоре исчезли, почему они распространены не на всей территории бывшей Булгарии, почему их очень много было изготовлено за короткий промежуток времени и т.д.» (1997). Так что, проблематика этногенеза чувашей требует новых и более углубленных дополнительных исследований, более того, по выражению (по-моему, не бесспорному) Н.И. Егорова, «мы так и не смогли продвинуться дальше Н.И. Ашмарина».

По всей видимости, сам Н.И. Ашмарин свой труд «Болгары и чуваша» оценивал довольно скромно. Предваряя работу он пишет: «Я решил составить небольшой обзор тех сведений, какие представляет нам литература о Волжской Булгарии, дополнив их некоторыми новыми соображениями, вытекающими из рассмотрения имеющихся в нашем распоряжении

лингвистических данных». И хотя стало общепринятой нормой говорить о Н.И. Ашмарине как об «основоположнике» болгарской теории происхождения чувашей, тем не менее следует иметь в виду некоторую сдержанность ученого в оценке своего труда, что, конечно же, было неспроста. Как утверждает один из первых чувашских историков М.П. Петров (Тинехпи), «болгарскую теорию впервые высказал Татищев, затем татарский ученый Феиз-Ханов, его поддержал Н.И. Ильминский, развил Н.И. Ашмарин, к нему примкнулись Радлов, Гомбоч, Н.Ф. Катанов, и в самые последние дни Н.Н. Поппе» (1925).

Как известно, в конце XIX в. одни лингвисты чувашский язык причисляли к финской, другие — к тюркской языковой группе. Третьи полагали, что чувашский язык и не финский, и не тюркский, а составляет самостоятельное явление, как особая ветвь в урало-алтайском семействе языков. «Поэтому-то такие лингвисты-великаны, — отмечает М.П. Петров (Тинехпи), — как Кастрен, Радлов, не решались ставить его в один ряд с тюрко-татарскими языками, и говорили, что это нечто новое, возникшее на нетюркской почве. С этим утверждением первоначально согласен был Н.И. Ашмарин, и только через 12 лет после появления первого своего труда — решительно примкнул к тюркистам» (1925). Скорее всего, опираясь именно на утверждение М.П. Петрова (Тинехпи) как на объективно верное, известный казанский историк-этнограф Н.И. Воробьев в первом томе монографии «Чуваши» (1956) заметно округленно отмечает роль Н.И. Ашмарина как основоположника болгарской теории происхождения чувашей. «Она была выдвинута ориенталистом Н.И. Ильминским, взявшим за основу мысль Х. Фаизханова о сходстве некоторых слов в болгарских эпитафиях XIV в. с чувашскими. Эту теорию поддерживал академик Куник, позднее А.А. Шахматов и другие ученые» (с. 27).

Здесь надо сказать, что в немалой степени вдохновившись именно трудом «Болгары и чувашы», М.П. Петров (Тинехпи) написал первую в истории чувашской науки содержательную и вполне научно фундированную работу — доклад «О происхождении чуваш» (1925).

Авторы рассматриваемой книги сделали в целом достаточно удачную попытку рассказать о Н.И. Ашмарине как о многогранной личности, причем не только в разрезе его научных интересов и достижений, но и личной, семейно-бытовой жизни. В частности, довольно хорошо освещена сложная, тяжелая и, судя по событиям и делам, в немалой степени противоречивая его жизнь в Симбирске в 1920—1923 гг. Да и само название главы об этом периоде в биографии ученого дано совершенно точно — «Преодолевая невзгоды».

На мой субъективный взгляд, в этой части книги можно было чуть шире коснуться некоторых нюансов личных взаимоотношений Н.И. Ашмарина и И.Я. Яковлева. Данная тема практически не освещена в нашей публицистике, так как здесь не все так просто, как обычно представляется. Принято думать, что эти две личности, озабоченные судьбой чувашского народа, не могли не дружить. История чаще свидетельствует обратное, ибо зачастую великие личности, имея сложные характеры, бывают не лишены конфликтных проявлений. Как следует из дневниковых записей А.В. Жиркевича, первоначально, в начале своего знакомства с Н.И. Ашмариным, И.Я. Яковлев относился к нему с уважением, причислял его, по его же выражению, «к числу интересных лиц». «Он умел хорошо читать старые надгробные надписи на русском языке, на древневосточных языках в селении Болгар Тетюшского уезда и в других местностях Поволжья, причем находил тут связь с чувашским языком и разницу с татарским, — отмечает просветитель. — Отсюда у фантазеров из чуваш явилось предположение, что чувашский народ болгарского происхождения» (1921). Кстати, здесь уместно будет сказать, что таким вот образом выясняется, что И.Я. Яковлев не имел какое-либо определенное мнение о происхождении чувашского народа, более того, пребывал в состоянии большого сомнения относительно болгарской теории этногенеза чувашей.

В данном же случае я хотел бы обратить внимание на психологический аспект взаимоотношений этих двух личностей, что в рассматриваемой книге остался не отмеченным. По запискам А.В. Жиркевича выясняется, что со временем, когда Н.И. Ашмарин становится в глазах руководства Чувашской автономной области заметной фигурой, И.Я. Яковлев воспылал к нему ревностью, особенно по материально-финансовым вопросам (как известно, в 1921 г. ЧАО выдал Н.И. Ашмарину авансом 2 млн руб., «чтобы дать ему работать <...> без

нужды»). «Привезенные Ашмариним миллионы не дают спокойно спать семье Яковлевых, особенно старому Ивану Яковлевичу, — отмечает А.В. Жиркевич. — Он не скрывает своих зависти, негодования, изумления ко вниманию, к помощи, оказанным Ашмарину, бегаёт в квартиру Ашмарина, чтобы узнать, куда чета Ашмариних расходует деньги и, узнав, например, вчера, что муж и жена ушли на базар для закупки припасов, пришел в искреннее негодование. Ранее он негодовал на то, что Ашмарину чувашки подарили корову, дают с фермы продукты, платят большое жалованье и т.д. Ему завидно, что к себе, старому чувашскому деятелю, он не видит со стороны чувашей таких же любезностей. Так как старый Яковлев привык делать меня предметом своих жалоб и негодований, то и на этот раз он не оставляет меня по поводу материального благополучия Ашмариних. Вчера, выведенный из себя, я даже заметил старику неуместность его негодования по поводу чужого благополучия».

По всей видимости, не оставался в долгу и Н.И. Ашмарин, который, перманентно пребывая со своей большой семьей в тяжелом материально-финансовом положении, многие свои беды списывал на И.Я. Яковлева. А.В. Жиркевич, который очень уважал и ценил Н.И. Ашмарина как во всех отношениях крупную личность, тем не менее не мог не обойти в своих дневниковых записях 1922 г. некоторые негативные, на его взгляд, проявления характера ученого. «Я перешел через сени к Ашмариним, найдя там озлобление и уныние, как это всегда у них бывает, когда наступает материально-продуктовый кризис, — рассказывает он. — Николай Иванович сказал, что он попытается еще что-либо выхлопотать для себя из Чебоксар (в дополнение к полученным уже двум миллионам и 50 пудов муки), ругал И.Я. Яковлева, подозревая, что и переводы Священного Писания им сделаны не столько для блага чувашского народа, сколько для личных его, Яковлева, выгод, чтобы порисоваться перед высшими сферами; высмеивал напечатанное в трудах чебоксарско-чувашского съезда письмо к Яковлеву. Вообще давно я не видел, чтобы в нем так кипели злоба, зависть к чужим заслугам, желание умалить их вопреки очевидности. Он и его жена даже прошлись насчет Н.И. Ильминского, что вызвало мой протест, как и по отношению к старому Яковлеву. Досталось (и, признаться, поделом) А.И. Яковлеву и его матушке. Я не знаком с тем, что делает сейчас по части научных чувашских работ-заказов Ашмарин. Но мне противно, что он старается умалить за счет себя великие заслуги Ивана Яковлевича Яковлева перед чувашским народом».

Интригующе выглядит и другое нелицеприятное и, казалось бы, имеющее обобщающий характер высказывание Н.И. Ашмарина, в котором, вероятнее всего, просматривается имя И.Я. Яковлева. По свидетельству А.В. Жиркевича, Н.И. Ашмарин «подчеркивает в чувашах одну несимпатичную черту — жажда приписать себе заслуги других, в ущерб репутации тех, которые были, так сказать, обобраны по части своих трудов. А затем его возмущает забвение интересов учащих во имя личных, эгоистических вождедений». Хочу быть правильно понятым. В данном случае я решил привести процитированные материалы не потому, что они отсутствуют в обсуждаемой книге, а потому, чтобы проиллюстрировать тот высокий накал страстей и эмоционально-психологических переживаний двух сложных по натуре выдающихся личностей в тяжелейших условиях времени их жизни и деятельности.

О.Р. Студенцов: Книга читается на одном дыхании...

Публикаций в формате статей и книг с биографическими сведениями о Н.И. Ашмарине, юбилейных материалов по результатам проведенных научных конференций, посвященных ему, издано немало. Об ученом опубликованы, пожалуй, сотни статей на русском и чувашском языках известными русскими и чувашскими филологами, такими, как В.А. Гордлевский, С.Е. Малов, И.А. Андреев, А.А. Алексеев, Г.А. Александров, Ю.М. Виноградов, А.Е. Горшков, В.Г. Егоров, А.И. Иванов, И.П. Павлов, Н.П. Петров, М.И. Скворцов, В.И. Сергеев, М.Р. Федотов, А.П. Хузангай, М.Ф. Чернов, Г.А. Дегтярёв, В.Г. Родионов, А.П. Леонтьев, А.П. Долгова, А.М. Иванова, Э.В. Фомин и многими другими. М.Р. Федотовым в 1995 г. опубликована также книга «Н.И. Ашмарин. Краткий очерк жизни и деятельности».

Очевидно, что многие вышеперечисленные публикации, освещающие ашмаринскую тематику, стали уже редкостью. И в силу объема, увы, являются фрагментарными и не создают цельную картину жизни Николая Ивановича Ашмарина. Сместе предположить, что с ними частично знакомы лишь филологи, историки и специалисты по культуре родного края (учителя и библиотекари). Коллективный труд сотрудников ЧГИГН «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии» явился квинтэссенцией жизни и творчества ученого, посвятившего свою жизнь изучению чувашского языка, составлению и изданию 17-томного «Словаря чувашского языка».

Очень радует, что издание насыщено фотоиллюстрациями (не менее 64 ед.) самого Н.И. Ашмарина, его супруги и детей в разные годы жизни, запечатлены здания учреждений, где он работал, могила Ашмарина на Арском кладбище в Казани (хорошо видно: не очень ухожена), барельеф, посвященный Николаю Ивановичу на улице, носящей его имя, здание Чувашского НИИ в 1930-е гг., памятная доска на здании ЧГИГН, оттиск личной печати Ашмарина, преподаватели и студенты чувашского отделения Восточного педагогического института (вместе с Н.В. Никольским, Г.И. Комиссаровым), обложки его трудов («Болгары и чувашаи», «Программа для составления чувашского словаря» и др.), мандат члена ЦИК, а также значительное количество фотографий его коллег, помощников и ученых с мировым именем: В.Г. Егорова, А.Н. Самойловича, Б. Мункачи, В.В. Радлова, И.Н. Юркина, И.Я. Яковлева, В.С. Ф. Миллера, Ф.Е. Корша, В.К. Магницкого, М.П. Петрова (Тинехпи), А.В. Жиркевича, Г.Т. Тимофеева, А.В. Рекеева, Н.А. Резюкова и многих других. Равномерно размещенные по главам книги фотоиллюстрации дают образно-наглядное представление о периодах жизни и творчества и переносят читателя в те далекие времена с соответствующей архитектурой городов и зданий, природой. Качество фотографий нареканий не вызывает. Единственное, на что можно обратить внимание — это размер копий обложек его трудов всего в четверть страницы, которые не позволяют в полной мере рассмотреть надписи. На наш взгляд, в последующем издании следует увеличить размер данных иллюстраций минимум в два раза. Также можно добавить по одной странице из данных трудов для большей наглядности.

Возможно, за кадром остался параграф, посвященный отражению в популярной и художественной литературе жизни и творчества Н.И. Ашмарина. Среди таких произведений можно упомянуть документальную повесть Т.Ф. Медведковой «Ручьи наполняют реки» (1975), хотя и дано несколько ссылок на данную публикацию, трагедию поэта Н. Ижжендя «Сутталла» (1998, в числе других содержит образ Н.И. Ашмарина), поэтические произведения А. Смоллина (1999), П. Хузанкая (?), А. Юмана (2009).

Хронологический способ повествования как нельзя лучше передает цепь событий. Названия частей и глав выбраны очень удачно: они «говорящие» и соответствуют публицистическому стилю. Другими словами, они точно отражают содержание: часть «В научном центре Поволжья» содержит главы «Казань приняла», «Ручьи сольются — реки, люди соединятся — сила», «Время научных открытий», «Ученый и педагог» и активизируют внимание читателя. Кроме этого, среди несомненных достоинств научно-популярного стиля можно отметить часто встречающиеся примеры диалогичности изложения, то есть формы «вопрос-ответ»: «У многих людей, которые по долгу своих профессиональных обязанностей знакомятся с творчеством и жизнедеятельностью Н.И. Ашмарина, возникает закономерный вопрос: “Как так случилось, что обычный русский паренек так сильно увлекся изучением языка другого, пусть и по-соседски близкого народа?”». Считаю также, что эмоционально-очечная лексика, употребляемая автором Э.Е. Лебедевым, в научно-популярном издании вполне оправданна и уместна. К примеру, «Чем больше в процессе подготовки книги мы узнавали о Николае Ивановиче, ... тем лучше начинали понимать: Ашмарин — уникален, таких как он никогда не было и, вероятнее всего, никогда не будет. ...Ашмарин — это “наше все”, это космос, это Вселенная...» (с. 10). Благодаря этому у читателя возникает эмпатический настрой, содержание становится более читабельным и интересным, улучшается восприятие и наглядность.

Новым для меня оказалось множество сведений историко-биографического характера: родословная Николая Ивановича, этимология фамилии Ашмаринных, отличная степень владения чувашским языком, описание достаточно непростых личных и научно-деловых

отношений с его товарищем И.Н. Юркиным, аргументированные сведения о его научном и творческом становлении, его полная неисчислимых препятствий работа над «Словарем чувашского языка», «методологические и методические положения, разработанные ученым в области чувашской словесности» (с. 38) в привязке ко времени, быту, национальному менталитету и многое другое.

Тем самым авторы сумели виртуозно раскрыть особенности личности и характер Николая Ивановича (к примеру, с. 145), его удивительную и редкую работоспособность, силу духа творить в тяжелейших условиях революционного начала XX в., его неисчерпаемую любовь к людям своей страны, к Родине (достаточно прочитать материалы 3-й и 4-й глав книги о приглашениях, которые поступали на его имя из различных научно-образовательных учреждений России, Азербайджана и Турции). Показателен случай с приглашением Н.И. Ашмарина на работу в Турцию на очень выгодных условиях, на которое он ответил: «У меня есть Родина, которой я должен служить».

Книга содержит значительный архивный фактографический материал, что, безусловно, должно быть интересно и для неспециалистов в области филологии. Для научно-популярного издания, думается, вполне достаточно того анализа и обзора научных трудов корифея науки, который представлен здесь. Но, возможно, стоит подумать о включении в последующее издание более подробных сведений научного характера о главном труде Н.И. Ашмарина — «Словаре чувашского языка» в значительно большем объеме. Также в следующем дополненном издании ждем более детальных сведений о родословной и нынешней судьбе его потомков, фрагментов его переписки с близкими и коллегами в оригинале, новых фотоиллюстраций, в том числе исполненных в цвете.

И еще одно пожелание: примечания, на мой взгляд как читателя, целесообразней было бы размещать не в конце книги, а постранично.

В целом, книга читается на одном дыхании... Я получил истинное наслаждение. Согласен с одним из авторов — Э.Е. Лебедевым, где он в предисловии сетует на то, что в Чебоксарах до сих пор отсутствует памятник Николаю Ивановичу. Давно назрел вопрос об организации хотя бы небольшого музея, посвященного великому труженику и ученому Николаю Ивановичу Ашмарину. Жители Чувашской Республики и ее гости должны знать о его жизни и творчестве и гордиться человеком, оставившем огромный след в истории и культуре чувашского народа.

Г.А. Дегтярёв: *От Ашмарина филолога — к Ашмарину философу, от внешней биографии — к внутренней (интеллектуальной)*

Рецензируемое издание представляет собой совместный научный труд Э.Е. Лебедева, В.Г. Родионова, И.П. Семеновой и Е.В. Касимова. В предисловии говорится: «Настоящая книга вряд ли могла увидеть свет без той помощи, которую оказали ее авторам добровольцы в лице как простых людей, так и представителей разных государственных учреждений. Мы были приятно удивлены тому, сколько человек откликнулось на наши обращения за помощью предоставить информацию о Н.И. Ашмарине и его современниках для готовящейся книги. <...> То таинство коллективного сотворчества, которое происходило все это время, и есть настоящее чувашское (*в оригинале* — настоящий чувашский) “нине” — обряд коллективной помочи. Приятно осознавать, что дух этой старинной традиции сохранился и в наши дни и проявился в таком новом виде, как написание книги» (с. 11). Памятуя, что основным девизом празднования 100-летнего юбилея Чувашской автономии был «Вместе/Пёрле», можно сказать, что ученые в тренде, чутки к веяниям времени. Без духа коллективизма не было бы и основного труда Н.И. Ашмарина — семнадцатитомного «Словаря чувашского языка». Название одной из глав монографии красноречиво выражает эту мысль: «Ручьи сольются — реки, люди соединяются — сила».

Авторскому коллективу удалось в сжатые сроки подготовить серьезное исследование, которое достаточно полно знакомит с важными вехами биографии Н.И. Ашмарина, помогает

понять масштаб личности ученого и оценить его выдающийся вклад в развитие чувашеведения и тюркологии в целом. В основу повествования положен хронологическо-проблемный принцип: каждый раздел монографии отражает определенный этап жизни и творчества ученого, содержит анализ соотносимых с данным периодом трудов, значимых событий личной и общественной жизни. Названия глав, имеющие художественно-публицистический характер, придают научному изложению образно-эмоциональный тон. По стилю данный труд представляет собой научно-историческую литературу с элементами публицистики и напоминает книги из серии «Жизнь замечательных людей».

Дополняя биографию Н.И. Ашмарина историческими комментариями, а также описаниями локаций и характеристиками людей, связанных с героем исследования, авторы как бы погружают нас в описываемую эпоху, делают процесс чтения более познавательным и увлекательным. Читатель узнает о Ядрине, Курмыше и Казани того времени, Лазаревском институте восточных языков, Казанской учительской семинарии, Симбирской чувашской учительской школе, а также о Ф.Е. Корше, Н.Ф. Катанове, И.Н. Юркине, В.К. Магницком, А.В. Рекееве, Г.И. Комиссарове, Г.Т. Тимофееве, В.Н. Орлове и многих других. Помещенные в издание фотоиллюстрации служат фоновым материалом и средством визуализации информации, помогают зримо представить описываемые объекты и персонажи.

Исследование основано на богатой источниковой базе. Наряду с архивными свидетельствами официального характера, в монографии удачно использован документальный материал в виде писем и мемуаров, которые характеризуют Н.И. Ашмарина не только как ученого, но и как человека — живого, интересного и неординарного. Рассказы о бытовых слабостях и привычках, подробности семейной жизни, истории о жизненных испытаниях и проявленной стойкости, свидетельства о преданности научному поиску и т.п. помогают воссоздать образ уникальной, многогранной личности с непросто судьбой.

Книга пронизана неподдельным пафосом почитания Ашмарина:

«В качественном отношении и в отношении их [научных трудов] *монументальности* (здесь и далее выделено нами. — Г.Д.) с Николаем Ивановичем не сможет сравниться никто из чувашских языковедов следующих поколений» (с. 8);

«Особняком стоит *монументальный* и непревзойденный семнадцатитомный Словарь чувашского языка, над которым Николай Иванович работал около сорока лет» (с. 8);

«Ашмарин — уникален, таких как он никогда не было и, вероятнее всего, никогда не будет. Ашмарин — это „наше все“, это космос, это Вселенная...» (с. 10);

«*Монументальная* лексикографическая работа своим появлением вписала имя Н.И. Ашмарина и всех лиц, оказавших помощь в ее подготовке и издании (корреспондентов, редакторов, исследователей и простых грамотных людей), в историю нашей республики и в историю нашей страны» (с. 83).

Однако реальная ситуация с пониманием и почитанием заслуг ученого и его сподвижников, судя по словам самих же авторов, оказывается далеко не такой благостной:

«Имя и труды Н.И. Ашмарина известны лишь относительно узкому кругу специалистов и любителей чувашского языка и культуры. Для большинства населения нашей республики, к сожалению, автор Словаря чувашского языка... остается неизвестным» (с. 10);

«К сожалению, нам не удалось выяснить имена первых корреспондентов ученого» (с. 248).

Думается, не только и не столько круглая дата — 150-летие со дня рождения, сколько желание исправить эту несправедливость и по достоинству оценить вклад Ашмарина в развитие чувашского языка и национальной культуры вызвали к жизни книгу «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии». Она, несомненно, будет полезной как для исследователей-гуманитариев, так и для обычных читателей, неравнодушных к языку, языкознанию, национальной культуре и их истории.

Было бы преувеличением сказать, что объединенные усилия авторов вылились в некое концептуальное единство, в книге в целом превалирует фактографический дискурс. Но она приблизит нас к целостному восприятию ашмаринского феномена, пониманию закона сопряжения, действовавшего и действующего в его стихии.

В работе, на наш взгляд, наблюдается определенное злоупотребление эпитетом «известный». Для представления ученых, получивших официальное признание научных заслуг, вместо малоинформативных определений типа *известный ленинградский тюрколог А.Н. Самойлович* (с. 223), *известный отечественный тюрколог С.Е. Малов* (с. 224), *известный советский лингвист Н.Н. Поппе* (с. 227), на наш взгляд, следовало использовать академические звания — в период описываемых событий все они являлись членами-корреспондентами АН СССР (а Самойлович вскоре стал и академиком). О субъективизме и неразборчивости в применении комплиментарного атрибута свидетельствуют и такие примеры: *просветитель Н.И. Ильминский* (с. 86), *чуваши́й просветитель И.Я. Яковлев* (с. 90), *известный чуваши́й просветитель, общественный деятель и священник А.В. Рекеев* (с. 109), *известный чуваши́й священник, общественный деятель и просветитель Д.Ф. Филимонов* (с. 134).

В качестве «ученых, которые непосредственно внесли свой вклад в образование Николая Ивановича» в Лазаревском институте восточных языков авторы называют профессоров В.Ф. Миллера и Ф.Е. Корша (с. 7, 26), подкрепляя свой тезис их портретами (с. 35). Однако никаких сведений, подтверждающих предположение об участии В.Ф. Миллера в судьбе Ашмарина, не приводят. Среди преподавателей, повлиявших на формирование личности и мировоззрения Н.И. Ашмарина как ученого, на наш взгляд, следовало назвать и А.Е. Крымского, который, в частности, был редактором его исследования студенческого периода — «Очерка литературной деятельности казанских татар-мохаммедан за 1880—1895 гг.».

В книге встречаются ошибки в датировке событий. Например, на с. 95 высказано предположение, что «Ф.Н. Никифоров... вероятно, вел активную переписку с Н.И. Ашмариным еще в конце XVIII (!) века». А на с. 29 находим такой перл: «В письме от 4 ноября 1890 г. студент Лазаревского института [Н.И. Ашмарин] сообщает И.Н. Юркину, что Московское этнографическое общество ему поручило перевести песни, собранные адресатом данного эпистолярного текста». Как ни странно, при этом не учитываются и полемическое утверждение самих авторов по другому поводу на с. 31 («в апреле 1891 г. Н.И. Ашмарин еще учился в Нижегородской гимназии, поэтому никак не мог оказаться в Москве»), и констатация непреложного факта на с. 25: «в 1891 г. поступил в известный Московский институт восточных языков (Лазаревский институт)».

В монографии нередко можно заметить отсутствие единообразия при назывании той или иной персоны: встречаются *Г. Комиссаров-Вандер* (с. 80) и *Г.И. Комиссаров-Вантер* (с. 90, 122), *Вс. Ф. Миллер* (с. 26, 35) и *В.Ф. Миллер* (с. 44), *Илле Тыхти* (с. 81) и *Илле Тăхти* (с. 82) и т.п. Также излишняя вариативность в обозначении одних и тех же учреждений, мешая их однозначной идентификации, создает определенные трудности в восприятии текста:

Институт восточных языков (с. 25), *Московский институт восточных языков* и *Лазаревский институт восточных языков* (с. 27), *Лазаревский институт* (с. 46), *Московский Лазаревский институт восточных языков* (с. 63);

Этнографический отдел Общества естествознания, антропологии и этнографии и *этнографический отдел Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии* (с. 27), *Московское этнографическое общество* (с. 29), *Общество этнографии* (с. 30), *Этнографическое общество* (с. 31) и т.д.

В целях совершенствования последующего возможного издания монографии хотелось бы отметить, что представленный вариант требует определенной редакторской правки — встречаются пунктуационные, стилистические и грамматические ошибки, речевые недочеты и погрешности:

Научное творчество и вся жизнь Николая Ивановича Ашмарина представляет собой целое явление в истории... (с. 5).

Сам он воспринимал Н.И. Ашмарина как чистого чуваша, сильно удивившись, узнав о том, что он русский (с. 6).

Тяга к изучению их языка — всего лишь... отпечатка того смутного воспоминания (с. 6).

Конечно, с одной стороны[,] период конца XIX в. и первых десятилетий XX в. был... Однако этот период стал и временем... (с. 7).

Этот словарь, являющийся истинной кладезью народной мудрости чувашского народа... (с. 8).

Н.И. Ашмарин не достаточно известен простым людям (с. 10).

О приобретенных нами в процессе подготовке книги новых друзьях... (с. 11).

Часть материалов... было предоставлено (с. 12).

Поэтические творения западных декадентов представляют собой ничто иное, как возрождение древнего творчества (с. 53).

По ее окончанию И.Я. Яковлев[,] как лучший ученик[,] был выбран для обучения... (с. 89) и т.п.

Заглавие, как известно, должно служить идентификации книги, представлять собой заданный автором (авторами) ключ к ее пониманию, интерпретации. В названии «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии» нет мук творческого поиска, ашмаринского духа. Все три слова кажутся спорными.

1. Почему *корифей*? Этот термин стал заезженным, избитым, серийным. У нас уже было издание со схожим названием: Корифей чувашской тюркологии М.Р. Федотов (Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1999).

2. Почему *чувашской* филологии? М.Р. Федотов в статье, приуроченной к 125-летию со дня рождения Н.И. Ашмарина, назвал его великим тюркологом (Советская Чувашия. 1995. 7 октября). «Крупнейший тюрколог современности» — такую характеристику дал ему почти сто лет назад академик А.Н. Самойлович (Сунтал. 1926. № 8. С. 16). В рецензируемой монографии также немало свидетельств об исследовательском интересе Ашмарина к другим языкам и культурам. Например: «Он не ограничивался изучением только чувашского языка — в его научном багаже имеются труды по языку и литературе казанских татар. Кроме этого, во многих своих книгах он использовал материалы других тюркских и финно-угорских языков... При переезде же в Баку Н.И. Ашмарин расширил свой научный кругозор и за счет языков Закавказья и Дагестана» (с. 224).

3. Разве научное пространство Ашмарина было ограничено *филологией*? Ашмарин шире филологии. Об этом также сказано в самой монографии: «До настоящего времени наследие Н.И. Ашмарина изучалось с точки зрения узких специализаций гуманитарных наук. Поэтому в нем видели то лингвиста, то фольклориста, этнографа или историка. Между тем Н.И. Ашмарин относится к ученым гуманитарного типа мышления. Он занимался не только систематизацией фактов, но и постоянно задавался вопросом “почему?”, искал смысл отдельных фактов, пытался найти их первооснову» (с. 37). Так, В.Г. Родионов путем парафраза описывает Н.И. Ашмарина как философа. От себя добавим: Н.И. Ашмарин несомненно был философом, глубинным философом.

Научная книга (если даже она научно-популярная), по идее, должна бы сделать (или пытаться сделать) выводы, выявляющие проблемы и пути их решения. В жизнеописании Ашмарина почему-то этого нет. Ашмариноведению, на наш взгляд, предстоит сделать следующий шаг: от Ашмарина филолога перейти к Ашмарину философу, от внешней биографии — к внутренней (интеллектуальной).

УДК 94(=512.111)(092)

ЧГВ, 2022 г., № 17
© А.П. Леонтьев

СЫН ХАКАССКОГО НАРОДА О ЧУВАШАХ (К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Н.Ф. КАТАНОВА)

В публикации освещаются некоторые вехи жизни и деятельности выдающегося тюрколога Н.Ф. Катанова. В частности, уделено внимание его взаимоотношениям с видными исследователями чувашского народа Н.В. Никольским и Г.И. Комиссаровым, а также с чувашским просветителем И.Я. Яковлевым. Читателям предлагается неопубликованная и незаконченная рукопись Н.Ф. Катанова о чувашах с небольшими комментариями.

Ключевые слова: Н.Ф. Катанов и исследователи чувашского народа, интерес ученого-компаративиста к чувашеведению, архивное наследие.

В январе 1996 г. мы, журналисты газеты «Хыпар», впервые посетили Арское кладбище в г. Казани, вернее, могилу основателя газеты Н.В. Никольского. Входя через главные ворота, мы оказались перед небольшим храмом благоверных князей Феодора, Давида и Константина — Ярославских чудотворцев. Здесь находится могила просветителя поволжских народов Н.И. Ильминского. Напротив его намогильного памятника, буквально в десяти метрах, за дорогой, стоит другой памятник из гранита с эпитафией: «Выдающийся востоковед, тюрколог, профессор Николай Федорович Катанов (1862—1922)». Слева от главной дороги, метрах в двухстах, похоронен Н.И. Ашмарин; его намогильный памятник как бы указывает путь дальше — прямо к могиле Н.В. Никольского, она в четырехстах метрах. Ашмарин и Никольский не встречались с Ильминским, а Катанов застал великого просветителя на закате его жизни, переписывался с ним, и до конца дней своих оставался приверженцем его просветительской системы.

Алексей Петрович Леонтьев — кандидат исторических наук, научный сотрудник секции фольклористики филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: alexsej.leontjew2014@yandex.ru.

Автор этих строк только потом узнал, что тот памятник Катанова лишь кенотаф, то есть «пустая могила», сооруженная в 1972 г. в связи с его 110-летием. А похоронен великий сын хакасского народа, учитель сотен «инородцев» в казанских учебных заведениях, на кладбище Спасо-Преображенского монастыря на территории Казанского кремля. Увы, могила давно утрачена, так как на этом месте с конца 1920-х гг. дислоцировалась воинская часть. Однако при каждом посещении Арского кладбища «хыбаровцы» возлагали цветы к памятникам четырех Николаев — Ильминского, Катанова, Ашмарина и Никольского...

Н.Ф. Катанов
(1862—1922)

Со дня рождения [6 (18) мая] Н.В. Катанова прошло 160 лет, а со дня смерти (9 марта) — 100 лет. Родился он в Тураковском улусе — степной местности в 16 верстах от с. Аскиз на левом берегу р. Абакан — и при рождении получил хакасское имя Порá, сын Хызыла (хак. Пóра Хызыл оглы). В автобиографии для словаря С.А. Венгерова в 1897 г. Катанов писал: «Отец мой был татарин племени Сагай, а мать татарка племени Каш, колена Пюрют, отец по профессии был улусный писарь своего племени. Как я, так и родители мои — христиане православного вероисповедания. Родители и все предки исповедовали христианство, которое введено в долину Абакана в XVIII столетии, и вместе с тем открыто держались шаманских обрядов: участвовали в жертвоприношениях духам гор, воды, огня и неба и молились этим духам как покровителям домашнего скота и людей». Здесь нужно иметь в виду, что хакасы [самоназвание — *хакастар* и *тадарлар*; устаревшее: *минусинские татары*, *абаканские (енисейские) татары*, *ачинские татары*] — тюркский коренной народ Хакасии в Южной Сибири на левобережье Хакасско-Минусинской котловины, которые, естественно, почти никакого отношения не имеют к казанским татарам. Хакасский язык относится к уйгурской группе восточно-хуннской ветви тюркских языков, по другой классификации — к самостоятельной хакасской (кыргызско-енисейской) группе восточных тюркских языков¹.

Поскольку любознательный читатель о Н.Ф. Катанове сможет найти достаточно материала в разных источниках (в том числе в Интернете), мы не ставим целью подробно останавливаться на вехах его биографии. Приведем лишь некоторые факты: в 1876—1884 гг. учился в Красноярской гим-

назии (окончил с золотой медалью), в 1884—1888 гг. — на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета. С 1894 г. — в Казани, где проработал 28 лет до самой своей кончины. В 1903 г. защитил диссертацию на соискание степени магистра — «Опыт исследования урянхайского языка», в 1907 г. утвержден доктором сравнительного языкознания по совокупности трудов. В 1911—1917 гг. преподавал в основном в Казанской духовной академии, с 1915 г. — ординарный профессор. В 1919 г. избран профессором Казанского университета по всероссийскому конкурсу (результаты которого были утверждены Наркомпросом в 1921 г.). Действительный член Русского географического, Русского археологического обществ, 16 лет (1898—1914) возглавлял знаменитое Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ) при Казанском университете², объединившее наравне с русскими выдающихся гуманитариев народов Волго-Уралья: членами ОАИЭ были исследователи чувашей Н.И. Золотницкий, В.К. Магницкий, И.Н. Юркин, И.Д. Никитин (Юркин), Н.В. Никольский, Н.И. Ашмарин, Г.И. Комиссаров, Н.А. Архангельский и др. Общество имело обширную библиотеку³. По рекомендации Н.Ф. Катанова библиотекарем ОАИЭ в марте 1910 г. был избран Н.В. Никольский. И он оставил такую запись под письмом с подписью Н.Ф. Катанова об избрании его библиотекарем: «...Предстоит журналы все привести в алфавитный порядок и внутри каждого журнала по годам, томам и выпускам. В 3-й комнате нужно привести все книги в порядок по формату, проставить на книгах №№, составить алфавитный каталог, завести документальный каталог, книгу алфавитную для записи, статистику и пр. Эту задачу намерен выполнить на 6 и 7 неделе Великого поста, в период с 4—16 апреля. Мои помощники по этому делу воспитанники духовной семинарии и учительской семинарии. Эта библиотека у меня 3-я по счету. 1-я была — ученическая в духовной семинарии, 2-я — в учительской семинарии с сентября 1907 г. по настоящее время»⁴.

За период руководства Н.Ф. Катановым ОАИЭ его библиотека обзавелась тысячами книг на десятках языках. И, очевидно, не было высокопрофессионального специалиста по их систематизации. Николай Федорович владел почти всеми европейскими языками, в своих трудах использовал 114 языков, в том числе чувашский. Н.В. Никольский тоже был полиглотом, поэтому он в кратчайшие сроки навел необходимый порядок в библиотеке.

Катанов и Никольский, два корифея в области гуманитарных наук, рука об руку прошли свою научно-педагогическую стезю. Директор Центральной восточной музыкальной школы (Восточной консерватории) в Казани (1919—1922) Н.В. Никольский в своем архиве, переданном его супругой А.В. Никольской в Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРРК НБ КФУ), сохранил множество документов о работе вуза, среди них имеются и материалы, связанные с Н.Ф. Катановым: записка Н.Ф. Катанова от 26 мая 1921 г. с планом издания в 1921 г. текстов и переводов песен и стихо-

творений, собранных в 1896 и 1897 гг. в Уфимской губернии⁵; анкетный лист Катанова Николая Федоровича⁶; письмо Н.В. Никольского исследователю жизни и деятельности Н.Ф. Катанова И.В. Барашкову от 9 мая 1958 г. об издании архива Н.Ф. Катанова⁷; письмо Н.А. Баскакову от 2 июня 1959 г. с просьбой отредактировать и издать словарь Н.Ф. Катанова⁸; письмо Н.А. Баскакову от 3 сентября 1960 г. с просьбой выступить в качестве редактора словаря Н.Ф. Катанова⁹; письмо И.В. Барашкова от 8 апреля 1957 г. с информацией о праздновании юбилея Н.Ф. Катанова в г. Абакане¹⁰; письмо Н.А. Баскакова от 24 мая 1959 г. с предложением издания словаря Н.Ф. Катанова¹¹; письмо ученого секретаря Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Д. Патачаковой с просьбой прислать свои воспоминания о Н.Ф. Катанове от 2 декабря 1957 г.¹²; письмо Д. Патачаковой с просьбой прислать свои воспоминания о Н.Ф. Катанове¹³. Как видно, Н.В. Никольский сохранил добрую память о своем соратнике по «общеинородческому» делу и всемерно старался пропагандировать его наследие.

Профессор Казанской духовной академии И.М. Покровский в некрологе отметил: «Можно смело сказать, что потеря его ничем не вознаградится. Люди, подобные Николаю Федоровичу, рождаются веками... Это был исключительный самородок и единственный человек на всю Россию»¹⁴. Несмотря на определенную пафосность при похоронах, Покровский был прав, как говорят в таких случаях, «на все сто».

Многие считали Катанова одним из самых верных продолжателей дела Н.И. Ильминского, однако некоторых «ильминистов» такое сравнение раздражало. Например, И.Я. Яковлев не совсем корректно высказывался о Катанове. В 1908 г. Иван Яковлевич приехал в Казань на очередное заседание Переводческой комиссии (при управлении Казанского учебного округа; не путать с Переводческой комиссией Православного миссионерского общества), возглавляемой Н.Ф. Катановым. «Тут собралось немало моих недругов, ненавидевших мою переводческую деятельность, — вспоминает Иван Яковлевич. — Тут были профессора Машанов, Юнгеров, а также Никольский, Катанов (председательствовал Машанов). Начались нападки на меня со стороны Машанова, Катанова. “А вы что делаете? — сказал я им. — Занимаетесь тем, что пользуетесь трудами других!” Профессор Юнгеров в защиту Катанова имел неосторожность заметить мне: “Катанов напоминает покойного Николая Ивановича Ильминского...” — “Как! Николай Ивановича?” — с негодованием воскликнул я. Произошло крупное столкновение...» Не будем разбираться в подоплеке острой дискуссии, скажем лишь: если уж один из верных сподвижников и соратников Н.И. Ильминского профессор П.А. Юнгеров так характеризует Н.Ф. Катанова, и, скорее всего, с ним вполне солидарен был другой соратник Ильминского — профессор М.А. Машанов, то столь высокая оценка Катанова не должна вызывать сомнений.

Научная и преподавательская деятельность Николая Федоровича неразрывно связана с чувашами. Будучи председателем вышеуказанной Переводческой комиссии при Казанском учебном округе (с 1907 г.), он добился через Академию наук издания «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина — первые 2 выпуска тезауруса в 1910 и 1912 гг. опубликованы на средства Переводческой комиссии. Редактировал «Материалы для исследований чувашского языка» (1898) Н.И. Ашмарина¹⁵, «помимо того, — пишет В.Г. Егоров, — что давал автору ценные указания по разным вопросам тюркского языкознания, чуть не каждую страницу этой книги снабдил ценными примечаниями от редакции, в которых он указывает соответствующие чувашским словам и грамматическим формам слова и формы из других тюркских языков. Этому же редактору он обязан был и широким знакомством с литературой предмета»¹⁶. Он был научным руководителем кандидатского сочинения Г.И. Комиссарова в Казанской духовной академии. Гурий Иванович пишет: «В последнюю зиму вузовского учения для кандидатского сочинения я наметил тему: “История перевода книг с русского на чувашский язык”. Профессор Н.Ф. Катанов одобрил тему, но сформулировал ее так: “История переложения и перевода священных, вероучительных и богослужебных книг на чувашский язык”. Тема, выбранная мной, была обширная, работа над ней предстояла большая. Но тема эта была интересна для меня, потому что мне предстояло написать чуть ли не историю письменности и литературы на чувашском языке. Я сдал экзамены, сочинение тоже получило положительную оценку, и я окончил академию со званием кандидата наук и с дипломом I разряда»¹⁷.

Среди 400 исследований по языкознанию, этнографии, истории, археологии, фольклористике у Н.Ф. Катанова имеются труды, непосредственно связанные с чувашами. Николай Федорович начал проявлять наибольший интерес к изучению материальной культуры Волжской Булгарии после революции, когда работал в открывшемся в октябре 1917 г. в Казани по инициативе председателя Казанской земской управы Н.В. Никольского Северо-восточном археологическом и этнографическом институте. Николай Федорович был избран деканом археологического отделения, читал там лекции по истории Золотой Орды, источниковедению Поволжья, восточной нумизматике и восточной хронологии. В мае 1919 г. в институте было создано Восточное отделение, которое вновь возглавил Катанов, после преобразования института в Восточную академию в 1921 г. Катанов остался в ее штате. Он также преподавал в Высшем институте народного образования, чувашских педагогических курсах и в Высшей восточной музыкальной школе, в которой читал «песнетворчество турецко-татарских народов».

Н.Ф. Катанов в вопросах этногенеза чувашского народа полностью разделял так называемую «булгарскую теорию». Книжку «Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках»¹⁸ он написал по замечаниям «после интересного доклада чувашина О.Г. Романова в заседании Казанского Общества Археологии, Истории и Этнографии 29 ноября 1902 г., доклада, напечатанного в “Историческом вестнике” за февраль 1903 г., стр. 512—

526»¹⁹. Николай Федорович задается вопросом: «Когда же собственно чуваша Поволжья начали принимать ислам? Если примем во внимание, что ислам объявлен господствующей религией в России при хане Узбеке, царствовавшем с 1312 по 1340 год, т.е. в 1-й половине XIV века, то не ошибемся, если скажем, что монголы-мусульмане стали обращать в ислам иноплеменников Поволжья вообще, а чуваш, живших всегда бок о бок с татарами и черемисами в частности, с этого же времени, т.е. с XIV века. Подтверждают это и мусульманские надписи на могильных камнях, в разное время найденных в местностях, где прежде проживали чуваша, а отчасти и ныне обитают»²⁰. Приведем еще одну цитату из этой работы: «Представляется весьма правдоподобным мнение, что первыми на Волгу пришли угро-финны, за ними чуваша, а после чуваш уже явились сюда татары, и после татар русские»²¹. (Это небольшое сочинение Н.Ф. Катанова стоило бы опубликовать в одном из номеров «Чувашского гуманитарного вестника».)

А теперь перейдем ко второму сочинению (рукописи) Н.Ф. Катанова, оставшемуся незавершенным, скорее всего, по причине скорострительной смерти автора. Труд этот хранится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (Отд. I. Ед. хр. 35).

К рукописи приложена записка: «Рукопись Н.Ф. Катанова на стр. с 1—118 (без 3-й страницы) и приложение к ней на 1—12 страницах (на машинке) и рисунки на восьми больших листах передаются пр. Е.М. Маслову для учинения полного расчета с н[аучной] библиотекой в Чебоксарах. А. Катанова. 5/Х—[19]35 г.». «А. Катанова», вне сомнения, Анна Николаевна — единственная дочь Николая Федоровича и Александры Ивановны Катановых.

Далее — заключение, подготовленное М. Петровым на имя директора Научной библиотеки: «Рукописи, полученные от наследников покойного проф. Н.Ф. Катанова, представляют из себя следующее: 1-я рукопись — тетрадь, написанная лично Н.Ф. Катановым, есть не что иное, как незаконченный курс лекций о чувашах, который входил, как часть, в общий курс его лекций в [Казанской] духовной академии под названием “История и этнография племен Ср[еднего] Поволжья”. Этот курс представлял из себя сводку данных исторической и этнографической науки его времени. В настоящей рукописи ценными являются те сюжеты, которые он проводит между чувашами и другими народностями, как специалист своего предмета. Вторая рукопись не имеет ни начала, ни конца. Она, по-видимому, принадлежит покойному же профессору, автору “Мордвы”, “Вотяков”, “Черемисов”, “Пермяков” И.Н. Смирнову. Настоящая рукопись (машинопись), по-видимому, является начальной главой той большой работы, которую он задумал написать перед смертью и которая осталась незаконченной. Даже в том виде, в каком находится рукопись, с приложенными к ней рисунками чувашской резьбы, она, по-моему мнению, представляет большую ценность.

Обе рукописи вместе составляют примерно около 2 печ. листов. 150 рублей недорого.

21/X—1935. М. Петров.

P.S. В предлагаемой рукописи Смирнова нет 1-й страницы, так что рукопись заключает 2—12 страницы.

Рукопись Н.Ф. Катанова имеет 118 стр., но без 3-й страницы.

М. Петров».

«М. Петров», опять-таки вне всякого сомнения, — известный чувашский историк Михаил Петрович Петров (Тинехпи), работавший в 1931—1936 гг. в Чувашской республиканской научной библиотеке. Вообще-то рукопись представляет из себя не тетрадь, а листки из газетной желтоватой бумаги, притом листки пронумерованы не автором, а «сотрудником Н[аучно-]и[сследовательского] института Ив[аном Дмитриевичем] Никитиным». И он заключает: «В этой рукописи пронумерованных страниц 117, причем отсутствует текст 3-й страницы и нет текста между 70 и 71 стр.»

Рукопись — явно не «незаконченный курс лекций о чувашах», а, скорее всего, оригинальный научный труд, весьма возможно, основанный на лекциях, и не только в Казанской духовной академии, но и в Северо-восточном археологическом и этнографическом институте, Восточной консерватории, также на чувашских педагогических курсах. Отметим: Казанская духовная академия была закрыта в 1917 г., а работа, хотя и не указана дата, написана именно в последний период жизни автора, то есть до марта 1922 г., о чем свидетельствует предложение в тексте: «город Чебоксары, нынешняя столица Чувашской Автономной Области». Это — рукопись оригинального сочинения, так как структурирована, то есть текст разбит на главы.

К сожалению, второй рукописи в нашем томе не имеется. Осмелимся лишь предположить, что и она принадлежит Н.Ф. Катанову, а не профессору И.Н. Смирнову. Иван Николаевич, во-первых, умер в 1904 г., во-вторых, его материалы гипотетически, конечно же, могли попасть в рукописный архив Н.Ф. Катанова, но откуда и зачем? В-третьих, разве Николай Федорович не мог сам иметь рисунки чувашской резьбы?

На первый взгляд, для современного профессионального историка, этнолога и фольклориста рукопись как бы и не представляет большой ценности, так как автор цитирует Г.Ф. Миллера, А.Ф. Риттиха, А.А. Фукс, В.А. Сбоева, активно пользуется трудами чувашеведов Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, К.П. Прокопьева и др. А мы в настоящее время их разве не цитируем? Разве мы в своих исследованиях находим что-то уникальное? Разве мы поставили в своих работах окончательную (хотя в гуманитарных науках это совершенно невозможно!) точку в теории болгаро-суварского происхождения чувашей? В начале 1920-х гг. труд Н.Ф. Катанова в виде опубликованной книги безусловно являлся бы бестселлером, каковым были и остаются «Чуваши и болгары» Н.И. Ашмарина, «Краткий курс этнографии чуваш» и другие работы Н.В. Никольского, «Чуваши Казанского Заволжья», «Чăваш халăхĕн историйĕ» (История чувашского народа) Г.И. Комиссарова, да и всех вышеназванных исследователей (и не только их). Достоинством пред-

лагаемой читателям рукописи является сугубый интерес автора к истории чувашей — родственных его народу. В далеком абаканском детстве Пора Хызыл оглы — будущий выдающийся тюрколог Николай Федорович Катанов — не мог даже что-либо знать о чувашах, в глубине веков обитавших рядом с хакасами в степях Азии. В конце жизни он посвятил ставшему ему родным народу две научные работы. Не будем перечислять, сколько сотен раз он — лингвист, этнограф, историк, фольклорист, археолог как исследователь-компаративист — упоминает чувашей в своих фундаментальных сочинениях.

Рукопись состоит из семи глав: «Географическое распределение и численность чуваш»; «История чувашского народа»; «Антропологический очерк чуваш»; «Деление чуваш на группы»; «Описание чувашского костюма»; «Жилища чуваш»; «Семейный и родовой быт чуваш». Глава 8 «Занятие и промыслы у чуваш» даже не была начата, очевидно, тяжело больной ученый уже не смог продолжать работу. Труд этот по жанру, на наш взгляд, можно назвать научно-популярным историко-этнографическим очерком — описанием отдельных пластов жизни чувашей. Николай Федорович, кроме вышеназванных нами известных чувашеведов, опирался на труды и других исследователей.

Литература и источники

- ¹ URL: <https://khakastili.ru/katanov-nikolaj-fyodorovich> (дата обращения: 24.10.2022).
- ² URL: <https://kpfu.ru> (дата обращения: 24.11.2022).
- ³ *Погодин Е.П.* Общество истории, археологии и этнографии // Чувашская энциклопедия. Т. 3. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 295.
- ⁴ Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 186. С. 137—138.
- ⁵ Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Казанского (Приволжского) федерального университета им. Н.И. Лобачевского (ОРРК НБ КФУ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 22. Л. 11.
- ⁶ Там же. Л. 38—38а об.
- ⁷ Там же. Д. 28. Л. 2.
- ⁸ Там же. Л. 74.
- ⁹ Там же. Л. 84.
- ¹⁰ Там же. Д. 30. Л. 17—18.
- ¹¹ Там же. Л. 21—21 об.
- ¹² Там же. Д. 35. Л. 153.
- ¹³ Там же. Л. 154.
- ¹⁴ URL: <https://history-kazan.ru/kazanskij-nekropol...mir...tvoemu...> (дата обращения: 24.10.2022).
- ¹⁵ *Дегтярёв Г.А., Андреев В.А.* Катанов Николай Федорович // Чувашская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 233—234.
- ¹⁶ *Егоров В.Г.* Н.И. Ашмарин. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1948. 44 с.
- ¹⁷ *Комиссаров Г.И.* Мой жизненный путь (автобиография): [рукопись] // НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 76. С. 71.
- ¹⁸ *Катанов Н.Ф.* Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань: Изд-во Центр. чуваш. отд. при Народ. ком-те по нац. делам [РСФСР], 1920. 13 с.
- ¹⁹ Там же. С. 3.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 12.

Катанов Н.Ф.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ЧИСЛЕННОСТЬ ЧУВАШ. ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ЧУВАШ. ДЕЛЕНИЕ ЧУВАШ НА ГРУППЫ. ОПИСАНИЕ ЧУВАШСКОГО КОСТЮМА. ЖИЛИЩА ЧУВАШ. СЕМЕЙНЫЙ И РОДОВОЙ БЫТ ЧУВАШ*

Глава I

Географическое распределение и численность чуваш

Чувашский народ живет в целом ряде губерний. Сплошными массами он живет в Козьмодемьянском, Ядринском, Чебоксарском и Цивильском уездах Казанской губ., а также в Курмышском уезде Симбирской губ. и в северной части Алатырского уезда этой же губ.; менее сплоченно, попеременно с татарами и русскими в Тетюшском уезде Казанской губ., а также в Буинском, Карсунском, Симбирском и Сенгилеевском уездах Симбирской губ. Кроме того, по левому берегу р. Волга именно в уездах Казанской губ.: Спасском и Чистопольском; живут также в Бугульминском и Ставропольском уездах Уфимской губ. Изолированными группами чуваша встречаются и в других уездах губерний: Самарской, Уфимской и Оренбургской, а также в губерниях: Нижегородской, Пензенской, Астраханской, и в Сибири: в губерниях Тобольской и Томской, и в областях: Акмолинской и Семипалатинской. Следовательно, чуваша обитают между 12° и 60° восточной долготы от Пулкова и между 47° и 57° северной широты от экватора. Местности, в которых <очередная стр. в тексте отсутствует>

<...> 173 110, Самар. — 99 495, Саратов. — 15 541, Астрахан. — 1700, Уфим. — 75 916, Оренбург. — 6775, Тобол. — 11 650, Томской — 12 200, Енисейской — 1000, Пензен. — 500, Нижегород. — 325**. Численность чуваш остальных местностей до сих пор еще не выяснена. Там, где эта численность ясна, чувашское население за 50 лет увеличилось в 1^{1/2} раза.

Глава II

История чувашского народа

Н.М. Карамзин и другие ученые причисляют чуваш к народам финского корня, говоря, что, живя долго между татарами, они подверглись значительно их влиянию, однако же по своему языку чуваша ближе к татарам, нежели финнам. Вероятно, этим и надо объяснять то обстоятельство, что имя чуваш в русских летописях не появляется раньше XVI века. До этого времени чуваш надо искать или среди татар, или среди горных черемис.

Сталкиваясь с татарами, русские узнали, что существует и особый от них народ — чуваша.

В 1524 г. воевода Хабар Симский, в 20 верстах от Казани, на берегу р. Свяги, притока Волги, одержал победу над черемисами и чувашами, стоявшими за Казань. В 1548 г. поместья и уголья чуваш и других племен, оказывавших непокорность Московскому царю, отдали арским князьям с Вятки.

В 1551 г. русские построили город Свяжск, чтобы стать возможно ближе к Волге. К этому городу приписались все племена, обитавшие близ новооснованного города: чуваша, черемисы и другие. В следующем году чуваша и черемисы служили уже в русском войске и вместе с русскими казаками составляли особый полк.

Русские отряды, отправленные за месяц до взятия Казани против чуваш, черемис и татар, бывших под предводительством князей Япанчи и Яуша, смирили остатки непокорных черемис и чуваш, так что Казань была взята русскими уже при содействии означенных пле-

* Незаконченная рукопись Н.Ф. Катанова не имеет названия. Данный заголовок — набор из названий глав рукописи.

** Эти данные взяты у Н.В. Никольского из книги «Краткий конспект по этнографии чуваш» (Казань, 1911).

мен. В последующее, по взятии Казани в 1552 г., время чуваша, черемисы и татары становятся уже собственниками Московского царя, и история их входит в общую историю Русского царства. Незначительная часть чуваш, а также часть татар и черемис, не пожелавшие подчиняться русским, по падении Казанского царства устремились на восток, в Башкирию, где и остались жить, смешанно с другими народностями.

При покорении Сибири чуваша оказывали содействие русским; так, напр., около 1582 г. один чувашин решился проведать о положении остяков и др. народностей Сибири, стоявших против казаков. Место стоянки чуваш донныне сохранило название Чувашской Горы.

Вошедши в состав Руси, чуваша заодно с русскими стояли за русское дело; так, напр., в 1607 г. чуваша, черемисы и татары под начальством князя Урусова осаждали Тулу, в смутное время чуваша, черемисы и татары стояли за Русского царя, эти 3 народности в 1611 г. участвовали в ополчении против поляков, за что на 3 года были освобождены от платежа ясака и трудовой повинности, в 1633 г. под начальством князей Черкасского и Пожарского чуваша, черемисы, татары и мордва ходили под Смоленск, в 1663 г. чуваша, черемисы, вотяки и мордва ходили против взбунтовавшихся уфимских башкир и т.д.

За преданность Русскому царю чуваша, мордва и черемисы в 1682, 1697 и 1740 гг. освобождаемы были от занятия их земель и угодий русскими и от платежа проестей и волокит по судным делам.

Вообще чуваша за то время, как они стали известны русским и татарам, прослыли за народ мирный, что отмечено и в названии его — «чуваш», из татарского «смирный», «мирный», «скромный». Что чуваша участвовали в башкирском бунте 1717 г., подавленном князем П.И. Хованским, в расчет не должно идти, так как, живя на башкирской земле, чуваша в этом деле играли пассивную роль. Такую же роль они играли и в движениях Разина и Пугачева.

В XVI и XVII вв. на территории бывшего казанского царства были 3 разряда служилых людей Москвы. Один разряд набирался из коренных русских людей, другой — из западных иноземцев (поляков и немцев) и третий — из туземцев: татар, чуваш, черемис, мордвы и других. В качестве-то служилых русских людей чуваша и заслуживали те льготы, о которых говорилось выше и которые были распространены и на весь мирный народ, занимавшийся скотоводством и звероловством. Такогово вкратце представляется история чуваш по русским летописным и иным сказаниям.

Что же говорят про свою старину сами чуваша? Про свою старину за русский период чуваша сложили ряд исторических рассказов. При взятии Казани Ивану Грозному помогали чуваша. До этого они ездили в Москву искать управу на татарских ханов, сильно притеснявших чуваш. Грозный смилостивился: взяв Казань, чувашам за их помощь ему дал землю. Дарственная грамота имела золотую печать. Получившие ее сделали для нее футляр в виде палки, и для лучшей сохранности скрыли в землю. По просьбе чуваш Иван Грозный построил им город, который ныне называется Сюрбу-хола (город Цивильск). Чуваша помнят также Разина и Пугачева. Разин неоднократно бывал в Чебоксарском уезде, прельщая чуваш обещанием больших выгод. Поверив ему, чуваша держали его сторону. Спасаясь от преследований русских войск, Разин уходил в глухие места. Что же касается Пугачева, то этот относился к беднякам гораздо лучше Разина: он отнимал у богатых хлеб и деньги и раздавал их бедным. Чувашам он разрешил держаться прежней, собственной чувашской, веры, а русских попов и чиновников, принуждавших к русской вере, он вешал.

Нынешние чуваша помнят и службу в русских войсках, которая особенно тягостною была при царе Николае Павловиче: служба верой и правдой, чувашин никакой радости на службе не видел, а домой возвращался без денег и молодых сил.

Город Цивильск построен из поселка, уступленного русским чувашским старшиной Пуладом; город же Чебоксары построен в 1555 г. по наказу того же Грозного, который основал Цивильск. В наказной памяти архиепископу Гурию Грозный велел «назначенати место, где граду быти (на Чебоксари)» и «по знаменанному месту градскому со кресты ходити». Исполняя волю царя, архиепископ Гурий заложил гор. Чебоксары, освятил его и потом пошел в Свяяжск. Спустя 200 лет, ко дню 2-й народной переписи, бывшему в 1742—

1748 г., город Чебоксары, нынешняя столица Чувашской автономной области, имел уже 14 церквей, 4 монастыря и 2 пустыни, и население его имело в своем составе: бобылей, церковников, дворовых людей, азовских переведенцев, городских кузнецов, птичьих помыгчиков, рейтаров, содержащих ландмилицию, пушкарей, городских воротников, канцелярских сторожей, пахотных солдат, отставных розсыльщиков и др. лиц, в том числе помещиков, духовных особ и пр.

На немецких и голландских географических картах 2-й половины XVIII в. Казанскую губернию, именно ее западными уездами, с чувашским населением, начиналась Азия. По 1-й народной переписи (1718—1722 г.) по городу Чебоксарам и его уезду числилось 14 910 душ, а по 2-й переписи (1742—1748 г.) числилось уже свыше 20 000 душ.

Сколь отчетливо узнали чуваш русские с XVI в., столь же смутно знали их русские до этого времени, ибо смешивали их то с черемисами, то с татарами. Под каким именем были известны чуваша раньше, об этом определенно не знает никто: писательница А.А. Фукс считает их происшедшими от хазар, В.А. Сбоев производит их от буртас, а Н.И. Ашмарин — от болгар.

Судя по хорографическим названиям, чувашам в древние времена принадлежали местности по рр. Свияге и Суре, покрытые лесами и изобиловавшие некогда зверями, и некоторая часть равнины на юг от этих местностей, благоприятствовавшая скотоводству. По летописцу Нестору, столица Хазарии, построенная греком Петроном, называлась Сар-Кел, или Белая Вежа. По-чувашски *шурă-кил* (*шорă-кил*) действительно значит: белый дом. Весьма возможно, что чуваша входили тогда в состав Хазарии, и назвали свою столицу по-своему. Если это так, выходит, что чуваша были на равнине в бассейне р. Волги еще до прибытия сюда монголов и татар.

С объявлением в 1313 г. ханом Золотой Орды ислама господствующей религией, чуваша, жившие вместе с татарами, понемногу стали отатариваться. Чуваша же других местностей, где обитали черемисы, мордва и башкиры, оказались более устойчивыми и мало подверглись чужому влиянию. Черемисы даже сами много позаимствовали от чуваш. Древние буртасы, о которых так много говорили арабские купцы, получавшие от них меха, по мнению В.К. Магницкого, вошли позднее в состав чувашского народа. Из опубликованных в 1905 г. В.К. Магницким языческих имен видно, что чуваша соседил с давних времен с татарами, мордвою, вотяками и черемисами, с которыми они в древности были даже одной веры (шаманизма), и одинаково погребали своих умерших с предметами домашнего обихода. Соседство с означенными племенами и с русскими отразилось в языке, словесности и верованиях. В Тетюшском уезде чуваша смешались даже с мешчеряками, а в других местностях мешчеряки совершенно слились с татарами. Под мишарями и жокарами следует разуметь не чуваш или татар, а именно мешчеряков, племя угорского корня, родственное в древности башкирам и мадьярам. Задача антрополога, лингвиста и этнографа — определить взаимоотношение чуваш и других племен, с которыми они издревле соприкасались.

Глава III

Антропологический очерк чуваш

Лица, знавшие чуваш, так описывают этот народ:

Г.Ф. Миллер в 1791 г. замечает: «У вотяков, как и у чухонцов, волосы темноватые, а у чуваш почти у всех желтые или рыжие; бороды у последних продолговаты клином».

А.А. Фукс в 1840 г. говорит, что «не только у чуваш, но и у русских, живущих в соседстве с чувашами», она «не нашла ни одной окладистой бороды, что бороды у них маленькие, клочком, составленным из нескольких волос».

В.А. Сбоев в 1856 г. утверждает, что «у чуваш волосы большею частью черноватые или темно-русые, что рыжие между ними чрезвычайно редки, что истинно-чувашская борода есть темно-русая, густая и довольно окладистая, что у них весьма часто встречаются бороды, от густоты волос свивающиеся прядями, наподобие заплетенных кос».

А.Ф. Риттих в 1870 г. говорит: «Всматриваясь в отдельные черты чувашской физиономии и сравнивая их с чертами физиономии других народностей Казанской губ., нельзя не прийти к заключению, что выдающаяся скула, узкий разрез глаз и покатым назад лоб суть

непременные признаки чувашского типа. Лицом они смуглы, глаза карие или черные, лоб узкий, нос тонкий разного очертания, зубы белые, роста среднего, походка тяжелая, переваливающаяся, при сильном махании рук. Волосы у них темно-русые, усы и борода густые, ровные, свивающиеся иногда в виде пряди. С виду они неопрятны и грязноваты. У женщин узкий разрез глаз и выдающиеся скулы еще более заметны, чем у мужчин. Они еще более переваливаются, чем мужчины, а телосложением походят на него. Лица как у мужчин, так и у женщин бледные. Кожа белая, чем у татар, палевая. Глаза как будто заспанные; сами кажутся неуклюжими и равнодушными».

И.Н. Смирнов в 1896 г. так описывает чуваш: «Антропологически чуваша представляют смесь белокурого типа, предполагается, финского, и темного, монголоидного. Блондины имеют прямые, светло-русые волосы, серые глаза, белую, часто веснушчатую, кожу, широкое лицо и вдавленный посередине нос. У брюнетов — черные, глянцеваытые, часто вьющиеся волосы, миндалевидные, косо поставленные глаза, заметно выступающие скулы, желтоватая кожа, нос чаще вдавленный по середине».

Метрополией чувашского племени описанного типа И.Н. Смирнов считает древнее Засурье, территорию на восток от Суры до Волги, в плесе от Казани до Симбирска или Сengiлея. Некоторые склонны думать, что и названия этих двух городов чувашские: Сингилей, Сengiлей от чувашских слов *сёнё кил* (новый дом), а Симбирск от чувашских слов *сёнёп ұрт* (новое жильё, новая крепость).

В 1911 г. видим следующее описание антропологического типа чуваш у Н.В. Никольского: «Преобладающее телосложение чувашина худошавое, но случаи чрезмерной худобы очень редки, как и случаи чрезмерной полноты или ожирения. По физической силе чувашин уступает русскому. Преобладающим ростом является средний. Изредка встречаются люди очень высокого роста. Карлики среди чуваш не наблюдаются. Преобладающий цвет волос черный, цвет глаз карий. Иногда случается несоответствие между цветом волос и глаз. Зоркость глаз некоторые называют сильной, а близорукость вовсе не встречается. Характерная походка чувашина медленная, как и речь его».

В 1911 г. Г.И. Комиссаров говорит: «По наружности чуваша делятся на брюнетов с черными, довольно жесткими волосами, черными глазами, смуглым цветом кожи, и на блондинов с голубыми или серыми глазами, светлыми волосами и белым цветом тела. Есть также шатены и нечистые брюнеты, белотелые и часто светлоглазые. Цвет глаз представляет большое разнообразие: кроме черных и голубых глаз встречаются весьма часто темно-карие, светло-карие, серые и даже желтые глаза. Волосы тоже далеко не у всех жесткие и гладкие: есть также волосы курчавые и мягкие, с кудрями. Растительность на подбородке у одних весьма жидкая, но есть чуваша и с бородами. По цвету волос встречаются и рыжие, и чисто рыжие приблизительно до полпроцента. По устройству черепа антропологи делят чуваш на длинноголовых и короткоголовых».

Каждый из этих авторов, наблюдавший чуваш, по-своему был прав. Однако же настоятельно надобность в более детальном и систематическом исследовании и описании чуваш в антропологическом отношении. Вместе с сим следовало бы выяснить антропологическое отношение чуваша и к соседям их: черемисам и татарам, значительное влияние которых достаточно сказалось и на языке чуваша.

Глава IV

Деление чуваша на группы

Одни ученые делят чувашский народ на 2 группы: чуваш первой группы называют «вир ял чаваш» — верховые чуваша, а чуваш второй группы — «анатри чаваш» — низовые чуваша.

Н.В. Никольский к верховым чувашам относит чуваш Ядринского уезда, Козьмодемьянского уезда, северной половины Чебоксарского уезда Казанской губ., а также чуваш Курмышского уезда Симбирской губ. и Васильсурского Нижегородской, к низовым же чувашам относит чуваш остальных, ниже Чебоксар, местностей.

Г.И. Комиссаров, находя такое деление чувашского народа только на 2 группы не особенно точным и определенным, вводит в деление для большей точности и определенно-

сти еще третью группу, так сказать среднего между первой и второй. Чуваш этой группы он называет «анат енчи чăвашем» — средненизовые чуваша. Чуваша названных трех групп отличаются друг от друга и по диалектам, и по костюмам. По русской терминологии верховой диалект чувашского языка мог бы быть назван окающим, а низовой — укающим. По окающему (верховому, *вир ял*) диалекту составлен «Корневой чувашско-русский словарь» (Казань, 1875) Н.И. Золотницкого, а по укающему (низовому, *анатри*) диалекту — «Краткий чувашско-русский словарь» (Казань, 1919) Н.В. Никольского. Г.И. Комиссаров географически распределяет 3 группы чувашского народа таким образом:

Верховые чуваша (*вир ял чăвашем*) занимают западную часть Казанского Заволжья и в то же время главной, так сказать, Чувашландии, именно: уезды Ядринский, Козьмодемьянский, западную окраину Чебоксарского уезда Казанской губ. и Курмышский уезд Симбирской губ. Тонкие исследователи языка и быта чуваш «вир ял» делят их на три подгруппы, а территорию, занимаемую ими, на три района. Первый из этих районов занимает местность в северо-западной части главной Чувашландии, захватывая части уездов Козьмодемьянского и Ядринского, граничит с западной стороны [с] р. Сурой, с юга — р. Вылоу и ее притоком Орбашкой; на востоке граница его переходит около дер. Хыркасы в Козьмодемьянский уезд и направляется к северу до самой Волги. Второй район, наиболее обширный из всех трех районов, лежит к юго-востоку от первого, с северо-запада граничит [с] территорией чуваш «вир ял» первой подгруппы, с запада [с] р. Сурой, с севера — р. Волгой, с востока — чувашами группы «анат енчи», с юго-востока — р. Б. Цивилем. Эта, вторая, подгруппа включает в себе значительную часть ядринских, курмышских и небольшую часть козьмодемьянских и чебоксарских чуваш. Третий район обитания чуваш «вир ял» представляет часть Ядринского уезда между р. Б. Цивилем и речкой Хирлепкой, с одной стороны верховьями р. М. Цивилия и с другой — чувашами «анат енчи».

Средненизовые чуваша (*анат енчи чăвашем*) живут главным образом в Чебоксарском уезде, где занимают, точнее говоря, волости: Алымкасинскую, Акулевскую, Посадско-Сотниковскую, Покровскую и часть волостей Чебоксарской, Тогашевской и Воскресенской. В небольшом количестве живут также в уездах Цивильском и Ядринском, главным образом в волостях Цивильской, Чуратчинской, Чебаевской, Шибылгинской и Тойсинской. Занимаемая чувашами группы «анат енчи» территория в направлении к югу постепенно суживается и, начиная от сел Челов Ядринского уезда и Именево Цивильского, представляет лишь узкую полосу земли, тянущуюся до села Орауш Ядринского уезда. Полоса эта, начавшись в Ядринском уезде, в направлении к северу идет то заходя в Цивильский уезд, то опять возвращаясь в Ядринский. Западная граница района расселения чуваш «анат енчи» от села Челов идет на село Именево, деревни Юськасы, Чиршкасы, Актай, Хоронзор, село Богатырево, деревни Хыркасы, Ойкасы, Тяптикасы, Вурманкасы, Платки, Янгильдино, Шинер, Кугесево и село Синьялы. Восточная граница от села Челов идет приблизительно в таком направлении: сначала на деревни Вурманкасы, Шорга, Янгорчино, Кунашево, потом на город Цивильск, дер. Тувси и села Кошки и Сотниково. Полоса не совсем чистых «анат енчи», захватывая села Бичурино и Байгулово, выходит к Волге около Звениговского Затона. Восточную границу с точностью определить несколько трудно, так как и в отношении языка, и в отношении костюма средненизовые чуваша («анат енчи») и чистонизовые («анатри») почти сходятся: переход от одних к другим совершается не резко, а постепенно. Чистые «анат енчи» в Чебоксарском уезде не заходят к востоку дальше сел Кошек (Чурашево) и Сотниково. Однако и настоящие «анатри» встречаются уже в восточной части названного уезда, именно в волостях Богородской и отчасти Никольской и Воскресенской. В промежутке между селами Кошки и Карачево живут чуваша, приближающиеся более к низовым, чем к средненизовым.

Наконец, **третья группа чуваш**, называемая «*анатри*», населяет юго-восточную половину Казанского Заволжья, занимая уезды Тетюшский, Свияжский и Буинский, а также значительную часть Цивильского и незначительную — Чебоксарского и Ядринского. Так как чуваша этой группы ближе к Казани, чем другие, то об них и в русской литературе говорится больше, нежели о чувашах других групп.

Чуваши, имеющиеся в других губерниях, выселились из Казанского края, с частью Симбирской губ., как из центра Чувашландии, и доньне сохранили в языке и costume данные, по которым можно отнести этих эмигрантов к той или иной из вышеуказанных трех групп.

Систематическое всестороннее обследование чуваш, вышедших из Казанского края с частью Симбирской губ., относящихся по своим этнографическим особенностям более к Казани, нежели к Симбирску, могло бы показать ясно, кто и откуда выселился и что сохраняет у себя до сих пор, как память о своей родине.

Глава V

Описание чувашского костюма

Чувашский костюм описывается разными авторами следующим образом.

И.Н. Смирнов, собиравший образцы костюмов для музеев Казани, Москвы и Петрограда, замечает между прочим, что верховые и низовые чувашы отличаются друг от друга не только самою одеждою, но и рисунками вышивок на ней. В повседневной одежде чуваш «анатри» заметен, говорит И.Н. Смирнов, тяготение к употреблению цветной самодельной пестрядины, что является чертою сравнительно позднего происхождения. Далее, рубашка у верховых чувашек украшается узкими вышивками по разрезу на груди и по плечам, а у низовых чувашек украшается двумя изящно вышитыми шелком фигурами по обе стороны разреза и звездой или полосами во всю длину рукава от плеч до кисти, вышитыми и разделенными узенькой лентой. Другим отличием костюма низовых чувашек от костюма верховых является головной убор и поясные украшения. Низовые чувашки кроме сорбана, служащего убором замужней женщины и у верховых, носят еще на голове другую повязку, которая называется чалмой и навязывается действительно как мусульманская чалма, в чем нельзя не видеть татарского влияния. Белая чалма, белый, с расшитыми, так сказать, кулачными концами, сорбан, далеко ниспадающий с головы, придают низовой чувашке, по сравнению с верховой, картинный восточный вид. Поясные украшения низовых чувашек состоят, при повседневном костюме, из куска холста вершка в 2—3 шириной и вершка в 4—5 длиной, от которого в обе стороны идут холщовые же тесьмы — нечто в роде «передника стыдливости» у южных дикарей. Этот передник прикрепляется сзади. В парадном костюме у замужней женщины украшения несколько сложнее: основу составляет треугольник, вышитый и опушенный бисерными нитями и заменяющий собою «передник»; на тесьмы, которыми этот треугольник опоясывается, надеваются, спадая на бедра, узкие набедренники, украшенные цветными прошивками и кумачом; сверх треугольника и набедренников зад костюма низовой чувашки украшается еще двумя вышитыми кусками холста, которые сшиты на одном конце, имеют каждый кусок тесьмы на другом и расходятся, образуя тупой, широкий угол над треугольником. У верховых чувашей треугольника нет, набедренников больше и тесьма, на которой они держатся, маскируется широким синим шерстяным поясом, богато расшитым шелками по краям. С особенной тщательностью чувашки расшивают вещи, имеющие ритуальное значение, это — большие и малые покрывала невесты, треугольные платки и полотенца, которыми украшаются плечи кафтана у жениха.

В расшивании всех этих принадлежностей костюма чувашки обнаруживают еще большую виртуозность, чем мужчины — в резьбе черпаков. О богатстве их фантазии может дать понятие тот факт, что И.Н. Смирнов составил в низово-чувашском краю для одного только музея имени Александра III коллекцию почти из пятисот грудных вышивок, — и в этой коллекции нет дублетов, хотя количество основных орнаментальных мотивов не особенно велико. Сравнение вышивок у верховых и низовых чувашек показывает, что у низовых чувашек этих основных мотивов больше, чем у верховых: у них в большом употреблении растительный орнамент и меньшем — животный. В орнаменте видим — по середине дерево, а по сторонам его симметрично поставленные одна против другой фигуры животных и птиц. У верховых чувашек преобладает: стилизованная розетка и богато разработанный крест. Толчок к проявлению художественных сил дан, надо полагать, извне, но не с северо-запада, а с юго-востока, из Азии. Уже В.В. Стасов в своем труде «Славянский и восточный орнамент» (СПб., 1887) указал на зависимость русского орнамента от восточного и на ту посредническую роль, которую играли в распространении орнамента урало-алтайские насельники Поволжья. Кол-

лекции музея имени Александра III, собранные в Средней Азии художниками Н.Е. Симаковым, Н.М. Могиланским и С.М. Дудиным, в Поволжье И.Н. Смирновым и другими лицами, подтверждают основное положение В.В. Стасова и дают возможность установить, что главная роль в передаче азиатских, иранских, мотивов на запад принадлежит именно чувашам «анатри», у которых упомянутые мотивы орнаментов встречаются в наибольшем разнообразии; распространяясь далее на запад, эти мотивы убывают; ни у мордвы, ни у черемис растительный и животный орнаменты не имеют, напр., такого широкого употребления, как у чуваш.

Другой автор, Н.В. Никольский, описывает чувашский костюм в исторической последовательности и по временам года. Древние чувашки, замечает он, носили кожу животных в зимнее время, не отделявая ее. В XVIII веке чувашки носили: *кёпе-йём*, *шунёр*, *ама*, *шуххеме*, *хушту*, *тевет*, *сурпан*, *масмак*, крымский колпак; у мужчин же прежняя одежда была одинакова с теперешней. Нынешний праздничный наряд мужчины-парня: молескиновый кафтан с вышивками на отворотах по тамбуру, а в Цивильском уезде употребляется красная ситцевая рубаха и шелковый платок. Обыкновенную одежду чувашина составляет в летнюю пору: фуражка, рубаха и панталоны из самотканого холста, пояс, онучи белые и черные и лапти. У более состоятельного чувашина рубаха и панталоны шьются из самотканого холста или из купленной материи. В некоторых местах принято окрашивание платья в темно-синий цвет. Носят портянки и сапоги. В зимнее время этот туалет дополняется шапкой, кафтаном или полушубком, кушаком и рукавицами. Женщина делает свой туалет в летнюю пору: из обычных *кёпе-йём*, сшитых особенным образом, рубашка подвязывается, а на ноги надеваются онучи белые и черные (у верховых чуваш) и лапти; грудь украшается *амой*, у более состоятельных употребляется *шуххеме*, *алка*; у всех вообще — *сарё*, *сурпан*, *шунёр*. У девушек наряд тот же, за исключением *масмака* и *сурпана*. Одежда и обувь делаются в разных местах поразному. В Тетюшском уезде ее шьют на общие средства мужчины и женщины, а в некоторых местах мужчины приобретают на свои средства, а женщины — на свои. Те чувашки, у коих дома мало работников, даже холст должны приобретать у людей; предпочитают однако самодельную одежду. Среди молодежи распространяется обыкновение одеваться на русский лад: ей приходится покупать у русских картуз, молескин, чулки, сапоги и пр.

Любимый цвет одежды у чуваш желтый и белый. Чувашки предпочитают всем остальным зеленые бусы.

Красивым нарядом девушки в Ядринском уезде считается тот, в который вошли: рубашка из тонкого полотна, новые лапти, черные онучи, пояс, *сарё*, *шуххеме*, *ама*, *сұха-шёрса*, *сұтё-май* *сыххи*, на голове *тухья*, платок; если платок не надевается, то к ушам подвешиваются две серебряные большие монеты. У женщин тот же туалет, только вместо *сұха-сурбан* на голову надевается *масмак*, украшается голова сзади, под *аму* на груди вешают *шуххеме*.

Красивым нарядом мужчины считается русская одежда. Чувашки, живущие совместно с татарами, носят нередко одежду татарскую. Необходимую принадлежностью крестьянина является тюбетейка, причем пояс выходит (в таком случае) из употребления. Русская одежда замечается среди тех чуваш, которые живут поближе к культурным центрам — городам. Труднее увидеть в русском костюме чувашскую женщину. В русский сарафан обряжается 1 из 100.

Третий из писателей, Г.И. Комиссаров, находит возможным делить чуваш по костюму на районы. Чувашки верховые «вир ял», живущие ближе к черемисам, носят костюмы белые, напоминающие черемисские. Зимой у мужчин: желтые овчинные шубы и тулупы, белые онучи, валенки местной работы, белые или черные *чапаны*, а летом у мужчин: белые или черные кафтаны или кафтанчики, белые холщовые куртки, портянки в короткоголовых лаптях или сапогах, фуражки или кожаные, чаще суконные шляпы. Нижнее платье состоит из белой холщовой рубашки и таких же штанов. Замужние женщины зимой носят овчинные шубы, такие же тулупы, белые кафтаны, а также *чапаны* без воротника, валенки или черные онучи в лаптях с маленькими головками; на голове — шали или платки, поверх которых надевают черные, а местами белые, так называемые крымские, шапки. Летом женщины «вир ялки» пользуются белыми кафтанами, но обычно носят *шопёр*, т.е. кафтанчики из тонкого белого холста. Ноги обувают в портянки, но это — только дома; в церковь же, на базар или в гости

всегда ходят обутые в черные онучи, которых бывает две пары: одними обертывают ступни ног, а другими голени; от этого ноги получаются очень толстые, и это чувашам «вир ял» очень нравится. Местами в ходу кожаные сапоги, которые у щеголей бывают со скрипом. Костюм женщины «вир ялки», если сбросить верхнее платье, представляется в следующем виде: на голове *масмак*, т.е. вышитая и украшенная узорами толстая и довольно широкая лента, которая перекидывается через голову от виска до виска; шея обернута *сорпаном*, своего рода полотенцем с вытканными или вышитыми краями и концами, из которых один, а у чувашек некоторых местностей — два ниспускаются по спине и прикрепляются к поясу. Под ушами сорпан прикрепляется к шее особыми булавками (*ноç йёппи*), которые связываются лентой (*ноç йёппи кантри*). Рубаха всегда белая; в некоторых районах нижние края ее, а также края рукавов вышиваются и оторачиваются тесьмами с кружевами. Ее носят высоко, причем ноги почти до колен бывают открыты. Рубаха стягивается поясом. Поверх рубахи надевается спереди *саппан* — фартук или передник, нижние края которого вышиваются и украшаются кружевами. *Саппан* перепоясывается широким, лентообразным, шелковым или шерстяным, поясом (*хырём оли* или *хырём орли*). Поверх же саппана на груди носят *шўлкеме*, состоящий из двух кожаных четверугольников, покрытых серебряными монетами и украшенных мелкими бусами и раковинками (*хортпоçи*). На *шўлкеме* ниспускается носимый на шее *хёрес сакки*, представляющий из себя соединенную концами кожаную ленту, к которой пришиваются серебряные монеты, иногда в один ряд, иногда в два; к концу его, ниспускаемому вперед, прикрепляется металлический крест (большой), который часто заменяется одной или тремя большими серебряными монетами. Крест этот иногда носят просто на шелковой или бумажной ленте. Сзади, на шее, принято носить *ноç хысё*, прикрепляемый к *хёрес кантри* и представляющий из себя тоже кожаную ленту, покрытую серебряными монетами. Вместе с *хёрес кантри* носят на груди еще металлическую цепь из польского серебра, называющуюся *вёчёр* или *чеплўшке*. Цепь эта один раз обертывается вокруг шеи, потом опускается на грудь. Кроме того, на шее носят еще *ама*, монисто в виде ожерелья. *Ама* часто, в особенности у девиц, имеет добавление в виде недлинной, но широкой кожаной ленты с монетами, пришиваемой перпендикулярно к полукруглому венку главной части мониста. На шее, под ушами, с обеих сторон ставятся, хотя и не везде, *алка* — рожки, составленные из 5—6 согнутых по обоим концам палочек из польского серебра, имеющих форму ушных раковин. Помимо всего этого, в некоторых местах носят еще *холха тенки* (ушные монеты), т.е. наушники из монет, носимые как бы вместо серег и надеваемые на уши. На рубахе в некоторых местах носят еще второй пояс, к которому с боков прикрепляют по одному или по несколько *саря*, т.е. вышитых платков продолговато-четверугольной формы, а сзади *хўре* (хвост), состоящий из нескольких (3—6) медных трубочек, сквозь которые продеты черные нитки, образующие гриву. На бедрах носят, кроме того, *енчёк* или *яркёсё*, представляющий из себя украшенные кончики пояса с кисточками. Голова в теплой комнате и летом бывает открыта, волосы заплетаются в две косы (*сивёт* или *сўс тони*), которые прикрываются *сорпаном*. Только во время работ голова повязывается платком. Впрочем, в настоящее время женщины довольно часто стали прибегать к платкам.

Костюм молодухек отличается от костюма женщины вообще тем, что у них для ношения поверх нижних нарядов бывает черный суконный кафтанчик (халат, *постав*, *кёвак*), да еще в некоторых местах все еще не вышел из употребления *хошту*, головной убор в виде венка, состоящий из нескольких (3—4) рядов серебряных монет. На поясе молодухи носят обычно цветные шелковые платки. Костюм *той арёмё* (свадебной дамы) вполне совпадает с костюмом молодухи, с той лишь разницей, что *той арёмё* накидывает через плечи на спину шелковый платок. Как молодуха (*сёнё сын*), так и свадебная дама имеют обычно сапоги. Костюм девушки-«вир ялки» отличается от костюма замужней женщины отсутствием *сорпана*, *масмака*, *сорпан хысё*, *ноç йёппи кантри*, *саря*, *хошту*. Сапоги у девушки встречаются редко, шуба тоже достается им не скоро, а только по достижении ими совершеннолетия. С открытой головой девушка-«вир ялка» ходит редко: она чаще всего повязывается платком белого, черного или другого цвета. Коса девушки обычно одна, заплетается она лентами (*шйши хўри*), которые привязываются к поясу. Вследствие этого девушке всегда чувствительно, когда она наклоняется, и она как бы поневоле приучается держать голову прямо. Нет у де-

вушки кафтанчика, но бусы составляют обычную ее принадлежность. Девушки-чувашки большие охотницы до ношения серег, колец и перстней. Часто *саппан*, *хёрес кантри*, *ама*, *хыръм орли* надеваются на *шопёр*. Вообще о полном костюме женщины-«вир ялки» или даже вообще замужней чувашки следует сказать, что он, при всей своей кажущейся незатейливости, чрезвычайно сложен и стоит дорого, ввиду большого количества вышивок и монет, употребляющихся в нем. Горожанки национальным костюмом не пользуются, а только крестьянки.

Выше было говорено, что чувашки-«вир ял» могут быть разделены на 3 подгруппы, а занимаемую ими территорию на 3 района, которые и были обозначены почти точно. Здесь можно добавить относительно чуваш всех 3 подгрупп следующее: чувашки первой подгруппы отличаются крайней привязанностью к белому, причем вышивок почти нет никаких, воротнички рубаш обычно чисто-белые, рубахи и фартуки украшаются обычно только кружевами и тесьмами преобладающего белого цвета. *Сорпаны* женщины носят так, что оба конца их протягивают по спине в развернутом виде. Чувашки-«вир ял» второй подгруппы довольно привержены к вышивкам и ярким узорам. *Сорпаны* женщины носят так, что по спине протягивается лишь один конец *сорпана*, который при этом бывает в полузавитом виде. Среди чуваш третьей подгруппы в большом распространении черные кафтаны и обычай женщин носить на голове платки, повязанные чалмою и, кроме того, у замужних женщин широкие *посхысё*. Вышивки у них — обычное явление, и они по характеру несколько отличаются от вышивок, распространенных в других местах.

Костюм у чуваш средненизовых («анат енчи») вообще белый. У мужчин те же платья, что и у чуваш-«вир ял». Только кафтаны у «анат енчи» бывают не одного цвета, хотя преобладающим остается белый. Воротнички и нижние края у рубаш вышиваются или, что чаще всего, оторачиваются тесьмами. Штаны, если нет черных шароваров, бывают белые или синие. Зимнюю состоятельную носят так называемые крымские шапки, онучи белые, головки у лаптей уж не такие маленькие, как у лаптей «вир ял». Праздничный костюм замужней женщины таков: на голове *масмак*, широкий *сорпан*, закрывающий затылок и уши, с концами, из которых один кладется на плечо, а другой закладывается за пояс. Рубахи — довольно длинные. Наплечные узоры представляют вышивки, к которым пришиваются тесьма или красные ленты, опускающиеся на грудь и образующие круги или четырехугольники, называемые *күсле*. Кроме того, макушки плеч увенчиваются продолговато-круглыми вышитыми узорами, называемыми *холтёрмачё*. Нижние края рубаш обязательно вышиваются и убираются лентами, тесьмами или кружевами. На рубаху спереди надевают *саппан*, вышитый и украшенный тесьмами и кружевами, или же просто из базарной яркой материи. На груди носят *сорпан сакки*, соответствующий *шўлкеме* «вир ялок» и отличающийся от последнего тем, что бывает гораздо уже, но имеет вешалку, накидываемую на шею, и кожаную покрытую монетами ленту, одним концом своим пришиваемую к середине верхнего края главной части *сорпан сакки*, а другим концом пристегивающуюся к передней части *сорпана* (*сорпан сохалё*); потом *хёрес кантри* (или *ама*); два пояса, из коих один стягивает талию, а другой — грудь. Носят и *шопёр*. Платки в меньшем употреблении, нежели у чувашек-«вир ялок». *Хўре* и *сарё* выходят из употребления. Онучи черные, но ноги обертывают ими нетолсто. Молодушки, кроме того, носят *хошпу*, в виде усеченного конуса, и кафтанчики (*кёвак* или *постав*), а на ноги надевают либо сапоги, либо ботинки. *Той арёмё* (свадебная женщина) к костюму молодухи прибавляет еще накидку (*той ситти*).

В 70-х годах XVIII века употреблялись еще: красные платки, прикреплявшиеся с боку, под мышками, и *тевет* — убранный монетами, нохратками и раковинками лента, для ношения через левое плечо, подобно орденским лентам. Это — принадлежность молодух (*сёнё сын*) и свадебных женщин. Кроме того, был в ходу и до сих пор существует местами *холха сакки*, это — составленная из бус и монет цепочка в аршин длиною, носимая на груди и надеваемая концами своими в петли, пришиваемые с боков к *хошпу*.

Хошпу есть праздничное головное украшение замужней женщины, преимущественно молодухи, состоящее из кожаного венка, покрытого несколькими рядами серебряных монет. Зимний костюм чувашек «анат енчи» обращает на себя внимание тем, что у них в большом употреблении так называемые крымские шапки. Девушки носят ботинки, *ама*, бусы (*шёрса*) и *шўлкеме*. На голове в прежние времена носили *тохья*, т.е. маленький колпак из

цветной материи, унизанный мелкими бусами разных цветов и серебряными монетами; в настоящее время носят платки. В восточной части территории, занимаемой чувашами «анат енчи», распространены ярко-цветные рубахи — красные и розовые. Это объясняется пристрастием здешних чувашек к базарным фабричным изделиям. На юге же, где чувашаи «анат енчи» живут только узкой полосой, почти смешиваясь с восточными и верховыми, приблизительно до села Алманчина, костюм женщин отличается от костюма чисто средненизовых чувашек тем, что поверх *сорпана* сзади, на затылке, вместо цепочки носят *сорпан хысĕ*, который представляет из себя кожаную ленту, покрытую 3—4 рядами серебряных монет. Поэтому этих чувашек называют *сорпан хысĕ* (с засорпаньем). Вообще чувашаи «анат енчи» по костюму имеют более общего с чувашами «анатри», нежели с чувашами «вир ял».

В костюме чуваш «анатри» (низовых) отличительным признаком надо считать узкие, но длинные, красные или синие рубахи, черные кафтаны; сплюснутые с боков «хошпу»; у девиц и даже девочек *тохья* и широкие *ама*. *Тохья* в таком широком распространении не повсеместно среди низовых чуваш: местами его заменяет чалма. Чувашки, носящие *тохья*, начинают рано носить косы, лет с 8—9. Замужние женщины *сорпаны* но-* <...>

Глава VI Жилища чуваш

<...> нями, большими и маленькими. Еще во времена историка Г.Ф. Миллера бывали деревни в 20, 80, 100 дворов. Однако новейшие поселения состоят иногда из одного, двух или трех хуторов. Старинные селения, во избежание нападений врага и вообще посещения чужих людей, часто основывались в дебрях или лесах, в долинах и оврагах, однако же возле проточной воды. Большая часть старинных селений бывают заметны проезжающему только при подъезде к ним вплотную. При селениях поблизости бывают рощи.

По плану чувашское селение первоначально представляло вид овала, состоящего из ряда меньших овалов. Подобная распланировка дворов в селении объясняется требованиями строя чувашской семьи. Чувашаи почитают своих стариков, глав семейств и родоначальников и работают семьями. Центр овала занимает родоначальник, а вокруг селятся старшие и младшие члены семьи, размещаясь как бы по радиусам. Члены семьи, образуя собственные семейные очаги, вместе с тем образовывали и новые семейные овалы, примыкавшие к центру воротами или калитками. Под влиянием русских чувашаи стали строиться за последнее столетие уже улицами, принимающими более и более правильный вид. По бокам улиц, а иногда и посередине, идут деревья: ветлы, осины, рябины, березы, липы, дубы, словом, тот род деревьев, который можно достать поближе. Как и у русских, в чувашские деревни ведут ворота, ибо за деревней сейчас же начинается пашня, которую надо беречь от скота, обнёсши деревню изгородью.

Переходя к жилищу, нужно заметить, что по сказкам первоначальное жилище у чуваш было 3-угольное, т.е. такое же, какое ныне видим, например, у обитателей тундр и снегов летом: 3 шеста, раздвинутые внизу и связанные сверху, а сверху прикрытые корой или шкурами. В дальнейшем развитии 3-угольная лачуга перешла в 6—8-угольную и остановилась на круге, который сменился впоследствии под русским влиянием жилищем 4-угольной формы, сначала без потолка и пола, а потом с тем и другим.

Первоначальное чувашское жилище строилось дверями на юг, как у монголов, и на восток, как у сибирских татар, и с отверстием для выхода дыма. По свидетельству арабов, посещавших Поволжье, в X веке народ буртас имел уже деревянные дома, а болгары жили еще в шатрах. Последнее сообщение можно распространить и на чуваш, как входивших в состав болгар.

Об основном типе древнего чувашского дома можно судить по той легкой постройке, которая ныне имеется почти на каждом чувашском дворе, это — так называемая «лазь», бревчатый 4-угольный сруб, не имеющий ни окон, ни потолка, ни пола, имеющий огнище, вместо печи, посередине, дырявую, дающую выход для дыма, крышу, и маленькую дверь по фасаду. В пользу древности «лази», помимо примитивности формы, говорят обычаи, донныне

* Примечание И.Д. Никитина: «Здесь одной страницы нет».

практикующиеся в торжественные моменты жизни у чуваш. При осеннем молении нового хлеба чуваша в доме, имеющем уже окна, по старому обычаю обращаются лицом к отворенной двери и бросают кусочки хлеба на печь, как они прежде бросали эти кусочки на огонь, разведенный на земляном полу посредине избы, и как ныне делают шаманисты южной Сибири (в губерниях Томской, Енисейской и Иркутской), бросающие пред приемом пищи 2—3 кусочка хлеба и мяса и 2—3 капли водки в огонь, как жертву духу огня, покровительнице семейного очага. Дверь, в роли предполагаемого единственного источника света для избы, является и в других религиозных обрядах, например, в обрядах, связанных с браком, погребением и поминками: к двери подходит для произнесения молитвы жрец (йомзи: *йумçă/йомçă*), к двери обращаются лицом и все участники моления. Огонь, разведенный на полу такого дома, в прежнее время поддерживался неугасимо; производить его новых хранителей было целью семьи. «Чтобы избыной дым не похолодел», бездетный чувашин еще не так давно отдавал дом и имущество чужому, который в этом случае принимал на себя обязанность поддерживать огонь очага.

По типу «лази» без сеней, дверью на восток, тоже не особенно давно устраивалась у чуваш также теплая зимняя изба с печью, потолком и полом. От современной избы русского типа старая чувашская изба, помимо отсутствия сеней, отличается еще тем, что по фасаду над окнами часто не имеет карниза. Кроме того, так называемая матка, или матица, положена в ней не поперек, а вдоль сруба. В стене, противоположной к двери, прорезано ближе к правому переднему углу от двери или одно окно, или одно большое и одно волоковое окно. Иногда в этой стене бывает даже только одно волоковое окно, а большое выходит на двор. Клеть или чулан, если они имеются, в старых чувашских домах соединяются иначе, чем в домах русских: в русских клеть ставится против избы чрез сени, в старых же чувашских чулан-сени (по Н.И. Золотницкому: *нулдур*, по Н.В. Никольскому: *năntăp*) пристраиваются сбоку, а его крыша частью подходит под выступ избыной крыши.

Последним словом в истории чувашского жилища является современная нам изба русского типа, которая, по словам А.Ф. Риттиха, в Казанской губ. стала прививаться лишь со 2-й ^{1/4} XIX века. Курные избы, которые в былое время немало влияли на распространение у чуваш глазных болезней, ныне почти все уже заменились белыми, по-русски, с хорошим деревянным вместо глиняного полом и с хорошей кирпичной печкой вместо глинобитной. Окно, одно или несколько, прежде затягивалось коровьим пузырем, ныне же оно уже со стеклами.

Однако же, вдали от русского влияния жилищами у чуваш все еще являются черные избы. По словам Н.В. Никольского, избы «по-белому» распространены, почти на половину, в некоторых уездах Казанской губ., например, в Ядринском, Цивильском и Чебоксарском. Избы у чуваш среднего и нижнего достатка в зимнее время бывают полны и людей, и скота, так что мужику и бабе, дитяти и юноше, всем до одного, приходится дышать одним и тем же воздухом, которым дышат ягнята, гуси, телята, утки, свиньи и пр., почему неудивительно, что среди чуваш предрасположенность к легочным заболеваниям распространена так сильно. В деле улучшения обстановки чувашина будет еще немало забот правительству.

Во многих селениях чуваша по летам живут не в избах, а в лачугах. Посредине лачуги устраивается очаг, над которым висит на крюке котел с пищей. Кругом стен стоят лавки, около двери в углу стоит стол, а кругом его обрубки бревен вместо стульев. Избы строятся из бревен, проконопаченных мхом или паклей, а лачуги — без конопатки.

В чувашском зимнем жилище обстановка состоит из следующих предметов: одни чуваша под татарским-магометанским влиянием имеют нары и поднарья (по Н.И. Золотницкому: *сак* и *сакайы*, по Н.В. Никольскому: *сак* и *сакай*), а другие чуваша имеют лавки и скамейки. На нарах чуваша спят, сидят и едят, как татары, а под нарами складывают всякие хозяйственные принадлежности. Чуваша, живущие в избах русского типа, имеют столы и стулья, либо своего изделия, либо русского.

Хозяйственная обстановка современного нам чувашского дома, состоящая из мебели, посуды, а также орудия труда и передвижения, все это раскрывает перед нами, как и самый дом, страницу культурной истории труда чувашина. Есть у чуваш такие вещи, которые по формам и способам изготовления выходят к начальным моментам техники: таковы, например, чашки, черпаки, приготавливаемые из опухолообразных наростов на дереве, чаще всего на

дубе и березе. Обрубаются, очищаются и выдалбливаются один такой нарост, — и получается чашка; обрубаются с частью прилегающей древесины, очищаются и выдалбливаются другой нарост, — и выходит черпак.

На этой стадии развития техники чувашин еще не творит форм, — он только приспособляет к своим потребностям формы, так сказать, уже готовые от природы. То же можно сказать до известной степени о примитивных мялках для конопля, о ступках для толчения соли и для обделки крупы, а также о ступках большого размера для обработки сукна, о ступках — солоничах, приспособленных к перевозке и переноске (при помощи ушка на одном конце), о длинных, узких корытцах для толчения белья и пр.

Крупным шагом вперед, в смысле господства мастера над материалом, являются произведения зарождающейся художественной промышленности, именно: черпачки для пива, т.е. маленькие ковши (по Н.И. Золотницкому: *корга*, по Н.В. Никольскому: *курка*), украшенные разнообразной резьбой. Черпачки эти — главный показатель эстетических потребностей чувашина, вкусов и способностей его. В то время, как русский человек, при благоприятных условиях жизни, в наружное украшение своего жилища вкладывает все запасы своей эстетики, в виде разнообразной резьбы на полотенцах крыши, на карнизах дома и окон и на воротах, чувашин, пренебрегая красотой жилища, вкладывает свои художественные силы в производство изящной на его вкус утвари, посуды и костюма. Здесь чувашин развертывает все богатство своей фантазии. Обозревший богатое собрание чувашских черпаков музея имени Александра III в Петрограде и губернского музея в Казани, не говоря уже о разнообразных вышивках на костюмах в обоих этих музеях и в атласе Н.Е. Симакова в Румянцевском музее в Москве, несомненно признает за чувашами в этой отрасли художественно-промышленного труда значительную степень виртуозности.

С большим умением чувашин варьирует несложный по своей основе животный орнамент в виде фигуры птиц и животных, с примесью иногда орнамента растительного. Не вполне выясненным остается вопрос, при каких условиях возник этот момент в техническом развитии чуваш: явился ли он выражением потребностей самого народа, или толчок пришел извне и только разбудил, так сказать, еще дремавшие художественные способности. Сопоставление чувашских изделий с аналогичными скандинавскими дает основание думать, что толчок дан был с севера, именно: произведениями скандинавской промышленности, которые могли попадать к предкам чуваш от торговавших с ними, при посредстве Новгорода, вези и эрзи, варяго-руссос, а также чрез древнюю Пермь (Биармию). Так как по сагам последнее путешествие скандинавов к берегам Белого моря было в 1222 году, то, следовательно, влияние скандинавской художественности на чувашские произведения должно быть ограничено временем прибытия на бассейн Волги монголо-татар, и дальше мы должны видеть уже влияние восточное, древнее монголо-татарское.

Другим родом художественно-промышленной деятельности, в котором развернулись художественные силы женской половины чувашского народа, является украшение одежды вышивками. Знатоки вышивок признают, что низовые чуваша от верховых отличаются не только по диалектическим особенностям языка, но и по вышивкам: по вышивкам они сразу узнают, где сказывается влияние скандинавское или черемисское, где влияние русское или монгольско-татарское.

Стенные украшения избы у чуваш, живущих подле русских, состоят из картин религиозного и исторического содержания, а у чуваш, живущих между татарами, на стенах не бывает ничего художественного.

При постройке дома татары и чуваша в древности клали под фундамент собаку или волка, а китайцы — человека. Впоследствии татары клали под дом восточные металлические зеркала с животными орнаментами, симулируя этим закапывание животных.

Надворные постройки у чуваш те же, что и у татар и русских: сараи, амбары, погреба, хлева и пр.

Глава VII Семейный и родовой быт чуваш

Современный семейный и родовой быт чувашского народа характеризуется преобладанием воли отца и тенденцией к проживанию малыми семьями. Народная поэзия и пережитки прошлого в верованиях и культе дают возможность реставрировать предшествующие моменты в истории чувашской семьи. Тот факт, что дух — покровитель дома является у чуваш женщиной и что моление тому духу возносится именно хозяйкой, свидетельствует, во-первых, о древнем матриархальном строе семьи, в котором жена или мать являлась средоточием или главою семьи, а во-вторых, об общности верований у чуваш и татар-язычников Южной Сибири и бурят. О былой жизни чуваш большими семьями или кровными союзами между прочим свидетельствует одна из формул брачного ритуала: «40 мужчин и 50 женщин привели мы на свадьбу, и ни одного чужого, — все братья и сестры». О том же говорит тип старых чувашских селений, разбитых на усадьбы или околотки, принадлежащие отдельным родственникам и примыкающие к центру, двору родоначальника.

Внутренние отношения членов большого кровного союза характеризуются преданием, записанным А.В. Рекеевым, что в старину люди женились на сестрах, и вытекающей из неупорядоченных половых отношений между членами рода системой и номенклатурой родственных отношений, до подробностей разъясненной Н.И. Золотницким*. По этой номенклатуре чувашин определяет свои отношения к членам рода, поставив себя в центр и разделяя остальных родичей, кроме отца и матери (*атте* и *анне*) на группу лиц старше его и на группу лиц моложе его. В той или другой группе могут оказаться, кроме старшего и младшего братьев (*ничче* и *шӑллӑм* по Н.В. Никольскому, *ничче* и *шылым* — по Н.И. Золотницкому), дяди, племянники, двоюродные братья, кроме сестер старшей и младшей (*акка* и *йӑмӑк* по Н.В. Никольскому, *акка* и *йымык* — по Н.И. Золотницкому), — тетки, племянницы, двоюродные сестры.

Индивидуализирование прав на женщину является у чуваш с переходом от эндогамии к экзогамии, т.е. от внутриведомственного брака к браку с женщинами другого племени, похищенными или купленными. В том и другом случае праву одного предшествовало совместное пользование приобретенной девушкой всеми участниками похищения, т.е. стадия полиандрии (многомужества). Намек на это заключается в том, что лиц, носящих название зятя или жениха, имеется несколько (*кӑрӑ каччи*); о том же говорит и современная практика похищения девушки — действительного, а не фиктивного.

В некоторых местах право у чуваш на похищенную устанавливается совершенным насильственно половым актом. Если жених не в состоянии сам установить этим путем свое право, он предоставляет дело более сильному из своих товарищей. Особая форма фактической полиандрии, в виде снохачества, должна была явиться с того момента, когда похищение уступило место купле, и когда девушка, как рабочая сила, стала приобретаться некоторым образом в запас для ребенка 5—6 лет. В настоящее время ни у христиан-чуваш, ни у язычников-чуваш жених не бывает уже моложе 12—14 лет, но воспоминания о времени, когда брали девушку для жениха-ребенка, еще живы в народной памяти.

Судьба ребенка в первые минуты после рождения находится в руках матери: фиктивная покупка новорожденного в тех семьях, где дети почему-либо не живут, и фиктивное же его выбрасывание указывают на судьбу хилого ребенка. Упоминаемое в преданиях истрепление третьего ребенка, в случае рождения тройней, говорит о судьбе лишних в семье детей. По свидетельству Н.В. Никольского, рождение детей у чуваш, а также воспитание и обучение — в общем однообразно. Роженица до родов не отличается от прочих женщин семьи: она по-прежнему исполняет домашние обязанности, до поднимания тяжестей включительно.

Появление на свет ребенка считается у чуваш благословением Божиим, особенно когда родится сын, так как он дает возможность получить при разделе земли лишнюю долю ее и увеличивает собою число рабочих рук в семье.

---

* На с. 119—141 сочинения «Корневой чувашско-русский словарь» (Казань, 1875).

В крестные зовут наиболее уважаемое лицо, по преимуществу однако из родственников. Уход за ребенком у чуваш, вообще говоря, не особенно хороший, не особенно рациональный. Это объясняется тем, что на женщин возлагается по хозяйству очень много обязанностей, из-за чего у них не остается времени для надлежащего ухода за детьми. К этому надобно добавить и то, что большей части детей у чуваш приходится страдать вместе с взрослыми от холода, дыма и дурного запаха в избе.

Особенностью воспитания детей у чуваш следует считать кормление ребенка грудью до 6—7 лет. Это хорошо до некоторой степени для ребенка, однако же нехорошо для матери; однако же и для ребенка не всегда хорошо, так как у матери молоко не всегда доброкачественное.

Чувашские ребята мало пользуются совершенной свободой, так их очень рано приучают к работе. Одежда у детей в общем та же, что и у взрослых. Игрушки у детей подражательного характера: соха, борона, мельница, телега, возы со снопами и пр.

Взрослые относятся к детям довольно внимательно, любят их, но особенно не балуют, учат их работе и грамоте. Не редкость у чуваш то, что с 7 лет дети пасут уже лошадей, скот, птицу и пр. Некоторые чувашки отдают своих детей для обучения ремеслам: сапожному, столярному и т.д.

По отношению к родителям и вообще к старшим по возрасту дети воспитываются в послушании и покорности, и такого озорства, какое позволяют себе русские дети, у чуваш не встретить. Какую картину, приятную и трогательную, видит человек в долгие зимние вечера при входе в чувашскую избу, где какой-нибудь малыш-грамотей читает в переднем углу книгу, а вся семья внимает его чтению!

Чем больше подрастают дети, тем больше выпадает на их долю работ по хозяйству, причем все работы, если есть в доме глава семьи, отец, мать или старший брат, распределяются по силам и умению каждого члена семьи: кто метет пол, кто таскает дрова или носит воду, кто ухаживает за птицей или скотом, кто возит снопы хлеба или копны сена и т.п.

В старину, как говорят народные предания, чувашки жили большими семьями, под управлением главы рода, старика-домохозяина, т.е. это была жизнь, так сказать, чисто патриархальная. В настоящее время былая патриархальность понемногу уже падает, — и женатые сыновья уже покидают отцовский дом и выделяются.

Что же касается брака, после которого образуется новая ячейка рода, новая семья, то он заключается у чуваш двояким образом: по-новому и по-старому. В древние времена, говорят предания, был у чуваш обычай выбирать невест с детства, но теперь такого обычая уже нет, хотя некоторые из экономических соображений и теперь намечают себе для сына невесту в том или другом месте. Нуждаясь в рабочих руках для семьи, чувашки женятся довольно рано, но чаще по исполнению 17 лет; только в многолюдных семействах, где особенной надобности в лишних рабочих руках еще не чувствуется, женятся [в] 25—30 лет.

Старая форма заключения брака у чуваш заключалась в похищении невесты, в похищении действительном, а не фиктивном. Похищение женщин, нередко подвергавшее опасности жизнь похищаемого, было единственным способом для него признавать добычу своею собственностью, и это вело к созданию одиночного брака и установлению права мужчины, т.е. патриархата в семье.

В древности между насильем и браком существовала прочная связь, укоренившаяся в памяти народов донныне. Множество свадебных обычаев, символически изображающих притворное похищение или увод женщины силой, до сих пор сохранилось в самых различных местностях земного шара, в особенности Европы и Азии. Символ похищения у разных народов видим и тогда, когда надобность в действительном похищении уже давно миновала. С течением времени похищение женщины или увод ее стали уже всеобщим обычаем и, перестав возбуждать враждебные столкновения между отдельными племенами, превратились в род покупки, причем родственники похищенной женщины для согласия на это похищение или для возмещения похищенного должны были получить тот или иной выкуп деньгами или скотом.

По словам знатоков чувашского быта, кража невест у чуваш была в употреблении с незапамятных времен. Однако же в настоящее время похищение невесты совершается чаще всего с целью избежания или больших расходов, или отказа родителей в согласии на брак.

Ныне и при похищении невесты, и при предварительном сватовстве требуется взаимное согласие жениха и невесты на брачный союз. При похищении невесты дело обставляется так: невеста идет в условленное место в деревню или вне деревни, сговаривается там с женихом, а потом, оставаясь дома, выбирает подходящее время, когда, например, родители невесты уезжают в гости. Тогда жених берет смелых и расторопных сверстников и едет к невесте. Тут молодцы подъезжают к задам двора, к гумну, и, узнавши, что родителей нет дома и что, следовательно, особенной опасности нет, берут ключ от амбара, таскают сообща в экипаж вещи невесты, составляющие ее приданое, и во здравие угощают подруг невесты, усаживают невесту и увозят в дом жениха, а еще чаще к будущему посаженному отцу (*хэйматлэх*, то же, что у татар *кыяматлык ата*), каковым обычно является крестный отец жениха. Оставив у жениха или еще чаще у посаженного отца невесту, жених направляется к членам церковного притча хлопотать о необходимых для заключения брака документах. Потом, не долго мешкая, венчаются в церкви, так что, когда хватятся своей дочери родители, дело бывает уже кончено: у жениха и его посаженного уже идет пир горою — поют и пляшут. Если есть опасность, что невесту могут увезти обратно, до совершения брака, то жених спешит вступить с невестой в супружескую связь или просто объявляет родителям невесты, что они уже опоздали. Тогда родители посердятся, побранятся — и только. Жених и его родня угостят сердитых пивом и водкой, и этим дело кончается. Иногда похищение невесты совершается с ведома ее родителей, когда они и жених боятся больших расходов и потому соглашаются не делать полной свадьбы.

Возраст обычаем не определен. Жених в старину бывал и 12—14 лет от роду, а невеста бывала всегда старше его. Ныне родители стараются не выдавать дочь замуж возможно дольше. В прежние времена, когда 5—7-летний жених брал 28—30-летнюю невесту, последняя играла скорее роль стряпухи и швеи, нежели жены.

Русские церковные законы наконец добились того, что женятся не раньше 17 лет, и браки стали упорядоченными. Эти же законы установили и степень родства, допускаемую для заключения брака. Тем не менее местами у чуваш допускается брату жениться даже на вдове старшего брата. Этот обычай, называвшийся в Ветхом Завете законом ужичества, а у римлян — левиратом, до сих пор держится не только у чуваш, но и у некоторых народов Южной Сибири. Женитьбу на близких родственниках запрещает и Коран. И русский закон, и татарский повлияли на чуваш, так что последние понемногу отодвигают степень родства, которая позволяла бы женитьбу. Женитьбу на близкой родственнице чуваша оправдывали прежде желанием сохранить свое добро в одном роде.

Сколько раз можно жениться, чувашки с этим почти не считаются. Русские разрешают женитьбу до 3 раз. Одновременно чувашки имеют обычно 1 жену, двоеженство допускается с согласия жены, не родящей детей, однако же сохраняющей за собой право хозяйки.

Когда брак заключается по предварительному согласию и договору с невестой и ее родителями, то ритуал исполняется довольно долго и сложно. Предварительное знакомство жениха с невестой совершается то путем бесед на вечеринках, базарах, при собирании ягод и в др. местах.

Если у жениха нет на примете невесты, родители сами подыскивают ему невесту. Едут в какую-либо деревню и останавливаются там у родственника или близкого знакомого, потом в дом невесты (по Н.И.З.: *сьорасьны хирь*, по Н.В.Н.: *сүрашй хёр*) посылают сватуна или сватунью (по Н.И.З.: *йавичь*), которые и договариваются относительно калыма. Денежная плата жениха на невесту бывает, глядя на состояние, различная, от 40 руб. до 200 и более. Договорившись о приданом, назначают хороший день для самой свадьбы. В некоторых местностях избегают праздновать в понедельник и среду, считая эти дни тяжелыми, а в некоторых местах день указывают жрецы (йомзи).

Уходя из дома будущей невесты, сватун оставляет кнут, отчего и самый предварительный сговор называется у чуваш «бросание или оставление кнута». Возвращение кнута означает собою то, что дело по сватанию расстроилось. Когда дело идет в порядке, то времени на приготовления к свадьбе как у жениха, так и у невесты и на самое справление свадьбы уходит в богатых семьях даже в 2—3 недели, а у бедных может все ограничиться и 2—3 днями. Подробности справления свадьбы здесь опускаются, так как таковые уже приведены в

литературе, например, у В.А. Сбоева, Н.И. Золотницкого, Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, К.П. Прокопьева и др. Здесь остановимся лишь на тех моментах свадебного ритуала, которых не видим, например, у русских.

Когда едут в первый раз «сватать» невесту, без жениха, берут с собой гостинцы, число коих не должно быть четное. Если перед выездом поезда лошадь помочится, то это означает неблагополучие, а если испражняется, — хорошо. Чтобы предотвратить несчастье, на перекрестке бросают деньги, хлеб и сыр, что напоминает древнюю жертву духу домашнего очага. Во время девичника, в знак пожелания молодым плодовитости, варят яичницу. Мать невесты, по приему от родителей жениха калыма, благословляет свою дочь, а потом по кусочку хлеба и сыра бросает на печь в жертву домовому, заменившему собой духа огня, семейного очага, часть пива из ковша выливает у двери и в очаг.

Говорят, что брак, заключенный посредством насильственного увоза невесты, давал прежде право на вступление в супружеские отношения еще до церковного обряда, что в народе не считалось развратом. Ныне, как только по окончании свадебного ритуала надет на голову невесты «сурбан», т.е. ткань, покрывающая голову и плечи (*сорпан*, *сурпан*, от персидского *сарбанд*, откуда русское «сарафан»), жених становится уже мужем. Жених берет в руки толстую нагайку, которою он при въезде и входе в каждый дом ударяет по нему, чтобы изгнать из дома неблагополучие, отчего и самый кнут называется орудием «саламата», т.е. благополучия (от арабского *саламат*). Перед отъездом из дома невеста причитывает стихами, часто под аккомпанемент скрипки.

При приеме молодой к себе в дом жених продельывает такую церемонию: молодой подводит к кибитке невесты лошадь, берет полой кафтана повод лошади и передает его молодой, а молодая принимает повод через полу покрывала, находясь в кибитке. Такая передача повода и прием его повторяется 3 раза. Молодой поворачивает лошадь по солнцу, бросает ей повод на спину и с кем-нибудь отсылает в конюшню. По объяснению стариков, этот обряд означает, что союз двух домов уже окончательно установлен. При входе в дом жениха невеста делает печке низкий поклон, знаменующий собою обещание подчиниться семейному очагу жениха. С этой же целью надевают на невесту женихову шапку и ведут ее за водой. Молодая кланяется и жениховой воде, т.е. водяному духу.

Особенно интересными у чуваш на свадьбах являются песни, импровизируемые при угощениях пивом, медом и вином в честь хозяев, молодых и гостей.

Само собою разумеется, что, чем богаче родители брачующихся, тем больше тянется свадебный пир, тем больше расходуется угощений и денег. <...>

A.P. Leontiev

**SON OF THE KHAKASS PEOPLE ABOUT THE CHUVASH
(TO THE 160th ANNIVERSARY FROM THE DAY OF BIRTH
AND THE 100th ANNIVERSARY OF THE DEATH OF N.F. KATANOV)**

The publication highlights some milestones in the life and work of the outstanding Turkologist N.F. Katanov. In particular, attention is paid to his relationship with prominent researchers of the Chuvash people N.V. Nikolsky and G.I. Komissarov, as well as with the Chuvash educator I.Ya. Yakovlev. Readers are offered an unpublished and unfinished manuscript by N.F. Katanov about the Chuvash people with small comments.

Keywords: N.F. Katanov and researchers of the Chuvash people, the interest of a comparativist scientist in Chuvash studies, archival heritage.

ЧГВ, 2022 г., № 17
© Р.Н. Магарина

**Д.Ф. ФИЛИМОНОВ
О СВОИХ УЧИТЕЛЯХ:
ВЫДЕРЖКИ ИЗ АВТОБИОГРАФИИ**

Публикуемый впервые архивный документ — часть автобиографии известного общественного деятеля Д.Ф. Филимонова, священника-миссионера, педагога, переводчика. В ней описывается период обучения в Казанской инородческой учительской семинарии. Воспоминания, написанные живым, образным языком, передают атмосферу жизни губернского города в восприятии чувашского юноши, содержат сведения о внутреннем распорядке учебного заведения, системе обучения, преподавателях, сотрудниках и семинаристах. Особый интерес представляет информация об Н.И. Ильминском как выдающейся личности, оказавшей огромное влияние на формирование жизненных ориентиров своих воспитанников. Воспоминания являются ценным источником для изучения истории просвещения народов Среднего Поволжья.

Ключевые слова: Д.Ф. Филимонов, воспоминания, Казанская инородческая учительская семинария, Н.И. Ильминский, обучение, И.Я. Яковлев, преподаватель, А.В. Жиркевич, чуваша, народы Поволжья.

Даниил Филимонович Филимонов (1855—1938) был одним из выдающихся деятелей эпохи масштабных социокультурных трансформаций второй половины XIX — начала XX в. Исследователям региональной истории хорошо известны его публикации в различных периодических изданиях. Однако значительное эпистолярное наследие все еще остается вне поля зрения специалистов. Введение в научный оборот неопубликованных ранее рукописей позволит раскрыть неизвестные страницы его биографии, лучше понять события общественно-политической и культурной жизни, участником которых он являлся.

В настоящей публикации представлен отрывок из воспоминаний Д.Ф. Филимонова, названный автором «Мое образование в Казанской семинарии». Текст воспроизведен по документу, написанному им собственноручно в декабре 1920 г. в с. Старое Афонькино Самарской губернии.

Рената Николаевна Магарина — младший научный сотрудник Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: magar.ren@yandex.ru.

Уникальна судьба автобиографических записок. Известно, что Филимонов отправил рукопись Н.И. Ашмарину в Симбирск, где он работал в то время в Чувашском институте народного образования. Через него автобиографические записки попали к И.Я. Яковлеву. Ознакомившись с текстом, тот сделал ряд замечаний и пожеланий: «Я прочитал Вашу автобиографию. По поводу ее я хочу Вам сказать два-три слова: очень хорошо было бы, если Вы эту автобиографию написали по-чувашски и отделили бы как можно лучше, т.е. живым, удобопонятным языком»¹. И.Я. Яковлев дал почитать А.В. Жиркевичу, который тогда тоже находился в Симбирске и работал над воспоминаниями Ивана Яковлевича. В своем дневнике Жиркевич отметил по поводу рукописи: «Дай Бог, чтобы все авторы мемуаров были так правдивы, как Филимонов»². Публикация ее в тот период не состоялась. Рукопись была позднее возвращена автору с сопроводительной запиской следующего содержания: «Даниилу, епископу Чебоксарскому. Преосвященнейший Владыко! Возвращаю Вам в целости и сохранности Вашу рукопись. Использовать ее мне не удалось; помешали обстоятельства, от меня не зависящие. Я все надеялся, что времена переменятся, но ждать слишком долго. Я ушел в другой мир, далекий от чуваш. Помня наш уговор не посылать почтой и не давать никому постороннему, из-за ряда интимных мест в воспоминаниях Вашей жизни, я ее держал вплоть до получения предложения Петра Петровича передать лично Вам из рук в руки. Я еще раз благодарю Вас, достопочтенный Владыко, и желаю Вам всяческого благополучия. Уважающий Вас (подпись) [А. Жиркевич]»³. Документ не датирован, но судя по тому, как автор обращается к адресату, письмо написано после января 1924 г.: тогда протоиерей Даниил Филимонов обновленческим Синодом был назначен Чебоксарским епископом, викарием Чувашской епархии. 3 июля 1924 г. А.В. Жиркевич читал лекцию для учителей в Чувашском педтехникуме. В своем дневнике он пишет, что в президиуме сидел «какой-то чуваш Петров, как его звали, ученый». «При моем выходе подошел ко мне какой-то приличный член съезда и сказал, что Петрову поручено осмотреть у меня бумаги яковлевского архива, мои воспоминания о Яковлеве. Мы условились, что Петров придет ко мне сегодня»⁴. Полагаем, что именно тогда Жиркевич (по предварительной договоренности) намеревался передать автобиографические записки Д.Ф. Филимонова. Упоминаемый им «Петр Петрович» в действительности являлся заведующим отделом археологии и этнографии Центрального чувашского музея в Чебоксарах Михаил Петрович Петров (Тинехпи). В сопроводительном письме А.В. Жиркевич ошибся с именем, что вполне объяснимо: лично знакомы они не были⁵. Встретиться им так и не довелось. Через день Жиркевич поинтересовался, «почему Петров и кто-то другой не пришли осматривать» его чувашскую коллекцию, и узнал, что те уже уехали в Чебоксары⁶.

В декабре 1925 г. А.В. Жиркевич покинул Симбирск, а в 1927 г. Центральному чувашскому музею в Чебоксарах были переданы книжный и документальный фонды Историко-этнографического музея при Ульяновском

Д.Ф. Филимонов. Из фондов Ульяновского областного краеведческого музея / Госкаталог музейного фонда РФ. УKM 36316

чувашском педтехникуме, в составе которых был и автобиографический материал Д.Ф. Филимонова. Экспонаты принял и доставил заведующий Центральным чувашским музеем М.П. Петров, который в одном из выступлений сообщил: «Получил архив попа Филимонова, но она частично пропала, частично сохранилась»⁷. То, что в 1927 г. считалось частично пропавшим, в настоящее время находится в Научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Публикуемый нами документ хранится в рукописном фонде Чувашского национального музея. В данном фрагменте из воспоминаний отражен период обучения в Казанской инородческой учительской семинарии, куда парень из чувашского села Первое Степаново Цивильского уезда поступил

в год ее открытия в 1872 г. Направленный сельским учителем Митрофаном Дмитриевым⁸ для обучения в семинарии, Филимонов стал непосредственным участником истории ее становления. Семинария сыграла большую роль в просвещении народов Поволжья. Это первое среднее специальное учебное заведение, готовившее учителей для «инородческих» начальных школ, а Даниил Филимонов — один из первых четырех учеников из «инородцев», получивших образование в его стенах⁹. Здесь сформировалось его мировоззрение, приобретенные знания и опыт работы преподавателем и заведующим Симбирской чувашской учительской школы и священнослужителем превратили его в последующем в миссионера-просветителя, активно претворявшего в жизнь идеи Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева.

По инициативе Д.Ф. Филимонова были открыты десятки школ. Еще будучи семинаристом, он участвовал в переводе православных книг на чувашский язык, затем продолжил эту работу как сотрудник Переводческой комиссии и председатель Переводческой подкомиссии при Самарском епархиальном комитете Православного миссионерского общества. Ему доверены первые опыты богослужения на чувашском языке. «Родной язык, воплощая в себе мышление народа и все ее мирозерцание, непосредственно говорит уму и сердцу: движение мыслей и чувств возбуждается глубже и сильнее, доказательства получают большую силу убедительности, потому что вместе со словами передаются детям родные элементы мыслей. Вот где нужно искать объяснения благотворного действия уроков по Закону Божию... отца Даниила Филимонова... и др.», — писал в 1904 г. Н.В. Никольский¹⁰. Воспоминания Д.Ф. Филимонова о периоде обучения в Казанской инородческой учительской семинарии являются важным ис-

точником, позволяющим дополнить материал о просвещении народов Среднего Поволжья на основе системы Н.И. Ильминского новыми фактическими данными.

Оформление текста документа выполнено в соответствии с требованиями современной орфографии и пунктуации. Рукопись характеризуется как трудночитаемый, угасающий текст. Множество зачеркиваний, исправлений, вставок и помет чернилами разного цвета и карандашом, использование значков (звездочки и стрелки) усложняют восприятие текста. При воспроизведении для удобства чтения многие из них учтены без оговорок. Приписки, сделанные на полях, даны как продолжение текста и оговорены в примечаниях. Пропуски фрагментов отмечены отточием, отсутствовавшие и восстановленные по смыслу и по начальным буквам слова и части слов заключены в квадратные скобки.

Литература, источники и примечания

¹ Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. 350. Оп. 1. Д. 12. Л. 9, 15. См.: *Жиркевич А.В.* Мои встречи с И.Я. Яковлевым. Из дневника за 1916—1924 годы. Чебоксары: Руссика, 1998. С. 431—432.

² *Жиркевич А.В.* Указ. соч. С. 273.

³ Рукописный фонд Чувашского национального музея. Книжный фонд. Редкие книги. ВМ—4498. РК—216. Папка № 28.

⁴ *Жиркевич А.В.* Указ. соч. С. 347.

⁵ В своем дневнике симбирского периода А.В. Жиркевич и ранее упоминает о М.П. Петрове. 27 марта 1919 г. в связи с письмом И.Я. Яковлева к патриарху Тихону с ходатайством о чувашском архиерее он записал: «Сегодня Яковлев жаловался мне на то, что среди чувашей нет людей, на которых он мог бы положиться. Он давно разочаровался в священнике Петрове» (*Жиркевич А.В.* Указ. соч. С. 119). В данном случае тоже без указания имени и отчества. В 1924 г. Жиркевич вряд ли догадывался, что Петров, отказавшийся от священного сана через два года после рассмотрения его кандидатуры в чувашские архиереи, и тот «компетентный в вопросах музея» Петров, который должен был решить вопрос о «яковлевском архиве», — одно и то же лицо.

⁶ *Жиркевич А.В.* Указ. соч. С. 348.

⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-235. Оп. 3. Л. 45.

⁸ См. в *Приложении* комментарий 1.

⁹ См.: Тридцать вторая годовщина открытия Казанской учительской семинарии (26 октября 1904 г.). Казань, 1904. 28 с.

¹⁰ *Никольский Н.В.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 29.

Мое образование в Казанской учительской семинарии

В сентябре месяце 1872 г., не помню, какого числа, на гумне мы клали снопы на овин сушить к следующему дню. Я стоял наверху, брат Илья подавал мне снопы снизу. Когда доканчивали кладку, вдруг является к нам прямо на гумно сельский староста из волостной конторы и подает письмо моему отцу. Оно оказалось от Митрофана Дмитриевича¹, который писал, что он хочет послать меня в Казань учиться во вновь открываемой учительской семинарии и предлагает поскорее приехать к нему в Абызово². От этого письма не было конца моей радости. А мои сестры тут же начали плакать и говорили: «Как мы отпустим тебя в такую даль учиться?» Отец и братья решили отпустить меня вскоре учиться без всякого разговора. Больше всех стался за меня старший брат Илья. На другой же день мы с отцом отправились в с. Абызово.

Митрофан Дмитриевич ждал меня. Он прочитал нам письмо из Казани, полученное от Николая Ивановича Ильминского, сообщавшего, что в Казани открывается учительская семинария для приготовления начальных учителей из разных племен и что для принятия в семинарию нужно молодых чувашских юношей, и просил его представить таких юношей из Абызовского училища, если найдутся подходящие ученики, выросшие [до] 16 и не старше 18 лет. Митрофан Дмитриевич из своих учеников для представления в семинарию избрал четверых: меня, Матвея Никитина, Павла Кузьмина и Ефрема Кузьмина. Во второй [половине] сентября месяца мы все и отправились в Казань ч[е]рез мою родину сухим путем на Свияжск и Верхний Услон³. Провожали нас мой брат Илья и отставной солдат наш деревенский Андрей Ефремов на двух телегах.

С Услонской горы Казань видна как на ладони. Со множеством церквей и фабричных труб и с большими высокими зданиями, она представляла невиданную картину. В Казани мы долго искали квартиру Н.И. Ильминского. М[итрофан] Д[митриеви]ч дал нам письмо с его адресом: на Б[ольшой] Проломной улице⁴, в ограде Богоявленской церкви, но его там не оказалось. Наконец, мы нашли его на Б[ольшой] Красной улице⁵. Он жил во втором этаже двухэтажного дома. Нас принял в кабинете и усадил на стульях. Своей простотой и обходительностью он совсем очаровал нас. Мы стали разговаривать с ним, как давнишние знакомые. Побеседовав с нами довольно продолжительное время, он отпустил нас и велел нам жить пока в его кухне в нижнем этаже. Проводившие нас мой брат и его товарищ уехали домой. С нами, чувашами, остались жить еще два молодых черемисина: Михаил Васильев и Бурнашев, приехавшие тоже из деревни учиться в семинарию.

В квартире Н[иколая] И[ванови]ча мы прожили, должно быть, около недели. Однажды, когда мы находились на дворе (день был ясный и теплый), с верхнего этажа пришел к нам один представительный молодой человек, брюнет, с черными усами, в очках в золотой оправе, одетый по-городски, и заговорил с нами на чистом чувашском языке. Это был Иван Яковлевич Яковлев, студент Казанского университета, из природных чуваш. Мы очень удивились, когда он заговорил с нами по-чувашски, потому что он по костюму и по манерам вовсе не подходил на деревенского чувашина. Поговорив немного, он обратился ко мне с предложением сейчас же ехать на один год в Симбирск в чувашскую школу, чтобы получше подготовиться для поступления в семинарию, и настойчиво просил, чтобы я послушался его. Но я наотрез отказался ехать в Симбирск: мне так далеко казался он от Казани. Ив[ан] Я[ковлев]ич пристал ко мне вплотную и во что бы то ни было советовал ехать. Наконец я не выдержал и расплакался. Только тогда он отстал от меня. Почему он именно меня хотел послать в Симбирск, а не моих товарищей, я до сего времени не знаю. С этого времени мое знакомство с Иваном Яковлевичем продолжается беспрерывно в течение 49 лет.

От Николая Ивановича нас перевели в крещено-татарскую школу и поместили в нижнем этаже каменного корпуса, где временно должна была помещаться и учительская семинария. Тут накопилось порядочное число молодых юношей, желающих поступить в семинарию: крещеные татары, чуваша, мордва, русские, черемисы и др. Обедать ходили в школьную кухню, ели из одного котла с учениками крещено-татарской школы. Пришлось долго ждать

открытия семинарии, [которое] все откладывалось. Шло приготовление классных парт и проч[их] учебных принадлежностей. Будущий учитель наш Александр Павлович⁶ ежедневно ходил к нам заниматься по русскому языку, так как мы, инородцы, были слабо подготовлены по этому предмету. Он вел с нами объяснительное чтение, делал диктовку и заставлял заучивать наизусть басни Крылова. Я тут убедился, что моя подготовка по русскому языку оч[ень] плохая сравнительно с другими — русскими и лучшими инородцами. До этого времени я даже не имел понятия о диктовке и никогда не писал ее. У меня диктовка выходила весьма неудовлетворительная. Объяснение и чтение по-русски я понимал достаточно, но выражаться по-русски правильно я не умел как устно, так и письменно. Русские товарищи смеялись надо мною за те ошибки, какие я делал в русском языке, и дразнили меня. Учитель был недоволен моими познаниями и при всех заявлял: «Успехи Филимонова оч[ень] слабые, едва ли он будет достоин учиться в первом классе семинарии». Я был в то время оч[ень] самолюбивым, а потому переживал сильнейшие душевные страдания и муки, старался изо всех сил, чтобы догнать своих товарищей в познаниях. Несмотря на незавидную подготовку, меня все-таки приняли в число казеннокоштных⁷ воспитанников семинарии, вероятно, надеялись на мою старательность и хорошую память.

Наконец, настал давно ожидаемый день открытия нашей семинарии. Это было 26 октября 1872 г. В этот день в церкви крещено-татарской школы была совершена Божественная литургия местным священником о. Василием Тимоф[еевичем] Тимофеевым⁸ и другими священнослужителями. Во время просительной ектеньи (после херувимской)⁹ прибыли в церковь архиепископ Антоний¹⁰ и викарный епископ Викторин¹¹ и прошли прямо в алтарь. Затем стали прибывать в церковь представители высшей светской власти в полной парадной форме: попечитель учебного округа П.Д. Шестаков¹², начальник губернии Н.Я. Скарятин¹³, командующий Казанским военным округом генерал Бруннер¹⁴, начальник штаба воинского округа, председатель Судебной палаты, ректор университета и многие другие. Мое внимание было занято более всего нарядным одеянием светских начальствующих лиц. Прежде я никогда не видел блестящих мундиров, украшенных звездами, крестами и прочими знаками и орденами. По окончании литургии архиепископ в сослужении духовенства отправили молебен¹⁵, причем преосвященный архиепископ сказал соответствующее случаю поучительное слово.

Акт открытия семинарии состоялся в большой комнате напротив церкви, через коридор. На кафедру первый взшел попечитель учебного округа и громогласно произнес красноречивое слово, в заключение которого объявил семинарию открытой. Его слово произвело на меня сильное впечатление. Я до сих пор помню первую фразу его слова: «Я считаю себя беспредельно счастливым...» После речи попечителя учебного округа ученическим хором крещено-татарской школы было исполнено несколько церковных песнопений на славянском и крещено-татарском языках. Затем на кафедру взшел директор семинарии Н.И. Ильминский и сказал довольно длинную речь. Тогда я мало понял из его речи, после я читал ее в печатном виде — она оказалась весьма замечательной и многосодержательной. Акт открытия семинарии закончился пением молитвы.

Всем высокопоставленным лицам и почетным гостям был предложен чай и обед в большом помещении на первом этаже. В том же этаже в другой комнате была устроена столовая для воспитанников. Стол для нас был убран по-господски: для каждого воспитанника были особо поставлены тарелки, ножи с вилками, серебряные ложки и ручные салфетки. Кушанья подавались такие, каких я раньше никогда не видал. Я даже не знал, как надо пользоваться всеми столовыми приборами. Хорошо, что со мной рядом сидел С. Переухин¹⁶, который до поступления в семинарию жил в монастыре послушником и знал от цивилизованных людей, как вообще надо кушать. Я научился есть по-господски от него: он положил салфетки на колени, я тоже; он взял нож и вилку и стал крошить порцию мяса, я тоже и т.д. Для меня, крестьянского сына, оч[ень] трудно было привыкнуть к новым, городским порядкам.

Затем в семинарии начались учебные занятия. О том, как я учился в семинарии, в 1897 г. мною составлены «Воспоминания из семинарской жизни» по случаю исполнения 25-летия со дня открытия и представлены таковые тогдашнему директору семинарии Н.А. Бобровникову. Где эти воспоминания находятся теперь, мне неизвестно. Хотя они не

имеют литературной ценности, тем не менее представляют некоторый интерес для истории образования приволжских народностей.

Семинария первые два года помещалась в каменном корпусе крещено-татарской школы, а именно в 1872/73—1873/74 учебные годы, так как состояние здания на берегу оз. Кабана не было еще устроено. Наш класс помещался в верхнем этаже, остальные помещены были во втором и частью в подвальном этажах. Столовая и кухня тоже находились в подвальном этаже. В 1873/74 учебном году, когда число воспитанников увеличилось вдвое, для спальни был построен новый деревянный двухэтажный флигель на дворе школьной усадьбы.

В первый год в семинарии личный состав служащих и преподающих составил из следующих лиц.

1. Директор, Николай Иванович Ильминский, до назначения на должность директора он состоял профессором Казанского университета и духовной академии. Этот замечательный человек был невысокого роста, плотный, весьма живой и подвижный, с добрыми и пронзительными глазами. Он производил на своих воспитанников очаровательное впечатление, со всеми обходился просто, по-отечески, но серьезно. Ни один воспитанник никогда не отзывался о нем каким-нибудь нехорошим словом: все любили и уважали его, как достойнейшего начальника и педагога, как необыкновенно хорошего, гуманнейшего человека. Мы все боялись и остерегались оскорбить его каким-либо дурным поступком. Всякое слово его принималось как закон и исполнялось беспрекословно.

В первые два года Н[иколай] Ив[анович] жил не при семинарии, а на квартире, но в семинарию являлся почти каждый день, утром и вечером, иногда участвовал на утренних и вечерних молитвах. В воскресные и праздничные дни он неукоснительно являлся в церковь на богослужение. В 1874/75 учебном году, когда он имел квартиру при семинарии, ежедневно неопустительно* ходил на утреннюю и вечернюю молитвы: приходил первым и уходил последним.

С нами он начал заниматься во втором классе по педагогике. На первый урок принес в класс какие-то старые часы и, показывая механизм часов, объяснял нам, как устроен часовой механизм и как производится движение минутной и часовой стрелок. После двух и трех уроков Н[иколай] Ив[анович] по воскресеньям стал нас водить в университет в анатомический театр¹⁷, где один профессор преподавал нам анатомию человеческого тела за особую плату. Он объяснял наглядно на трупах и рисунках. В первое время здесь чувствовали себя жутко, неприятно, потом привыкли и ничего. Когда мы основательно прошли анатомию, наше хождение в университет прекратилось. Н[иколай] Ив[анович] продолжал уроки по своему предмету в классе. После анатомии он перешел к психологии, объяснял о свойствах и способностях души, о деятельности ее и также о проявлениях и законах душевной жизни. Далее он стал объяснять из логики: о представлениях, понятиях и законах мышления, о...** и т.д.

В 3 классе мы проходили дидактику и методику по два урока в неделю. Кроме этого, Н[иколай] Ив[анович] один раз в неделю объяснял нам Священное Писание, преимущественно псалмы¹⁸. По случаю болезни преподавателя математики он давал уроки и по алгебре. По педагогике у нас никаких учебников не было, уроки мы записывали в классе. Н[иколай] Ив[анович] говорил просто и понятно, не торопясь, за кафедру никогда не садился, а говорил всегда, стоя у передней парты. Его уроки усваивались нами легко.

Когда мы жили в крещено-татарской школе, мало знали о жизни и деятельности Николая Ивановича: он в то время жил не в семинарии. Когда перешли в собственный семинарский дом, и Н[иколай] Ив[анович] [стал] жить вместе с нами в одном доме, то узнали его как человека необыкновенно деятельного, заботливого, аккуратного и религиозного. Он до 11 часов не ложился спать, а в 3 часа утра был на ногах.

Впоследствии мы узнали еще больше. Он, кроме исполнения своих обязанностей по семинарии, оч[ень] много работал по просвещению народа вне семинарии. Вообще в деле просветительском имел большое влияние. Я считаю себя счастливым, что мне пришлось

* Неопустительно (*устар.*) — непременно.

** Неразборчиво. Вероятно: силлогистике.

учиться у Н[иколая] Ив[анови]ча и находиться под его руководством на протяжении 19 лет жизни. Он был необыкновенно мудрым и необыкновенно простым человеком, обладал способностью воодушевлять и располагать людей к себе и к тому делу, которому он сам служил. После беседы с ним, бывало, уходишь от него в каком-то радостном, веселом расположении духа, готовым идти на всякие работы по просвещению своих единоплеменников. Нигде и никогда я не видел такой чистой, светлой, хорошей личности, каким был Николай Иванович.

Когда я учился в семинарии, думал, что все образованные русские люди почти такие же хорошие, как наш незабвенный Н[иколай] Ив[анови]ч, но потом, когда вышел на самостоятельный путь жизни и стал встречаться со многими лицами из России, то убедился, что думал ошибочно.

2. В семинарии нашим законоучителем в первые два года был профессор духовной академии свящ[енник] Ефим Александр[ович] Малов¹⁹. Он был среднего роста, лет 35. Голова его была как у пророка Елисея. Говорил всегда негромко, ласково, даже масленно, занимался в классе, сидя за кафедрой. В первый год мы проходили Свящ[енную] историю по учебнику Смирнова²⁰, курс гимназический. Во второй год прошли две части филаретовского катехизиса²¹. О. Малов делал к катехизису дополнительные объяснения или приносил в класс какие-либо журналы или книги и читал из них подходящие объяснительные статьи. Мы все относились к нему с уважением и готовили его уроки старательно.

3. Преподавателем русского языка в первом классе был Александр Павлович Сердобольский²², племянник директора, с университетским образованием. Характером он был горячий и вспыльчивый, но добрейшей души человек. Он глубоко был предан делу воспитания будущих начальных народных учителей в духе Н.И. Ильминского. В первом классе он больше всех имел влияние на семинаристов. Во внеклассное время А[лександр] П[авлович] устраивал для нас художественное чтение и беседы. Читал Гоголя, Тургенева, Пушкина и др[угих] классических писателей. Читал он замечательно. Хотя он в первые два года не жил в семинарии, но являлся в семинарию ежедневно на молитву вечером, присутствовал в столовой во время обеда и ужина. Характер и способности каждого воспитанника он знал как свои пять пальцев. В обращениях с воспитанниками он был очень простой и доступный для всех. Как истинный идеалист, он был предан своему делу всей душой. Семинаристы любили его, часто и подолгу беседовали с ним. Александр Павлович обладал полным кругленьким животом, за что некоторые ученики дали ему в шутку прозвище Коробка.

4. Преподавателем математики и физики у нас в первые два года был лектор университета Иван Николаевич Смирнов²³. Он знал свой предмет отлично, но преподавал его без усердия. С ним случалось нередко, что он, бывало, сидит за кафедрой и дремлет. Дело в том, что он занимался астрономией, по ночам ходил в кирпичный сарай и производил наблюдения в телескоп за движениями небесных тел. А днем в классе сидел и дремал или же ходил по классу большими шагами, засунув руки в брючные карманы. В классе большею частью он задавал нам решать задачи по математике и физике. Но когда придет ему охота объяснить урок свой, то он объяснит его великолепно, только это случалось нечасто. В своих разговорах с нами он обнаруживал, что не признает религии, хотя и знал многие тексты Свящ[енного] Писания. Ростом он был высок, худощав, к нам относился хорошо, снисходительно, но в своих манерах был неизящный, на язык резкий и грубоватый. По праздникам приносил нашим семинаристам билеты на бесплатное посещение вечерних лекций в университете, которые он читал по математической и физической географии. Семинаристы уважали его, но за что-то дали ему эпитет «деревянный апостол». В начале 1874/75 учебного года ему отказали от преподавательской должности в семинарии, не знаю, по какой причине.

5. Преподавателем истории и географии был у нас доцент духовной академии Николай Петрович Остроумов²⁴. Оч[ень] корректный, с изящными манерами. Говорил он красноречиво, но с какой-то сдержанностью и произносил слова сквозь зубы. В первый год нам не давали учебников по истории и географии, поэтому мы записывали его уроки в классе в виде конспектов в особых тетрадях. Н[иколай] Петрович по складу ума и сердца был горячим русским патриотом и националистом. На уроках истории и географии отлично умел изображать могущество и величие русского народа, но в своих выводах был не вполне справедлив: он русское величие нередко основывал на унижении инородцев, живущих в России. Все

хорошее, высокое, светлое приписывал великорос[ам], все плохое, низкое, темное прилагал к инородцам. Нам, воспитанникам из инородцев, не нравились такие его унижающие взгляды, основанные не на истинных фактах жизни, а на чувстве самопревозношения. Мы ничего ему не возражали. Он держал себя так, что мы не могли откровенно высказывать ему свои мысли и чувства, входить с ним в близкие сношения, как с другими наставниками. Тем не менее воспитанники относились к нему с уважением за его несомненные педагогические таланты и глубокие знания своего предмета.

6. Чистописанию, рисованию и черчению обучал нас учитель I гимназии (имя, отчество и фамилию его теперь не помню)²⁵. Он приезжал к нам два раза в неделю, в послеобеденное время, иногда занимался вечером при лампе.

7. В начале 1874 уч[ебного] года в семинарии открылся еще один новый класс — первый, а наш класс стал вторым. По сему случаю преподавательский состав семинарии увеличился на три человека. Далее он изменялся и дополнялся. Вместо Александра Павловича Сердобольского, оставшегося преподавать русский язык в I классе, нам назначили нового учителя русского и славянского языков — Прокопия Ивановича Боголюбова²⁶, с академическим образованием. Прежде он служил смотрителем Самарского духовного училища. Этот преподаватель был невысокого роста, хромой и страдал туберкулезом легких. Он не обладал ораторским талантом, но был оч[ень] хороший человек и учитель. На уроках больше налегал на слабых учеников и тем давал им возможность догонять передовых. Летом 1874 г. он женился в Самаре, но ему недолго пришлось жить с молодой женой. Зимой болезнь его усилилась, и он скончался в семинарии на своей квартире.

8. В 1873 г. в I классе семинарии был назначен новый преподаватель математики, молодой человек Иван Павлович Сердобольский²⁷ (брат Александра Павловича), окончивший курс в Казанском университете. Он в нашем классе не занимался, только однажды, по случаю болезни нашего преподавателя, [проводил] уроки по арифметике. Причем объяснил он нам историю возникновения десятичной системы счисления (у арабов). Про него говорили, что он отличный преподаватель, занимается по особому своему методу. Во время летних ваканций* уезжал за границу. В частных беседах он рассказывал нам, как поставлено учебно-воспитательное дело в учительских семинариях Германии и как там идет начальное образование в школах. Он имел самостоятельный характер, был оч[ень] серьезный и самолюбивый, страдал чахоткой легких. В 1875 г. скончался от этой неизлечимой болезни в семинарии на своей квартире²⁸.

9. В 1874 г. учителем церковного пения и музыки был назначен в семинарии Степан Васильевич Смоленский²⁹, кан[ди]дат на судебные должности, который по окончании юридического факультета состоял секретарем в Казанском окружном суде. Он был близким родственником Н.И. Ильминского. Как хороший музыкант и знаток церковного пения был известен не только в России, но и за границей. Он был замечательный, отличался простотой и добродушием. Я учился у него скрипичной игре два месяца, но потом должен был оставить это учение за неимением времени. Семинарский хор при нем был поставлен образцово. Воспитанники любили его от всей души.

10. Вместо ушедшего из семинарии законоучителя Малова был назначен только что окончивший Казанскую духовную академию вдовый молодой священник Никифор Тимофеевич о. Каменский³⁰, родом из Астраханской епархии (впоследствии Никанор, архиепископ Казанский и Свияжский). Он занимал квартиру при семинарии. При нем жили его старая мать и маленький сын. Со своим новым законоучителем мы прошли третью часть катехизиса, учение о богослужении и церковную историю по учебникам Рудакова³¹. О. Каменский повел дело преподавания З[акона] Б[ожия] много оживленнее, кроме того, он сообщил нам сведения из методики Закона Божия. Он как в классе на уроках, так и церковные проповеди говорил умным, книжным языком, длинными периодами. Характер имел довольно крутой и вспыльчивый, поэтому мы немного его побаивались, уроки готовили ему тщательно, тем более что он был очень требовательный. При нем было написано нами несколько сочинений на религиозные темы, напр[имер], цель и значение церков[ного] богослужения.

---

* Ваканции (*устар.*) — перерыв занятий в учебных заведениях и учреждениях; каникулы.

11. В 1874 г. после смерти Прокопия Ивановича* был назначен в 3-м классе семинарии новый преподаватель по теории словесности и по истории русской литературы — Владимир Николаевич Витевский³². Он же занимался и по славянскому языку. По окончании университета он состоял учителем какой-то гимназии в Оренбургском крае и, как хороший преподаватель, был приглашен в нашу семинарию. Действительно, он был оч[ень] хороший учитель, говорил красноречиво, понятно и увлекательно, держал себя ровно, одевался всегда чисто и опрятно. Если, бывало, заметит за учеником лень или какой другой порок, то обязательно начнет читать нравоучение, причем же говорил подолгу и ядовито. Семинаристы говорили про него: «Мягко стелет, но жестко спат». В.Н. Витевский был известен своими учеными трудами. Между прочим я помню из его печатных трудов «Строитель Оренбургского края», кажется, в 2 томах. Он жил не при семинарии, а на частной квартире, часто пропускал уроки. Говорили, что у него развилось пристрастие к выпивке из-за неудачной семейной жизни.

12. На место уволенного П.Н. Смирнова** преподавателем математики, физики и естествознания (зоологии, ботаники и минералогии) был назначен Михаил Михайлович Федоров³³, из дворян-помещиков Самарской губернии. До назначения в семинарию он состоял долгое время преподавателем естественных наук в Каз[анском] Родион[ов]ском институте³⁴, потом был переведен в училище правоведения в Петербурге, но из последнего был уволен за либеральное направление. В Казани приняли его как талантливого учителя и всесторонне развитого человека. Он был действительно глубоким знатоком своего предмета, красноречивейшим оратором, многознающим и опытейшим педагогом. Говорил он просто, понятно, но вполне литературно. Я никогда не видел такого замечательного, хорошо говорящего оратора. Когда он рассказывал и объяснял урок, обладал вниманием всего класса так, что муха пролетит — и то слышно. Бывало, если он во время урока вдруг скажет что-либо смешное, то весь класс рассмеется, как один человек. К ученикам он относился всегда доброжелательно, форменного фрака никогда не надевал. Мы, третьеклассники, часто ходили к нему на квартиру, где он делал разные опыты над животными, напр[имер], показывал нам, как уж проглатывал оцепеневшую лягушку; потом он разрезал живот ужа, лягушка выходила из ужа живая и прыгала дальше. В микроскоп мы видели жизнь инфузорий и наблюдали, как они размножаются и умирают и проч. Он жил при семинарии. В своих частных беседах он обнаруживал свое свободомыслие относительно российских порядков. На выпускном экзамене по истории М[ихаил] М[ихайлови]ч был ассистентом. Присутствовавший на экзамене помощник попечителя учебного округа Николич³⁵ спрашивал семинаристов подолгу и всячески придирался к ним. М[ихаил] М[ихайлови]ч, видя смущение учеников, не стерпел и ушел с экзамена до конца. В этот день после обеда я зашел к нему, не помню, по какому делу. Он был уже изрядно выпивши и ругал Николича за придиричивое отношение к ученикам. Его любили все ученики за простоту, добродушие и как талантливого преподавателя. Он обходился с нами без всякой рисовки. Этот прекрасный и замечательный человек и педагог имел одну слабость — страдал запоями, вследствие чего часто пропускал уроки.

13. Гимнастике обучал нас офицер Ревельского полка 41-й дивизии, фамилии не помню. Он учил нас хорошо, приходил два раза в неделю, но в обращении с нами был грубоват. Между нами был воспитанник из крещеных татар Семен Максимов, который почему-то туго усваивал приемы гимнастических упражнений, за что офицер обзывал его Акулиной.

14. Экономом в семинарии состоял при нас какой-то немец из Финляндии Юлий Иванович Мазинг³⁶, который оч[ень] плохо говорил по-русски, за что семинаристы из русских смеялись над ним и дразнились. Он был оч[ень] аккуратный и чистоплотный, с утра до ночи ходил по семинарии.

15. В семинарской канцелярии служил вольнонаемный письмоводитель, но я мало знал его. Мы не имели с ним никаких сношений³⁷.

В 1874 г. осенью при семинарии открыли 4 начальные школы: чувашскую, черемисскую, мордовскую и вотяцкую, для практических занятий воспитанников старшего клас-

* Так в документе. Следует читать: Прокофия Ивановича. См. коммент. 26.

** Так в документе. Следует читать: И.Н. Смирнова. См. коммент. 23.

са из инородцев. Воспитанники же из крещен[ых] татар ходили в крещено-татарскую школу, а русские воспитанники — в одно из городских начальных училищ.

В чувашскую школу назначили учителя Алексея Васильевича Рекеева³⁸ (из числа первых воспитанников Симбирской чувашской школы). По окончании двухгодичных педагогических курсов при Симбирском уездном училище Рекеев состоял учителем Средне-тимерянского сельского начального училища Симбирского уезда, в 1874 г., как хороший учитель, был приглашен в образцовую чувашскую школу при семинарии. В 1874/75 учебном году мне пришлось практиковаться под руководством Рекеева. Кроме школьных занятий, А[лексей] В[асильевич] участвовал в переводческих работах, держал корректуру Евангелия от Матфея. Вместе с ним мы составляли рукописный букварь для чуваш. Изучение букв в образцовой школе спервоначала проходило без букваря. Чувашский букварь мы составляли на основании опытов и наблюдений в школьной практике. В школе было две группы: 1-я — из неграмотных, 2-я — из умеющих читать. Учащиеся чувашской школы были собраны сюда из разных уездов Казанской губернии.

В образцовых школах черемисской, мордовской, вотяцкой были особые учителя — выходцы из своего племени.

Учиться в семинарии мне было оч[ень] трудно: поступил со слабой подготовкой, плохо знал по-русски. Из первого класса во второй перевели меня, по словам Александра Павловича, «по нитке». Во втором классе я шел хорошо, в третьем классе шел в числе средних. Семинарию окончил я только благодаря сильной памяти и усердию. Приходилось вставать рано, в 3 часа утра, а спать ложились около 11 часов ночи.

В нашем классе было всего 57 воспитанников, в том числе 7 стипендиатов Чистопольского земства. По способностям были всякие: слабые, средние и отличные. Самый способный и развитый был Степан Падерин³⁹. Из 57 учеников окончили курс семинарии только 22 человека, из них 3 — без учительского звания⁴⁰. Кроме наук, в семинарии обучали разным мастерствам, как то: столярному, токарному по дереву, слесарному и токарному по металлу, переплетному и др. Слабые в науках ученики переходили из класса в класс со всеми. Ежегодно или один раз в два года посещали наши классы в качестве ревизии попечитель или помощник его.

Я до сих пор помню некоторые выдающиеся случаи из семинарской жизни. Осенью 1874 г. мы из татаро-крещенской школы переселились в собственное здание семинарии. В эту же осень состоялось торжественное освящение нового семинарского здания. Богослужение совершил архипастырь казанский с духовенством. На торжестве много было начальствующих лиц и частных посетителей. По освящении здания почетным гостям была предложена трапеза от строителя семинарии Пчелина⁴¹. После трапезы архиерейский хор исполнял духовно-церковные песни в коридоре.

Великим постом 1875 г. (не помню, какого месяца) происходило торжественное освящение семинарской церкви. Освящение совершено архиепископом Казанским Антонием в сослужении духовенства. Песнопения исполнял семинарский хор. Народу собралось на это торжество полная церковь, в том числе присутствовали многие начальствующие и другие почтенные лица. Это событие закончилось тоже трапезой, проходившей во втором этаже семинарии чрез коридор от [церкви]. Владыка Антоний по окончании литургии сказал в церкви поучительное слово на текст пророка Аггея: «Слава храма сего будет больше, ежели прежнего храма»⁴².

Образ жизни воспитанников семинарии проходил однообразно правильный. В 6 часов утра будили нас звонком, в 7 часов начиналась утренняя молитва, около 8 часов ходили в столовую завтракать. Классные занятия начинались в половине 9-го и заканчивались в два часа или в половине первого пополудни. В 5-м часу подавался вечерний чай с хлебом, в 8 часов ужинали, а в 9 часов совершали вечерние молитвы. После молитв сидели в классе и готовили уроки, можно было и спать идти. Этот порядок повторялся изо дня в день, кроме дней воскресных и праздничных. Обед и ужин состояли из двух блюд. Кушанье готовили простое, но питательное...*

* Далее имеется приписка, но неразборчиво.

Несмотря на усиленные занятия в семинарии, я обладал завидным здоровьем, ни разу не хворал до 3 класса, бежал быстрее всех своих одноклассников. Мои товарищи большинство называли меня Телок⁴³ за мой добрый и [великодушный] нрав. Но в 3 классе я стал похвально прыгать. Причина в том, что, во-первых, я упал с параллельных брусьев. Однажды в мае месяце 1874 г. после обеда мы побежали из подвального этажа на самый верхний (3-й). Я первый прибежал в класс, залез на параллельные брусья и стал раскачиваться взад и вперед, держась руками за брусья. Вдруг мои руки в локтях ослабли, и я грохнулся на пол. Головой ударился об пол и поясницей угодил на поперечник параллельных брусьев. Я пролежал без памяти минут 15. Один из моих товарищей, Голубев, скинул свой казакин и подложил под мою голову, но я ничего не слышал. Но когда очнулся, чувствовал боль в задней части головы и в левой стороне поясницы. Надо было мне полечиться, но я этого не сделал, думая, что все это пройдет само собой. Впоследствии оказалось, что левая почка у меня повредилась. Во вторых, стал носить галоши. Зимой 1874/75 г. я купил теплые галоши и стал в них ходить гулять. Но часто забывал их надевать. В трескучий мороз отправлялся гулять без галош, после чего начиналась у меня головная боль и знобило...*

В июне 1875 г. наши выпускные экзамены закончились благополучно. По Закону Божию экзаменовал меня сам владыка Антоний в присутствии попечителя округа П.Д. Шестакова и поставил «б». По другим предметам у меня выше «4» не было⁴⁴. Велика была наша радость, когда нам объявили об окончании курса семинарии. Мы разъехались по домам в самом радостном настроении, с юношеской гордостью, что мы теперь достигли того, к чему так старательно стремились. Мы друг другу дали слово переписываться между собою, но это обещание нами было скоро забыто.

Семинария не дала нам законченного общего образования, она заложила в нас крепкий фундамент к дальнейшему образованию школьным или внешкольным путем⁴⁵. Она загла в нашей душе стремление учиться и учить других грамоте и распространять образование среди тех, некогда из которых мы сами вышли. У меня это стремление оч[ень] сильно чувствовалось в неудержимом желании учить других грамоте. Приведу факты. Во время летних каникул в родительском доме собрал мальчиков и начал обучать их чтению и письму. Вместо классной доски служило вывалившееся дно старой кадки. При такой обстановке в две недели мы прошли всю азбуку. В числе учащихся мальчиков был Семен Лазарев⁴⁶ (ныне священник с. Богатырево Ядрин[ского] у[езда] Казан[ской] губ[ернии])⁴⁷.

По окончании курса, отпуская нас домой, семинарское начальство объявило нам, что мы должны явиться в семинарию 1 августа, чтобы участвовать на краткосрочных учительских курсах, каковые будут проходить в семинарии с 1 по [21] августа.

А во время каникул 1875 г. мне пришлось мало быть дома. В это время я путешествовал по некоторым селениям Симбирской губернии в сопровождении учителя образцовой при семинарии чувашской школы А.В. Рекеева, родом из д. Кошки-Тюмбаевой** Буинского уезда, где родина и И.Я. Яковлева. Он сначала приехал ко мне в Ямаши и погостил более недели, затем пригласил меня на свою родину. Тогда я любил играть на гусях. В конце июня мы с Рекеевым отправились сначала в Казань. По просьбе А[лексея] В[асильевича] я захватил с собой гусли. В Казани Рекеев купил много итальянских струн для моих гуслей. Из Казани мы поехали на пароходе до Тетюш, оттуда отправились на лошадях в д. Кошки-Тюмбаево***, где я пробыл 10 дней. Бывало, А[лексей] В[асильевич] соберет молодых девушек и баб, а меня заставляет играть на гусях. Девушки и женщины начнут плясать без конца, так

---

* Здесь небольшая вставка на полях. Текст неразборчив.

** Так в документе. Речь идет о с. Кошки-Новотимбаево в составе Бурундуковской волости Буинского уезда Симбирской губернии, в настоящее время в составе Тетюшского района Республики Татарстан. Возникло в 1705 г. в результате переселения жителей д. Тимбаево (ныне — в составе Буинского района Республики Татарстан). См.: *Димитриев В.Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 302.

*** Так в документе. См. примечание выше.

что от игры на моих пальцах образовывались мозоли. Тут я познакомился с учителем местной миссионерской школы Клементием Макаровичем Макаровым⁴⁸ (потом священник с. Чукал⁴⁹).

От Рекеева мы поехали в разные села Симбирской губернии: Пимурзино⁵⁰, Старые Агаши* и Средние Тимерсяны⁵¹. В последнем селе пробыли три дня. Здесь я познакомился с местными священниками, из коих один, о. Лука, был полный, тучный, другой — худощавый, настоящий алкоголик. После нашего отъезда из Средних Тимерсян он в скором времени допился до белой горячки и в припадке этой болезни повесился.

8 числа июля мы приехали в г. Симбирск (я первый раз в жизни). А.В. Рекеев водил меня по городу и знакомил** с достопримечательностями его. Между прочим, показывал и чувашскую школу на Кирпичной улице⁵², но в школу мы не заходили, а прошли мимо.

Вечером А[лексей] В[асильевич] проводил меня на пристань, где я сел на пароход и уехал прямо домой один. Рекеев остался в Симбирске. Впоследствии оказалось, что Рекеев возил меня на свою родину, имея в виду выдать за меня свою сестру замуж. Когда он предложил мне ее в жены, я отказался жениться на ней: тогда я, будучи 19 лет, вовсе не думал о женитьбе.

В назначенное время опять явился в семинарию на кратковременные курсы. На курсах собралось много народных учителей, городских и сельских. Посещали их попечитель учебного округа, директора и инспектора народных училищ, а также окончившие курс женской учительской семинарии в сопровождении своего начальства. Время проходило весело и беззаботно. Но я вскоре заболел малярией, которая продолжалась у меня [более] 4 месяцев⁵³.

1 сентября приехал в Казань. И.Я. Яковлев и сообщил мне, что я назначен учителем в Симбирскую чувашскую школу, куда и я должен ехать на другой же день. Жалование мне положено 25 руб. в месяц, но с них 5 р[уб.] должен оставлять в пользу школы, а себе брать только 20 руб. в месяц. Когда я собрался ехать, мне выдали на дорогу 6 р[уб.] казенного пособия, пиджачную тройку из черного сукна и немного белья. Распростившись с директором, наставниками и товарищами, я отправился*** в Симбирск****. И.Я. Яковлев дал мне подробные указания, как я должен принять школу от временного учителя К.М. Макарова, как приступать к занятиям, как вести школьное хозяйство и т.п. На душе было радостно и грустно. Грустно было потому, что тяжело было расставаться с товарищами, с семинарией, которая так заботливо и любовно воспитывала нас в продолжение трех лет.

*Рукописный фонд Чувашского национального музея.
Книжный фонд. Редкие книги. ВМ-4498. РК-216. Папка № 28. Автограф.*

---

* Так в документе. Вероятно, следует читать: Алгаши (с. Старые Алгаши Симбирского уезда Симбирской губернии. В настоящее время в составе Цильнинского района Ульяновской области).

** Так в документе. Следует читать: знакомил.

*** Далее зачеркнуто: на пароходе.

**** Зачеркнуто: куда добрался благополучно. Над строкой добавлено: на проводах. Вероятно, должно быть: на подводах.

Д.Ф. Филимонов. 1875 г.

Казань. Татарская семинария.

Казань. Татарская семинария, построенная в 1876 г. по проекту архитектора Владимира Бечко-Друзина

Источники, литература и примечания

¹ Речь идет о Дмитриеве Митрофане Дмитриевиче (1847—1906) — первом священнике из чувашей. После окончания Кошлаушского училища в 1868 г. поступил на педагогические курсы при Братстве св. Гурия. Работал учителем в чувашских школах. Осенью 1869 г. учительствовал в Чуратчикской школе, и, по воспоминаниям Д.Ф. Филимонова, обучавшегося в это время в названной школе, в течение одного месяца успел произвести в своих учениках и даже в их родителях «полный религиозный переворот». «С этого времени во мне появилось какое-то неудержимое и безотчетное стремление и жажда и больше решимости к образованию и чувство жалости к своим сородичам за их темноту и языческие заблуждения». Позже, когда Даниил Филимонов уезжал из родного дома учиться в Казанскую учительскую семинарию, отец напутствовал его словами: «Будь ты таким же хорошим учителем и человеком, каким я знаю Митрофана. Более этого я ничего не желаю». В ноябре 1869 г. Митрофан Дмитриевич перемещен в Шибылгинскую школу Цивильского уезда Казанской губернии. С 1873 г. работал псаломщиком церкви с. Абызово Ядринского уезда, с 1874 г. — дьякон, в 1878 г. рукоположен в сан священника в церкви с. Янтиково Цивильского уезда. Богослужение вел на чувашском языке. В 1881 г. — священник церкви с. Малое Яушево Ядринского уезда.

² Абызово — село в составе Тойсинской волости Ядринского уезда Казанской губернии, в настоящее время в составе Вурнарского района Чувашской Республики.

³ Верхний Услон — село, волостной центр в составе Свяжского уезда Казанской губернии. В настоящее время районный центр в Республике Татарстан.

⁴ Большая Проломная улица — современная ул. Баумана, пешеходная улица в историческом центре Казани.

⁵ Большая Красная улица — одна из старейших улиц центральной части Казани.

⁶ Речь идет о Сердобольском Александре Павловиче. См. коммент. 22.

⁷ Казеннокоштный — воспитанник учебного заведения, обучаемый и содержащийся за счет государственных средств, на «казенный кошт». Согласно Положению о Казанской учительской семинарии, принятому 27 марта 1872 г., семинария и начальная школы при ней содержались на иждивении казны и являлись заведениями закрытыми. Сверх определенного штата числа казенных воспитанников допускалось обучение стипендиатов земств, разных обществ и учреждений и частных лиц, а также своекоштных (находящихся на собственном содержании) воспитанников. Казеннокоштные учащиеся обеспечивались всем необходимым. Кроме постельного белья, рубах (каждому по 3), подштанников, сапог, каждому воспитаннику по заказу шились казакин (полукафтан на крючках со стоячим воротником и со сборками сзади), брюки, нагрудник, башлык, теплое пальто из ватина, суконные фуражки. Приобретаемые книги и учебные пособия переходили в их собственность. По окончании курса обучения казеннокоштные воспитанники обязаны были прослужить в должности учителей сельских начальных народных училищ не менее 6 лет. А те из них, которые желали бы оставить семинарию до окончания курса, или не желающие по окончании ее прослужить в должности народного учителя 6 лет должны были возратить сумму, выданную им в виде стипендий. См.: Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 93. Оп. 1. Д. 3. Л. 3—30; Д. 4. Л. 8—9.

⁸ Василий Тимофеевич Тимофеев (1836—1895) — миссионер, просветитель, педагог, первый священник из крещеных татар, первый заведующий и учитель Центральной крещено-татарской школы, сотрудник и ученик Н.И. Ильминского.

⁹ Ектения (ектенья) — одна из главных составных частей богослужения в православной церкви, когда диакон возглашает определенные молитвенные прошения, а хор на каждое прошение отвечает «Господи, помилуй» или «Подай, Господи». Ектения бывает нескольких видов: великая, сугубая (т.е. усиленная), малая, просительная и др. В основе просительной ектении лежат прошения, оканчивающиеся словами «Господа просим», после которых клирос поет «Подай, Господи». Херувимская песнь — песнь, которая поется на литургии во время совершения Великого входа. Она является как бы переходом от подго-

товительной части литургии к главной — евхаристической, где совершается призывание Духа Святого на дары — хлеб и вино.

¹⁰ Архиепископ Антоний (Яков Гаврилович Амфитеатров) (1815—1879) — выпускник Киевской духовной академии (1839), доктор богословия (1848), почетный член Петербургской академии наук, в 1866—1879 гг. — архиепископ Казанский и Свияжский. Был одним из выдающихся русских архипастырей как по своим личным качествам и административной деятельности, так и по литературным трудам.

¹¹ Речь идет о епископе Викторине (Любимов Валентин Дмитриевич), епископе Чебоксарском, vicарии Казанском в 1868—1874 гг.

¹² Шестаков Петр Дмитриевич (1826—1889) — русский педагог, ученый и общественный деятель, этнограф, историк, переводчик; в 1865—1883 гг. — попечитель Казанского учебного округа. Закончив историко-филологический факультет Московского университета, всю свою жизнь посвятил народному образованию, пройдя путь с самых низших педагогическо-служебных должностей до одного из высших постов в системе Министерства народного просвещения — попечителя учебного округа.

¹³ Скарятин Николай Яковлевич (1823—1894) — действительный статский советник (1864), курский губернский предводитель дворянства (1859—1865), тайный советник (1875), губернатор Казанской губернии в 1866—1880 гг. Награжден орденами Белого Орла, Святого Владимира 2-й степени, Святой Анны 1-й и 3-й степеней, особым знаком отличия за успешное введение в действие положений о крестьянах, знаком отличия «За поземельное устройство государственных крестьян», медалями: золотой — за труды по освобождению крестьян, серебряной — за защиту Севастополя, бронзовой на Андреевской ленте — в память войны 1853—1856 гг. См.: Высшие чины Российской империи: биографический словарь. В 4 т. Т. 4 / сост. Е.Л. Потемкин. М.: [Б. и.], 2019. С. 93.

¹⁴ Бруннер Андрей Осипович (1814—1894) — командующий войсками Казанского военного округа: в 1872—1882 гг. — генерал-лейтенант, с 1873 г. — генерал от инфантерии.

¹⁵ Молебен (или молебное пение) — сугубое (внелитургическое) моление Богу, Пресвятой Богородице, святым по какому-то специальному поводу, когда верующие просят о милости или благодарят за ниспосланные блага (просительные и благодарственные молебны).

¹⁶ Речь идет о Переухине Степане Алексеевиче. «Уволенный из государственных крестьян Саратовской губернии Петровского уезда Петровской пригородной волости д. Бобровка». Семинарию окончил в 1876 г. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 8. Л. 24.

¹⁷ Анатомический театр — музей кафедры анатомии в отделе врачебных наук (ныне — Казанский государственный медицинский университет) Императорского Казанского университета, открыт в 1836 г.

¹⁸ Книги Священного Писания Н.И. Ильминский знал глубоко и тонко, вдумываясь в значение каждого слова. Псалтирь знал наизусть и ее переводу придавал особое значение. По воспоминаниям К.П. Победоносцева: «Бывало, встав, откроет книгу, упадет на псалом, и проснется его филологическое чутье, и заговорит в нем поэтическое чувство — и сейчас напишет изъяснение того или другого слова, со всею его историей, или нарисует поэтическую картину природы, раскрывая смысл вдохновенной речи пророка. Или остановив внимание на слове церковной молитвы, осветит по источникам славянским и греческим ее происхождение, ее смысл грамматический и исторический». См.: *Победоносцев К.П.* Н.И. Ильминский [Некролог]. СПб.: Обществ. польза, 1892. Отд. отд. из журн. «Рус. вестник» (1892, февр.). С. 12.

¹⁹ Речь идет о протоиерее, миссионере, духовном писателе Малове Евфимии Александровиче (1835—1918). Заслуженный профессор Казанской духовной академии по кафедре противомусульманских миссионерских предметов. В 1869 г. рукоположен в священники Богоявленской церкви Казани с сохранением должности профессора, с 1880 г. — протоиерей, с 1886 г. — протоиерей кафедрального Благовещенского собора. В 1875 г. основал частный миссионерский приют в Казани. Член-учредитель Братства святителя Гурия (1867), в 1869—1875 гг. — член его Переводческой комиссии. В 1883—1895 гг. — редактор журнала

«Известия по Казанской епархии». Член-сотрудник (1884), действительный член (1895) Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—4.

²⁰ Речь идет об учебнике по Закону Божию Смирнова Петра Алексеевича (1831—1907) — духовного писателя, богослова, публициста, редактора, педагога, протоиерея, автора многочисленных духовных трудов, в том числе и учебников по предметам курса Закона Божия.

²¹ «Пространный христианский катехизис православной католической восточной церкви» — официальный катехизис Русской православной церкви. Подготовлен в 1822—1823 гг. архиепископом Филаретом (Дроздовым) и впервые издан в 1823 г. Впоследствии катехизис перерабатывался и многократно переиздавался.

²² Сердобольский Александр Павлович (умер 7 мая 1890 г.) — преподаватель русского языка, заведующий мастерскими и староста домашней церкви в Казанской учительской семинарии (1872—1889). В 1889 г. по состоянию здоровья вынужден был переехать в Ставропольский уезд Самарской губернии, где назначен инспектором народных училищ. Особо любимый племянник Н.И. Ильминского (См.: *Витиевский В.Н.* Н.И. Ильминский, директор Казанской учительской семинарии. Казань: Типолит. Императ. Казан. ун-та, 1892. С. 41). Журнал «Исторический вестник» характеризует А.П. Сердобольского как одного «из видных деятелей на поприще народного образования», как человека, представляющего выдающееся исключение: «с университетским образованием, ушедший простым учителем в народную школу и всю свою деятельность посвятивший ей» (См.: *Исторический вестник*. Т. 41. 1890. Июль). С детства отличался живыми способностями и горячностью к учению. Но рано лишился отца, вынужден был учиться в разных учебных заведениях. Из-за болезни не доучился в Казанской гимназии, самостоятельно подготовился и поступил в Казанский университет на историко-филологический факультет (1858). В 1861 г. познакомился с графом Л.Н. Толстым и поехал работать народным учителем в Яснополянскую школу и публиковал статьи в одноименном журнале. Л.Н. Толстой считал его даровитым учителем. Самые теплые отношения остались между писателем и А.П. Сердобольским и после того, как он оставил школу. Подтверждением этому служит и сохранившаяся интересная переписка между ними. См.: Лев Толстой. Полное собрание сочинений. Т. 8. Педагогические статьи: 1860—1863 гг. М., 1936. С. 502, 505—509, 513—517, 626—628, 630, 633, 634; *Ильминский Н.И.* Некролог А.П. Сердобольского // *Исторический вестник*. Т. 42. 1890. Октябрь. С. 278—280; ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—31; Д. 361. Л. 1—36.

²³ Речь идет о приват-доценте физической географии Казанского университета Смирнове Иване Николаевиче (умер в 1880 г.), исследователе земного магнетизма, действительном члене Императорского Русского географического общества. Образование получил в Казанском университете. Вынужденный по домашним обстоятельствам уйти с 3-го курса физико-математического факультета, он в 1862 г. получил место исполняющего должность хранителя университетских музеев. Продолжая слушание лекций в качестве вольнослушателя, в 1863 г. получил звание кандидата физико-математических наук, назначен хранителем Музея физического кабинета. С 1864 г. — приват-доцент физической географии. В 1866—1867 гг. был в заграничной научной командировке. В 1868—1872 гг. — преподаватель математики в Самарской гимназии, а затем снова приват-доцент физической географии в Казанском университете. См.: *Гуревич П.М.* Смирнов Иван Николаевич // *Русский биографический словарь* А.А. Половцова. СПб.: Тип. В. Демакова, 1904. Т. 18. С. 651—652; ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—3.

²⁴ Остроумов Николай Петрович (1846—1930) — исламовед, тюрколог. Выпускник Тамбовской духовной семинарии (1866) и миссионерского противомусульманского отделения Казанской духовной академии (1870). Его учителями были Н.И. Ильминский и Г.С. Саблуков. Получил в Казанской духовной академии степень магистра, остался в ней преподавателем, вскоре возглавил кафедру. В 1877 г. переехал в Ташкент, где работал инспектором народных училищ, затем стал директором учительской семинарии, а позже — директором гимназии. Основатель Туркестанского кружка любителей археологии (1893), член-коррес-

понтент Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии (1904). Редактор «Туркестанской туземной газеты» (1883—1917). См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 16. Л. 1—4.

²⁵ Предположительно, речь идет об учителе чистописания 1-й Казанской гимназии Петре Шестакове, который совмещал работу учителя письма и черчения в Казанской учительской семинарии. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 19. Л. 1—2.

²⁶ Так в документе. В фамилии и имени допущена неточность: по документам фонда Казанской мужской учительской семинарии Государственного архива Республики Татарстан учителем русского языка был назначен Благовидов Прокофий Иванович, выпускник Казанской духовной академии (1870), ранее работавший смотрителем Николаевского духовного училища Самарской губернии. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 27. Л. 1—17.

²⁷ Сердобольский Иван Павлович — выпускник математического факультета Казанского университета (1871). По воспоминаниям С.В. Смоленского, был самородок-педагог с особенными наклонностями к технической части. Его трудами были заведены в семинарии мастерские, слесарная, переплетная с брошюровальной и столярной. См.: Степан Васильевич Смоленский: воспоминания: Казань, Москва, Петербург / Гос. центр. музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки. М., 2002. С. 199. (Русская духовная музыка в документах и материалах; т. 4).

²⁸ И.П. Сердобольский умер 7 мая 1878 г. См.: Письма Николая Ивановича Ильминского [к обер-прокурору Святейшего синода Константину Петровичу Победоносцеву]. Казань: ред. Православ. собеседника, 1895. С. 10.

²⁹ Смоленский Степан Васильевич (1848—1909) — музыковед, палеограф, хоровой дирижер и педагог; преподаватель музыки и пения в Казанской инородческой учительской семинарии (1872—1889), директор Московского синодального училища церковного пения, профессор Московской консерватории (1889—1901). Был большим знатоком и исследователем церковного пения. Собирал и изучал памятники древнерусской музыки. Н.И. Ильминский был крестным отцом С.В. Смоленского, а его супруга Екатерина Степановна — тетей, то есть родной сестрой его матери. Две семьи объединяла «глубокая взаимная любовь», они «были так близки, как будто бы составляли одну семью, жившую только в двух домах» (Степан Васильевич Смоленский: воспоминания: Казань, Москва, Петербург. С. 179). См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—35.

³⁰ Архиепископ Никанор (Никифор Тимофеевич Каменский) (1847—1910) — богослов, археограф. Выпускник Казанской духовной академии (1874), законоучитель Казанской учительской семинарии (1874—1879), ректор Казанской духовной семинарии (1879), с марта 1891 г. — епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии. В 1893 г. перемещен на архангельскую кафедру, с 1896 г. — епископ Смоленский и Дорогобужский, с 1899 г. — епископ Орловский и Севский, с 1902 г. — епископ Екатеринбургский и Ирбитский, с 1903 г. — епископ Гродненский и Брестский, с 1905 г. — архиепископ Варшавский и Привисленский, в 1908—1910 гг. — архиепископ Казанский и Свияжский. Доктор богословия (1905). См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 45. Л. 1—32.

³¹ Александр Павлович Рудаков (1824—1892) — протоиерей, христианский писатель. Участвовал в составлении программы преподавания Закона Божия в гимназиях и прогимназиях ведомства Министерства народного просвещения. Составил учебники Закона Божия, которые служили учебной книгой в некоторых учебных заведениях и вышли в свет во многих изданиях.

³² Витиевский Владимир Николаевич (1845—1906) — выпускник историко-филологического факультета Казанского университета (1870); преподавал русский язык, историю и географию в Уральской войсковой гимназии и женском училище 1-го разряда г. Уральск (1870—1874), Казанской инородческой учительской семинарии (1874—1901) и Марининской женской гимназии (до 1897 г.). Опубликовал более 100 статей, очерков и книг. Часть научных трудов посвящена изучению истории Оренбургского края, Оренбургского и Уральского казачьих войск. Почетный член Оренбургской ученой архивной комиссии (1898), лауреат Уваровской премии. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 41. 190 л.

³³ Федоров Михаил Михайлович до назначения на должность учителя Казанской инородческой семинарии преподавал в Санкт-Петербургской первой гимназии. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 46. Л. 1—9.

³⁴ Речь идет о Казанском Родионовском институте благородных девиц, функционировавшем в 1841—1918 гг.

³⁵ Речь идет о помощнике попечителя Казанского учебного округа Николиче Иване Михайловиче (1820—1879). Выпускник Рижской губернской гимназии и Главного педагогического института, преподаватель русского языка в Дерптской гимназии (1842), старший учитель русского языка в Митавской гимназии, помощник попечителя Казанского учебного округа (с 1862 г.); действительный статский советник (1867). См.: Список гражданским чинам IV класса. СПб.: Тип. Правительствующего Сената, 1879. С. 170.

³⁶ В документе фамилия неразборчива. Музыковед С.В. Смоленский вспоминает об экономе Юлии Ивановиче Мазинге как о страстном цветоводе, устроившем с западной стороны двора семинарии сад с цветником, который так и называли «экономский сад» (Степан Васильевич Смоленский: воспоминания: Казань, Москва, Петербург. С. 199). В официальных документах семинарии упоминается эконом Юлиус Мазинг. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 4. Л. 29; Д. 349. Л. 1—10.

³⁷ Писарем в канцелярии семинарии в период обучения в ней Д.Ф. Филимонова работал Семен Медведовский. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 43. Л. 1—2.

³⁸ Рекеев Алексей Васильевич (1848—1932) — педагог, переводчик, этнограф и общественный деятель; по ходатайству Н.И. Ильминского рукоположен в сан диакона (1878), служил в домово́й церкви при семинарии. В 1881—1917 гг. — священник с. Байглычево, затем работал в Тетюшской учительской семинарии.

³⁹ Степан Падерин был из числа стипендиатов Чистопольского земства. В «Ведомости успехов учеников 3 класса» семинарии по русскому языку и географии за 1874/75 учебный год напротив фамилии Падерина поставлены две отметки «5», в примечаниях преподаватель Владимир Витиевский отметил: «Всегда аккуратен и исправен». У Даниила Филимонова две отметки «3» и написано: «Подает хорошие надежды». См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 64. Л. 13.

⁴⁰ В документе возможна неточность. В журнале заседания педагогического совета Казанской учительской семинарии от 4 июня 1875 г. имеются данные только по двум таким воспитанникам: «Венедикта Косарева и Михаила Никифорова по неудовлетворительным успехам по русской истории и по не вполне благонадежным качествам выпустить из семинарии без права учителей начальных училищ». Получивших свидетельство учителя начальных училищ казеннокоштных воспитанников — 13, в том числе Д. Филимонов; являвшихся стипендиатами Чистопольского земства — 7 человек. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 64. Л. 57—58.

⁴¹ Речь идет о купце 1-й гильдии Пчелине Семене Ивановиче, который выступил подрядчиком при строительстве здания Казанской учительской семинарии и по ходатайству Н.И. Ильминского удостоен серебряной медали «За усердие». См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 4. Л. 1; Д. 76. Л. 1—9.

⁴² «Слава его последнего храма будет больше, нежели прежнего, говорит Господь Саваоф; и на месте сем Я дам мир, говорит Господь Саваоф» (Книга пророка Аггея, гл. 2, стих 9).

⁴³ Телок (*разг.*) — молодой, неопытный или неловкий юноша. См.: *Ефремова Т.Ф.* Современный толковый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. С. 758.

⁴⁴ В свидетельстве об обучении и окончании полного курса учебных предметов Д.Ф. Филимонова, кроме Закона Божия, отличные успехи значатся и по географии. По педагогике, русскому языку, церковнославянскому языку, русской истории, чистописанию и черчению, церковному пению — хорошие, арифметике и геометрии, естествознанию — достаточные успехи. См.: ГА РТ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 64. Л. 82.

⁴⁵ Эта же мысль, весьма примечательная, прослеживается в выступлении Д.Ф. Филимонова на торжестве, посвященном 25-летию со дня открытия Казанской учительской ино-

родческой семинарии (26 октября 1897 г.). Приветствуя участников мероприятия, Д.Ф. Филлимонов отметил: «В других учебных заведениях, как то: духовных училищах, гимназиях, реальных училищах и т.п. — в числе многих предметов преподаются древние классические и новые иностранные языки, иностранная литература, философия и гражданская история. В нашей семинарии этих чужих элементов нет. Здесь весь курс учения ограничивается предметами только русского происхождения: русское православное вероучение, русский и славянский языки, история русской литературы, отечественная история и география. В других учебных заведениях ум и сердце учеников в значительной мере загромождаются древними языческими воззрениями и западноевропейскими умственными произведениями. Наша же семинария этой пищи не дает своим питомцам. Здесь духовная природа учащихся воспринимает только одну родную русскую духовную пищу, без примеси древнего язычества и новой европейской образованности. В других учебных заведениях курс учения очень обширный и продолжительный, воспитанники получают в них массу разнообразных познаний и достигают в значительной степени умственной зрелости. В нашей семинарии юноши учатся только 4 года и познания получают сравнительно в очень скромных размерах. Но семинаристы не должны оскорбляться этим... Для народных учителей не столько высокое разностороннее развитие ума, сколько хорошие нравственные качества. Она требует от них не столько многознания о религиях, а искренней любви и чувства справедливости к своему роду-племени. Во-вторых, семинария дает своим воспитанникам вполне основательную подготовку для самообразования и дальнейшего умственного развития. Желающие и любознательные молодые люди могут умственно совершенствоваться дальше самостоятельным путем. И, в-третьих, хотя семинаристы [имеют] не [очень] большие познания, зато ум и сердце их духовно питаются и обогащаются настоящими русскими произведениями. Ученые врачи доказывают, что для ребенка самая лучшая пища — молоко родной матери, лучше и полезнее которого нет никакой другой пищи для надлежащего вскармливания ребенка. Эту истину можно применить и к воспитанию ума человеческого, для наилучшего развития которого в патриотическом духе лучше и полезнее национального умственного произведения ничего более не может быть. Затем, наша семинария имеет ту особенность, что... инородческие юноши получают здесь одинаковое с русскими образование и воспитание. По окончании курса они возвращаются к своим единоплеменникам в качестве народных учителей, чтоб озарять ум их светом знания и прививать к ним русские государственные и христианские понятия, мысли и чувства, каковых у малоразвитых инородцев, живущих своеобразною некультурною жизнью, нет и не было. В этом смысле наша семинария по справедливости называется инородческою и отличается от всех других русских учительских семинарий». См.: НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 246. Л. 222—225.

⁴⁶ Речь идет о Лазареве Семене Лазаревиче (род. в 1862 г.). В 1879—1883 гг. обучался в Симбирской чувашской учительской школе, впоследствии рукоположен в священники. См.: *Александров Г.А.* Чувашская интеллигенция: истоки. Чебоксары: Чувашия, 1997. С. 28.

⁴⁷ Богатырево — село, в настоящее время административный центр сельского поселения в составе Цивильского района Чувашской Республики.

⁴⁸ Макаров Клементий Макарович — родом из д. Нижние Бюртли-Шигали Буинского уезда (ныне — в составе Комсомольского района), один из первых учеников Симбирской чувашской школы, принимал участие в переводе книг с русского на чувашский язык. В 1873 г. получил звание учителя, работал учителем Кошкинского училища Буинского уезда, в мордовских и русских школах Симбирской губернии. Впоследствии рукоположен в сан священника. См.: *Александров Г.А.* Указ. соч. С. 8; ГИА ЧР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 207. Л. 1—2.

⁴⁹ Чукалы — село в составе Ардатовского уезда Симбирской губернии, в настоящее время в составе Ардатовского района Республики Мордовия.

⁵⁰ Речь идет о д. Чувашское Пимурзино. В дореволюционных источниках упоминается также под названием Пимурзино. Деревня в составе Бурундуковской волости Буинского уезда Симбирской губернии. В настоящее время в составе Буинского района Республики Татарстан.

⁵¹ Средние Тимерсяны — село в составе Симбирского уезда Симбирской губернии, в настоящее время в составе Цильнинского района Ульяновской области.

⁵² Кирпичная — улица в г. Симбирск, на плане города с 1724 г. Название улице дали первые кирпичные заводы, возникшие в XVIII в. в этом районе города на берегу оврага р. Симбирка. С 1918 г. носит современное название — Мира, проходит от ул. Гончарова до ул. Федерации.

⁵³ Острое течение заболевания (основной симптом — приступы лихорадки, повторяющиеся раз в два-три дня), по-видимому, продолжалось около месяца. В письме Н.И. Ильминскому, написанном в октябре 1875 г., И.Я. Яковлев упоминает: «Филимонов — человек, без сомнения, дельный, и из него выработается учитель хороший, занимается он весьма усердно и здоровьем вполне поправился». См.: *Яковлев И.Я. Письма*. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1985. С. 58.

R.N. Magarina

**D.F. FILIMONOV: «KAZAN TEACHERS' SEMINARY HAS LAID
A STRONG FOUNDATION FOR FURTHER EDUCATION IN US»**

The archival document published for the first time is part of the autobiography of the famous missionary priest, teacher, translator, public figure D.F. Filimonov, describing the period of study at the Kazan Foreign Teachers' Seminary. The memoirs, written in vivid, figurative language, convey the atmosphere of the life of the provincial city in the perception of the Chuvash youth, contain information about the internal regulations of the educational institution, the training system, teachers, staff and seminarians. Of particular interest is the information about N.I. Ilminsky as an outstanding personality who had a huge impact on the formation of the life orientations of his pupils. Memoirs are a valuable source for studying the history of the enlightenment of the peoples of the Middle Volga region.

Keywords: D.F. Filimonov, memoirs, Kazan Foreign Teachers' Seminary, N.I. Ilminsky, training, I.Ya. Yakovlev, teacher, A.V. Zhirkevich, Chuvash, peoples of the Volga region.

ЧГВ, 2022, № 17

© Иванов В.П. Рец. на: Чибис А.А. «Верховые чувашки: некоторые итоги и задачи изучения» / А.А. Чибис; науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2022. 40 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 34).

Научный доклад назван «дипломатично» и, казалось бы, довольно просто — «Верховые чувашки», тем не менее для специалистов понятно, что на самом деле в нем речь идет о сложном и многовекторном историко-культурном и этногенетическом взаимодействии чувашей и марийцев, продуктом которого является этнографическая группа верховых чувашей (*вирьял, тури*). Отсюда и проистекает, на мой взгляд, особая научная актуальность темы работы А.А. Чибиса уже в призме этнической истории чувашского народа. Скажем прямо, что специальных работ конкретно по теме о горных черемисах и верховых чувашах нет как у марийских, так и у чувашских ученых. Вопросы формирования субэтнических и этнографических групп обоих народов все, кто что-то писал по данной теме, касались мимоходом, не вникая в суть, а лишь оговаривая их проблематичность и необходимость в «углубленном изучении».

На первый взгляд, доклад структурно выстроен в логическом ключе: состоит из краткого «Введения» и трех разделов. Первый раздел озаглавлен «Хронология расселения в Чувашском Поволжье волжских болгар и начальный этап формирования группы верховых чувашей», второй — «Взаимодействие тюркского суперстрата и финно-угорского субстрата», третий — «Образование территориальных подгрупп верховых чувашей». По моему мнению, название первого раздела, состоящего из двух параграфов — «Постановка проблемы» и «Дискуссия о начальном этапе расселения болгар в Чувашском Поволжье» — не соответствует его содержанию. Думается, что название раздела должно отразить историографическую проблематику верховых чувашей, тем более что автор сам же и указывает здесь, что «так или иначе, но в историографии этногенеза чувашского народа именно марийцы обозначены как автохтонный субстрат верховых чувашей»¹.

Концепция о формировании этнографической группы *вирьял* в результате ассимиляции горных марийцев в XIII—XVI вв. тюркоязычными болгаро-чувашами практически безоговорочно принята большинством специалистов, она приобрела аксиоматический ха-

---

Виталий Петрович Иванов — доктор исторических наук, главный научный сотрудник секции этнологии исторического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: etnovit@yandex.ru.

ракти. Однако нюансы имеют место быть, в особенности у казанских исследователей. По существу, вопрос о формировании этнографической группы *вирьял* имеет стратегический (конечно, в научном плане) характер, ибо он напрямую касается узловых аспектов дискуссии по этногенезу чувашского народа — прежде всего и главным образом проблемы его автотонного или болгарского происхождения.

Нет сомнения, что автор доклада А.А. Чибис, безусловно, профессионал по вопросам истории Чувашии XVI—XVIII вв. Он подошел к теме именно как историк и развернуто проанализировал историографию проблемы верховых чувашей. Рискну отметить, что как по методологии, так и по приемам решения поставленной задачи доклад А.А. Чибиса перекликается с аналогичной по формату работой С.В. Охотниковой (тоже, кстати, историка) «Ясачные чувашы»². Думаю, что если бы авторами докладов на данные темы были «спецы-этнологи», то они точно основное внимание уделили бы не столько историографии вопроса, сколько этнокультурным аспектам.

А.А. Чибис произвел критический обзор наиболее распространенной (особенно в 1950—1960-е гг.) концепции П.Н. Третьякова, Н.И. Воробьева, К.И. Козловой и др. о том, что основу верховых чувашей (а то и вовсе всего чувашского народа) составили проживавшие на севере Чувашского края горные черемисы, «заимствовавшие от пришлых болгар тюркский язык, но сохранившие значительный пласт традиционной материальной культуры»³, что «этническое ядро верховых чувашей составили марийцы»⁴. Здесь А.А. Чибис совершенно правильно указывает, что такой вывод «не содержит в себе логичных объяснений», и обоснованно удивляется, что как «ассимилированный» субстрат мог составить «этническое ядро» образовавшейся в процессе ассимиляции этнографической группы⁵?

Главное достоинство доклада А.А. Чибиса заключается в том, что ему удалось достаточно содержательно и при этом корректно осветить и сопоставить разные версии формирования этнографической группы *вирьял*. Дискуссия идет вокруг научной достоверности весьма распространенной концепции о том, что более развитый, но малочисленный болгарский суперстрат наложился в период XIII—XVI вв. на больший по численности местный марийский субстрат, в результате чего сформировалась не только верховая группа чувашей, но и весь чувашский этнос в целом. Заключая работу, А.А. Чибис отмечает (выражая тем самым и свою солидарность), что в вышедших на рубеже XX—XXI вв. работах чувашских ученых (Н.И. Егоров, Е.А. Ягафова и др.), затронувших историю складывания этнографических групп и подгрупп чувашей, однозначно подтверждается, что главную роль в генезисе всех их сыграл болгарский суперстрат. Другой вопрос — в каждом случае в какой мере?

Следует отметить, что в докладе весьма солидно представлены материалы и дискуссии археологов, хотя последние и не изучали специально вопросы образования этнографической группы *вирьял*, и касались их большей частью косвенно, исследуя проблему территориального расселения болгар в северных и северо-западных районах Чувашского края. Что интересно, в результате анализа А.А. Чибисом разных точек зрения П.Н. Третьякова, А.П. Смирнова, В.Ф. Каховского, Р.Г. Фахрутдинова, Ю.А. Краснова, все равно, в конечном итоге, вырисовывается принципиальный вывод о складывании верховой группы чувашей не ранее XIV — начала XV в. в ходе значительного притока болгар в пределы Чувашского Поволжья и ассимиляции ими части местного горномарийского населения⁶.

По ракурсу постановки основного вопроса тема доклада в какой-то мере перекликается с проблематикой «ясачных чувашей». Дело в том, что вопрос о том, кем же были в действительности «ясачные чувашы» Казанского уезда — чувашами или этническими татарами, — для чувашских историков имеет один однозначный ответ: конечно же, чувашами, ибо как мог этнический татарин называться чувашом? Между тем большинство казанских исследователей полагает, что «ясачными чувашами» обозначали в XVI—XVII вв. социальную группу ясачных татар, то есть речь идет в одном случае об этнониме, а в другом — о социониме⁷. Даже при том, что научное обоснование у казанских коллег явно шаткое, они продолжают напористо и системно заниматься изучением этого этносоциального феномена, в то время как чувашские ученые проявляют вялый интерес к этой теме: «А что ее изучать? Зафиксировано же в источниках, что это были чувашы, а значит они этнические чувашы и есть, какие могут быть сомнения!»

Кажется, с точностью до наоборот обстоит вопрос об участии горных марийцев в этногенезе чувашского народа. Нет ни одной солидной монографии чувашских авторов, где хотя бы мельком не рассматривалась данная проблема в плоскости аргументации факта формирования верховых чувашей в результате ассимиляции пришлыми тюркоязычными булгаро-чувашами части горномарийского населения северных и северо-западных районов Чувашского края. Между тем, на мой субъективный взгляд, создается впечатление, что для марийских ученых данная тема не представляется актуальной, ибо для них априори ясно, что, поскольку во всех источниках XIV—XVII вв. население северных районов Чувашского Поволжья зафиксировано под именем «горных черемиса» (т.е. марийцы), то какой может быть разговор о чувашах?

Чтобы не быть голословным, приведу лишь два примера. В коллективном труде «Марийцы» (2005) в разделах, посвященных истории мари в XIII—XVII вв., нет ни одного упоминания чувашей, и даже никак не затрагивается вопрос о чувашско-марийском этногенетическом и культурно-языковом взаимодействии. И лишь в одном месте оговаривается: «...до XVII века черемисами в официальных документах нередко называли чувашей, иногда и удмуртов»⁸. В капитальной монографии «Марийцы» (2018) в разделе «Марийский край в XIII—XVIII вв.» чуваша упомянуты 1 раз⁹. Для сравнения обратимся к тому «Чуваши» (2017), вышедшему в рамках серии «Народы и культуры» Российской академии наук¹⁰. Здесь в разделах, посвященных этнической истории чувашей, марийцы (как горные, так и луговые) упоминаются 25 раз.

Интересно отметить, что известный чувашский этнограф Г.И. Комиссаров — первый, кто подробно охарактеризовал расселение и культурно-языковые особенности этнографических групп чувашей в своем исследовании «Чуваши Казанского Заволжья» (1911), в описании группы *вирьял*, занявшем 8 книжных страниц, термин «черемисы» упоминает всего лишь один раз, отмечая, что в речи чувашей-вирьял есть слова черемисского происхождения, что с. Малое Карачкино и соседние с ним деревни даже в XVIII в. были черемисскими, что жители их охотно вступают в родственные связи с черемисами. «Даже русские, хорошо знакомые с татарами, мордвой, познакомившиеся потом с черемисами, долго не могли отличить чуваш от других племен, их соседей, верховых чуваш они смешивали с черемисами, а низовых — с татарами; кроме того, часто и чуваш, и черемис вместе называли “горными служилыми татарами”»¹¹. И все!

Не менее удивительно, что также и другой выдающийся чувашский историк и этнограф Н.В. Никольский в «Кратком конспекте ...» (1919)¹² и «Кратком курсе этнографии чуваш» (1928)¹³ совершенно проигнорировал вопрос о формировании группы вирьял в результате ассимиляции булгаро-чувашами части горных марийцев. Это тем более странно, если иметь в виду, что материал для своих работ он собирал, главным образом, в зоне активного чувашско-марийского культурно-генетического и языкового взаимодействия. Н.В. Никольский упоминает термин «черемисы» только в одном случае, когда приводит сравнительные данные Н.П. Федорова о показателях среднего роста цивилиских и козьмодемьянских чувашей, а также луговых и горных марийцев¹⁴. Кстати, весьма примечательно, что, как выясняется, согласно им высокорослые мужчины (выше 170 см) чаще встречаются среди горных марийцев и козьмодемьянских чувашей, и, соответственно, среди них же меньше выявилось и низкорослых (менее 160 см). Между тем соответствующие показатели цивилиских чувашей и луговых марийцев близки и сильно не различаются.

И вот свежий пример относительно степени внимания к проблематике чувашско-горномарийского взаимодействия уже со стороны современных чувашских исследователей. В книге А.А. Осипова «Чувашская свадьба» (2007), основанной почти только на материале верховых чувашей, совершенно проигнорированы чувашско-горномарийские этнокультурные и этномузикальные связи и параллели, при том, что сведения и наблюдения автором были собраны в большинстве своем в бывших горномарийских, а ныне уже чувашских селениях (Малое Карачкино, Юнга и др.).

В XIII—XIV вв. в северной части территории современной Чувашии численно преобладали предки марийцев «черемисы»¹⁵. Но и после того, как ее заняли чуваша, ассимилировав или вытеснив марийцев из ее северо-восточных районов, русские летописцы и чиновники

на протяжении XVI—XVII вв. продолжали называть население, жившее восточнее нижней Суры, «нагорными черемисами», «черемисскими татарами», или же просто «черемисами», хотя горные марийцы занимали небольшую территорию восточнее ее устья. У А.Ф. Риттиха чуваша Козьмодемьянского и Чебоксарского уездов названы «горными служилыми татарами». Он же сообщает, что и в Оренбургской губернии «чувашей долгое время звали и зовут еще до ныне горными татарами»¹⁶. Летописные «черемисы» — это, несомненно, марийцы. Впоследствии же под «черемисами» выступают не только марийцы, но и чуваша и отчасти удмурты. В.Д. Дмитриев четко обозначает: «...под “горными черемисами”, а также “черемисами” и “черемисскими татарами» правобережья Волги выступают в основном чуваша и небольшая группа горных марийцев; “горные черемисы”, “черемисы” и “черемисские татары” Курмышского, Свяжского, Цивильского, Чебоксарского, Ядринского уездов, восточной части Козьмодемьянского и правобережной части Кокшайского уездов — чуваша, а западной части Козьмодемьянского уезда — горные марийцы»¹⁷.

Марийцев «горными» и «луговыми» назвали русские соседи, желая подчеркнуть особенности рельефа местности, на которой обитал народ. В «Казанском летописце» середины XVI в. отмечалось: «Две бо черемисы бе в Казанской области, а языка их три... едина убо черемиса об сю страну Волги сидит, промеж великих гор, по удолиям, и та слово горная; другая же черемиса об ону страну Волги живет, и та ся наричет луговая, низоты ради и равности земли тоя...»¹⁸. Летописец, упоминая о двух черемисах, имел в виду горных (горных мари и чувашей) и луговых (луговых мари и удмуртов). Далее он подчеркивал, что в состав черемисов входили «три языка» (народа): мари, чуваша и удмурты. Таким образом, можно констатировать, что в середине XVI в. при выделении луговых и горных черемис обращалось внимание на их соседство с чувашами (горные мари) и удмуртами (луговые мари)¹⁹.

Сильно удивил меня А.А. Чибис тем, что он по совершенно необъяснимой причине проигнорировал крылатое, а по существу научно емкое высказывание А.М. Курбского. Как известно, князь, описывая поход русских войск на Казань в 1552 г., записал: «Егда же переплывишася Суру реку, тогда и черемиса горная, а по их чуваша зовомые язык (т.е. народ. — *В.И.*) особливый»²⁰. А ведь, в сущности, в этом одном предложении А.М. Курбский одновременно обрисовал и раскрыл суть этногенетической взаимосвязи горных марийцев и чувашей-вирьял: население Горной стороны называлось черемисой горной, но сами себя именовали «особым» народом — *чувашами*. Следует иметь в виду, что войска А.М. Курбского двигались на Казань не по северным районам Чувашии, а выступив из Алатыря, далее шли по южным, юго-восточным и восточным районам края, по территории Западного Присвияжья, заселенным не марийцами, а болгаро-чувашами. Потому именно чуваша, а не марийцы, и встречались А.М. Курбскому по пути движения его войск к Свяжску. Тем не менее, что интересно, марийские исследователи все-таки ссылаются на А.М. Курбского: «Вопрос о строительном деле марийцев во многом проясняет А.М. Курбский, который наблюдал во время похода на Казань в 1552 г. в южной части Чувашского Поволжья: “...сел со живущими зело мало, понеже у них села при великих крепостях ставлены и незримы, а ще и по близку ходящем”»²¹.

Самую первую попытку составить картосхему с марийскими и мордовскими топонимами сделал В.А. Нестеров в 1980 г., но она имела весьма общий характер. С удовлетворением отмечу, что археологи Н.С. Мясников и Н.С. Березина составили и опубликовали в 2021 г. информационно насыщенную карту финно-угорской (т.е. марийской и мордовской) субстратной топонимики Чувашского Поволжья, а также карту расположения в северных районах края марийских могильников X—XI вв. и чувашских языческих могильников XVI—XVII вв. с марийскими признаками²².

В вопросе о том, насколько широко расселялись горные марийцы в северных и северо-западных районах Чувашии, кажется, споров нет. Одним из главных аргументов, подтверждающих данный исторический факт, является многочисленность в этой части республики ойконимов и гидронимов марийского происхождения. При этом особенно примечательным выглядит один нюанс данного историко-этнографического явления, а именно: во всех селениях с марийскими названиями сегодня проживают не марийцы, а чуваша, что недвусмысленно свидетельствует о том, что начиная с рубежа I—II тыс. н.э. местное марийское население подвергалось ассимиляции болгаро-чувашами.

Данный важнейший аспект проблематики А.А. Чибис не обошел вниманием. Да и нельзя было иначе. Он привел данные марийского лингвиста И.С. Галкина о выявленных им 67 топонимических названий (селений, речек, озер и др. мест). При этом А.А. Чибис, ссылаясь также и на известного чувашского лингвиста М.Р. Федотова, указывает, что основными определителями топонимов финно-угорского, главным образом марийского происхождения, являются окончания *-нер (-нар)*, *-анар/-енер*, *-нар/-нер*, то есть «фека», *-мара (-мере)*, *-мар (-мер)*²³. По правде говоря, Н.С. Мясников и Н.С. Березина в основу своей карты положили только эти общеизвестные форманты, хотя и добавили еще *-ваиш/-веш*, *çармăс (чирмыш)*. Полагаю, что в ходе изучения на территории Чувашии топонимов с формантами и окончаниями марийского (а в общем и целом — финно-угорского) происхождения следует опереться на более широкий круг вышеуказанных показателей, а именно: *ер* — «озеро», *энтер* — «речка», *маска* — «медведь», *памаш* — «родник», «ключ», *шем* — «черный», «темный», *лудо* — «утка», *нур* — «поле», «нива», «степь», *пече*, *пичы* — «изгородь», *куш* — «темный», «тяжелый», *ершу* — «проток», «речка», *кошла* — «лес», *мочка* — «медлительный», *ур* — «белка», *сонар* — «чистая река», *эре* — «чистый», *шано* — «уклон», «обрыв», *тисе* — «быстрый», «прыткий», «бойкий», *кар* — «ограда», «крепость».

Опираясь на опубликованные материалы И.С. Дубанова, В.А. Нестерова, Л.И. Иванова и других авторов²⁴, нам удалось насчитать на территории Чувашской Республики 101 селение с названиями марийского (финно-угор.) происхождения, главным образом в Чебоксарском (14), Моргаушском (12), Цивильском (11), Ядринском (10), Вурнарском (9) и Аликовском (7) районах. Кроме того, по моим подсчетам, марийское (финно-угор.) происхождение имеют 67 гидронимов (рек, речек и озер), зафиксированных в основном в Чебоксарском (11), Моргаушском (7), Ядринском (7), Красночетайском (9), Аликовском (9) и Вурнарском (7) районах.

На мой взгляд, А.А. Чибису можно было бы на основе имеющихся топонимических данных составить свою, авторскую, картосхему топонимов марийского происхождения на территории Чувашии и таким образом, в какой-то мере, сделать попытку очертить контуры географии формирования этнографической группы верховых чувашей. Пока же, кроме краткого указания в начале доклада на наличие в Чувашии марийской топонимики, данный важный аспект обсуждаемой проблематики остался, к сожалению, не развернутым. Поразительно и то, что в докладе не упомянуто (надо было хотя бы из приличия) ни одно чувашское селение с названием явно марийского происхождения.

На что еще хотел бы обратить внимание. Вслед за Ю.А. Красновым и В.Д. Димитриевым А.А. Чибис тоже склонен абсолютизировать чисто умозрительное (на мой взгляд) предположение о малочисленности переселившихся на правобережье Волги групп булгар, и утверждает, что они не могли «преобладать над численностью проживавших в Чувашии финно-угров»²⁵. Между тем следовало бы иметь в виду тот исторический факт, что переселение булгар с юга в Среднее Поволжье происходило по территории обоих берегов Волги. На это указывает, к примеру, и Тетюшский могильник. Иначе говоря, основой чувашей могло послужить то булгарское население, которое, возможно, изначально осело на правобережье Волги и со временем расселялось вширь, а в результате, что естественно, частью вступило в ассимиляционное взаимодействие с горными марийцами и заложило основу для формирования этнографической группы верховых чувашей (*вирьял*). Возможно, по этой причине эта группа булгар и не подверглась влиянию ислама и сумела сохранить исконный «р»-язык? А позднее (XIII—XIV вв.) мигранты с левобережья Волги уже привнесли на правобережье элементы исламской религии и татарского языка, что и получило отражение в специфике «языческой» культуры чувашей²⁶. Конечно, можно только предположительно полагать, что те группы, которые мигрировали с юга на север по правобережью Волги, уже на ранних этапах булгарской истории осели в Присвияжье и стали основой чувашского этноса. Но вопрос остается открытым...

И еще одно замечание. А.А. Чибис вслед за П.Н. Третьяковым, Н.И. Воробьевым, Ю.А. Красновым и др. несколько однобоко утверждает, что «основным камнем преткновения» между сторонниками автохтонной и булгарской теорий стал вопрос о выборе основного этнического признака верховых чувашей: 1) материальная культура, 2) язык²⁷. На самом же

деле речь должна идти обо всем комплексе этнокультуры, в том числе об обрядах, традициях, календарных праздниках, семейно-свадебной обрядности (см. работы А.А. Осипова), песенно-музыкальной культуре (см. работы М.Г. Кондратьева), мифологических сюжетах, вышивке и украшениях костюма (см. работы Г.Н. Иванова-Оркова) и т.д.

В свете темы обсуждаемого доклада весьма интересными представляются данные об особенностях этногрупповой идентификации сельского чувашского населения, полученные в ходе крупного статистико-этнографического исследования, осуществленного в Чувашии в 1981—1982 гг. совместно с московскими этнографами. Судя по ним, ясное представление об этнографических группах народа имеют 20,7 % опрошенных, слабо знают 38,0 %, не знают — 41,3 %. Но в данном случае примечательно другое, а именно: сколько же процентов опрошенных относит себя к той или иной этнографической группе? Так вот, к низовым чувашам причисляют себя 20,1 %, к средненизовым — 7,3 %, к верховым — 19,8 % и не причисляют себя ни к какой группе — 52,8 %²⁸. Таким образом, выясняется, что почти половина современных сельских чувашей продолжает осознавать, пусть и не столь выразительно, как это имеет место быть у марийцев и мордвы, наличие в структуре народа этнографических подразделений. Следовательно, изучение этнографических групп народа остается актуальной не только в сугубо научно-познавательном плане, но и в аспекте исследования происходящих в нем внутренних процессов, в том числе и этноидентификационного характера.

Общий научно-теоретический уровень доклада А.А. Чибиса позволяет говорить о бесспорной новизне поставленной в нем проблемы. Его основное достоинство — широкий круг использованных публикаций и критический разбор разных точек зрения по вопросу формирования группы верховых чувашей. Тема, безусловно, требует продолжения изысканий, выявления фактов, аргументации концепций и т.п. для вынесения научно выверенных заключений.

Литература

¹ Чибис А.А. Верховые чувашы: некоторые итоги и задачи изучения. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 7. (Научные доклады ЧГИГН; вып. 34).

² Охотникова С.В. «Ясачные чувашы»: некоторые итоги и задачи изучения. Чебоксары: ЧГИГН, 2014. (Научные доклады ЧГИГН; вып. 16).

³ Чибис А.А. Указ. соч. С. 12.

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 10.

⁷ Галлямов Р.Ф. Административные даруги Казанского ханства: опыт реконструкции // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Ин-т истории АН РТ, 2002.

⁸ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 35.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Чувашы. М.: Наука, 2017.

¹¹ Комиссаров Г.И. Чувашы Казанского Заволжья // ИОАИЭ. Т. XXVII. Вып. 5. Казань, 1911. С. 323—324.

¹² Никольский Н.В. Собрание сочинений. В 4 т. Т. I. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. С. 33—105.

¹³ Там же. С. 106—310.

¹⁴ Там же. С. 126.

¹⁵ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1986. С. 13.

¹⁶ Чувашы: история и культура. Историко-этнографическое исследование. В 2 т. Т. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 29.

¹⁷ Димитриев В.Д. Указ. соч. С. 14.

¹⁸ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2018. С. 134.

¹⁹ Там же.

²⁰ Курбский А.М. История о великом князе Московском. СПб.: Изд-во Археологич. комиссии, 1913. С. 18.

²¹ Марийцы. Историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 32.

²² Мясников Н.С., Березина Н.С. Некоторые узловые проблемы средневековой истории чувашских и казанских татар в свете данных археологии // Татары и чувашы — ветви одного древа / Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7—8 октября 2021 г.). Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 66—67.

²³ Чибис А.А. Указ. соч. С. 6.

²⁴ Дубанов И.С. Географические названия Чувашской Республики. Краеведческий словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013; Нестеров В.А. Над картой Чувашии. Историко-топонимические заметки. Чебоксары, 1980; Иванов Л.И. Чуваши: формирование этнографических групп и подгрупп (на территории Чувашии). Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012.

²⁵ Чибис А.А. Указ. соч. С. 17.

²⁶ Месарош Д. Памятники старой чувашской веры: пер. с венг. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 20.

²⁷ Чибис А.А. Указ. соч. С. 16, 28.

²⁸ Чуваши: история и культура. С. 156.

ЧГВ, 2022, № 17

© Ягафова Е.А. Рец. на: Чибис А.А. «Верховые чувашы: некоторые итоги и задачи изучения» / А.А. Чибис; науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2022. 40 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 34).

Доклад посвящен истории изучения верховой этнографической группы в составе чувашского этноса и перспективам научного исследования истории формирования и этнокультурной специфики группы. Работа содержит подробный историографический анализ по теме. Автором рассмотрен обширный список научной литературы — труды известных специалистов по археологии, этнографии, языкознанию, этнической истории чувашского народа. Вероятно, впервые тема истории и этнографии отдельной этнографической группы (в данном случае *вирьял*) получила системное и детальное освещение.

Интерес исследователя к теме вызван особенностями генезиса группы — взаимодействием двух этногенетических компонентов: финно-угорского субстрата и тюркского суперстрата. В процессе анализа материала автор справедливо заостряет внимание на ключевых вопросах темы: 1) определение начального этапа этого взаимодействия, связанного с дискуссионным вопросом о расселении волжских булгар в Чувашском Поволжье, и 2) оценка результатов взаимодействия, предполагающая ответ на вопрос: было ли взаимодействие суперстрата и субстрата культурно-языковым влиянием, ассимиляцией или «органическим синтезом»? А.А. Чибис обращает внимание на то, что в поиске ответов на эти вопросы некоторые исследователи рассматривали межэтническое взаимодействие на уровне отдельных подгрупп *вирьял*, испытывавших разную степень финно-угорского влияния в культуре.

Анализ материала позволил А.А. Чибису сформулировать вывод о том, что изучение генезиса группы «происходило в рамках рассмотрения хронологии и результатов этнического взаимодействия в Чувашском Поволжье автохтонного финно-угорского, прежде всего марийского, субстрата и пришлого тюркского суперстрата» (с. 27). Однако автор отме-

---

Екатерина Андреевна Ягафова — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой философии, истории и теории мировой культуры Самарского государственного социально-педагогического университета (г. Самара); e-mail: yagafova@yandex.ru.

чает, что исследователями предлагались разные версии генезиса: автохтонная и болгарская, различавшиеся выбором «основного этнического признака верховых чувашей: 1) материальная культура, 2) язык» (с. 28). Анализ материала подкреплен логичными выводами по разделам доклада и в его заключении, где содержится также ряд рекомендаций по дальнейшему изучению темы: проведение междисциплинарного исследования, решение вопроса с хронологией формирования группы, изучение вопроса о судьбе марийского населения Чувашского Поволжья, а также марийского влияния на верховую и другую этнографические группы чувашей.

Оценивая в целом положительно результаты исследования, проведенного А.А. Чибисом, позволю высказать ряд критических замечаний:

1. Во вводной части следовало бы уточнить, что автор рассматривает одну из генетических этнографических групп в структуре чувашского этноса, состоящего также из 6 территориальных этнографических групп.

2. Работа носит сугубо историографический характер, поэтому название третьей главы «Образование территориальных подгрупп верховых чувашей» не вполне соответствует содержанию. Автором не проводится анализ обозначенной проблемы с привлечением каких-либо новых данных, не высказывается новая, оригинальная версия происхождения подгрупп *вирьял*, а всего лишь описывается и анализируется вклад ряда исследователей в решение данной проблемы, что и должно быть отражено в названии главы.

3. Если итоги изучения верховых чувашей подведены основательно, точно, то задачи изучения значительно уступают им по степени (глубине, масштабу) обоснования предлагаемых направлений исследования темы в будущем. Автором правильно задан вектор исследований, показаны проблемные точки, которые могли бы (а с учетом заявленной темы — должны бы) вырасти в комплексную программу изучения верховой этнографической группы, включающую, в том числе, подпрограмму этнологического исследования культурно-диалектной специфики группы и ее подгрупп. И в этом направлении можно было предложить конкретные шаги для решения неизученных или малоисследованных вопросов темы: например, провести более детальное исследование этнографического материала по календарной обрядности, материальной культуре (пища, жилище), продолжить изучение брачной обрядности (кстати, автор не обратил внимания на работу А.А. Осипова о вирьяльской свадьбе — прекрасный пример междисциплинарного этномузыковедческого подхода), костюма с привлечением как архивного, так и полевого материала. Изучение этих этнокультурных институтов в динамике позволило бы оценить направленность этнических процессов в группе в исторической ретроспективе.

Другой важный аспект — кросс-культурные исследования *вирьял* и этнографических групп марийцев, которые проводятся, но фрагментарно и, как правило, на уровне этносов (чувашаи — марийцы), в то время как более продуктивным является именно анализ на уровне групп и подгрупп этих народов, с учетом их культурно-языковой специфики. Такой подход продиктован самой природой этнической культуры — вариативностью. Как показывает мой опыт изучения этнотерриториальных групп чувашей, локальные варианты культуры транслируются во времени (300 лет и более) несмотря на миграции, религиозную конверсию, иноэтничное воздействие и т.д.

Здесь высказаны лишь некоторые мои замечания как этнолога, появившиеся в ответ на тезисы рецензируемого доклада А.А. Чибиса. Вероятно, более детальная проработка вопроса этнографами, а также профессиональный взгляд археологов, языковедов, физических антропологов (!) и других специалистов в области этнической истории могли бы существенно дополнить комплексную программу исследования верховых чувашей.

В целом, критические замечания не умаляют научной значимости доклада и могут быть рекомендованы автору для улучшения качества настоящего исследования и его продолжения в будущем.

Доклад кандидата исторических наук Д.В. Басманцева «Чуваши в имперской системе власти России во второй половине XVI — начале XVIII века: опыт историко-правового анализа» посвящен актуальной научной проблеме. На протяжении длительного времени история становления, развития и распада Российской империи является одним из ведущих направлений отечественной историографии и, несомненно, останется таковым в обозримом будущем. Неотъемлемой частью данной обширной темы является исследование вхождения и пребывания в составе империи представителей различных этносов и конфессий. «Прирастание» России окраинами растянулось с середины XVI — до конца XIX в., представив миру разные варианты решения «национального вопроса» и правовой интеграции нерусского населения.

Попытки обобщить этот исторический опыт предпринимались разными авторами, получив наиболее законченное концептуальное оформление в трудах А. Каппелера, В.С. Дякина, А.И. Миллера. Однако стремление к целостному осмыслению национальной политики не отрицает необходимости ее изучения в региональном и этноконфессиональных измерениях. Напротив, без взгляда «с мест», анализа применимости общих теоретических построений к реальным территориям, народам и конфессиям, без привлечения местного эмпирического материала невозможно в должной мере понять и осмыслить феномен Российской империи.

В докладе Д.В. Басманцева проблема правовой интеграции нерусских народов рассмотрена на примере чувашей Среднего Поволжья. Это первый подобный опыт в чувашской историографии, который можно считать удачным как в плане постановки проблемы, так и с точки зрения ее решения.

Перед автором доклада стояла непростая задача. Скучность публично-правовых актов о чувашах, в особенности по периоду второй половины XVI — первой половины XVII в., вынудили его прибегнуть к методу исторической реконструкции, широко использовать документы, адресованные другим народам Среднего Поволжья, а также Приуралья, Сибири, Казахстана, Кавказа. У данного подхода есть свои достоинства и недостатки. С одной стороны, он позволяет в какой-то мере восполнить имеющиеся лакуны, показать общность судеб разных этносов, населявших Россию. Не секрет, что Среднее Поволжье исторически сыграло роль своеобразного полигона, где выработывались основные принципы и инструменты национальной политики, которые затем использовались в других частях империи.

В то же время не следует излишне увлекаться поиском аналогов и параллелей, поскольку есть опасность выдать желаемое за действительное. В частности, выскажу пожелание автору максимально взвешенно применять к чувашам-земледелцам данные по народам, придерживавшимся кочевого или полукочевого образа жизни (калмыкам, казахам, отчасти башкирам). Даже в XIX в., в Уставе «Об управлении инородцев» 1822 г., нерусское население Сибири было разделено на «оседлых», «бродячих» и «кочевых» «инородцев», правовой статус которых не был одинаков.

Кроме того, этносы, упомянутые в докладе, входили в состав Российского государства в разное время, в разных исторических условиях, на разных стадиях развития российского законодательства. Данный фактор также необходимо учитывать при анализе конкретных правовых норм, как и влияние местных правовых традиций на решения, принимаемые царской администрацией.

Айдар Ильсурович Ногманов — кандидат исторических наук, доцент, ведущий Отделом историко-культурного наследия народов Республики Татарстан Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань); e-mail: nogmanov_a@mail.ru.

Переходя к анализу содержания доклада, отметим, что Д.В. Басманцев проделал серьезную исследовательскую работу, проанализировал и обобщил значительный пласт источников и литературы, что позволило ему: 1) максимально конкретизировать прежние, довольно размытые представления о правовом положении чувашей в составе Российского государства; 2) выделить сферы жизнедеятельности чувашского населения, являвшиеся предметом основного внимания царской администрации во второй половине XVI — начале XVIII в.; 3) подтвердить на историко-правовом материале о чувашах справедливость известного тезиса об общности судеб народов Среднего Поволжья, в том числе о сходстве их правового положения.

При знакомстве с докладом создалось впечатление, что автор ограничен некими заданными рамками, которые не позволяют ему представить на суд читателя весь накопленный материал, развернуть положения и мысли, изложенные в тезисной форме, подтвердить сделанные выводы ссылками на конкретные исторические источники. В этой связи выражаем надежду, что Д.В. Басманцев продолжит данное исследование, которое имеет все основания превратиться в серьезный научный труд, закрывающий многие лакуны в истории чувашского народа.

Практически каждый раздел работы посвящен актуальной и, как правило, дискуссионной для истории Волго-Уральского региона проблеме. В их числе социальный статус ясачных чувашей, который невозможно рассматривать в отрыве от положения соседних этнических общностей и вне системы ясачного обложения.

Д.В. Басманцев трактует *ясак* шире устоявшихся представлений о нем как специфической форме налогообложения. Для автора доклада ясак выступает как «универсальный социокультурный инструментальный» имперской политики. Это весьма интересный подход, заслуживающий дальнейшей теоретической проработки.

Другой важный вопрос, затронутый в докладе, — положение служилых чувашей в региональной системе управления. Содержание раздела показывает, что данная категория населения до сих пор малоизучена, вследствие чего при определении ее правового статуса автор вынужден опираться на документы, относящиеся к феодальной верхушке других нерусских народов. Впрочем, и с ними ситуация оставляет желать лучшего, что заставляет задуматься о необходимости комплексного исследования состояния феодальных элит Волго-Уральского региона в доимперский период, и тех социальных трансформаций, которые они испытали в петровскую и последующие эпохи.

Обратим внимание на ценные наблюдения и выводы автора, в частности тезис о том, что избирательность в политике государства в отношении нерусской феодальной верхушки объяснялась востребованностью в службе конкретных лиц или отдельных категорий населения. В целом утверждение о гибкости имперской политики проходит красной нитью через всю работу Д.В. Басманцева, подтверждаясь обоснованными фактами. В этом мы усматриваем одно из свидетельств его объективности как исследователя, а также результат применения сравнительно-исторического метода, наиболее оптимального для решения поставленных задач.

К сожалению, в докладе крайне лаконично представлены сюжеты, касающиеся института «аманатов» и других форм имперской политики, с помощью которых царская администрация осуществляла контроль над нерусским населением, добываясь его лояльности. Возможно, из-за ограничений в объеме рецензируемой работы при упоминании запрета кузнечного и серебряного дела и продажи чувашам заповедных товаров, автор опускает вопрос о снабжении оружием чувашских служилых людей, которым оно было необходимо для выполнения воинских обязанностей. Между тем данная проблема была также актуальна для служилых татар и мордвы, и государство ее как-то регулировало.

Особое место в докладе занимает раздел, посвященный судебно-правовой практике. Нельзя не согласиться с Д.В. Басманцевым, указавшим на сложность освещения данной проблемы. Основным кодексом страны до принятия Соборного уложения 1649 г. являлся Судебник 1550 г., появившийся до вхождения Среднего Поволжья в состав Российского государства. По этой причине в нем не были прописаны правовые нормы в отношении нерус-

ского населения. Лакуны в официальном законодательстве обусловили сочетание в судебно-правовой практике региона норм ханского периода и Русского государства. К сожалению, автор доклада никак не конкретизирует это свое бесспорное утверждение.

Из-за скудности публичных нормативно-правовых актов многие детали судопроизводства и полномочий различных должностных лиц Д.В. Басманцев реконструирует по наказам воеводам, большая часть которых была введена в научный оборот В.Д. Димитриевым. Анализ составных элементов судебной системы, деклараций власти и принимаемых ею решений, позволили автору очертить круг приоритетов, лежащих в основе функционирования судебных органов: 1) поддержание порядка и соблюдение законности, предотвращение «шатости и смуты» на вверенной территории; 2) обеспечение интересов государственного фиска; 3) отстаивание интересов православной церкви. На раннем этапе правовой интеграции одним из приоритетов являлось привлечение на сторону царской администрации верхушки нерусских народов в лице сотенных князей и «лучших людей».

Несмотря на общую тенденцию к унификации, государство допускало отступления в отношении судопроизводства отдельных категорий нерусского населения. Д.В. Басманцев показывает это на примере северных удмуртов, бесермян и мордвы, находившихся в подчинении дворцового ведомства. Такие исключения из общих правил свидетельствуют о сложности процесса инкорпорации и побуждают к поиску причин правового обособления, которые в данном конкретном случае были обозначены.

Нельзя не отметить способность Д.В. Басманцева к обобщениям, делать важные выводы на основании отдельных разрозненных фактов. Одним из них является вывод о постепенном вхождении в судебную практику местных органов управления традиционных норм народов. Данное положение находит подтверждение в законодательстве о татарах, свидетельствуя о том, что процесс правовой интеграции шел с двух сторон. Государство не только навязывало нерусским народам некие общие установки, но и заимствовало у них определенные нормы, инкорпорируя их в общероссийскую правовую систему.

Обязательным и вместе с тем самым традиционным по содержанию выглядит раздел о конфессиональной политике. Никакого криминала в этом нет, поскольку данная тема находится в поле зрения профессиональных историков со второй половины XIX в. и ей посвящена обширная историография.

Во время знакомства с работой у нас возникли отдельные частные замечания, которые мы позволим себе изложить:

1. Считаю не очень удачным использованный Д.В. Басманцевым термин «международно-правовой акт шертования». На наш взгляд, это пример искусственного усложнения научной терминологии.

2. Не могу согласиться с трактовкой автором доклада отдельных фрагментов грамоты 1555 г. архиепископу Гурию. В частности, он пишет о праве архиепископа отменять приговоры нерусским людям, совершившим преступления, а затем принявшим православную веру. В документе же речь идет о праве главы недавно учрежденной Казанской епархии ходатайствовать перед светской властью об отмене наказания преступникам.

3. В разделе о судебно-правовой практике нет прямого указания на то, что в Соборном уложении 1649 г. была законодательно признана возможность применения норм шариата и обычного права в судопроизводстве. Между тем это было знаковое для своего времени нововведение, на котором следовало акцентировать внимание.

4. Автор доклада, следуя А. Каппелеру, преувеличил значение указа от 21 мая 1680 г., обещавшего романовским мурзам-татарам разные «монарши милости» за принятие «христианской веры». В реальности указ не был выполнен, и обещания остались обещаниями.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что доклад Д.В. Басманцева является оригинальным и значимым научным исследованием, в котором проанализирован, обобщен и представлен в концептуальном виде имеющийся комплекс знаний о процессе интеграции чувашей в российское правовое пространство. Содержание доклада указывает на наличие лакун в освещении отдельных историко-правовых и собственно исторических сюжетов из прошлого чувашского народа. В этой связи саму постановку проблемы, ее разработку,

а также привлечение к ней внимания исторического сообщества следует всячески приветствовать.

Замечания, высказанные в рецензии, имеют дискуссионный характер и направлены на обсуждение некоторых не решенных в современной историографии проблем, поднятых на страницах доклада. Они не снижают высокой оценки исследования и могут рассматриваться как предложения для дальнейшего улучшения работы.

ЧГВ, 2022, № 17

© **Басманцев Д.В.** Рец. на: **Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы)** / сост. А.А. Чибис; Чуваш. гос. ин-т гуманитарн. наук. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 268 с.

Введение в научный оборот архивных документальных материалов является важным направлением современной отечественной исторической науки. Большую роль в этом деле играют сборники документов, которые содержат ценные источники по различным актуальным темам. Они дают возможность исследователям и широкому кругу читателей открывать новые страницы истории минувших веков.

Документальное наследие XVI—XVIII вв. применительно к региону Среднего Поволжья до сих пор остается малоизученным. Об этом свидетельствует ограниченное число обобщающих монографических трудов и опубликованных материалов, посвященных народам, проживающим на территории Казанского края. В этом ключе издаваемая в Чувашском государственном институте гуманитарных наук серия «Свод памятников Чувашии и чувашского народа» стала, на наш взгляд, весьма своевременной. В 2020 г. увидел свет очередной том серии «Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы)» (Т. 2).

Сборник состоит из предисловия, 26 документов, размещенных в соответствии с видом и содержанием под 15 заголовками и снабженных примечаниями. В книге прилагаются именной и географической указатели, список публикуемых документов.

В центре внимания документального собрания — следственное дело, заведенное в 1638 г. в Сибирском приказе в отношении свияжского воеводы князя Ефима Федоровича Мышецкого, которое хранится в Российском государственном архиве древних актов. Интерес к «Свияжскому сыскному делу» исследователи проявляли не раз, особенно в 1940-х — 1960-х гг. В 1966 г. усилиями историка В.Д. Дмитриева рукопись была микрофильмирована и поступила в Научный архив Чувашского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне — Чувашского государственного института гуманитарных наук). По ряду причин она не была опубликована. Отрадно, что начатое В.Д. Дмитриевым дело достойно завершил его ученик — историк-археолог А.А. Чибис.

Издание открывается обстоятельным предисловием, в котором автор осветил основные публикации по истории Свияжска и его уезда XVII столетия, остановился на некоторых особенностях системы местного управления, провел небольшой экскурс о свияжских воеводах. Используя достижения современной историографии, составитель дал общие штрихи к биографии и служебной деятельности воеводы Е.Ф. Мышецкого и дьяка Свияжской приказной избы Ф.С. Ларионова (с. 4—6, 21). Достаточно подробно проанализирован состав публикуемого комплекса следственного дела с указанием видовых и палеографических особенностей документов. Составитель скрупулезно описал многочисленные приемы, которые

Дмитрий Викторович Басманцев — кандидат исторических наук, ученый секретарь Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: basmantsevd@yandex.ru.

применялись при подготовке к изданию документов XVII в. Они стали залогом кропотливой и трудоемкой работы по публикации источников и успешного достижения поставленной цели.

Судебно-следственные материалы, в отличие от распорядительных или частно-правовых документов, имеют ряд специфических черт. В одном деле они могут встречаться неоднократно, особенно слово в слово воспроизводятся вопросные пункты. В рассматриваемом деле также отложились различные по виду документы. При построении сборника все эти моменты А.А. Чибисом были учтены, в чем наглядно можно убедиться из структуры собрания документов. Исходя из видового признака источников, книга была разбита на три раздела. В первом и втором разделах помещены «обыкновенные речи» и «сказки» различных категорий городского и сельского населения, а в третий — «памяти» приказа Казанского дворца и Сибирского приказа. Документы внутри отдельно взятого раздела были расположены по хронологическому принципу. При этом в сборнике они имеют сквозную валовую нумерацию. Во избежание многочисленных повторений А.А. Чибис большинство следственных материалов решил опубликовать с купюрами, что аргументировал в предисловии (с. 8).

Говоря о содержании следственных материалов, не приходится сомневаться в их большом информационном потенциале. Историком-археологом справедливо подчеркивается, что изучаемое следственное дело, «являясь одним из первых документальных комплексов по расследованию коррупционных действий должностных лиц в Среднем Поволжье в XVII в., содержит весьма ценную информацию о положении сословий в Свияжском уезде, об их взаимоотношениях с властью и многим другим» (с. 4).

Из представленных в сборнике документов становится известно, что в ноябре 1638 г. в уездный центр прибыли сыщик Б.Д. Бартенев и подьячий И. Алимпеев. В рамках своих полномочий они в течение двух месяцев осуществляли сыск, оформляя «обыкновенные речи», принимали от населения «сказки» по расследуемому делу. В собранных материалах имеются ценные источники о существовавшей системе управления, хозяйственно-экономическом укладе населения и некоторых аспектах проводимой правительством политики в Свияжском уезде.

После падения Казанского ханства был образован новый уезд с центром в г. Свияжск. По мере освоения «дикого поля» его территориальные границы расширялись, внутри образовывались волости, а также сотни во главе с татарскими князьями — Князь-Тугушева (Князь-Аклычева)¹, Князь-Ишеева, Князь-Бикбулатова, Князь-Тенева. В начале XVII столетия в Московии в руках воевод была сконцентрирована вся полнота власти, которая распространялась практически на все городское и уездное население. В 1635—1636 гг. свияжский воевода князь Е.Ф. Мышецкой исполнял свои управленческие функции, опираясь на приказных людей во главе с дьяком Ф.С. Ларионовым, вооруженные силы и представителей выборных людей из числа местного населения. В Свияжской съезжей избе функционировали денежный, хлебный и судный столы, в которых трудились 11 подьячих (с. 61). Важным звеном местного управления являлись толмачи (6 чел.) и площадные подьячие (14 чел.) (с. 80, 82). Со слов подьячих, «князь Еуфим Мышетцкой и дьяк Филип Ларионов о всяких государевых делах говаривали и думали, и делали вместе» (с. 64), что свидетельствовало о равных правах воеводы и дьяка в деле проведения правительственной линии. Перед воеводской администрацией, как явствуют источники, стояли задачи сбора денежного и хлебного ясака, различных налогов, отправки дворян и детей боярских на различные государевы службы («на засеки», Черный Яр, в Астрахань), изготовления вооружений, заключения заложников в аманатных дворах и т.д. Проведение следственных мероприятий и вынесение судебных вердиктов, содержание правонарушителей под стражей в тюрьме являлись важной составляющей в системе местного управления (см. с. 25—29, 125—129).

Князь Е.Ф. Мышецкой прибыл в Свияжск, как и его предшественники, со своими крепостными людьми и разместился в воеводском дворе (с. 30). Рядом с ним проживали сыновья Даниил и Борис (с. 38). Находясь вдали от муромских вотчинных и поместных владений, воеводе на месте службы пришлось обзавестись своим хозяйством. Косвенное подтверждение содержится в пункте, где сыщика интересовало следующее: «И против

воеводцково двора на государев на житничной двор, на тыну окно большое князь Еуфим просечь, и лебеди свои, и гуси, и утята, и куры индейские на тот житной двор сажать и кормить велел ли?» (с. 30, 156).

Когда речь идет о злоупотреблениях должностных лиц местного управления, нельзя упускать из виду бытовавшее в XVII в. воеводское «кормление». Как правило, на воеводскую службу определяли служилых людей «по отечеству», учитывались их заслуги перед государством. Назначение князя Е.Ф. Мышецкого свияжским воеводой не стало исключением. За активное участие в боевых действиях во время Смоленской войны в 1632—1634 гг. правительство щедро его наградило. Одной из форм поощрения также стало назначение воеводой, чтобы «покормиться» в Свияжском уезде. Исследователь Г.Н. Енин считает, что «кормление» как социально-политический и экономический институт являлось способом содержания должностных лиц за счет населения². XVII столетию, по его мнению, были присущи следующие изменения: «Важной особенностью воеводского кормления является внедрение кормленщиков в торгово-денежные отношения, послужившее одной из причин роста кормленных издержек населения. Воеводы добиваются увеличением объемов легальных кормов и незаконными поборами предельно высоких поступлений продуктов сельского хозяйства, ремесленных изделий, поставок вина, дров, сена с целью реализации их на рынке. Анахроничный вид ренты в виде кормленных изъятий прибавочного продукта, изначально предназначенной для личного потребления феодалами, приобретает качество рыночного товара»³. Многие высказанные исследователем положения находим в анализируемом сборнике документов.

Неслучайно в первом же вопросном пункте сыщики хотели выяснить: «В прошлых во 144-м и во 145-м годах воевода князь Еуфим Мышецкой в Свияжском у кабатцких голов... и целовалников ежemesец посулы и поминки великие имал ли?» (с. 25). Свияжского воеводу обвиняли в «посулах» и «поминках» в 14 статьях (ст. 1—6, 8, 18, 20, 23, 27, 29, 30, 32). Мышецкому с сыновьями инкриминировали получение взяток деньгами, лошадьми, вином, пушшиной и т.д. Согласно статье 20, воевода отправлял своих людей в уезд, чтобы с ясачных крестьян собирали хлеб, хмель, свозили на его двор дрова, принуждал обмолотить зерно и «выкурить» вино. Князь также подозревался в незаконной ловле рыбы и отправке «посулу к Москве», завладении беличьим мехом (ст. 9, 18, 22), а также в торговле рыбой и солью (ст. 7, 22).

Основная часть злоупотреблений Е.Ф. Мышецкого приходилась на служебную деятельность. Г.Н. Енин в своей монографии пишет, что значительную прибыль воеводам приносила судебная деятельность⁴. На это же косвенно указывают сведения в «обыскных речах» 1638 г. По мнению следствия, воеводе преподносили «посулы» и «поминки» при подаче челобитных, проведении следственных действий, когда он вершил суд или выпускал подсудимых из тюремного заключения (ст. 2, 30). Сыщики расспрашивали местных жителей и о причастности подьячих Свияжской съезжей избы в получении взяток: «от тех подьячих обиды и продажи великие, емлют у них от писма те подьячие денег по многу сказывали ль?» (ст. 27). Определенную лепту в решении задач «кормления» вносили сыновья князя Даниил и Борис Мышецкие и его приближенные лица (ст. 8, 10, 11, 30).

В конечном итоге до центральных властей дошли слухи, что князь Е.Ф. Мышецкой вывез с собой из Свияжска несметные богатства: «всякого живота повез и запасу всякого болши трехсот чети, да мяса болши трехсот же полоть, да рыбы всякие и икры много ж, да с пятсот ведр вина, да двести батман меду, да болши трехсот пуд соли», «болши пятидесят коней добрых и всяких лошадей». Денежное состояние воеводы доходило «с пять тысяч рублей» (ст. 31).

На вопросы статьи, подготовленные сыщиком Б.Д. Бартевым и подьячим И. Алимпеевым, пришлось отвечать представителям различных сословий Свияжска и уезда. В большинстве случаев они, как и, видимо, судьи центральных учреждений, не смогли доказать вину воеводы и других должностных лиц в злоупотреблениях. Здесь важно отметить ряд моментов. По суждению Г.Н. Енина, злоупотребления объективно вытекали из действия самого принципа «кормления», из факта дозволенности «кормления», обязанности населе-

ния содержать управлявших им администраторов⁵. С другой стороны, следует признать, что «кормление» воеводы и его приближенных было малоэффективным без содействия самого населения⁶.

Отсутствие результатов судебно-следственных органов не позволяет окончательно поставить точку в рассматриваемом деле. По мнению А.А. Чибиса, репутация князя Е.Ф. Мышецкого ничуть не пострадала, а наоборот, его дела пошли в гору. В этой связи противоречивым представляется его вывод о том, что злоупотребления бывшего свияжского воеводы «получили полное подтверждение» (с. 21). А.А. Чибис пытается связать причины злоупотребления местной администрации в основном со сложившейся в регионе Среднего Поволжья системой воеводского управления, когда воеводы вобрали в свои руки всю полноту власти на местах. Бесспорно, на завоеванной территории бывшего Казанского ханства апробировалось введенное при царе Иване IV Грозном воеводское управление, шел сложный процесс его организации. На момент приезда князя Е.Ф. Мышецкого в Свияжск имелся солидный опыт в решении проблем, связанных с обеспечением должностных лиц всем необходимым. В этой связи возникают вопросы. Как осуществлялось на протяжении второй половины XVI — начала XVII в. содержание местной администрации? Как шло проникновение существовавших в великорусских уездах принципов управления и влияние системы «кормления» в складывающуюся воеводскую вертикаль управления на Среднем Поволжье? Не имеется ли связи между злоупотреблениями воеводы Е.Ф. Мышецкого и институтом «кормления»?

Исследование злоупотреблений должностных лиц разного уровня управления является отдельной темой, которая не исчерпывается только вопросами следствия. Широкий круг затрагиваемых сюжетов позволяет исследователям представить общую картину положения различных категорий населения в 1630-е гг. Ценными в публикуемом сборнике для краеведов и широкой общественности представляются данные о встречающихся в 10 волостях Свияжского уезда чувашских, татарских и мордовских населенных пунктах. Сведения о некоторых из них в источниках упоминаются впервые, свидетельствуя о «рождении» деревни или села во второй трети XVII столетия. Все они составителем помещены в географический указатель. Более внушительным оказался именной указатель. Помимо основных фигурантов дела, в него включены также лица, которые участвовали в сыске и даче показаний. Среди них встречаются Павел «сапожник», Данила «сыромятник», Терентий «овчинник» и т.д. По мнению А.А. Чибиса, во всех подобных случаях мы имеем дело не с прозвищами, а с родом деятельности свияжских посадских людей. Ввиду дискуссионности данного вопроса⁷, на наш взгляд, авторскую позицию следовало бы обосновать и оговорить в предисловии (с. 10).

К сожалению, в сборнике документов также не нашлось места для комментариев и словаря устаревших слов. Научно-справочный аппарат является основной стержневой составляющей в подобных собраниях, посвященных XVII в. Так, весьма полезным было бы дать объяснение разного рода злоупотреблений: «посулы», «поминки», «налоги», «продажа». Каково же значение следующих слов: «полоть», «каменка», «дороги», «санапальное дело», «калушка», «безлепишная корысть» и т.д.?

Подводя итоги, следует констатировать, что составителем А.А. Чибисом представлен на суд исследователей и для тех, кто интересуется средневековой историей, отличающийся высоким научным уровнем сборник документов. Нет сомнения, что он привлечет широкое внимание историков, занимающихся разработкой политической и социально-экономической историей региона Среднего Поволжья и Русского государства первой половины XVII столетия в целом.

Литература

¹ См.: *Басманцев Д.В.* Политика российского правительства в отношении народов Поволжья и Приуралья во второй половине XVI—XVIII веке: некоторые особенности // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чу-

вашского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 99—101; *Басманцев Д.В., Кочетков В.Д.* Особенности колонизации Среднего Поволжья в конце XVI — первой половине XVII века: на примере Князь-Аклычевой сотни Свияжского уезда // Система землевладения и социальные категории населения Волго-Уралья и Западной Сибири XVI—XIX вв.: Материалы Всероссийской научной конференции. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2021. С. 130—147.

² *Енин Г.Н.* Воеводское кормление в России в XVII веке: (Содержание населением уезда государственного органа власти). СПб.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2000. С. 4.

³ Там же. С. 311.

⁴ Там же. С. 307.

⁵ Там же. С. 316.

⁶ См.: *Кочетков В.Д.* Город-крепость на Суре: очерки истории г. Алатыря и уезда в XVI—XVII вв. Чебоксары: [б.и.], 2012. С. 78.

⁷ См.: *Иванова Г.А.* Указатели к публикациям и справочникам на документы XVI—XVII вв.: проблемы русского средневекового именователя // Писцовые книги и другие масовые источники XVI—XX веков: Материалы XV Всероссийской научной конференции (к столетию со дня рождения П.А. Колесникова) / отв. ред. М.Р. Рыженков. М.: Древлехранилище, 2008. С. 154—163.

ЧГВ, 2022 г., № 17

© Дегтярёв Г.А. Рец. на: **Фомин Э.В., Иванова А.М. Сăмах эткерĕ = Лексическое наследие: словарь.** Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 108 с.

Филологи аслăлăхĕсен кандидатĕ Э.В. Фомин тата филологи аслăлăхĕсен докторĕ А.М. Иванова тĕрлĕ енлĕ пултаруăлăхпа палăрса тăраççĕ, вĕрентүпе йĕркелү ёçенчи тивĕçĕсене аналăслă пурнăçласа пынипе пĕрлех аслăлăх тĕпчевĕсем валли те май тупаççĕ. Вĕсем лексикографире тухăçлă тăрăшнине пайăрран асăнас килет: иккĕн, уйрăмшаран е урăх авторпа пĕрле вун пилĕк сул хушшинче пĕр теçетке сăмах кĕнеки пичетлесе каларчĕс¹. Эпир кунта çав ёçсенчен пĕрне — сĕнĕреххине тата нумаяшантараканнине — тĕплĕнрех пăхса тухашăн. Çакан пек тишкеру словарь авторĕсене те, унпа усă куракансене те усăллă пуласăн туйăнать.

Э.В. Фоминпа А.М. Иванован «Сăмах эткерĕ (Лексическое наследие)» ятлă словарьĕ 2018 çулта И.Н. Ульянов ячĕллĕ Чăваш патшалăх университетĕн издательствинче кун сути курчĕ (яваплă редакторĕ — Г.Е. Корнилов профессор, рецензентсем — Г.Н. Семеновпа С.А. Максимов). Кĕнеке пуçламăшĕнче çак «сăмах пуххине» Раçсейри гуманитари аслăлăх фончĕ пулăшнипе — «Анлă тишкерĕве тĕпе хурса чăваш чĕлхинчи агномисен пĕлтерĕшне палăртни» проект шучĕпе — хатĕрленине каланă. Авторсем хайсем «пухнă материал ытларах чухне чĕлхемĕрĕн шалти хăватне аталантаракан тĕслĕхрен тăрать» тесе шутлаççĕ тата çак «сăмах пуххи чăваш лексикографине сĕнĕ вай кўрессе» шанаççĕ (3—4 с.).

Словаре кĕнĕ сăмахсене Э.В. Фоминпа А.М. Иванова малтан статья пуххисенче «пайан-пайан пичетлесе пынă», кĕнеке хатĕрленĕ чухне «кашни сăмаха сĕнĕрен пăхса тухса хакланă» иккен.

Авторсем хайсен словарĕн тĕллевне сапла кураççĕ: «вăл е ку сăлтава пула ку таранчен лексикографиленмен сăмахсене кодификацилесси, вĕсене малашнехи словарь ёçĕн хулăхне кĕртесси» (3 с.). Çавăн пек паха тĕслĕхсене, лексикографи сĕнĕлĕхĕсене вĕсем 766 та-

---

Геннадий Анатольевич Дегтярёв — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник секции словарей филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук; e-mail: gena.lingvo@yandex.ru.

ран тупна пултарна имеш. Аннотацире те савнах сиреплетне: «Словарь включает около восьмисот слов чувашского языка... впервые подвергаемых лексикографированию».

Эпир кун пек есе хамар та туса курна², вӓл мӓн тери кӓткӓс пулнине тата вӓхӓта нумай илнине лайӓх пӓлетпӓр. Савӓнна тӓрех Э.В. Фоминпа А.М. Ивановӓна тӓрӓшулаӓхшӓн тав тума кӓмӓл туртӓть, вӓсен тимлӓхне пула «паспорт илнӓ», словарьте вырӓн тупнӓ сӓмахсене тишкерсе киленес килет.

Анчах мӓн-ха ку? Малтанхи сӓмахӓсемпе паллашсанах шалт аптӓраса каятӓн: словарь ӓш-чикӓпе тӓллевӓсем пӓр-пӓринпе килӓше тӓмассӓ. Авторсен шучӓпе, тӓслӓхрен, «аскӓнлан» пӓлтерӓшлӓ *асӓх* сӓмаха вӓсем пусласа лексикографилессӓ, тепӓр майлӓ каласан — ӓна словаре пӓрремӓш хут кӓртессӓ. Чӓннипе вара ку лексемӓна Н.И. Ашмаринӓн сӓмах кӓнекинчех³ асӓрхама пулат, тӓслӓхӓ те савӓх: *Этем тени ан асӓхтӓр вӓл* (II, 90 с.). Кайранхи «Чӓвашла-вырӓсла словарьсем» те (1961, 1982)⁴, «Чӓваш чӓлхин ӓнлантарулла сӓмах кӓнеки» те (2011)⁵ манса хӓварман ӓна. Апла пулсан сӓнӓлӓхсен словарӓнче пулмалла мар-сӓке ку сӓмах!

Э.В. Фоминпа А.М. Иванова хӓйсем тупнӓ пек кӓтартакан тата «тимлӓ пулма хистекен сас-чӓвӓ» тесе паллаштаракан *аллах* сӓмаха Н.И. Ашмарин та сав контекстпах панӓ, пӓлтерӓше вара урӓхла ӓнлантарнӓ (I, 184 с.). «Сӓмах эткерӓнчи» «асамла, юмӓс яр» семантикӓллӓ *асамсӓла* лексема та «Чӓваш сӓмахӓсен кӓнекинчех» пур, пӓлтерӓшӓ каллах унта тӓрӓсрех — «юмӓс яр» мар, «тухатла», тӓслӓхӓ те савна сиреплетет: «*Вӓл, асамсӓласа, Иустина сурчӓ сине те... тӓрлӓ асан янӓ*» (II, 96 с.).

Пыллӓ сӓрана палӓртӓкан *ӓвӓс пӓрни* те «Сӓмах эткерӓн» авторӓсем пусласа асӓрханӓ сӓнӓлӓх мар: ку сӓмах саврӓнӓшӓ 17 томлӓ словаре уйрӓм статьян кӓнӓ (IV, 36 с.), М. Скворцов редакциленӓ «Чӓвашла-вырӓсла словарьте» те сырӓнса юлнӓ (50 с.). *Шатӓн* ятлӓ мифологи персонажне Э.В. Фоминпа А.М. Иванова — «юмахри тӓксӓм вӓй» тесе («темная сила» сӓмах сыхӓнӓвне сапла тӓррӓн кусарнӓ) — хӓйсен словарьне кӓртнӓ, анчах сӓк сӓмах Ашмаринта та (145 с.), пысӓк йышши «Чӓвашла-вырӓсла словарьсенче» те (1961, 552 с.; 1982, 605 с.), этимологи словарӓсенче те (1964, 331 с.; 1996, 437 с.)⁶ пуррине пачах шута илмен.

Шӓнкарт лексемӓна сӓнӓлӓх тесе шутолани каллах авторсен йӓнӓшӓ, вӓл «Чӓваш сӓмахӓсен кӓнекинчех», кусару тата этимологи словарӓсенче тӓл пулат. ӓна кӓскен «тавар» тесе ӓнлантарни те килӓшӓллӓх мар: *тавар* глаголӓн пӓлтерӓшӓсем йышлӓ, кунта вара «санӓ тавӓрни» пирки кӓна сӓмах пырат.

Савӓн пекех *вирт* лексемӓна «ку таранччен лексикографиленмен сӓмахсен» йышне кӓртнипе тата ӓна «паллӓ мар пӓлтерӓшлӓ сӓмах» тесе хакланипе пӓртте килӓшме сук. Сӓк лексемӓна чылай словарьте тупма пулат: Ашмаринта, чӓвашла-вырӓслисенче, этимологипе фразеологи словарӓсенче⁷. Пӓлтерӓшӓсем те унӓн усӓмлӓ: «вут», «вӓрманти е хирти пушар». Ытларах *вирт яр* тата *вирт каять* (*вирт тухнӓ*) сӓмах саврӓнӓшӓсенче тӓл пулат.

Нихак, ахӓртнех, -тӓр (-тӓр) татӓксене сывӓх *няк* пулӓшу сӓмахӓ словарьте вырӓн тупнишӓн те, шел, Э.В. Фоминпа А.М. Ивановӓна тав тума май килмест. Вӓл «Чӓваш сӓмахӓсен кӓнекинчех» те (IX, 62 с.), «Чӓваш чӓлхин ӓнлантарулла сӓмах кӓнекинчех» те (III, 333 с.) пур. Асӓннӓ авторсене пирӓн урӓх енӓпе те хирӓслеме тивет: сав лексемӓн йыту пӓлтерӓшӓ сук, вӓл — иккӓленӓ татӓкӓ⁸.

«Шӓтӓк» пӓлтерӓшлӓ *ям* сӓмаха та лексикографсем иртнӓ емӓр пусламӓшӓнчех асӓрханӓ⁹. Савӓн пекех *какӓр, касакки, кӓтат, кевте, кепес, кульки, куляк, кути-мати, ленки, нӓнӓке, тавасӓр, тӓматлӓх, тӓрекӓлен, тӓусӓ, хӓнт, хӓят, хирлӓ, чисма, чулпу, шахчӓ, шӓвачур, шӓвӓйшлӓх, шӓнт(т)арай, шӓпӓт, шӓрчануй, ярпӓйт, яташ (ятташ)* тата Ытти нумай-нумай лексемӓна «Чӓваш сӓмахӓсен кӓнекинчех» тупма пулат. «Георгий святойа асӓнмалли кунӓн» чӓвашла ячӓсем те — *Юкурупе Якури* — Ашмаринтах пур (IV, 313, 168 с.). *Шалтар* сӓмахпа синонимлӓ *шалтака* та, «сулсисӓр-хупписӓр тӓрса юлнӓ йывӓс» шутоланикан *шанкал* та, *жанӓормӓн* чӓвашла варианчӓ *шантар* та, «коньки» пӓлтерӓшлӓ *яркай* та 17 томлӓ словарьте тахсанах вырӓн тупнӓ (XVII, 105, 116, 120 с.; IV, 228 с.).

Сакна палӓртса хӓвармалла: халь асӓнса тухнӓ лексемӓсем «Чӓваш сӓмахӓсен кӓнекинчех» сӓс мар (эпир ӓна чи курӓмлӓ тӓслӓх вырӓнне илтӓмӓр), урӓх словарьсенче те тӓл пулассӓ. Калӓпӓр, хистев залогӓнчи *ярпӓйт* глагол В.Г. Егоровӓн чӓвашла-вырӓсла словарӓн икӓ кӓларӓмӓнче те пур¹⁰, *шӓпӓт* текен пӓри пӓтти 1971 сулхи вырӓсла-чӓвашла словарьте

сырәнса юлнă¹¹, унăн фонетика варианчĕсене вара (*шунăт, шопăт*, кивĕ сырулăхра — *шобит*) чăваш чĕлхин малтанхи словарĕсенчен пуçласах асăрхама пулатъ¹².

Э.В. Фоминпа А.М. Иванова «ыра енлĕх» тесе палăртнă *аванлăх* та, «мĕн сăлтава пула» тесе ăнлантарма пăхнă *каккуй* та, «гĕрме» пĕлтерĕшлĕ *касмак* та, «сахал» тенипе тур килекен *кем* те иртнĕ ёмĕрги чăвашла-вырăсла словарьсенех (1961, 1982) кĕнĕ, «Чăваш чĕлхин ăнлантаруллă сăмах кĕнекинче» те (2011, 2014) тĕл пулаççĕ. «Ăсталăх» пĕлтерĕшлĕ *маçтăрлăх* та çав словарьсенче пур (2002 çулхи вырăсла-чăвашла словарьте ăна «искусство» тата «мастерство» ăнлавсем патĕнче тупма пулатъ¹³).

Словарьте çĕнĕ сăмах пек кăтартнă *арçынлăх* (*ар çынлăх*), *аслăлăх* йышши лексемăсене эпир 2003 çултах «Чăваш чĕлхин çĕнĕлĕх словарьн» пĕрремĕш томне кĕртнĕччĕ (31, 34 с.). *Ахăру, ашиавлик, кăмăл-туртăм, кĕтĕрке* т. ыт. сăмахсем те пирĕн лексикографишĕн çĕнĕлĕх мар, вĕсем «Чăваш чĕлхин ăнлантаруллă сăмах кĕнекинче» (I, 113, 120 с.; II, 211, 261 с.) те вырăн тупнă.

Вырăнти каласура тĕл пулакан «ялан» пĕлтерĕшлĕ *кĕл*, «суй» пĕлтерĕшлĕ *чăс*, «чăнкă» пĕлтерĕшлĕ *чĕке*, «вăрăм туна» пĕлтерĕшлĕ *чĕрке*, «ют, аяк» пĕлтерĕшлĕ *чит*, «кăйттă, начар» пĕлтерĕшлĕ *яман* т. ыт. те тахçанах «лексикографиленнĕ» — диалектологи словарьсенче палăрнă¹⁴.

Эпир рецензилекен «Сăмах эткерне» шанас тăк, *Кутне кура таман* каларăшри *таман* сăмах «пулатъ» тенине пĕлтерет. Вăл чылай словарьте (Ашмаринта, диалектологи словарьсенче, чăвашла-вырăслисенче т. ыт. те) сырăнса юлнă. Пĕринче те ун пек пĕлтерĕш кăтартман: *шăпах, виçелĕ, çитет, çителĕклĕ* тенипе тĕл килнине каланă, 1971 çулхи вырăсла-чăвашла словарьте «достаточно» лексемăпа шайлаштарнă. Тен, *таман* сăмах çапах кунта пулма тивĕçлĕ — çĕнĕ пĕлтерĕше палăрнă? Çакна çирĕплетекен пĕр тĕслĕх те паман, авалхи каларăша сĕç хайсене май ăнлантарма пăхнă.

«*Хавхалану, чăн-чăн хастарлăх / тăматлăхпа пырсан пĕрле / кашни кун пулĕ пархатарлă / пиртен кайман ёсченлĕхре*». Çак тĕслĕхри *тăматлăх* сăмахăн (вăл та Э.В. Фоминпа А.М. Иванова пуçласа асăрханă лексема мар: словарьсенче тахçанах пур) пĕлтерĕшне «çĕе вĕçне ситерме тăрăшни (стремление завершить работу)» тесе палăртнă. «Чăваш сăмахĕсен кĕнеки» вара ăна «основательность» тесе ăнлантарать (XIV, 267 с.), 1982 çулхи «Чăвашла-вырăсла словарь» те çавнах çирĕплетет — «основательность, добросовестность» (454 с.). Çапла вара *тăматлă* пулма «çĕе вĕçне ситерме тăрăшни» кăна сителĕксĕр, ёсне тата *тĕлĕ тумалла, тăрăшса пурнăçламалла*. Çакăн пирки Н.И. Ашмарин та асăрхаттарса хăварнă: «Тăматлă — ёсе **лайăх туса** пĕтерсе хуракан... Туса пĕтермесĕр пăрахмас[ть], тата **тăрăшса тăват[ь]**» (эпир палăртрăмăр. — ГД.).

Словарьте пĕр диалог илсе панă: «— Эх, салтаксем, аванах ачисем, / мĕниĕн питĕркуçĕр кăн-кăвак?» «— Ир те, каç та папуй çинĕрен». Авторсем кунта *папуй* мĕне пĕлтернине калайман, «пĕлтерĕшĕ паллă мар» тенипех сырлахнă (36 с.). *Папуй* çи тени *патак* çи сăмах çаврăнăшĕн синонимĕ пулнине тĕшмĕртме кăткăс мар пек, ситменнине çакна «Чăваш сăмахĕсен кĕнекинчи» тĕслĕх те çирĕплетет: *Çурекен сын сĕмелли тупать, папуй (побои) та сакланать* (XII, 305 с.).

Хăла лемма хыççăн та «пĕлтерĕшĕ паллă мар сăмах» тенĕ те фольклор тĕслĕхне вырнаçтарнă: *Хăна килсен хăла пылна ан хĕрхен*. Ку сăмаха чăваш чĕлхин тем тĕрлĕ словарьнече те тупма пулатъ, вăл кăшт хĕрлĕрех сарă тесе палăртать: ăна ытларах лаша, пыл хурчĕ, пыл, кăвакал тата тăпра пирки калаççĕ. Н.И. Ашмарин *хăла пыл* сăмах сыхăнăвне темиçе хутчен те асăннă: паллă ятне «желтый» тесе куçарнă, пĕринче — пылăн пахалăхне те хушăмлăн палăртса — «густой» тенĕ (I, 32 с.; VII, 278 с.; IX, 130 с.; XVI, 315 с.).

Шушă *яшки* пирки те Э.В. Фоминпа А.М. Иванова «темĕнле яшка ячĕ» тенĕ. Эх, Ашмарин словарьне пăхса илмелле пулнă, унта çак апата мĕнле хатĕрленине тĕплĕн сырса кăтартнă: «*Шушă* *яшкине* çапла пĕçерĕççĕ. *Кантăр вăрри тўсе сĕт тăваççĕ, вара çав сĕтрĕн яшка пĕçерĕççĕ, яшки ăине сўхе пашалу шушă* *яраççĕ. Шушă* *пашалу* *не* *яшкана* *яриччен* *кăмакара* *кăйт* *хытараççĕ, вара* *çăмах* *майлă* *таткаласа* *пиçнĕ* *яшкана* *яраççĕ*» (XVII, 265 с.).

Шалăк сăмахăн пĕлтерĕшĕ те словарь авторĕсене «паллă мар» иккен. Асăннă сăмахпа сыхăннă тĕслĕхе (*Вильăх-чĕрлĕхе... чир-чĕртен, путса вилесрен, шалăк тăрне пуласран... сых-*

ла) вёсем «Чăваш халăх пултарулахĕ» ярамри «Пилсемпе келĕсенче» тупнă, анчах унта ăнлантарса ырнине — сăмахĕ шалчана палăртнине — асăрхайман¹⁵, урăхла вариант та сĕнмен.

Куç ўкнинчен ёлĕк ҫапла вёрсе-сурса каланă: *Ўтĕнчен-тирĕнчен, шăмминчен-шаккинчен, варĕнчен-васакĕнчен, куç, тух, тух, куç*. Э.В. Фоминпа А.М. Иванова *вар-васак* кунта «сырма-ҫатра» (?)! пĕлтерĕшлĕ тесе шутласĕ. Н.И. Ашмаринах ҫак куç чĕлхи тĕслĕхне куҫарса панă, сăмахне хайне те ăнлантарнă: кашнинчех вырăсла «внутренности» (ăш-чик) тесе палăртнă (V, 178, 169 с.). Н.В. Никольский те 1919 ҫулхи словарĕнче *вар-васак* сăмаха (икĕ компонентчĕ патĕнче те) «внутренности, кишки» тесе куҫарнă¹⁶.

Кăрнатир пирки те авторсемпе килĕшме сук: вăл ахаль кăна «салтак» мар, «сўллĕ те тĕреклĕ салтак; патвар ҫар ҫынни». Ҫакна пирĕн унчченхи словарьсем ҫирĕплетесĕ тата *кăрнатир пек маттур ҫын, кăрнатир пек пĕвĕс-сийĕне илĕртсе тăраканскер* йышши тĕслĕхсем сĕнесĕ¹⁷.

Словаре хатĕрленексен шучёпе, *тевĕи* тепĕр майлă «турта (оглобли)» пулать иккен. Ҫакăнпа вара Ашмарин словарĕнчи *турҫăн теvĕи* (XIII, 267 с.), 1961 ҫулхи словарьти *чĕн теvĕи* (409 с.), М. Скворцов редакциленĕ сăмах кĕнекинчи *турта теvĕи* (463 с.) мĕнле килĕше тăрасĕ-ши? Илпек Микулайĕн «Хура ҫăкăрĕнче» тата, калăпăр, «*Хăрах туртана мăшăр теvĕи карма кирлĕ те мар*» тени тĕл пулать. Халиччен *теvĕи* пирки илтменни те кунта сăмах-юмах «турта пĕявĕ (тяж)» пирки пынине ăнланса илчĕ пулĕ.

Э.В. Фоминпа А.М. Иванова *Каишкăр ҫăлтăра* «Алтăр ҫăлтăр (Большая Медведица)», *Уша ҫăлтăра* «паллă мар ҫăлтăр ячĕ» тесе ăнлантараҫĕ. Килĕшме пулать-и-ха кунпа? «Чăваш энциклопедийĕн» авторĕсем, тĕслĕхрен, урăхла шутласĕ: *Каишкăр ҫăлтăра* унта «Орион» тенĕ, *Уша ҫăлтăр* «Шурăмпуҫ ҫăлтăрĕпе (Венерапа)» тўр килнине палăртнă¹⁸. *Уша ҫăлтăр* пĕлтерĕшне А.К. Салмин монографийĕнче те усăмлатнă¹⁹.

Словарь авторĕсене ёненес пулсан, *айхиҫĕ* термин «Геннадий Айхи сăвăҫ пурнăҫĕпе тата ёҫĕ-хĕлĕпе кăсăкланакан ҫынна» пĕлтерет. Танлаштарăр-ха: Александр Пушкинпа интересленекен кашни ҫыннах *пушкинист* теместпĕр-ҫке. *Айхиҫĕ* — Леон Робель пуҫласа усă курнă *айгист* ятăн²⁰ чăвашла вариантчĕ, вăл Геннадий Айхи пултарулахĕпе ыттисене паллаштарма тăрăшакан (тĕслĕхрен: тĕпчекен, куҫаракан) тата ун евĕрлĕ хайлакан пултарулах ҫыннине пĕлтерет.

Акамлан сăмаха словарьте «тушлаш (хĕрсем пирки)» тесе ăнлантарнă та ҫакан пек тĕслĕхпе ҫирĕплетнĕ: «*Пĕр йăхпа тепри хĕр парса хĕр илесĕ, акамланаҫĕ, тушлашаҫĕ*». Акамланни ҫапах та хĕрсем ахаль кăна «тушлашни» мар, килĕше татăлса тăван пек тушлашни, чунпа тăванланни, урăхла каласан — *акам пулни, силĕм пулни, силĕмленни*. Ҫавăн пекех *непĕссĕр-ёмĕтсĕр* мăшăр сăмаха «путсĕр» тесе палăртни унан пĕлтерĕшне ним чухлĕ те усăмлатмасть, мĕншĕн тесен ăна нумая хапсăнакан, тăрана пĕлмен этем пирки каласĕ, урăхла *выҫкăн, сăхă, ҫăткăн, капар, пахматсăр* теме пулать.

Ўкерчĕске глагол (67 с.) ўкернине («нарисовать, изобразить») кăна мар, сăнарланине те («обрисовать, описать, отобразить») палăртма пултарать. Ҫакна, тĕслĕхрен, 1971 ҫулхи вырăсла-чăвашла словарь ҫирĕплетсе парать (428, 444, 465 с.).

Хăш-пĕр ăнлав пĕлтерĕшне усса пама тăван халăх чĕлхинче питĕ вырăнлă сăмахсем пур. Шел, авторсем вёсене шута илмен, ăнăҫлах маррипе усă курнă. Тĕслĕхрен, *деградацилен* термина «аркан, япăхлан» тесе мар, «кĕлерĕн, юхăн» тесе ăнлантарсан килĕшўллĕрех пулĕччĕ. *Вăртахлах* пĕр тăванлă, пĕр тăхăмлă ҫыхăнăва палăртмасть, ҫавăнпа ун пирки «тăванлах» мар, «хуранташлăх, хăталăх» тени вырăнлăрах.

Э.В. Фоминпа А.М. Иванова словарĕнчи хăш-пĕр лемма — литература чĕлхинче ҫирĕпленнĕ сăмахăн норма тулашĕнчи вариантчĕ: фонетика, морфологи е дериваци вариантчĕ. «Кĕтелле», «тăрăхлу», «тишкеревĕ», «чĕпчĕрке», «чукăн», «чутгах», «эрхелей» тенисем тĕрĕссипе *кĕтевле (кĕтесле), тăрăхлав, тишкерўҫĕ, чĕпчĕрке, чухăн, чутгах, элхерей* сăмахсен литература чĕлхине кĕмен (саккунпа ҫирĕпленмен) мăшăрĕсем кăна. Кун пек лексемăна ăнлантарнă хыҫсăн тĕп вариантне, халиччен хăнăхнине кăтартса хăвармаллахчĕ ёнтĕ. Тĕслĕхрен, *чўклевĕ* патĕнче унан литературăра тата словарьсенче ҫирĕпленнĕ синонимĕ *чўкҫĕ* пулмаллахчĕ.

Словарь авторĕсем Борис Чиндыковăн «Алăксем умĕнче» хайлавĕнче *эреш-мереш* сăмахăн улăшăвне — *эрйи-мерйи* варианта тупнă та ăна «ăпăр-тапăр» тесе ăнлантараҫĕ.

Ҷав авторан «Тухса кайиччен» калавёнче те пур ку япала: *Вокзал алакёнчен икё эрши-мерши келетке вирхёнсе тухрёс*. Контекстран усъмлә куранать: *эрши-мерши* лексеман пёлтерёшшэ *элес-мелес* тенине сывах – «апёр-тапёр» мар, «тёлёнтермёш, сейёр, мерекке». Ҷакна словарьсенче те тёрёсleme пулать, анчах Ҷакна астумалла: литература чёлхи *эри-мери* варианта суйласа илнэ²¹. «Тутлә» (тёрёсрех — «техёмлө») пёлтерёшшэ *нүслә* сәмах та словарьсенчи *нүслә* паллә ячён аңланмаллах мар улшанавё кәна. Пукач хысне паләртмашкән шутласа тупнә *таянкәс* пирки те савнах каламалла: вәл — халәх усә куракан, пысәк йышши чәвашла-вырәсла словарьсем сёнекен *таянкәк* (тата сайра тёл пулакан *таянкәч*) сәмахан маргиналлә варианчэ сөс.

«Пуса тәхәнмалли хатёрён» ячә *пашләк* тата талисманпа амулета пёлтерекен *пәтү*, «саламат» семантикәллә *нухалә* (*нохалә*) Ашмаринта та пур (апла вёсене сёнёлёхсен словарьне кёртмелле пулман!), анча литература чёлхинче вёсен вырәнне *пашлик, пәтев, нухайкка* вариантсем сирёплөннө. «Китайра туса кәларнә пурсән» тесе «Сәмах эткерне» *китай* текен пайёр мар ята кёртнө. Унан сыруләхра маларах усә курнә кўлепи — *киттай*, вәл «название материи» (пума төсө) пёлтерёшпә «Чәваш сәмахёсен кёнекинче» те паләрса юлнә.

Эпир тишкерекен словарьти хәш-пёр сәмах Владимир Даль каласа кәтартнә *Кижә поручик* историне аса илтерет: йәнәш сьрнипе пулса кайнә та аңланса ситерейменнипе шута илнө. Э.В. Фоминпа А.М. Иванова чәваш чёлхинче, төслөхрен, «шәмәсәр» пёлтерёшшэ *варавёр* сәмах пур тесе ёнентересшён, апа авторсем Ҷакан пек төслөхпә сирёплөтнө: *Ҷапна Перпанк сөнёрөн симсө йәвәсисем — шәмәсәр (варавёр) сливасем... пит хәвәрт ситёнекен мийәрсем тунә* (12 с.). Тёрёссипә вара кунта Америка селекционерё Лютер Бёрбанк пёрремёш хут *варасәр е варәсәр* (халәх чёлхинче икё варианчэ те тёл пулассө) слива сорчө шутласа тупни пирки каланә. Ҷаванпа та путишлө *варавёр* сәк словарьте кәна пулма пултарать.

«Пуләшусә (помощник)» пёлтерёшшэ *палушник* та фольклор төслөхне тирпейсёр сырса панине пула тухса кайнә квазисәмах кәна. Словарь авторёсем илсе кәтартнә «*Сакәр вун салтак, ик секлеттер, пёр палушник*» текен төслөх «Чәваш сәмахёсен кёнекинче» те (XII, 78 с.) тёл пулать. Унта пурте чип-чиперех: *сөклет(т)ер, памушник*, нимёнлө *секлеттер* те, *палушник* те сөк.

Э.В. Фоминпа А.М. Иванова «пёчөк купа» пёлтерёшшэ пулма пултарать тесе шутлакан (иккёленсе бйту палли лартнә) *кёмөркө* те чәннипе чёлхерә сөк. Йәнәшнә тўрлетсен вара «муклашка, чәмакка» аңлава паләртакан, чылай словарьте тёл пулакан *кёмөркө* лексемәна палласа илетпөр.

«Сәмах эткерёчнө» тата *нәхра* текен «паллә мар музыка инструментне» асәннә. Чәннипе ку кёвё хатёрне *нахра* тессө, вәл самаях паллә — Ашмарин словарьнчә, пысәк йышши чәвашла-вырәсла словарьсенчә, «Чәваш чёлхин аңлантарулла сәмах кёнекинчә» тата ятарлә литературәра сәнланнә²². Пәхса илме сөс ўркенмелле мар.

Авторсен шучөпә, пирён чёлхерә «пёлтерёшшэ паллә мар сәмах майлашавё» *чухласа апат* пур иккен: «*Чухласа апат тейөнчә Пихампар симсө алтәрпа сим тытса тәрө*» (80 с.). Контекстран сәкә куранать: пулвөре икё сәмах аңсәртран кәна юнашар лекнө, тёрёссипә *чухласа* деепричасти форми хыссән хўреллө пәнчә — [,] паллә лартма пулать.

Сәмах төпнә тёрөс паләртаиманни тата апа сәмах формипә пәтраштарни словарьте самаях паләрать. Хәш-пёр төслөхә уйрәмән пәхса тухар-ха (кашнинчөх малтан словарьтен илнө цитатәна паратпөр):

1. «*Ейём?* „пёлтерёшшэ паллә мар сәмах“. *Чипер сьинна, Вучахәм, пар эс хәтләх, / умне кәлар эс тәварна. / Еймү сан пултәр туләх, сәтлә — / хәнү тав тутәр кил-сүртна*» (15 с.).

Чәннипе кунта аңланса пөтмә сөк *ейём* мар, «сөтел ситти», «сөтел сарми (скатерть)» пёлтерёшшэ *ейме* пулмаллаччө (иккёмөш сәпатра — *еймү*). Ҷакна оригиналта ун умён пулнә *саран* лексма та сирёплөтөт²³ (сәвва цитатәланә чухне словарь авторёсем апа аңсәртран сиктерсә хәварнә пулас).

2. «*Кан „кану“? Атьәр туя, ачасем: / ура канне кўрөшөр, / алә канне кўрөшөр...*» (22 с.).

Туй юрринчен илнө сәк сыпәк «Чәваш сәмахёсен кёнекинчә» те пур, анча сәмахә *кан* мар иккен, *канё*. Вәл *канәс(ләх), канлөх* тенипә пёр килет, Ашмарин апа «покой, успокоение» тесе кусарнә. Япала ячён төпө чәнах та *кан* пулни төслөхсенчен куранать, вёсенчен пөри сәкән пек: *Ора кани кутёмөр, алә кани кутёмөр; пире тата мён кирлө?* (VI, 56—57 с.).

3. «*Кус авă* „самантрах“. *Сак сёрё витёр шăхăрсан мĕн кирли сана вĕсех кус авăнче пулса тăрă*». (29 с.).

Авторсем япала ячĕсен сыхăнăвне наречиепĕ анлантарма пăхнă, чăн пурнăсра вара ун пек сыхăну та, ун пек пĕлтерĕш те сук. Тĕрĕссипе кунта *кус авă* е *кус авăнче* (хăвăрт пуллевре *кус авăнче* пекрех илтĕнет) тесе кăтартмаллаччĕ. Вĕсем вара «кус умĕ» тата «кус умĕнче» пĕлтерĕшлĕ (*ав* «ум») тенине пĕлтерет²⁴), ситменнине *кус авăнче* тенин семантика спектрĕ пуярах, унăн хушма пĕлтерĕшсем пур: «курăмлă», «кĕрет(ĕн)».

4. «*Упкем* „упкев“. *Пуслă-вĕслĕ анана / таптанăшăн упкем пур, / аттепеле аннене / суратнăшăн упкем пур*» (67 с.).

Куратăр ĕнтĕ: авторсем пĕрремĕш сăпатăн камăнлăх аффиксне (-м) сăмах тĕпĕнчен уйăрайман. «Обида, жалоба» пĕлтерĕшлĕ *упке* сăмах вара Ашмарин словарьнечех тĕл пулат: «*Атте-аннере упке сук, Турри сапла сырнă-тăр*. Я не жалуюсь, не обижаюсь на родителей... *Сана нимрен те упкем сук*. Я ни в чем не обижаюсь на тебя» (IV, 16 с.).

5. «*Хĕрхенĕв* „хĕрхену, шелле“: *Эй Турă, Хăвăн хĕрхенĕвте ман сассăма илтсем, Хăвăн суду урлă мана чĕртсем*» (72 с.).

Хăйне ятăн *хĕрхенĕв* сăмах суккине, *хĕрхену* лексема сăпат формине йышăннă чухне унăн юлашки усă сасси *ĕ* сасăпа ылмашинне тата *в* интерфонема хушăннинне (е, ансатрах каласан, *у* сасă *ĕв* сыпăкпа ылмашăннинне) словарь авторĕсене анлантарма аван та мар пек.

Э.В. Фоминпа А.М. Иванова хире-хирĕслĕх залогĕнчи *аванлаш* глагола «лайăхлан» тесе палăртнинне, таврăну залогĕнчи *юманлан* глагола «юманлăх устер» пек курнинне, *танлашу* тата *танлаштарни* хушшинче уйрăмлăх асăрхайманнинне те асăнса хăвармалла. Авторсене тата сакна асăрхаттарни ытлашши пулас сук: *чуп тăваши* вăл ахаль кăна «чуп ту» мар, «пĕр-пĕрне чуп ту» пĕлтерĕшлĕ.

Уйрăммăн сырмалли сăмахсене дефиспа сыхăнтарни словарьте темĕсе хутчен те тĕл пулат: *пăлат-хурçă, хĕр-пĕрчĕк, чее-ултавçă* т. ыт. те. Пĕр тĕслĕхне тĕплĕрех пăхса тухар-ха. Мăн кĕрү такмакĕн сыпăкне панă: *Пирĕн ачан пăлат-хурçă хĕçĕ пулчĕ, хурçă хĕçĕ сивĕч пулчĕ* (37 с.). *Пăлат хурçă* сăмах сыхăнăвне дефиспа сырни (мăшăр сăмах пек шуглани) тата ана «тимĕр» тесе анлантарни пачах вырăнлă мар. Кунта *хурçă тĕсĕ* — вăрçă хатĕрĕ е сĕçĕ тумалли ятарлă хурçă — пирки сăмах пырать, ана урăхла *вичкĕн хурçă, тĕрĕлĕ (кăтра) хурçă* тĕсĕ, вырăсла вара «булатная сталь» пулат.

Дефиспа сырăнакан сăмах пĕлтерĕшне унăн пĕр-пĕр компоненчĕпе анлантарни те чылай чухне вырăнлă мар. *Манка-сурçăк* «сĕлеке, манка», *уяв-ĕскĕ* «уяв», *чура-хăрхăм* «чура, тарçă» тени мăшăр сăмахăн семантикене ансăрлатса кăтартать, пĕтĕмлетсе калас шухăша («сĕлеке-лĕрке»), «ĕскĕ-çикĕ»), «тарçă-тĕрсĕ») усса параймасть. «Унталла-кунталла» пĕлтерĕшлĕ *айăкка-майăкка* (тĕслĕхенче — *айăккалла-майăккалла*) мăшăр сăмаха «айкинелле» тесе палăртнинне тата савă-юрра пĕлтерекен *юрă-такмак*²⁵ «юрă» шайне антарса лартнинне каллех килĕшме сук.

Чĕлхе саккунĕсене пĕлмесĕр е вĕсене юриех пăсса (рифма-семĕшĕн е шутшĕн) асталанă *авăртаканçă, кивелкă* (*кивелкĕ* вырăнне), *тăваçă* (*тăвуçă* вырăнне) тата *хуравик* йышши окказионализмсене словаре ытти сăмахсемпе танах кĕртни тĕрĕсех-ши?

Хăш-пĕр лемма хыççăн (*акаман, варпуш, вай ту, илемĕш, кус авă, пĕтү, таянкăс, уяв-ĕскĕ, хурланлă, шалĕк, шанкал, шуйтманлăх, эрхелей, юратăш, ярпайт*) цитатăсем ытла та вăрăм, теприн патĕнче (*ăрлаçши, вăхăтсăрлăх, вĕтĕрĕкки, ĕмĕшле, ĕтлен, илĕху, йăйăрка, каганлăх, миçенлĕх, хĕрĕлен, хирлү, хуравик, шемшек*) тĕслĕх тавраш пачах сук: е усă курнă хайлава тата кĕнекине хăйне асăнса хăварнă, е кĕнеке ячĕпех сырлахнă, е тата сăлкуç вырăнне тунтер словаре кăтартнă.

Э.В. Фоминпа А.М. Иванова — ырă ят илнĕ сумлă асчахсем, эфир вĕсен пултарулачĕпе асталăхĕ пирки иккĕленместпĕр. Шел, халь рецензиленĕ «Сăмах эткерĕ (Лексическое наследие)» словарь, йăвашшăн каласан, анăсçартарах пулса тухнă. Хисеплĕ авторсенчен малашне тĕплĕрех хатĕрленĕ сăмах кĕнекисем кĕтетпĕр. Ку чăнах сапла пуласса шанатпăр.

Литература

¹ Moisio A., Fomin E., Luutonen J. Tšuvassilais-suomalainen sanakirja = Чăвашла-финла словарь / Publications of the Department of Finnish and General Linguistics of the University of

Turku, 76. Turku: Vammalan Kirjapaino Oy, 2007. XIII + 286 s.; *Иванова А.М., Кулакова Т.А., Лемская В.М., Фомин Э.В.* Чёлхе терминёсен чăвашла-вырăсла-нимёсле-акъланла словарь = Чувашско-русско-немецко-английский словарь лингвистических терминов. Шупашкар: Чăваш патш. ун-чĕ, 2008. 148 с.; *Zhel'tov P., Fomin E., Luutonen J.* Reverse dictionary of Chuvash = Обратный словарь чувашского языка / Lexica Societatis Fenno-Ugricae, XXXIII. Helsinki: Societé Finno-Ougrienne, 2009. 344 p. *Фомин Э.В., Иванова А.М.* Чăваш чёлхин ретроспективлă ăнлантару словарь = Ретроспективный толковый словарь чувашского языка. Шупашкар: Чăваш патш. ун-чĕ, 2009. 145 с.; *Ерина Т.Н., Фомин Э.В.* Чувашское слово в русском контексте: опыт словаря. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2012. 230 с.; *Материалы для словаря агнонимов чувашского языка = Пёлтерёшсёр чăваш сăмахёсен кёнеки / сост. Э.В. Фомин. Чебоксары: Пегас, 2013. 258 с.; Фомин Э.В., Иванова А.М.* Чăваш позтонимёсен пуххи: словарь. Шупашкар: Чăваш патш. ун-чĕ, 2016. 84 с.; *Фомин Э.В., Иванова А.М.* Сăмах эткерё = Лексическое наследие: словарь. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 108 с.; *Фомин Э.В., Иванова А.М.* *Материалы для словаря русских фамилий чувашского происхождения: [словарь]. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2019. 76 с.; Фомин Э.В., Иванова А.М.* Словарь чувашских антропонимов дохристианской эпохи. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. 408 с.

² *Дегтярёв Г.А.* Чăваш чёлхин сĕнĕлĕх словарь. Шупашкар: Чăваш патш. гуманит. ăслăлăхёсен ин-чĕ (ЧПГĂИ), 2003. I т. 228 с.; 2017. II т. 320 с.

³ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чăваш сăмахёсен кёнеки: Вып. I—XVII. Казань; Чебоксары, 1928—1950.

⁴ Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. М.: Рус. яз., 1982. 712 с.; Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / под ред. М.Я. Сироткина. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 630 с.

⁵ Чăваш чёлхин ăнлантаруллă сăмах кёнеки / ЧПГĂИ; Г.А. Дегтярёв т. ыт. редакциленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2011. I т. 383 с.; 2013. II т. 368 с.; 2016. III т. 527 с.; 2020. IV т. 327 с.

⁶ *Егоров В.Г.* Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1964. 355 с.; *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. В 2 т. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуманит. наук, 1996. Т. I. 470 с.; Т. II. 509 с.

⁷ *Чернов М.Ф.* Чăвашла-вырăсла фразеологи словарь: глаголпа ят сăмах фразеологизмёсем = Чувашско-русский фразеологический словарь: Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. С. 176; *Сергеев Л.П., Павлов В.В.* Чăваш чёлхин фразеологи словарь. Шупашкар: Чăваш патш. пед. ун-чĕ, 2007. 62 с.; *Федоров Г.И.* Чăваш фразеологийĕн ăнлантаруллă сăмах кёнеки: 2 томлă. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2016. I т. 271 с.; 2017. II т. 206 с.

⁸ *Павлов И.П.* Современный чувашский язык. В 2 т. Чебоксары: ЧГИГН, 2017. II т. С. 404.

⁹ *Raasonen H.* Csúvasz szójegyzék / Nyelvtudományi Közlemények. Budapest: A Magyar Tudományos Akadémia kiadása, 1908. С. 21; Словарь чувашского языка. Вып. IV. С. 185.

¹⁰ *Егоров В.Г.* Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь. Шупашкар: Чăваш патш. изд-ви, 1936. 170 с.; 2-мĕш кăларăм. 1954. 297 с.

¹¹ Русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. М.: Сов. энциклопедия, 1971. С. 544.

¹² *Вишневский В.П.* Начертание правил чувашского языка и словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань: Унив. тип., 1836. С. 205; *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань: Тип. Императ. ун-та, 1875. С. 107.

¹³ *Скворцов М.И., Скворцова А.В.* Русско-чувашский словарь. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2002. С. 197, 258.

¹⁴ *Сергеев Л.П.* Диалектологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1968. С. 30, 85, 86, 95; Чăваш диалектологийĕн вĕрентӳе справка материалёсем тата Уралсум чăвашёсен словарь = Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь чувашского языка. В 2 т. / авт.-сост. Л.В. Власова,

Н.И. Егоров. Стерлитамак: Стерлитамакская гос. пед. академия, 2004. Т. I. С. 111; Т. II. С. 130, 132—133.

¹⁵ Чăваш халăх пултарула хĕ. Пилсемпе кĕлĕсем / ЧПГĂИ; А.А. Ефимовăпа В.П. Стань-ял пухса йĕркеленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2005. 138 с.

¹⁶ *Никольский Н.В.* Краткий чувашско-русский словарь. Казань: Казан. губ. отд. по просвещению, 1919. С. 33.

¹⁷ Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. С. 163; Чăваш чĕлхин ăнлантарулла сăмах кĕнеки. I т. 246 с.; II т. 227 с.

¹⁸ Чувашская энциклопедия: в 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. Т. II. С. 329; 2011. Т. IV. С. 306.

¹⁹ *Салмин А.К.* Система фольк-религии чувашей. СПб.: Наука, 2007. С. 464–465.

²⁰ *Новиков Вл.* Айгисты // Знамя. 1997. № 8. С. 238—239; *Хузангай А.* Вопросание о Боге // Новое литературное обозрение. 2006. № 3 (79). С. 217—221.

²¹ Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь / под ред. М.И. Скворцова. С. 636; *Скворцов М.И.* Чăвашла-вырăсла словарь = Чувашско-русский словарь. В 2 т. / под ред. Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, И.П. Семеновой; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2022. Т. II. С. 590; Чăваш чĕлхин орфографи словарĕ / Чăваш патш. гуманитар. йĕслăлăхĕсен ин-чĕ; А.А. Алексеев пухса хатĕрленĕ. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2002. 368 с.

²² *Наумов Н.Е.* Халăх сўпсинчен: этнографи ăнлавĕсен пуххи. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 2010. 286 с.; *Чернов В.С.* Чувашские народные музыкальные инструменты: Книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 65; Чувашская энциклопедия. Т. III. С. 199.

²³ *Ахун Валем.* Сўла тухатăп эп ирех... Сăвăсем, поэмăсем. Шупашкар: Чăваш кĕн. изд-ви, 1986. 3 с.

²⁴ Словарь чувашского языка. Вып. IV. С. 35.

²⁵ Танлаштарăр: *Софронова И.В.* Чăваш ача-пăча тата самрăксен литератури: вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар: Чăваш ун-н изд-ви, 2012. 135 с.

ИВАНОВ ВИТАЛИЙ ПЕТРОВИЧ

(к 70-летию со дня рождения)

3 июня 2022 г. исполнилось 70 лет со дня рождения главного научного сотрудника секции этнологии и антропологии исторического направления, доктора исторических наук, доцента Иванова Виталия Петровича.

Родился он в 1952 г. в чувашском поселке Вишневка Бижбулякского района Башкирской АССР. После окончания средней школы работал в родном совхозе, затем воспитателем и учителем в Кош-Елгинской средней и Седякбашской восьмилетней школах своего района. В 1971—1976 гг. учился на историческом отделении историко-филологического факультета Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, окончил его с отличием. Дипломную работу об истории открытия Абашевской культуры бронзового века в Чувашии в 1925—1926 гг. написал под руководством доктора исторических наук, профессора В.Ф. Каховского. Студенческое сочинение было замечено и опубликовано в 1978 г. в сборнике трудов Чувашского НИИ.

В 1976—1977 гг. работал младшим научным сотрудником отдела археологии и этнографии НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. В 1977—1980 гг. учился в очной аспирантуре Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР (г. Москва) под научным руководством доктора исторических наук, профессора В.В. Пименова, в 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Современная чувашская городская семья». В 1985 г. присвоено ученое звание доцента.

В 1981—1992 гг. работал в НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ССР) ученым секретарем, заведующим отделом, заместителем директора по научной работе.

В 1993—1996 гг. В.П. Иванов находился на государственной службе — работал министром культуры и по делам национальностей Чувашской Республики. С января 1997 г. трудится в Чувашском государственном институте гуманитарных наук, с 2006 г. в должности главного научного сотрудника секции этнологии исторического направления.

В 2005 г. успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Расселение и численность чувашей в России: историческая динамика и региональные особенности».

Круг научных интересов ученого составляют актуальные проблемы истории, культуры и этнопсихологии чувашского народа, этнокультурные и этнодемографические процессы, межнациональные отношения в Чувашской Республике, а также вопросы национально-культурной жизни диаспорных групп чувашей в различных регионах Российской

Федерации. В его трудах, выполненных на стыке наук, плодотворно используются методы истории, этнологии, социологии, географии, демографии, политологии.

В.П. Иванов — автор более 190 научных трудов, в том числе более 27 монографий, брошюр и учебных пособий, а также статей о чувашском народе, опубликованных в академических энциклопедиях «Народы мира» (1988), «Народы России» (1994) и «Народы и религии мира» (1999), научный редактор 39 монографий, сборников статей и трех выпусков «Чувашского гуманитарного вестника» (2019, 2020, 2021).

В.П. Иванов внес значительный вклад в развитие нового и приоритетного для российской науки направления — «этнодемографическая история народов». В опубликованной в 2005 г. его монографии «Этническая география чувашского народа» впервые выполнено комплексное исследование исторической динамики численности и особенностей расселения чувашского этноса в России. В 2006 г. издание было признано победителем республиканского конкурса «Лучшая научная книга», удостоено диплома лауреата Ассоциации книгоиздателей России (АСКИ).

В.П. Иванов является одним из зачинателей исследования внутрироссийских диаспор, что отмечено и в публикациях ученых ряда научных центров страны. Многоаспектные, глубокие по содержанию, с концептуальными выводами труды ученого широко используются в региональных исследованиях по проблемам этнических процессов и народонаселения, актуальны на современном этапе.

В 2002 г. вышла в свет уникальная книга-альбом «Чувашский костюм: от древности до современности», подготовленная под научным руководством В.П. Иванова. В данном научно-художественном издании впервые нашли отражение ценные коллекции народного искусства из ряда ведущих музеев России, США и Финляндии. В 2003 г. книга стала лауреатом конкурса АСКИ, в 2004 г. была отмечена дипломом на международной книжной ярмарке в г. Франкфурт-на-Майне, а в 2006 г. ее авторы — В.В. Николаев, Г.Н. Иванов-Орков, В.П. Иванов — были удостоены звания лауреата Государственной премии Чувашской Республики в области литературы и искусства.

Следует особо отметить, что В.П. Иванов выступил научным руководителем авторского коллектива и основным автором двухтомной монографии «Чуваши: история и культура» (2009), которая подвела черту под большим и насыщенным этапом этногеографического изучения народа. В 2011 г. она заняла первое место на Всероссийском конкурсе «Наше культурное наследие» среди книг о народах России.

Существенно важный характер имело участие В.П. Иванова в качестве одного из авторов в работе над коллективной монографией «Регионы России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте» (М., 2009). В исследовании на основе нового направления отечественной науки — антропосоциентального подхода — выявлены важные закономерности развития регионов. В.П. Иванов как один из ведущих соавторов внес значительный вклад в создание коллективной монографии «Чувашская Республика: социокультурный портрет» (2011).

Сфера научных интересов В.П. Иванова обширна. Так, в 2010 г. им совместно с В.Н. Клементьевым опубликована монография «Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы», в которой впервые на основе опубликованных и вновь выявленных архивных источников подробно рассмотрены основные вехи национально-государственного строительства республики. В книге «Этническая история чувашского народа» (2010) освещены проблемы происхождения чувашей, дискуссионные вопросы булгаро-чувашской этногенетической, языковой и культурной преемственности. В работе «История этнографии чувашского народа» (2011) прослеживается история этнографического изучения чувашей от самых первых публикаций с упоминанием о них до исследований начала XXI в.

Особенной чертой научной деятельности В.П. Иванова является прикладной характер многих его работ [книги «Этническая карта Чувашии» (1997), «Чувашская диаспора» (1999) и др.], в связи с чем они широко используются как в управленческой сфере, так и в школьно-вузовской практике. Он выступил также одним из ведущих авторов учебного пособия «Культура Чувашского края» (1994).

В своей научной деятельности В.П. Иванов большое внимание уделяет важному делу популяризации и пропаганды знаний по истории и культуре родного народа. В этом отношении очень значимой для всего этноса оказалась книга «Чуваши: этническая история и традиционная культура», изданная в Москве в 2000 г. 30-тысячным тиражом (написана под научным руководством В.П. Иванова с участием профессоров В.В. Николаева и В.Д. Дмитриева). Авторы книги в 2001 г. были удостоены Государственной премии Чувашской Республики в области науки и техники.

В.П. Иванов является основным автором-разработчиком проектов Концепции государственной национальной политики и Программы ее реализации в ЧР на 1998—2005 гг., принятых постановлением Правительства республики. Начиная с 2005 г., в соответствии с соглашением, заключенным между Минкультуры республики и ЧГИГН, он вел руководство экспедиционной и научно-аналитической работой по составлению этнокультурных паспортов русского (2007), мордовского (2008), татарского (2009), чувашского (2012) населения республики. В развитие данного проекта В.П. Иванов совместно с Г.Б. Матвеевым подготовил и выпустил в 2015 г. в Чувашском книжном издательстве иллюстрированную книгу «Этнокультурный портрет Чувашской Республики», в которой нашли освещение основные сведения об истории, культуре и современной жизни национальностей, численность которых составляет не менее 100 чел.

Начиная с 2000 г. В.П. Иванов предметно занимался реализацией совместного проекта Института этнологии и антропологии РАН и ЧГИГН по подготовке академического тома «Чуваши» серии «Народы и культуры» в качестве одного из ответственных научных редакторов и основных авторов. В 2017 г. коллективный труд увидел свет в издательстве «Наука» (г. Москва).

В.П. Иванов — один из основателей и руководитель общественного некоммерческого Фонда историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова (образован в 2000 г., зарегистрирован в Москве), деятельность которого направлена на оказание содействия в реализации различных научно-исследовательских, издательских и национально-культурных проектов. Три издания Фонда были удостоены Государственных премий Чувашской Республики. При финансовом и научно-методическом содействии Фонда были изданы книги «Чувашский костюм» (В. Николаев, Г. Иванов-Орков, В. Иванов, 2002), «Композитор Степан Максимов» (М. Кондратьев, 2003), «Предыстория чувашского народа» (А. Илитвер, 2004), «Бишкаинская школа» (2004), «Генеалогия чувашского народа» (В. Николаев, 2004), «Свет ушедшего дня» (М. Желтов, 2005), «История предков чувашей» (В. Николаев, 2005), «Кто мы — суваро-булгары или чувашши?» (В. Алмантай, 2010), «Культура суваро-булгар. Философия символов монет и украшений» (В. Алмантай, 2012), «Военное искусство суваро-булгар — предков чувашей» (Ю. Ювенальев, 2017), «Ювелирное искусство суваро-булгар — предков чувашей» (С. Ювенальев, Ю. Ювенальев, 2018).

Решением ВАК при Минобрнауки РФ В.П. Иванов в 2007—2021 гг. состоял членом Объединенного совета по защите докторских и кандидатских диссертаций при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова, является членом Ученого совета Чувашского государственного института гуманитарных наук, а также состоит в редколлегии журнала «Чувашский гуманитарный вестник», с 2019 г. является его ответственным редактором.

В.П. Иванов ведет активную общественно значимую работу в качестве члена Совета по делам национальностей ЧР, члена Комиссии при Главе ЧР по Государственным премиям в области науки и техники. Он — один из инициаторов и организаторов создания и установки памятников выдающемуся историку-этнографу Н.В. Никольскому (д. Юрмекейкино Моргаушского р-на ЧР, 1994) и академику В.В. Николаеву (г. Чебоксары, 2010).

За большие заслуги в развитии науки и культуры В.П. Иванов награжден Почетной грамотой Чувашской Республики (2002), ему присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Чувашской Республики» (2008) и «Заслуженный исследователь Чувашского государственного института гуманитарных наук» (2012), он является лауреатом Государственных премий Чувашской Республики в области науки и техники (2001) и в области литературы и искусства (2006). За активное участие в популяризации историко-культурного наследия народов России удостоен медали «100 лет М.А. Шолохову» (2005).

В 2013 г. Указом Президента РФ награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. За вклад в проведение фундаментальных научных исследований удостоился медали ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2018), а также памятной медали «100 лет образования Чувашской автономной области» (2020) и нагрудного знака Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела ЧР «За достижения в культуре» (2021). В 2022 г. присвоено звание «Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации».

Публикации о В.П. Иванове

- Краткая чувашская энциклопедия. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2001. С. 177.
- Исследователи этнографии и археологии Чувашии: биобиблиографический справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 102—103.
- Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук. 1930—2005. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 67—68.
- Историки России XX века: биобиблиографический словарь. Саратов: Саратов. гос. соц.-эконом. ун-т, 2005. С. 252.
- Энциклопедия Башкортостана. Т. 3. Уфа: Башк. энциклопедия, 2007. С. 118.
- Чувашский национальный конгресс. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 97.
- Чувашская энциклопедия. Т. 2. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 87—88.
- Краткая чувашская региональная энциклопедия: Пензенская, Саратовская, Ульяновская области. Т. 1. Ульяновск, 2009. С. 169.
- Who is Who в России. Энциклопедия личностей серии «Hubners» «Who is Who». Вып. 5. М., 2011. С. 899.
- Краткая чувашская энциклопедия Башкортостана. Уфа, 2014. С. 123.
- Ученые Чувашского государственного института гуманитарных наук. Год 2020-й: научно-справоч. изд. / сост. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 78—83.

Основные научные труды

- Современные обыденные представления верующих чувашей (по материалам сельских районов Чувашской АССР) // Современные социальные и этнические процессы в Чувашской АССР. Чебоксары: ЧНИИ, 1978. С. 71—103.
- В.Ф. Смолин — исследователь археологических памятников Чувашского Поволжья // Исследования по археологии Чувашии / отв. ред. В.Ф. Каховский. Чебоксары: ЧНИИ, 1978. С. 152—161.
- Религиозная обрядность верующих чувашей сельской местности и ее мотивация // Вопросы социологии и демографии Чувашской АССР. Труды ЧНИИ. Вып. 85. Чебоксары: ЧНИИ, 1978. С. 115—148.
- К вопросу о чувашско-татарских этнокультурных параллелях (Необходимые интерпретации некоторых фактов, приведенных в книге «Татары Среднего Поволжья и Приуралья») // Болгары и чувашаи / отв. ред. В.Д. Димитриев. Чебоксары: ЧНИИ, 1984. С. 103—120.
- Этнические процессы среди локально-территориальных групп чувашей // Культура и быт низовых чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1986. С. 15—31.
- К проблеме системно-статистического анализа этноса // Исследования по древней и современной культуре чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1987. С. 86—101. В соавторстве.
- Чуваши: современные этнокультурные процессы / под общ. ред. В.В. Пименова [раздел «Профессиональная духовная культура»]. М.: Наука, 1988. 240 с.
- Семья у чувашей. Чебоксары: ЧНИИ, 1988. 100 с. В соавторстве.
- Современные национально-культурные процессы среди приуральских чувашей: особенности, проблемы, перспективы // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы / отв. ред. В.П. Иванов. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 26—57.
- Этнокультурные процессы в Поволжье и Приуралье / под общ. ред. В.В. Пименова и В.П. Иванова [раздел «Профессиональные формы духовной культуры»]. Чебоксары: ЧНИИ, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, МГУ им. М.В. Ломоносова, 1991. 236 с.

Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья / под общ. ред. В.П. Иванова [разделы «Предисловие», «Этногенез и этногеография», «Культура питания»]. Чебоксары: ЧНИИ, 1993. 278 с.

Краеведческие письма о прародине чувашей // Краеведение (Краеведение). София, 1994. № 1. С. 40—47. (На болгар. яз.)

Традиции — основа современной национальной культуры // Vostok (Восток). Кельн, 1996. № 2. С. 53—55. (На нем. яз.)

Чувашская Республика и диаспора: проблемы оптимизации взаимодействия. Чебоксары: ЧГИГН, 1996. 64 с.

Этническая карта Чувашии (расселение, численность и межэтническое взаимодействие титульной нации и этнических групп на территории республики. Чебоксары: ЧГИГН, 1997. 176 с.

Чувашский этнос: проблемы истории и этногеографии. Чебоксары: ЧГИГН, 1998. 156 с.

Проблемы национально-культурного развития чувашской диаспоры: история и современность // Проблемы национального в развитии чувашского народа. Чебоксары: ЧНИИ, 1999. С. 139—160.

Чуваши // Народы и религии мира: энциклопедия. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. С. 631—639. В соавторстве.

Чувашская диаспора. Этногеографический справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. 316 с.

Чуваши: Этническая история и традиционная культура / отв. ред. В.А. Клоков. М.: ДИК, 2000. 96 с. В соавторстве.

Современная чувашская диаспора: организационное строение и связь с республикой // Чувашское население России. Т. 1. Республика и диаспора. М.: Наука, 2000. С. 19—36.

Этнополитическая ситуация в Чувашии: реалии, тенденции и перспективы // Этнопанорама. Оренбург, 2001. № 2. С. 30—37.

Чувашский костюм: от древности до современности. М.—Чебоксары—Оренбург: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2002. 400 с. В соавторстве.

Формирование чувашской диаспоры // Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы. Вып. 29 / отв. ред. А.Д. Коростелев. М.: Наука, 2003. С. 123—269.

Этническая география чувашского народа: историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 384 с.

Чуваши: история и культура: историко-этнографическое исследование. В 2 т. / под ред. В.П. Иванова [разделы «Введение», «История этнографии чувашского народа и проблематика его происхождения», «Этническая история», «Этносоциальная история», «Общие сведения», «Численность и расселение», «Одежда, костюм и украшения», «Этнические процессы»]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 336 с.

Василий Николаев: слагаемые портрета. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2009. 176 с.

Этническая история чувашского народа: научный очерк. Чебоксары: ЧГИГН, 2010. 88 с.

Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2010. 192 с. В соавторстве.

Проблемы этнографии чувашского народа. Избранные труды. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2012. 668 с.

Проблемы и перспективы создания этнопарка в городе Чебоксары. Научный доклад. Вып. 12 / отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. 44 с. В соавторстве.

История этнографии чувашского народа: учеб. пособие. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. 92 с.

Проблема «ясачных чувашей» как отражение многовекторности болгаро-чувашской этногенетической преемственности // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья.

Вып. 4 / отв. ред. И.К. Загидуллин. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. С. 219—236.

Некоторые проблемы социокультурной адаптации мигрантов в полиэтническом пространстве Чувашской Республики // Чувашский гуманитарный вестник. 2014. № 9. С. 36—54.

История татар с древнейших времен. В 7 т. Т. V. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI—XVIII вв.) [Раздел «Чувашское население»]. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 1032 с.

Чуваши Присвьяжъя: история и культура / отв. ред. В.П. Иванов и Г.Б. Матвеев [раздел «Чуваши Присвьяжъя: историко-расселенческий аспект»]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 303 с.

Этнокультурный портрет Чувашской Республики: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 198 с. В соавторстве.

Пантеон богов в чувашской мифологии (к вопросу ранжирования иерархии) // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи / отв. ред. А.П. Леонтьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 119—140.

Чуваши / отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафова [разделы «Введение», «Происхождение, этническая и социально-политическая история», «Численность и расселение чувашей в XVIII — начале XXI века» (в соавторстве), «Этнические процессы в конце XX — начале XXI века»]. М.: Наука, 2017. 654 с.

Этнография чувашского народа / под ред. В.П. Иванова [разделы «Предисловие», «Этнографическое изучение чувашей», «Основные теории этногенеза и важнейшие этапы этносоциальной истории», «Расселение и численность», «Этнографические и территориальные группы», «Антропологический облик», «Этносоциальная история»]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 351 с.

Истоки. Родина и род поэтов К.В. Иванова и Я.Г. Ухсяя. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. 148 с. В соавторстве.

Чувашская Республика: история и современность / под ред. В.П. Иванова [разделы «Общие сведения» (в соавторстве), «Население», «Исторический очерк» (в соавторстве)]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 222 с.

Метаморфозы этничности. Полемические этюды по этнопсихологии чувашей. Чебоксары: Фонд историко-культурологических исследований им. К.В. Иванова, 2019. 144 с.

Этнодемографическое развитие чувашского народа в XIX — начале XX века: особенности и проблемы // Исторический образ нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.) / сост. и отв. ред. Ю.В. Гусаров, В.Н. Клементьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 47—56.

Этнокультура татар и чувашей: этногенетический аспект // Татары и чувашы — ветви одного древа / отв. ред. Г.А. Николаев, Р.Р. Исаков. Казань; Чебоксары: ЧГИГН; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2021. С. 154—162.

Мордва в Чувашии: особенности расселения и динамика численности // Мордва в Чувашии: история и современность / отв. ред. Д.В. Егоров. Чебоксары: ЧГИГН, 2022. С. 6—14.

Очерки по истории и этнографии Чувашии. Избранные труды (2012—2022). Чебоксары: ЧГИГН, 2022. 504 с.

Г.Б. Матвеев

МАТВЕЕВ ГЕОРГИЙ БОРИСОВИЧ

(к 70-летию со дня рождения)

17

июня 1952 г. исполнилось 70 лет со дня рождения известного чувашского этнографа, этнолога Георгия Борисовича Матвеева.

Г.Б. Матвеев родился в д. Дальние Сормы Канашского района Чувашской АССР. В 1959—1967 гг. учился в Дальнесорминской, Кошноруйской, Огоньковской школах. Окончил Канашское педагогическое училище (1971), историко-филологический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова (1979) по специальности «история», аспирантуру Института этнографии АН СССР (г. Москва) без отрыва от производства.

В 1971—1972, 1974—1976 гг. — учитель и заведующий Верхнекляшевской начальной школой. В 1972—1974 гг. служил в армии. В Чувашском государственном институте гуманитарных наук работает с августа 1979 г. — младший научный сотрудник, с 1987 г. — старший научный сотрудник, с 1993 по 2012 г. — заведующий отделом этнологии и антропологии, с 2013 г. — ведущий научный сотрудник исторического направления.

Область научных интересов: история этнографической науки, материальная и духовная культура чувашского народа, народное зодчество, праздники и обряды, мифология. Им опубликовано 110 научных трудов, в том числе 13 монографий, включая созданные коллективом авторов.

Г.Б. Матвеев является одним из ведущих специалистов по проблемам этнографии и этнологии чувашского народа. В 1980-е гг. он занимался темой «Отражение современных этнических процессов в материальной культуре». Были привлечены как полевые материалы, так и данные массовых обследований. В 1981—1982 гг. Г.Б. Матвеев участвовал в статистико-этнографическом исследовании «Современные этнические и культурные процессы в Чувашской АССР» (совместный проект Института этнографии АН СССР и Чувашского НИИ, руководитель доктор исторических наук В.В. Пименов, г. Москва). Результаты данного исследования совместно с другими участниками изложил в ряде публикаций, в том числе в монографии «Чуваши: современные этнокультурные процессы» (М.: Наука, 1988).

Другим направлением исследований Г.Б. Матвеева явилось картографирование явлений материальной культуры, сбор сведений для составления историко-этнографического атласа по теме «Традиционное хозяйство и материальная культура». По материалам этнографических экспедиций 1980-х гг. по районам Чувашии и комплексных экспедиций Института в чувашские селения Татарстана и Башкортостана, а также Ульяновской, Самарской и Оренбургской областей (1984, 1987) увидел свет ряд книг, в которых серию статей по поселениям и жилищу, народной одежде и пище чувашей опубликовал Г.Б. Матвеев. Картографический материал также лег в основу его книги «Традиционная культура чувашей. Ч. 2. Материальная культура» (Чебоксары, 1995).

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в исследованиях этнографов приоритетным стало изучение вопросов генезиса и эволюции этнической культуры чувашей. Вначале появился сборник, а затем и коллективная монография (1993), в которых Г.Б. Матвеевым в исторической ретроспективе прослежено отражение межэтнических связей в поселениях, жилище, домашней утвари чувашей.

В начале 2000-х гг. комплексные экспедиции по изучению чувашской диаспоры были продолжены. Г.Б. Матвеев являлся руководителем отрядов экспедиций, состоявшихся в 2000 (проект РГНФ), 2002 (проект «Чуваши Приволжского федерального округа»), 2003 и 2006 гг. («Чуваши Тюменской области»). Все они завершились изданием коллективных монографий. Первый проект «Симбирско-саратовские чуваше» (2004) открыл общеинститутскую серию «Чуваши в современном мире». В этой же серии вышли монографии «Чуваши Присвяжья: история и культура» (Чебоксары, 2015) и «Чуваши юга Тюменской области» (Тюмень—Чебоксары, 2016). Эти книги углубили степень изученности ряда этнотерриториальных групп чувашей. В соавторстве с коллегами были освещены история заселения этих территорий, формирование данных групп этнической общности, традиционная материаль-

ная и духовная культура, этнические и этнокультурные процессы в их среде. Были выявлены признаки своеобразия и целостности в рамках этноса, традиции в этнокультуре, вопросы их сохранения, этнокультурной самоидентификации и этнического самосознания.

История развития жилища чувашей от древности до современности, особенности развития народного зодчества на рубеже XX и XXI вв., этнические традиции в архитектурно-декоративном оформлении, интерьере, в модернизации жилища, специфика развития народного зодчества в этнографических зонах и на этнолокальных территориях расселения чувашей были рассмотрены в монографии Г.Б. Матвеева «Чувашское народное зодчество» (2005). Это первое значительное исследование, посвященное данной теме.

В коллективной двухтомной монографии «Чуваши: история и культура. Историко-этнографическое исследование» (2009) Г.Б. Матвеев принял участие в написании пяти глав, в том числе о поселениях, жилище и архитектурных традициях, народной кулинарии, традиционных верованиях. В составе авторского коллектива он внес значительный вклад в подготовку и издание тома «Чуваши» академической серии «Народы и культуры России» (2017) в качестве координатора авторского коллектива, а также как автор разделов по хозяйству, поселениям и жилищам, традиционной и современной кухне, особенностям эволюции и современного бытования народного костюма, традиционных верований и мифологических представлений, производственной обрядности.

В 2006—2012 гг. Г.Б. Матвеев выезжал в районы проживания русского, мордовского и татарского населения Чувашии для фиксации сведений о состоянии разных сфер этнической культуры и разработки этнокультурных паспортов.

Приоритетным направлением научных изысканий этнолога явилась история этнографической науки. Академическое издание Собрания сочинений выдающегося ученого Н.В. Никольского в 4 томах дает подробное представление о его значительном вкладе в гуманитарную науку Поволжья (Г.Б. Матвеев является составителем I, II, IV томов). Всесторонняя характеристика деятельности Н.В. Никольского как ученого и интеллигента была дана Г.Б. Матвеевым с соавторами в книге «Н.В. Никольский — ученый, просветитель, общественный деятель», изданной в рамках серии «Замечательные люди Чувашии» (2011).

Г.Б. Матвеев участвовал в подготовке учебных пособий и методических рекомендаций для образовательных учреждений.

В течение ряда лет являлся руководителем отраслевой редакции по этнографии много-томной Чувашской энциклопедии, для которой написал 270 статей. Будучи заведующим отделом являлся организатором либо одним из организаторов более десятка научных мероприятий.

В настоящее время объектом исследований Г.Б. Матвеева выступает мифология чувашского народа. Значительный вклад он внес в подготовку и издание этнографического справочника «Чувашская мифология» (2018), в котором использован интегрированный подход к изучению мифологии.

Г.Б. Матвеев осуществляет сотрудничество с этнологами Марий Эл, Мордовии, Башкортостана, Татарстана, Самары, Тюмени, Новосибирска, Москвы. Результаты исследований докладывались в конгрессах этнологов и антропологов России, межрегиональных и региональных конференциях, симпозиумах. Активно участвует в выполнении общественно значимых проектов вне рамок института. В их ряду — сборники научных конференций, проведенных в Тюмени совместно с Ассоциацией чувашей Тюменской области «Таван»; консультативная помощь, оказываемая национально-культурным автономиям.

Г.Б. Матвеев имеет почетное звание «Заслуженный работник культуры Чувашской Республики» (2003), медаль ордена «За заслуги перед Чувашской Республикой» (2013), благодарность Главы ЧР М.В. Игнатьева (2018), нагрудной знак Министерства культуры ЧР «За развитие культуры» (2022). Удостоен почетного звания «Заслуженный исследователь Чувашского государственного института гуманитарных наук» (2022).

Основные научные труды

Изучение этнографии чувашского народа в первой половине XIX века // Вопросы историографии историко-этнографического изучения Чувашии. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1981. С. 3—33.

Отражение этнических процессов в материальной культуре чувашского народа (одежда, пища) // Актуальные проблемы археологии и этнографии Чувашской АССР: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1982. С. 103—138.

Историография изучения материальной культуры чувашского народа (дореволюционный период) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1983. С. 80—120.

Жилище и постройки чувашей в конце XIX — начале XX вв. (северо-западные районы Чувашии) // Бытовая культура чувашей: (Материалы к историко-этнографическому атласу). Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1985. С. 30—66.

Историография изучения материальной культуры чувашского народа (советский период) // Новые материалы по археологии и этнографии чувашского народа: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1985. С. 101—122.

О некоторых особенностях традиционного жилища чувашского населения Татарской АССР, Ульяновской и Куйбышевской областей // Культура и быт низовых чувашей: Материалы комплекс. экспедиции ин-та в чуваш. селения Татар. АССР, Ульянов. и Куйбышев. обл. в 1984 г. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1986. С. 32—47.

Сельские поселения чувашей во второй половине XIX — начале XX в.: материалы к историко-этнографическому атласу // Этнография чувашского крестьянства. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1987. С. 35—50.

Чуваши: современные этнокультурные процессы. М.: Наука, 1988. В соавторстве. Национальная одежда и пища: черты общего и особенного // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1989. С. 58—71.

Отражение межэтнических связей в чувашском жилище // Этническая культура чувашей: (Вопросы генезиса и эволюции): [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 16—26.

Жилище и хозяйственные постройки у низовых чувашей: (Материалы к историко-этнографическому атласу) // Историко-этнографические исследования в Чувашской ССР: [сб. статей]. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1990. С. 50—66.

Ибресинский край: историко-краеведческий очерк. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. 267 с.

Этническая история и культура чувашей Поволжья и Приуралья. Чебоксары: ЧНИИЯЛИЭ, 1993. В соавторстве.

Культура чувашского края. Ч. 1. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. 350 с. В соавторстве.

Традиционная культура чувашей. Ч. 2. Материальная культура. Чебоксары: ЧГИГН, 1995. 158 с.

Жилище и хозяйственные постройки чувашей Приуралья // Материалы по этнографии и антропологии Чувашии. Чебоксары, 1997. С. 118—130.

Об этничности и этнических ценностях материальной, духовной и соционормативной культуры // Проблемы национального в развитии чувашского народа: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 1999. С. 161—173.

Научно-педагогическая деятельность В.Ф. Каховского и значение его исследований по проблемам этногенеза чувашей // Вопросы археологии и этнографии Чувашии: Материалы чтений, посвящ. памяти В.Ф. Каховского. Чебоксары: ЧГИГН, 2000. С. 5—21.

Симбирско-саратовские чувашы. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 274 с. В соавторстве.

Исследователи этнографии и археологии Чувашии: библиографический словарь. Чебоксары: ЧГИГН, 2004. 320 с. В соавторстве.

Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 1: Труды по этнографии и фольклору чувашского народа / сост., предисл., коммент. и прим. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. 527 с.

Чувашское народное зодчество: от древности до современности. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2005. 256 с.

Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук (1930—2005): справочник. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. 195 с.

Традиции питания чувашей // Чувашская кухня. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. С. 5—14.

Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 3: Труды по истории, культуре и статистике народов Волго-Уралья и Сибири / сост., предисл., коммент. и прим. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2008. 735 с.

Никольский Н.В. Собрание сочинений. Т. 4: Этнографические альбомы / сост., предисл., коммент. и прим. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 320 с.

Чуваши: история и культура. Историко-этнографическое исследование. В 2 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 1. 416 с.; Т. 2. 326 с. В соавторстве.

Н.В. Никольский — ученый, педагог и общественный деятель. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 304 с. В соавторстве.

Культурные традиции чувашей юга Тюменской области // Культурные традиции в условиях трансформации общества: Материалы конференции, посвящ. 130-летию Н.В. Никольского. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 3—31.

Чуваши Присвияжья: история и культура. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 303 с. В соавторстве.

Этнокультурный портрет Чувашской Республики. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2015. 199 с. В соавторстве.

Чуваши юга Тюменской области. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. В соавторстве.

Чувашская мифология: историография изучения проблемы // Мифология чувашей: истоки, эволюция и культурные взаимосвязи: Материалы региональной научно-практической конференции. Чебоксары, 2016. С. 6—32.

Этнография чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 351 с. В соавторстве.

Чуваши. М.: Наука, 2017. 654 с. В соавторстве.

Чувашская мифология: этнографический справочник. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с. В соавторстве.

Традиционное мировоззрение чувашей в контексте урало-алтайской мифологии: мифы о возникновении мира // Чувашский гуманитарный вестник. 2018. № 13. С. 107—140.

Традиционное мировоззрение чувашей в контексте урало-алтайской мифологии: представления о пространстве и времени // Чувашский гуманитарный вестник. 2019. № 14. С. 63—99.

Чувашская этнография в советское время: достижения и упущенные возможности // Исторический опыт нациестроительства и развитие национальной государственности чувашского народа (К 100-летию Чувашской автономии): Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 538—549.

Традиционное мировоззрение чувашей в контексте урало-алтайской мифологии: эсхатологический мотив // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. Вып. 5. С. 81—104.

Мифологические основы календарных обрядов чувашей // Исследования по этнологии чувашского народа: сб. статей. Вып. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 107—155.

Мифологизированные образы растений и животных // Исследования по этнологии чувашского народа: сб. статей. Вып. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 156—191.

В.П. Иванов

ПЕТРОВ ИГОРЬ ГЕОРГИЕВИЧ

(к 60-летию со дня рождения)

Петров Игорь Георгиевич, известный этнолог, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН родился 17 января 1962 г. в с. Кош-

Елга Бижбулякского района БАССР в учительской семье. В 1979 г. окончил Кош-Елгинскую среднюю школу, в 1985 г. — историко-английский факультет Башкирского государственного педагогического института с отличием. После завершения учебы молодой специалист был направлен стажером-исследователем в Сектор народов Южного Урала с Музеем археологии и этнографии Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР. В 1987—1990 гг. обучался в очной аспирантуре ИИЯЛ Башкирского научного центра Уральского отделения АН СССР (БНЦ УрО АН СССР) по специальности «этнография».

По окончании аспирантуры с 1990 по 1993 г. работал младшим научным сотрудником в Секторе народов Южного Урала ИИЯЛ БНЦ УрО АН СССР, с 1993 г. — м.н.с. в Отделе народов Урала с Музеем археологии и этнографии Уфимского научного центра РАН (ОНУ с МАЭ УНЦ РАН). В 1993 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Сельское чувашское население Башкирского Приуралья: современные этнокультурные процессы». В 1993—2003 гг. работал младшим научным сотрудником, научным сотрудником в Отделе народов Урала с МАЭ УНЦ РАН. Одновременно исполнял обязанности заведующего отдела музея и музейных фондов. В 1999 г. был избран старшим научным сотрудником. В 2003—2006 гг. обучался в докторантуре ЦЭИ УНЦ РАН. С 2006 г. по настоящее время работает ведущим научным сотрудником отдела этнографии Института этнологических исследований УНЦ РАН, с 2011 г. — ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН (ИЭИ УНЦ РАН). С 2007 по 2011 г. по совместительству исполнял обязанности главного хранителя музейных фондов.

Круг научных интересов — этнология, история, источниковедение, музееведение, краеведение. Является автором более 200 научных работ, в том числе 5 монографий: «Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы» (1989, в соавторстве), «Чуваши Башкортостана: популярный очерк этнической истории и традиционной культуры» (1994), «Одежда чувашей Урало-Поволжья в обрядах жизненного цикла: историография проблемы» (2007), «Одежда в родинных обрядах чувашей: историко-этнографические очерки» (2015), «Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей: XIX — начало XX века» (2018). Он также является автором и составителем монографического альбома-каталога «Чувашские коллекции в этнографических фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН: каталог-альбом» (2017).

В 1990—2000-е гг. в качестве автора И.Г. Петров принимал участие в региональных энциклопедических изданиях: «Башкортостан: краткая энциклопедия» (1996), «Башкирская энциклопедия» в 7 томах (2005—2011), «Чувашская энциклопедия» в 4 томах (2006—2011), «Народы Башкортостана: энциклопедия» (2014), «Фольклор народов Башкортостана: энциклопедия» (2020) и др.

В рамках грантов РГНФ и РФФИ является руководителем и исполнителем нескольких научных проектов по чувашеведению: «Надмогильные памятники некрещеных чувашей Западного Башкортостана: традиции и инновации» (РГНФ, 2014), «Чувашские коллекции в этнографических фондах Музея археологии и этнографии ИЭИ им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН» (РГНФ, 2016—2017), «Религиозные практики чувашей: традиции и их трансформация (конец XX — первые десятилетия XXI века)» (РФФИ, 2020—2022, совместно с Е.А. Ягафовой).

С 1985 г. до сегодняшнего дня является активным собирателем полевых материалов по этнографии, традиционной культуре и фольклору приуральских чувашей. За годы работы в институте участвовал в более 15 научных экспедициях. Внес большой вклад в формирование и пополнение этнографических коллекций Музея археологии и этнографии по культуре и быту чувашей и других народов Башкортостана: башкир, татар, русских, марийцев.

В 1998—2003 гг. в составе группы исполнителей принимал активное участие в подготовке международной выставки «Золотые олени Евразии» (совместно с Государственным Эрмитажем). Выставка с огромным успехом экспонировалась в США, Италии, а также в Санкт-Петербурге, Москве и Уфе.

Активный общественник. В 80—90-е гг. XX в. входил в инициативную группу по созданию в г. Уфе чувашского фольклорно-этнографического ансамбля «Нарспи» (1986), Общества чувашской культуры (1989), Чувашской воскресной школы им. П.М. Миронова

(1993), Общества чувашских краеведов (1994), Канаша (съезда) чувашей Башкортостана (1999). В качестве делегата неоднократно принимал участие в работе съездов Чувашского национального конгресса в г. Чебоксары. В настоящее время является членом Президиума РОО «Канаш» Республики Башкортостан по сохранению и развитию языка и традиций чувашского народа.

В 2007 г. избран действительным членом РОО Чувашская национальная академия наук и искусств (ЧНАНИ). С 2011 г. исполняет обязанности заместителя председателя Приуральского филиала ЧНАНИ, располагающегося в г. Уфе.

И.Г. Петров награжден Почетной грамотой Государственного комитета РБ по науке, высшему образованию и среднему профессиональному образованию (2002), дипломом Всемирной Федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО (2006), Почетной грамотой Президиума Государственного Совета Чувашской Республики (2014), памятной медалью «100-летие образования Чувашской автономной области (2021), Почетной грамотой Федерального государственного бюджетного учреждения «Дом народов России» (2022).

Основные научные труды

Чуваши в Башкирии: численность и расселение // Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа: ИИЯЛ, 1987. С. 85—89.

Этапы формирования этнической группы приуральских чувашей // Чуваши Приуралья: культурно-бытовые процессы. Чебоксары: ЧНИИ, 1989. С. 19—25.

Чуваши Башкортостана: популярный очерк этнической истории и традиционной культуры. Уфа: Центр народного творчества, 1994. 67 с.

Чуваши // Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки / отв. ред. Р.Г. Кузеев. Уфа: Информреклама, 2002. С. 173—218.

Музей археологии и этнографии Центра этнологических исследований УНЦ РАН (исторический очерк) // Этнографическое обозрение. 2003. № 2. С. 136—150.

Полевое моление учук некрещеных чувашей д. Юльгимировка Республики Башкортостан // Н.В. Никольский и чувашская гуманитарная наука XX века: Материалы конференции, посвященной 125-летию ученого. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 198—203. В соавторстве.

Одежда чувашей Урало-Поволжья в обрядах жизненного цикла: историография проблемы. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2007. 128 с.

Знаково-символические функции одежды и предметов быта в свадебной обрядности чувашей Урало-Поволжья // Этнографическое обозрение. 2008. № 1. С. 145—162.

Признаки половозрастной стратификации в чувашской женской одежде // Известия Самарского научного центра РАН. 2008. Т. 10. № 4 (26). Октябрь—декабрь. С. 1275—1284. В соавторстве.

Слово о педагоге, краеведе и этнографе П.А. Петрове-Туринге // Чувашский гуманитарный вестник. 2007 (июль) / 2008 (декабрь). № 3. С. 32—44.

Традиционная женская рубаха (кёпе) чувашей Башкортостана: эволюция и современное бытование // Традиционная культура народов Урало-Поволжья в условиях модернизации общества / отв. ред. Р.Р. Садилов. Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2011. С. 84—108.

Этнокультурные параллели в народной одежде чувашей и башкир: к проблеме взаимодействия и взаимовлияния этносов и культур // Чуваши и их соседи: этнокультурный диалог в пространственно-временном континууме: сб. статей. Чебоксары: ЧГИГН, 2012. С. 111—126.

Одежда в родинных обрядах чувашей: историко-этнографические очерки. СПб.: Своё изд-во, 2015. 219 с.

Проводы в рекруты у чувашей (конец XIX — начало XX в.) // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 51—87.

Сурхури: новогодние праздники в традиционной и современной обрядности чувашей // Самарский научный вестник. 2016. № 2 (15). С. 130—136. В соавторстве.

Брачная ночь и оповещение о невинности невесты в свадебной обрядности чувашей // Чувашский гуманитарный вестник. 2016. № 11. С. 143—158.

Чувашские коллекции в этнографических фондах Музея археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН: каталог-альбом. Уфа: Белая Река, 2017. 124 с.

К истории создания Чувашского национального общества в г. Уфе // Археография Южного Урала: Документальное наследие революции 1917 года: Материалы XVII Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа, 2017. С. 128—134.

Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей (XIX — начало XX века). Уфа: Башкир. энцикл., 2018. 296 с.

Деятельность Чувашской секции при Обществе по изучению Башкирии в 1927—1930 годы // Археография Южного Урала 2018. Архивное наследие России: Материалы XVIII Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию РБ, 100-летию Гос. архивной службы России и 45-летию Южноуральской археографической комиссии РАН / под ред. А.Б. Юнусовой. Уфа, 2018. С. 168—173.

Документы архивно-следственного дела по обвинению П.А. Петрова-Туринге в антисоветской и контрреволюционной деятельности // Чувашский гуманитарный вестник. 2019. № 14. С. 195—230.

Патриарх чувашского краеведения (к 90-летию со дня рождения ученого, краеведа и общественного деятеля А.А. Кондратьева) // Чувашский гуманитарный вестник. 2020. № 15. С. 102—118.

Запреты в похоронно-поминальных обычаях и обрядах чувашей // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 4 (34). С. 159—167.

Чувашское краеведение в Республике Башкортостан: вехи становления и развития // Чувашский гуманитарный вестник. 2021. № 16. С. 20—43. В соавторстве.

Могилы-кенотафы у чувашей и связанные с ними представления // Вестник Чувашского университета. 2022. № 2. С. 89—97.

Надмогильные памятники некрещеных чувашей: традиции и инновации (на примере села Старое Суркино Альметьевского района Республики Татарстан) // Самарский научный вестник. 2022. № 2. С. 235—244.

Г.Б. Матвеев

ЛЕБЕДЕВ ЭДУАРД ЕВГЕНЬЕВИЧ

(к 50-летию со дня рождения)

7 июня 2022 г. свое пятидесятилетие отметил ведущий научный сотрудник филологического направления Чувашского государственного института гуманитарных наук, кандидат филологических наук, автор более 80 научных трудов Эдуард Евгеньевич Лебедев.

Э.Е. Лебедев родился в г. Чебоксары. В 1989 г. после окончания средней школы № 9 поступил на восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета по направлению «тюркская филология», где изучал грамматику и историю тюркских языков, общелингвистические и общегуманитарные дисциплины. Среди учителей Э.Е. Лебедева были такие известные в среде отечественных тюркологов ученые, как В.Г. Гузев, С.Н. Иванов, В.Г. Кондратьев, С.Г. Кляшторный, Д.М. Насилов, Н.Н. Телицин и др. Во время обучения в университете молодой студент заинтересовался сравнительной морфологией тюркских языков. Основной темой его исследования стали грамматические формы глагола в тюркских языках. Дипломная работа была посвящена категории залога турецкого и чувашского языков.

В 1996 г. Э.Е. Лебедев поступил в заочную аспирантуру СПбГУ. Его научным руководителем стал доктор филологических наук, профессор В.Г. Гузев. После окончания аспирантуры в 2000 г. Эдуард Евгеньевич был принят на работу в Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова на кафедру тюркологии, которая впоследствии была объединена с кафедрой чувашского языка (ныне кафедра чувашской филологии и культуры). На этой кафедре он проработал до 2008 г. в должности ассистента, затем старшего пре-

подавателя и доцента. Во время работы в ЧувГУ Э.Е. Лебедев преподавал предметы сравнительно-исторического цикла, такие как: «Современный турецкий язык», «История чувашского языка», «Введение в тюркологию», «Древнетюркский язык», «Сравнительная грамматика тюркских языков». В 2004 г. им была успешно защищена диссертация на соискание научной степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 — Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание на тему «Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском и турецком языках». Монография по теме кандидатской диссертации, изданная в 2016 г., получила много лестных отзывов как отечественных, так и зарубежных ученых. Рецензия на эту монографию была опубликована в журнале Института языкознания Академии наук Венгрии за 2016 г. Ее автор — известный венгерский чувашевед К. Адягаш.

В 2011 г. Эдуард Евгеньевич был принят на работу в отдел языкознания Чувашского государственного института гуманитарных наук в должности старшего научного сотрудника (ныне в должности ведущего научного сотрудника филологического направления). В 2011—2017 гг. Э.Е. Лебедевым был опубликован цикл статей по вопросам глагольной морфологии в чувашском языке, а также сравнительно-сопоставительного изучения глагольных форм и категорий в чувашском и турецком языках. Проблематика, рассматриваемая в статьях автора, касается неличных и нефинитных форм глагола, таких как причастия и деепричастия, а также функционирования и семантики форм времен глагола и системы словоизменительных глагольных категорий в целом в обоих указанных языках. Свои исследования Э.Е. Лебедев проводит на базе функционально-семантического анализа — методики, которая в последнее время активно применяется и разрабатывается учеными петербургской и московской школ тюркологии. В чувашском языкознании подобный подход является новаторским.

В 2020 г., в год 150-летнего юбилея основателя чувашского языкознания, члена-корреспондента Академии наук СССР, профессора Н.И. Ашмарина в Чувашском книжном издательстве в серии «Замечательные люди Чувашии» вышла коллективная монография, посвященная жизни и деятельности великого ученого: «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии». Эта монография вошла в Топ-50 региональных изданий по итогам конкурса АСКИ «Лучшие книги года—2020». Э.Е. Лебедев выступил в качестве руководителя авторского коллектива, ответственного редактора и основного автора этого труда. В настоящее время ученый работает над завершением монографии «Словообразование чувашского языка», которая станет третьей книгой в серии «Строй чувашского языка».

В качестве совместителя читает курсы «Введение в языкознание» и «Общее языкознание» на факультете русской и чувашской филологии и журналистики Чувашского государственного университета.

Эдуард Евгеньевич постоянный участник научно-практических конференций, организуемых как в нашей стране, так и за рубежом (Турция, Казахстан). Среди наиболее известных конференций, которые проходили с участием ученого — Дмитриевские чтения (МГУ, г. Москва), Кононовские чтения (СПбГУ, г. Санкт-Петербург), а также научные форумы в Казани, Уфе и других городах России. В 2012 г. Э.Е. Лебедев выиграл грант Службы академических обменов Германии и был приглашен на стажировку в Институт тюркологии Свободного университета г. Берлин. В 2017 г. проходил научную стажировку в Российском университете дружбы народов по теме «Общая и частная методология филологической науки».

Э.Е. Лебедев ведет постоянный мониторинг научных работ по вопросам исследования чувашского языка, издаваемых учеными Турецкой Республики на турецком языке. Среди авторов работ, на которые им были подготовлены рецензии и аннотации, такие современные турецкие чувашеведы, как Э. Ыылмаз, И. Арыкан, Б. Байрам, Ф. Эрсой, О. Дурмуш.

Среди наград ученого — Благодарность Государственного Совета Чувашской Республики (2020) и Почетная грамота Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2022).

Э.Е. Лебедев пользуется уважением среди своих коллег. Он активный участник научных мероприятий, проводимых в Чувашском государственном институте гуманитарных

наук. Сотрудники нашего института от всей души поздравляют Эдуарда Евгеньевича со знаменательным юбилеем, желают ему крепкого здоровья, огромного личного счастья, добра и благополучия, интересных впечатлений и ярких эмоций, профессиональных успехов и новых научных открытий!

Основные научные труды

О состоянии современной чувашской аспектологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История языкознания, литературоведения. Вып. 1 (№ 2). Январь. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 122—127.

Состав и классификация акционсартовых значений в чувашском языке // Взаимодействие урало-алтайских языков. Язык и культура: сб. статей / сост. и отв. ред. А.П. Хузангай. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 48—64.

Система времен глагола в чувашском языке в освещении Н.И. Ашмарина (сравнительный анализ с временной системой турецкого глагола) // Ашмаринские чтения: Материалы Межрегиональной научной конференции / сост. и отв. ред. Г.И. Федоров. Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2006. С. 24—31.

Строй чувашского языка: проблемы, задачи и методы изучения / Э.Е. Лебедев; науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2013. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 15).

Türkçe ve Çuvaşça morfolojisinin karşılaştırılması meseleleri (Вопросы сопоставления морфологии турецкого и чувашского языков) // Сборник докладов конференции «Dünya uygarlığı içinde Türk uygarlığı tarih ve dil meseleleri kurultayı. 26—29 Haziran 2014». Eskişehir, 2014. S. 255—261.

Формы прошедшего времени в чувашском и турецком языках // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 121—138.

О грамматической категории времени глагола в чувашском языке // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2016. № 4 (92). Октябрь—декабрь. С. 59—65.

Акционсартовые значения сложновербальных аналитических форм в чувашском языке: монография. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. 64 с.

Общие элементы грамматики в чувашском и марийском языках // Чуваши и марийцы — соседи по «общему дому»: Материалы Межрегиональной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. ЧГИГН, МарНИИЯЛИ. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 268—276.

Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии: коллективная монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 270 с.

Чăваш чĕлхинчи глаголăн аналитика кўлеписем // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 5 / сост. и науч. ред. С.В. Охотникова. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 190—206.

Об общих чертах строя чувашского и татарского языков, подтверждающих их генеалогическое родство // Татары и чуваши — ветви одного древа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7—8 октября 2021 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков. Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЧГИГН. Казань—Чебоксары: Новое время, 2021. С. 8—27.

А.П. Долгова

МОРДВИНОВА АНТОНИНА ИЛЬНИЧНА

(к 70-летию со дня рождения)

Антонина Ильична Мордвинова — один из ведущих специалистов Чувашской Республики в области искусствоведения, кандидат искусствоведения, доцент, с 1997 г. — старший, с 2021 г. — ведущий научный сотрудник Чувашского государственного института гуманитарных наук. Она является автором около 100 статей и 5 монографий, посвященных актуальным проблемам профессионального изобразительного искусства, жизни и творчества видных художников республики, первым исследователем церковного искусства Чувашии.

А.И. Мордвинова родилась в Чебоксарах 11 ноября 1952 г. Окончила Чебоксарскую среднюю школу № 24, Чебоксарское художественное училище (1976) и факультет теории и истории искусств Санкт-Петербургского академического института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина по специальности «искусствовед» (1996).

Защитила диссертацию в НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств (г. Москва, 2004) по специальности «Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура» с темой «Деревянная церковная скульптура в Чувашии XVI — начала XX вв.», открыв тем самым новое направление в чувашском искусствоведении. Тогда же началось ее исследование храмов Чувашии и поиски материалов в архивах Чебоксар, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Нижнего Новгорода и Ульяновска — регионов, в состав которых входили населенные пункты современной Чувашии. Результатом этой работы явилось открытие целого пласта художественной культуры чувашского народа и памятников, которыми чувашские храмы чрезвычайно богаты. Эти материалы вошли в монографии «Введенский собор города Чебоксары» и «Церковное искусство Чувашии. Иконы. Скульптура. Иконостасы (XVI — начало XX в.)», увидевшие свет в 2009 и 2012 гг. В научный оборот введены около 130 имен иконописцев и более 40 имен резчиков иконостасов, тогда как в начале этой работы было известно лишь 2 чебоксарских иконописца и 5 алатырских. Среди открытых ею имен много иногородних мастеров из крупных центров православного искусства, постоянно работавших в городских и сельских храмах чувашского края. А.И. Мордвинова — участник ряда межрегиональных и всероссийских конференций и симпозиумов, ею опубликованы десятки статей в научных сборниках, освещающих историю и проблемы развития церковного искусства, что восполняет пробел в российском искусствоведении, где церковное искусство Среднего Поволжья изучено недостаточно. Актуальность ее трудов подтверждается востребованностью: на них ссылаются исследователи Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Ульяновска.

С 1980 по 2002 г. (с 1997 г. совмещая с работой в ЧГИГН) А.И. Мордвинова работала в Чувашском государственном художественном музее научным, старшим научным сотрудником, заведующей выставочным залом, заместителем директора по научной работе. За это время ею созданы десятки экспозиций выставок, в том числе международных, прочитаны лекции о художниках Чувашии, в том числе в районах республики, проведено множество экскурсий и консультаций по собранию музея. В 1983 и 1988 гг. в Центральном институте повышения квалификации Министерства культуры РСФСР (г. Москва) А.И. Мордвинова получила удостоверение эксперта по выявлению, учету и паспортизации культурных ценностей религиозных объединений РСФСР и удостоверение по группе заведующих отделами древнерусского искусства, что позволило в дальнейшем выступать экспертом по проблемным вопросам церковного наследия в МВД Чувашской Республики.

Не менее значительное место в кругу научных интересов А.И. Мордвиновой занимает современное изобразительное искусство республики. Ею созданы монографии «Владимир Нагорнов» (2003), «Евгений Бургулов. Жизнь и творчество» (2009), «Чебоксарское художественное училище. Страницы истории» (2019, в соавторстве с В.Г. Бритвиным и И.К. Кугураковым), альбом-каталог «Мир этих глаз: Геннадий Айги и его художественное окружение» (1997, в соавторстве), альбом «Р. Терюкалова. Симфония цвета» (2009), статьи для монографических альбомов о выдающихся живописцах Чувашии — «Юрий Ювеналь-

ев» (2003), об Анатолии Рыбкине «Волны моей жизни» (2004), «Владимир Агеев. Живопись. Графика» (2006). Ее усилиями (составитель и научный редактор) издана книга «Художник Анатолий Миттов. Дорога в гору» (2011), опубликованы десятки статей в периодической печати, подготовлены буклеты и каталоги выставок чувашских художников. Кроме того, она приняла активное участие в работе над созданием «Краткой чувашской энциклопедии» и 4-томной «Чувашской энциклопедии», написав 80 статей. В составе авторского коллектива приняла участие в подготовке книги «Чувашская Республика. История и современность» (2018). О высокой квалификации А.И. Мордвиновой свидетельствует и ее работа как научного редактора в подготовке сборников «Чувашское искусство» (2009, 2016), «Искусство Чувашии» (2018), книги В.И. Макаревского «Алексей Кокель в паутине историко-графического мифа» (2022).

В последние годы Антонина Ильинична занимается исследованием жизни и творчества выдающегося чувашского художника А.И. Миттова. Ею уже опубликованы десятки статей о разных периодах и сторонах его творчества в научных сборниках, создан каталог его произведений (2017), включивший две тысячи единиц. Сотрудничество со специалистами Государственной Третьяковской галереи позволило дополнить каталог 33 произведениями, хранящимися в ее фондах. В настоящее время монография о художнике находится в производстве Чувашского книжного издательства.

Из работ последних лет следует отметить также книгу народного художника Чувашии, заслуженного художника России, члена-корреспондента Академии художеств РФ А.П. Рыбкина «Мой старый добрый дом... Записки художника» (2017), составителем и научным редактором которой явилась Антонина Ильинична. Книга в том же году стала лауреатом конкурса «Книга года», проведенного в Рязани в рамках Межрегионального фестиваля национальной книги «Читающий мир» в номинации «Издание, вносящее вклад в диалог культур». В 2021 г. увидела свет книга-альбом А.И. Мордвиновой «Линия одержимости», включившая в себя ряд очерков о молодых художниках Чувашии — выпускниках академической школы России.

А.И. Мордвинова доцент, с 2022 г. — профессор кафедры истории и теории искусств и рисунка художественно-графического факультета (ныне кафедры изобразительного искусства и методики его преподавания факультета художественного и музыкального образования) Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (по совместительству). В настоящее время читает лекции по культуре и истории зарубежного, российского и чувашского изобразительного искусства на отделении «академическая живопись». Начиная с 2014 г. читает курс лекций по церковному искусству и иконографии по программе профессиональной переподготовки «Православная историческая живопись» в том же университете.

Велика роль А.И. Мордвиновой как общественного деятеля. Ряд лет она была членом редколлегии православного журнала «Бог и человек. Вестник Чувашской митрополии», ныне является членом общественного совета при наместнике Чебоксарского Свято-Троицкого монастыря. За общественную деятельность награждена медалью «В память 400-летия дома Романовых 1913—2013» (2013) и указом Патриарха Московской и Всея Руси Кирилла — юбилейной медалью «В память 1000-летия преставления равноапостольного великого князя Владимира» (2015).

С 2006 г. является организатором и председателем регионального отделения Ассоциации искусствоведов России, координируя работу исследователей искусства. Ведет большую просветительскую работу в качестве консультанта, лектора и эксперта в области современного и церковного изобразительного искусства.

В 2012 г. удостоена почетного звания заслуженного деятеля искусств Чувашской Республики.

За монографии «Владимир Нагорнов» (2003) и «Введенский собор города Чебоксары» (2008) была удостоена премий им. Н.В. Никольского. В 2009 и 2019 гг. — государственной стипендии Президента, затем Главы Чувашской Республики для выдающихся деятелей науки, литературы и искусств, в 2011 и 2016 гг. — Почетной грамоты Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чу-

вашской Республики за большой вклад в развитие искусствоведения Чувашии. В 2017 г. — Почетной грамоты Министерства культуры, по делам национальностей, информационной политики и архивного дела Чувашской Республики за многолетний добросовестный труд и успехи в научно-исследовательской деятельности. В 2020 г. ею получены Благодарность Государственного Совета Чувашской Республики за успехи, достигнутые в профессиональной деятельности, и многолетний добросовестный труд, а также благодарности Чувашского государственного института гуманитарных наук (2000, 2008, 2012), Чувашского национального музея (2010), Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева (2018, 2020), Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2007), Союза театральных деятелей Российской Федерации (2020), Национальной библиотеки Чувашской Республики (2022), Чувашского культурного общества Санкт-Петербурга (2021) и др. В 2022 г. удостоена почетного звания «Заслуженный исследователь Чувашского государственного института гуманитарных наук».

Литература о А.И. Мордвиновой

Ученые и сотрудники Чувашского государственного института гуманитарных наук: 1930—2005. Чебоксары: ЧГИГН, 2005. С. 112.

Ученые Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. С. 272.

Чувашский гуманитарный вестник. 2012. № 7. С. 235—238.

Чувашская энциклопедия. В 4 т. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. Т. 3: М—Се. С. 137.

Ученые Чувашского государственного института гуманитарных наук. Год 2020-й: научно-справоч. изд. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 146—150.

Основные научные труды

Стенопись Введенского собора г. Чебоксары // Программа «Храм»: сб. материалов. СПб., 1993. С. 114—116.

Судьба памятников, описанных А.И. Некрасовым // Скульптура в музее. М., 1996. С. 84—87.

К вопросу об атрибуции Введенского собора в Чебоксарах // Чувашское искусство. Вып. III. Чебоксары, 1997. С. 217—227.

Мир этих глаз: Г. Айги и его художественное окружение: альбом-каталог. Чебоксары: Чуваш. гос. художеств. музей, 1997. 175 с. В соавторстве.

Скульптура Параскевы Пятницы XVIII века из Троицкого собора Цивильска // Чувашское искусство: [сб. статей]. Вып. IV. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 73—86.

Чувашские художники на выставке «Мир этих глаз—2» // Чувашское искусство: [сб. статей]. Вып. IV. Чебоксары: ЧГИГН, 2001. С. 87—104.

Иконостас Введенского собора // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 5/2002, 1/2003. Чебоксары, 2003. С. 75—82.

Владимир Нагорнов: монография. Чебоксары: Чувашия, 2003.

Св. Николай Можайский (памятник церковной скульптуры XVI века в Чебоксарах) // Этнология религии чувашей. Вып. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2003. С. 140—155.

Памятники церковной скульптуры в контексте традиционной религии чувашей // II Санкт-Петербургские этнографические чтения «Мифология в системе культуры этноса» / Российский этнографический музей. СПб., 2003.

Деревянная церковная скульптура в Чувашии // Проблемы изучения, сохранения и использования наследия христианской деревянной скульптуры: Материалы 1-го межрегионального симпозиума (3—4 декабря 2003 г.). Пермь: Изд. И. Максарова, 2007. С. 192—205.

Церковная скульптура Чувашии (по архивным материалам) // Древнерусская скульптура: науч. сб. Вып. 5. Запад — Россия — Восток. Диалог культур. М.: МГМ «Дом Бурганова», 2008. С. 169—173.

Введенский собор города Чебоксары: монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 128 с.

- Раиса Терюкалова. Симфония цвета: альбом. Чебоксары: Чувашия, 2009. 23 с.
- Художественные выставки 1985—2005 гг. // Чувашское искусство: [сб. статей]. Вып. VI. Чебоксары: ЧГИГН, 2009. С. 134—171.
- Евгений Бургулов. Жизнь и творчество: книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2009. 126 с.
- Художник А. Миттов. Дорога в гору: книга-альбом / сост., науч. ред., вступ. статья. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. 208 с.
- Тенденции и имена в чувашской графике конца XX — начала XXI вв. // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 80—98.
- Тенденции и имена в чувашской скульптуре конца XX — начала XXI вв. // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 1. Чебоксары: ЧГИГН, 2011. С. 99—114.
- Церковное искусство Чувашии. Иконы. Скульптура. Иконостасы (XVI — начало XX в.): монография. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2012. 192 с.
- Монументальная живопись храмов города Чебоксары XVIII века // Город Чебоксары и его округа в эпоху средневековья: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, 26 сентября 2013 г.) / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2013. С. 183—204.
- Современное изобразительное искусство Чувашии: выставки 2005—2007 годов // Чувашский гуманитарный вестник. 2013. № 8. С. 163—177.
- Творчество А.И. Миттова в контексте художественной культуры 1960-х гг. // Художественные традиции и музей. Вып. II. Материалы музейной конференции «Заветы Миттова». Творчество А.И. Миттова и современные тенденции в искусстве Чувашии. Чебоксары: Новое время, 2014. С. 9—26.
- Тенденции и имена в чувашской живописи конца XX — начала XXI века // Чувашский гуманитарный вестник. Чебоксары, 2014. № 9. С. 55—79.
- О лабиринтах современного чувашского искусства // Чувашский гуманитарный вестник. 2014. № 9. С. 204—211.
- Обзор художественных выставок 2002—2004 годов // Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа. Вып. 3. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. С. 267—287.
- Портрет в творчестве А.И. Миттова // Чувашский гуманитарный вестник. 2015. № 10. С. 88—120.
- А.И. Миттов и чувашское изобразительное искусство второй половины XX века / науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары: ЧГИГН, 2015. 40 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 21).
- Чувашский хоровод в произведениях А.И. Миттова // Чувашское искусство: [сб. статей]. Вып. VII. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 105—128.
- Графические серии в позднем творчестве А.И. Миттова // Чувашское искусство: [сб. статей]. Вып. VII. Чебоксары: ЧГИГН, 2016. С. 129—160.
- Внутреннее убранство Николаевского собора // Чебоксары: история и тайны Николаевского девичьего монастыря: монография. Воронеж: АЛЕКС ПРИНТ, 2016. С. 79—94.
- Каталог произведений А.И. Миттова / сост., науч. ред. Чебоксары, 2017. 72 с.
- Анатолий Рыбкин. Мой старый добрый дом... Записки художника / сост. и авт. предисл. А.И. Мордвинова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 256 с.
- Искусство сценографии в театрах Чувашии: история и современность // Явление Театра народу: сб. статей и материалов: к 100-летию Чувашского государственного академического театра им. К.В. Иванова / сост. и науч. ред. М.Г. Кондратьев. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 66—74.
- Настенные росписи церквей Чувашии XIX — начала XX века // Искусство Чувашии: сб. статей. Вып. VIII. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 110—141.
- Иконописцы Алатырского уезда // Искусство Чувашии: сб. статей. Вып. VIII. Чебоксары: ЧГИГН, 2018. С. 142—157.

Художник Анатолий Миттов: становление мастера // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2018. № 13. С. 166—181.

Раиса Терюкалова. «Еще поют серебряные струны...»: книга-альбом. Чебоксары: ПрофБизнесПечать, 2019. 68 с.

Художник А.И. Миттов: неизвестные страницы // *Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа*. Вып. 4. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 266—288.

Чебоксарское художественное училище. Страницы истории: монография. Чебоксары: Тип. Брындиных, 2019. 268 с. В соавторстве.

Этнофутуризм в живописи и графике Чувашии и Марий Эл // *Чуваши и марийцы — соседи по «общему дому»: Материалы Международной научно-практической конференции (Большой Сундырь, Кулаково, 17 мая 2019 г.)*. Чебоксары: ЧГИГН, 2019. С. 362—375.

Чувашия в произведениях советских художников на VIII выставке Ассоциации художников революционной России // *Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Чебоксары, 16 октября 2020 г.)*. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. С. 413—422.

Чебоксарские храмы XVIII — начала XX века: поиски и находки // *Актуальные вопросы истории и культуры чувашского народа*. Вып. 5. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. С. 207—234.

Чебоксарские мастера церковного искусства Рукавишниковы // *Чувашский гуманитарный вестник*. 2021. № 16. С. 118—126.

Национальный компонент в творчестве живописцев Чувашии и Татарстана // *Татары и чувашы — ветви одного дерева: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Чебоксары, Казань, 7—8 октября 2021 г.)* / сост. и отв. ред. Г.А. Николаев, Р.Р. Исхаков; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ; ЧГИГН. Казань—Чебоксары: Новое время, 2021. С. 385—392.

Линия одержимости: книга-альбом. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2021. 208 с.

М.Г. Кондратьев

Хроника научной жизни института 2021 г.

14.01.2021 — в Национальной библиотеке ЧР ЧГИГН провел литературный онлайн-вечер «Юрий Скворцовън проза тӗнчи» (Художественный мир прозы Юрия Скворцова), посвященный 90-летию со дня рождения писателя, в котором приняла участие старший научный сотрудник филологического направления ЧГИГН кандидат филологических наук В.В. Никифорова.

16.01.2021 — во Дворце культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова состоялось торжественное мероприятие, посвященное празднованию Дней российской и чувашской печати. В торжественном мероприятии принял участие директор ЧГИГН П.С. Краснов.

22.01.2021 — в Чувашском республиканском институте образования в онлайн-формате на платформе Zoom состоялась Межрегиональная научно-практическая конференция «Чăваш чӗлхипе литературине вӗрентнин ăслăлăх никӗсӗ» (Научные основы обучения чувашскому языку и литературе), посвященная 75-летию со дня рождения педагога, кандидата филологических наук Ю.М. Виноградова, в которой приняли участие сотрудники филологического направления ЧГИГН кандидаты филологических наук А.П. Долгова и А.В. Кузнецов.

25.01.2021 — в праздновании 150-летия Национальной библиотеки ЧР приняла участие делегация из ЧГИГН: директор П.С. Краснов, сотрудники — кандидаты филологических наук А.П. Долгова и И.Ю. Кириллова, доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев. А.П. Долгова была удостоена звания «Почетный читатель Национальной библиотеки Чувашской Республики».

27.01.2021 — на телеканале «Национальное телевидение Чувашии — Чăваш Ен» вышла авторская программа «Ир пулсан» на чувашском языке. Интервью на тему «Герои Великой Отечественной войны из Чувашии» дала старший научный сотрудник исторического направления ЧГИГН кандидат исторических наук В.Г. Харитонова.

28.01.2021 — в Национальной библиотеке ЧР в рамках открытого лектория «Искусство сквозь призму истории» состоялась онлайн-лекция ведущего научного сотрудника искусствоведческого направления ЧГИГН кандидата искусствоведения А.И. Мордвиновой на тему «Импрессионизм: Франция, Россия, Чувашия».

03.02.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялось первое совещание организационного комитета по реализации выставочного проекта под руководством директора библиотеки Р.М. Лизаковой. В обсуждении плана выставки приняли участие художник О.А. Улангин, научные сотрудники ЧГИГН кандидат филологических наук А.П. Долгова и кандидат исторических наук Ю.В. Гусаров, сотрудники Чувашского республиканского института образования кандидаты филологических наук Ю.М. Виноградов и А.С. Егорова.

04.02.2021 — Национальная библиотека ЧР открыла цикл встреч «Книги моей жизни: библиотеки ярких людей». Первый гость — сотрудник ЧГИГН, доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев.

10.02.2021 — в эфир НТРК «Чăваш Ен» вышла передача «Ир пулсан». Гость программы — сотрудник ЧГИГН кандидат исторических наук Д.В. Егоров рассказал о *Хӗртсурт* — хранителе домашнего очага.

12.02.2021 — состоялась Итоговая научная сессия ЧГИГН, посвященная Дню российской науки.

26.02.2021 — в коворкинг-центре ЧГПУ им. И.Я. Яковлева состоялась научная конференция «История и становление Чувашской Республики глазами молодых ученых», по-

священная трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей. В ней приняли участие сотрудники ЧГИГН: кандидат исторических наук Н.С. Мясников, младший научный сотрудник А.Д. Гаврилов.

02.03.2021 — в Национальной библиотеке ЧР прошла презентация новых анимационных фильмов режиссера Владимира Галюшева из серии «Чувашские мифы, сказки и легенды». Свою оценку творческим работам дали научные сотрудники ЧГИГН кандидаты филологических наук Г.Г. Ильина и В.А. Ендеров.

11.03.2021 — в эфир НТРК «Чăваш Ен» вышла передача «Сёнтёрё паллисем». Гость программы — младший научный сотрудник ЧГИГН Т.И. Семенова.

17.03.2021 — сотрудники отдела «Книжная палата» Национальной библиотеки ЧР и редакционно-издательского отдела ЧГИГН обсудили проблемы выполнения требований республиканского законодательства по доставке обязательных экземпляров документов в Национальную библиотеку ЧР, а также вопросы культуры подготовки республиканских печатных изданий в связи с внедрением ГОСТ Р 7.0.4—2019 «СИБИД. Издания. Выходные сведения. Общие требования и правила оформления» (разработан Российской книжной палатой взамен ГОСТ Р 7.0.4—2006, введен в действие с 1 июля 2020).

19.03.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялся творческий вечер, посвященный 80-летию доктора филологических наук, профессора Ю.М. Артемьева. Приняли участие сотрудники ЧГИГН: заместитель директора по науке и развитию, кандидат исторических наук Г.А. Николаев, кандидаты филологических наук И.Ю. Кириллова, Г.Г. Ильина, В.В. Никифорова и А.В. Кузнецов.

24.03.2021 — на Национальном радио ЧР вышла в эфир передача «Чăваш Ене килсе курсамър». Гостем программы был старший научный сотрудник ЧГИГН Е.П. Михайлов, который рассказал об археологии г. Чебоксары.

25.03.2021 — сотрудники ЧГИГН доктор исторических наук В.П. Иванов и кандидат исторических наук В.Г. Харитоновна приняли участие в работе круглого стола, посвященного 85-летию Минкультуры Чувашии.

01.04.2021 — на Национальном радио ЧР вышла в эфир передача «Чăваш Ене килсе курсамър». Гостем программы был сотрудник ЧГИГН кандидат исторических наук Д.В. Басманцев, который рассказал об истории Чебоксарской крепости.

08.04.2021 — на Национальном радио ЧР вышла в эфир передача «Чăваш Ене килсе курсамър». Гостем программы был сотрудник ЧГИГН кандидат исторических наук Д.В. Басманцев, который рассказал о чебоксарских воеводах XVI—XVIII вв.

08.04.2021 — директор ЧГИГН П.С. Краснов посетил Чувашский государственный драматический театр им. К.В. Иванова, где состоялись два мероприятия, посвященные 80-летию Сурского и Казанского оборонительных рубежей: презентация книги «Подвиг тружеников Чувашии: строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей» и премьеры спектакля «Инкеклё телей» (Счастье горькое).

08.04.2021 — сотрудники ЧГИГН доктор исторических наук И.И. Бойко, доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев и кандидат исторических наук В.Г. Харитоновна приняли участие в работе круглого стола «Книга-альбом “История чувашского края в уникальных архивных документах” — как настольная книга любителей истории».

08.04.2021 — состоялось занятие в Школе молодых ученых ЧГИГН. Занятие на тему «Археография: проблемы анализа, сбора и публикации научных изданий» провел кандидат исторических наук А.А. Чибис.

12.04.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялся круглый стол «Чувашская музыка как центр Волго-Уральской музыкальной цивилизации», участники которого обсудили монографию доктора искусствоведения М.Г. Кондратьева «Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации» (2018), представленную на соискание Государственной премии ЧР в области науки и техники за 2020 г.

15.04.2021 — на Национальном радио ЧР вышла в эфир передача «Чăваш Ене килсе курсамър». Гостем программы была сотрудник ЧГИГН кандидат исторических наук В.Г. Харитоновна, которая рассказала об истории Введенского собора.

15.04.2021 — в Государственном историческом архиве ЧР прошла акция «Ночь в архиве—2021», приуроченная к знаменательным датам: 80-летию начала строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей, 80-летию со дня создания Государственного исторического архива ЧР и 85-летию образования Минкультуры Чувашии. В рамках мероприятия прошла встреча с кандидатом искусствоведения А.И. Мордвиновой, в ходе которой она рассказала об удивительном художественном мире чувашского живописца и графика, создателя особого стиля, основанного на исконных национальных традициях А.И. Миттова.

19.04.2021 — сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук А.В. Кузнецов принял участие в программе Национального радио ЧР «Сёр сум». Вместе с кандидатом филологических наук А.С. Егоровой (Институт образования ЧР) и блогером К. Доброхотовым прошло обсуждение всечувашского диктанта «Пётём чăваш диктанчĕ—2021».

19.04.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялась публичная онлайн-лекция «Чувашская музыка: традиционная музыкально-поэтическая система: часть 1». Лектор — сотрудник ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев рассказал об истоках и общих особенностях чувашской музыки, а также об истории ее изучения.

21.04.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялась презентация книги научного сотрудника Института языкознания РАН М.В. Куцаевой «Функционирование этнического языка в чувашской диаспоре московского региона». В числе приглашенных были сотрудники ЧГИГН: доктор исторических наук И.И. Бойко, кандидаты филологических наук Э.Е. Лебедев, А.П. Долгова, А.В. Кузнецов.

22.04.2021 — на Национальном радио ЧР вышла в эфир передача «Чăваш Ене килсе курсамър». Гостем программы была сотрудник ЧГИГН кандидат искусствоведения А.И. Мординова, которая рассказала об архитектурной части Введенского собора.

23.04.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялась торжественная церемония награждения победителей республиканского фестиваля-конкурса «Литературная Чувашия: самая читаемая книга года». «Лучшей книгой глазами литературных критиков» стала книга «Суйласа илнисем: поэзи, драматурги, чăнлавсем, сырусем» Г.В. Тал-Мрзы, изданная ЧГИГН.

25.04.2021 — на телеканале «Национальное телевидение Чувашии — Чăваш Ен» вышла программа «Ламран лама» Маргариты Мельниковой, посвященная Дню чувашского языка. Гостями программы стали кандидаты филологических наук А.П. Долгова и Г.А. Дегтярёв.

27.04.2021 — в Национальной библиотеке ЧР прошла презентация коллективной монографии «XVIII—XIX ёмĕрсенчи чăваш литератури», авторы: сотрудники ЧГИГН доктор филологических наук В.Г. Родионов, кандидаты филологических наук И.Ю. Кириллова, В.В. Никифорова.

30.04.2021 — состоялся ежегодный тотальный диктант по чувашскому языку «Пётём чăваш диктанчĕ—2021», посвященный Дню чувашского языка и 150-летию новой чувашской письменности. Одним из организаторов выступил ЧГИГН.

12.05.2021 — сотрудник ЧГИГН Л.Н. Сачкова в гостях передачи «Литература тёпелĕ» рассказала о своей писательской деятельности.

12.05.2021 — прошла научно-практическая конференция «Современные проблемы гончарного ремесла и глиняной игрушки» (г. Москва), в которой приняла участие младший научный сотрудник ЧГИГН А.А. Малинина.

13.05.2021 — в Национальной библиотеке ЧР прошел круглый стол, посвященный 150-летию создания новой чувашской письменности. В его работе приняли участие сотрудники ЧГИГН: кандидаты филологических наук А.В. Кузнецов, Э.Е. Лебедев и И.П. Семёнова.

19.05.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялась презентация книги В.П. Галошева «Ёмĕр пураң — ёмĕр вĕрен» (Век живи — век учись), выпущенной Чувашским книжным издательством. В ней приняли участие сотрудники ЧГИГН кандидат филологических наук Г.Г. Ильина и Л.Н. Сачкова.

19.05.2021 — сотрудники археологического направления ЧГИГН приняли участие в Республиканской научно-практической конференции «XVII Абашевские историко-краеведческие чтения».

20.05.2021 — младший научный сотрудник ЧГИГН А.Д. Гаврилов выбран экспертом X республиканского фестиваля «Открытая лекция». Республиканский фестиваль молодых преподавателей образовательных организаций высшего образования «Открытая лекция» проводится ежегодно на территории Чувашской Республики с целью повышения престижа преподавательской деятельности среди молодежи; выявления талантливых молодых преподавателей образовательных организаций высшего образования.

20.05.2021 — в рамках Года, посвященного трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, специалисты отдела краеведческой и национальной литературы Чувашской республиканской детско-юношеской библиотеки провели День памяти и славы. Спикерами мероприятия выступили сотрудники ЧГИГН доктор исторических наук И.И. Бойко и кандидат исторических наук В.Г. Харитонova.

27.05.2021 — младший научный сотрудник ЧГИГН А.Д. Гаврилов принял участие в круглом столе, посвященном достижениям, проблемам и перспективам развития гуманитарной науки, который прошел на базе санатория-профилактория «Мечта» Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева в рамках работы II Международной летней научной школы.

03.06.2021 — директор ЧГИГН П.С. Краснов посетил Большетаябинское сельское поселение Яльчикского района, где работали археологи института и ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. Руководитель научного учреждения пожелал убедиться, что археологи обустроились, обеспечены питьевой водой и дровами, созданы все условия для полноценного функционирования лагеря.

08.06.2021 — состоялось расширенное заседание секции этнологии исторического направления «Традиционные верования чувашей и проблемы религиозного синкретизма», посвященного 150-летию священника, этнографа, действительного члена Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Антония Иванова.

10.06.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялся круглый стол, посвященный 280-летию со дня рождения Е.И. Рожанского. На круглом столе выступили сотрудники ЧГИГН: доктор филологических наук В.Г. Родионов, кандидат исторических наук Д.В. Басманцев, кандидат филологических наук О.Р. Студенцов.

11.06.2021 — сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук А.В. Кузнецов принял участие в VIII Международной научно-практической конференции «Многоуровневая языковая подготовка в условиях поликультурного общества», проведенной ФГБОУ ВО «Казанский государственный институт культуры» в онлайн-формате на платформе ZOOM.

22.06.2021 — Министерство образования и молодежной политики ЧР, Министерство культуры, по делам национальностей и архивного дела ЧР, ЧГИГН и ГИА ЧР провели Межрегиональную научно-практическую конференцию «Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей — трудовой подвиг народов Поволжья».

23.06.2021 — в соответствии с Указом Главы Чувашской Республики № 89 «О присуждении Государственных премий Чувашской Республики 2020 года» сотруднику ЧГИГН доктору искусствоведения М.Г. Кондратьеву присуждена Государственная премия ЧР и присвоено звание «Лауреат Государственной премии Чувашской Республики» в области гуманитарных наук.

23.06.2021 — сотрудники ЧГИГН доктор исторических наук В.П. Иванов и старший научный сотрудник Е.П. Михайлов стали гостями передачи «Ир пулсан» на телеканале «Национальное телевидение Чувашии — Чăваш Ен». Они рассказали об истории и культуре чувашей и археологической экспедиции в Большой Таябе Яльчикского района ЧР.

25.06.2021 — Приказом № 174 л/с от 25.06.2021 г. министра культуры по делам национальностей и архивного дела ЧР С.А. Каликовой заместитель директора по науке и развитию ЧГИГН Г.А. Николаев награжден нагрудным знаком Министерства культуры по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики «За достижения в культуре» за вклад в развитие культуры Чувашской Республики.

28.06—04.07.2021 — сотрудники ЧГИГН: кандидат филологических наук Г.Г. Ильина, кандидат искусствоведения Л.И. Бушуева, кандидат исторических наук Е.В. Сергеева, кандидат филологических наук И.П. Семенова приняли участие в экспедиции в Нурлатский район РТ с целью изучения материальной и духовной культуры компактно проживающих чувашей.

29.06.2021 — сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук Э.Е. Лебедев принял участие в Международной научной конференции «Языковая ситуация и языковой ландшафт национальных регионов в XX — начале XXI вв.», которая проводилась Институтом истории им. Ш. Марджани АН РТ.

01.07.2021 — в Центре современного искусства открылась IV Молодежная выставка. Сотрудник ЧГИГН кандидат искусствоведения А.И. Мордвинова приняла участие и выразила признательность молодым художникам за сохранение традиционной русской живописи.

05.07—16.07.2021 — сотрудники ЧГИГН археологического направления приняли участие в экспедиции «Алатырь—2021». В ходе археологических разведок в 2019 г. в г. Алатырь при шурфовочных работах на территории исторического центра были обнаружены слой строительного мусора со следами пожара XVIII—XIX вв. и «яма» XVI—XVII вв. В 2021 г. здесь был забит раскоп площадью 19 кв. м.

06.07—09.07.2021 — прошел XIV Конгресс антропологов и этнологов России в онлайн-формате на платформе Zoom. В работе конгресса дистанционное и заочное участие приняли сотрудники: доктор исторических наук И.И. Бойко, доктор филологических наук В.Г. Родионов, кандидаты исторических наук Д.В. Егоров, Е.В. Сергеева, кандидат филологических наук Е.В. Федотова.

28.07.2021 — в ЧГХМ открылась выставка «Церковное искусство Чувашии». Сотрудник ЧГИГН кандидат искусствоведения А.И. Мордвинова, которая много лет специализируется на теме церковного искусства, сделала небольшой экскурс в историю.

28.07.2021 — в ГИА ЧР состоялась презентация сборника документов «И.П. Прокопьев: государственный и партийный деятель Чувашской Республики», в котором приняли участие сотрудники ЧГИГН доктор исторических наук И.И. Бойко и кандидат исторических наук А.А. Чибис.

12.08.2021 — сотрудники ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев, кандидаты искусствоведения Ю.В. Виктор и Л.И. Бушуева, кандидаты исторических наук Г.Б. Матвеев, Д.В. Басманцев и Е.В. Сергеева встретились с широко известным скульптором и заслуженным художником Чувашии Ф.И. Мадуровым.

26.08.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялась презентация книги доктора искусствоведения А.А. Трофимова «Скульптор-монументалист Анатолий Брындин».

02.09.2021 — в ЧГИГН состоялась встреча трудового коллектива института с депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации А.И. Аршиновой и Главой администрации Московского района г. Чебоксары С.В. Ильиным.

04.09.2021 — в Национальной библиотеке ЧР отметили юбилей замечательного прозаика, заслуженного деятеля культуры Чувашской Республики Улька Эльмен (Ольги Куликовой). В мероприятии приняла участие сотрудник ЧГИГН Л.Н. Сачкова.

09.09.2021 г. — в Центре современного искусства открылась выставка «Нева — на волжских берегах». Куратором стала сотрудник ЧГИГН кандидат искусствоведения А.И. Мордвинова.

30.09.2021 — в Национальной библиотеке ЧР прошла открытая лекция сотрудника ЧГИГН кандидата искусствоведения А.И. Мордвиновой «Этнофутуризм в живописи Поволжья».

30.09.2021 — прошла научная конференция «Память народного подвига: тыл СССР и Сурский рубеж, 1941—1942 гг.» (г. Москва). В ней приняла участие сотрудник ЧГИГН кандидат исторических наук В.Г. Харитоновна с докладом «Трудовой фронт: вклад сельского населения Чувашии в Победу».

01.10.2021 — прошла XXIX Международная конференция «Дмитриевские чтения» (г. Москва). В ней принял участие сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук Э.Е. Лебедев с докладом «О некоторых морфологических особенностях чувашского языка».

06.10.2021 — в Национальной библиотеке ЧР прошел круглый стол, посвященный юбилею архитектора Петра Егорова «Петр Егорович Егоров — зодчий Санкт-Петербурга XVIII века. Личность и творческое наследие мастера: вчера, сегодня, завтра. К 290-летию со дня рождения». В нем принял участие сотрудник ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев.

07—08.10.2021 — ЧГИГН и Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ провели совместную Всероссийскую научно-практическую конференцию «Татары и чувашы — ветви одного древа».

08.10.2021 — в Международном казахско-турецком университете им. Ходжи Ахмеда Ясави (г. Туркестан, Республика Казахстан) состоялась Международная конференция в онлайн-формате. Чувашскую Республику на конференции представляли доктор филологических наук Н.И. Егоров и сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук А.В. Кузнецов.

17—18.11.2021 — сотрудники ЧГИГН: кандидаты исторических наук Н.С. Мясников, В.Г. Харитоновна, Н.Б. Смирнова и кандидат филологических наук Е.В. Федотова приняли участие в III Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Регионы России в военной истории страны» (МарНИИ, г. Йошкар-Ола).

18—20.10.2021 — состоялся II Сибирский форум фольклористов (г. Новосибирск), который прошел в дистанционном формате. Чувашию представляли сотрудники ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев, кандидат филологических наук Е.В. Федотова, кандидат исторических наук А.П. Леонтьев.

27.10.2021 — в ЧГИГН прошла презентация книги-альбома кандидата искусствоведения Ю.В. Викторова «Мастера чувашской скульптуры».

16.11.2021 — сотрудники ЧГИГН исторического и филологического направлений приняли участие на Международной научно-практической конференции «Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур», проходившей в ЧРИО (г. Чебоксары).

23.11.2021 — в ЧГИГН в зале Ученого совета состоялось расширенное заседание археологического направления, посвященное итогам полевых исследований.

23.11.2021 — в г. Якутске (РФ) состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Грани современной фольклористики: текстология, сказительство и цифровизация», посвященная 75-летию со дня рождения известного фольклориста, доктора филологических наук, профессора, почетного работника высшего образования РФ, заслуженного деятеля науки Республики Саха (Якутия), лауреата Государственной премии Республики Саха (Якутия) им. П.А. Ойунского В.В. Илларионова. Чувашию представляла сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук Е.В. Федотова с докладом «Чувашская быличка: особенности жанра, бытования, проблемы собирания на современном этапе» в секции «Фольклорные памятники народов в зеркале современных научных исследований».

25.11.2021 — сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук И.Ю. Кириллова приняла участие в создании сюжета «Сёнтэрү паллисем. Выпуск 25», созданной Национальной телерадиокомпанией Чувашии.

25.11.2021 — сотрудники ЧГИГН доктора исторических наук И.И. Бойко, В.П. Иванов и Р.Р. Исхаков приняли участие в «Гибатдиновских чтениях» (г. Казань), посвященных памяти Ферита Абдуллоевича Гибатдинова. Тема — «Этнокультурная идентичность субэтносов татар, проживающих в регионах России».

27.11.2021 — директор ЧГИГН П.С. Краснов принял участие в торжественном мероприятии, посвященном 90-летию Чувашского государственного аграрного университета.

29—30.10.2021 — сотрудник ЧГИГН кандидат филологических наук Э.Е. Лебедев выступил с научным докладом «О некоторых особенностях форм со значением прошедшего времени в чувашском языке» на XXXVI Кононовских чтениях (г. Санкт-Петербург).

02—03.12.2021 — в Казани прошел I Международный научно-практический семинар «Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика», приуро-

ченный к 100-летию со дня создания Академического центра Татнаркомпроса. В семинаре принял участие сотрудник ЧГИГН доктор филологических наук В.Г. Родионов и выступил в круглом столе «Идентичность татар: вызовы времени и теоретико-методологические поиски» с лекцией «Татары в трудах Николая Ашмарина».

03.12.2021 — ЧГИГН организовал Межрегиональную научно-практическую конференцию «Мордва в Чувашии: история и современность», которая прошла в Порецком РДК (Порецкого р-на ЧР).

08.12.2021 — в Национальной библиотеке ЧР состоялся круглый стол, посвященный 90-летию Книжной палаты, в котором приняли участие сотрудники ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев и кандидат исторических наук А.П. Леонтьев.

13.12.2021 — сотрудник ЧГИГН доктор исторических наук И.И. Бойко принял участие в семинаре-совещании по вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, который прошел в Доме дружбы народов АУ «РЦНТ» «ДК тракторостроителей» Минкультуры Чувашии.

14.12.2021 — в ЧГИГН состоялся круглый стол «С.М. Михайлов (1821—1861) — первый чувашский историк, этнограф и писатель», посвященный 200-летию со дня его рождения.

15.12.2021 — в АН РТ состоялся межрегиональный круглый стол по итогам реализации проекта «Калейдоскоп культур народов Татарстана». Результатом проекта стал коллективный труд «Калейдоскоп культур». В сборнике опубликованы материалы, собранные в результате комплексных научных экспедиций по изучению народов РТ. В данном проекте приняли участие и сотрудники ЧГИГН: кандидат искусствоведения Л.И. Бушуева, кандидаты филологических наук Г.Г. Ильина, Е.В. Федотова, И.П. Семенова, кандидат исторических наук Е.В. Сергеева.

22.12.2021 — в ЧГИГН состоялся круглый стол «Актуальные вопросы чувашской лексикографии».

22.12.2021 — сотрудник ЧГИГН доктор искусствоведения М.Г. Кондратьев принял участие в круглом столе «Кёсле — чувашский народный музыкальный инструмент: проблема возрождения», который прошел в Республиканском центре народного творчества «ДК тракторостроителей» в режиме онлайн и офлайн.

Подготовила *Е.В. Сергеева*

Правила для авторов

1. Материалы для публикации должны соответствовать тематике журнала и представлять оригинальное научное исследование, не издававшееся ранее. Как исключение к печати могут быть приняты сочинения, издававшиеся частично — до 25 % объема. Текст предоставляемой научной продукции должен быть тщательно выверен авторами на предмет наличия орфографических ошибок и опечаток.

2. Предоставляемые в редакционную коллегию материалы должны иметь титульный лист, содержащий следующие сведения: фамилия, имя, отчество автора; почтовый адрес; адрес электронной почты; номер телефона (домашнего, рабочего, мобильного); место работы; должность; ученая степень и ученое звание; тематика научных изысканий. На первой странице рукописи печатаются: название статьи (сообщения); инициалы и фамилия автора (инициалы перед фамилией). Заголовок набирается строчными буквами. На первой странице под текстом указываются: полное имя, отчество и фамилия автора; ученая степень, ученое звание и должность. Форма: Иванов Иван Иванович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой литературоведения Чувашского государственного университета.

3. Материалы для публикации должны быть напечатаны в 2 экземплярах, на одной стороне листа. В редакционную коллегию они предоставляются вместе с электронным вариантом (на дискете). Распечатанный текст должен быть подписан автором (авторами). Основные параметры верстки печатного и электронного текстов: кегль — 14 пунктов, междустрочный интервал — полуторный, формат страницы — А-4, выравнивание по ширине (для заголовка — по центру), отступ абзаца — 1 см, все поля 2 см, без переносов, нумерация страниц снизу и по центру листа. Гарнитура Times New Roman. Редактор — MS Word. При наличии таблиц и рисунков они должны быть созданы стандартизированными средствами MS Word и внедрены в текст. Таблицы и рисунки должны иметь собственную нумерацию и названия. В таблицах обязательно указываются единицы измерения величин. Названия и нумерация к ним помещаются над конструкцией и набираются полужирным шрифтом 12. Текст внутри таблиц набирается шрифтом 12. Нумерация и пояснения к рисункам помещаются под конструкцией и набираются шрифтом 12. Формулы располагаются по центру страницы. Шрифт для греческих букв Symbol, для всех остальных — Times New Roman. Число таблиц и рисунков в рукописи не должно превышать 6. Фотографии прилагаются в двух файлах — в тексте рукописи и отдельной единицей — с разрешением 300 dpi в формате TIFF, JPEG.

4. Рукописи в редакционную коллегию авторов предоставляются вместе с двумя рецензиями, написанными кандидатами или докторами наук по профильной научной дисциплине. Они должны быть заверены печатью той организации, где работают рецензенты. Решением редакционной коллегии полученные материалы могут быть приняты к печати, отправлены на дополнительное рецензирование или возвращены на доработку. Возвращение рукописи на доработку не означает, что она принята к печати.

Доработанный текст автор вправе вновь предоставить вместе с первоначальным его вариантом и ответами на замечания в редакционную коллегию журнала.

5. Поступившие в редакционную коллегию рукописи, как принятые к печати, так и отклоненные, а также рецензии и сопутствующие материалы поступают в научный архив ЧГИИП. Они авторам не возвращаются.

6. В рукописях допускается использование общеизвестных аббревиатур (СССР, РСФСР и др.). В случае оперирования с малоизвестными аббревиатурами в тексте при первом употреблении им должны предшествовать расшифрованные формы. Например: Всероссийский союз городов (ВСГ). Замена ключевых понятий исследования (например, «СО» вместо «сельское общество») аббревиатурами не допускается.

7. Структура статьи (сообщения) должна определяться соображениями целесообразности. В ее (его) вводной части (не менее 0,5 с.) обязательны постановка проблемы и определение исследовательских задач, в заключительной (не менее 0,5 с.) — полученные в ходе анализа выводы. Статью (сообщение) завершают Примечания и Краткое резюме. Используемая литература и источники указываются в Примечаниях.

8. Ссылки на использованную литературу и источники даются с помощью автоматических номерных сносок в конце текста. Кегль — 14 пунктов. Фамилия и инициалы авторов исследований в сносках выделяются курсивом. Названия архивов даются аббревиатурами. При первом употреблении аббревиатуры должны быть расшифрованы. Форма: Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ).

9. Источники, представленные для публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, должны быть оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990) и иметь Предисловие, Примечания и комментарии.

10. Ориентировочный объем для публикаций: для статьи — до 25 страниц (50 тыс. знаков), сообщения — до 15 страниц (20 тыс. знаков), рецензии — до 7 страниц (12 тыс. знаков), аннотации — до 3 страниц (5 тыс. знаков). В печатный объем входят текст, таблицы, рисунки и список литературы. Источники, представленные к публикации в качестве самостоятельной исследовательской единицы, могут иметь объем до 23 страниц (40 тыс. знаков). Объем Краткого резюме к статье (сообщению) — 8—10 строк.

11. Редакционная коллегия вправе вносить в настоящие Правила изменения.

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Мухаммадеев А.Р.</i> Христианство в гуннском сообществе Северного Кавказа (V—VII века)	3
---	---

Этнология

<i>Родионов В.Г.</i> Эволюция этнической идентичности волжских булгар (X—XIV века)	10
<i>Захарова-Кульева Н.И.</i> Сравнительная характеристика верхней одежды чувашей и татар	29

Социология

<i>Бойко И.И.</i> Студенты Чувашии об истории России	61
--	----

Филология

<i>Такач Мелинда.</i> Заметки к истории возникновения первой чувашской грамматики	79
<i>Никифорова В.В.</i> Малые формы современной чувашской прозы	104

Чувашеведение в лицах

<i>Иванов В.П.</i> «Ирадность, и утешение — в науках»	124
<i>Кириллова И.Ю.</i> Многоликий мир мастера чувашской словесности	135

Дискуссии и обсуждения

Диалог о книге «Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии». Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. — 270 с. (авторы: Э.Е. Лебедев, В.Г. Родионов, И.П. Семенова, Е.В. Касимов). (Материал диалога подготовлен к печати В.П. Ивановым)	145
--	-----

Исторический архив

<i>Леонтьев А.П.</i> Сын хакасского народа о чувашах (к 160-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Н.Ф. Катанова)	160
<i>Магарина Р.Н.</i> Д.Ф. Филимонов о своих учителях: выдержки из автобиографии	184

Рецензии

<i>Иванов В.П.</i> Рец. на: Чибис А.А. «Верховые чуваша: некоторые итоги и задачи изучения» / А.А. Чибис; науч. ред. Г.А Николаев. Чебоксары, 2022. 40 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 34)	205
<i>Ягафова Е.А.</i> Рец. на: Чибис А.А. «Верховые чуваша: некоторые итоги и задачи изучения» / А.А. Чибис; науч. ред. Г.А Николаев. Чебоксары, 2022. 40 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 34)	211
<i>Ногманов А.И.</i> Рец. на: Басманцев Д.В. «Чуваши в имперской системе власти России во второй половине XVI — начале XVIII века: опыт историко-правового анализа» / Д.В. Басманцев; науч. ред. Г.А. Николаев. Чебоксары, 2022. 44 с. (Научные доклады / ЧГИГН; вып. 35)	213
<i>Басманцев Д.В.</i> Рец. на: Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Т. 2. Местное управление и сословия г. Свияжск и уезда в первой половине XVII века (следственное дело 1638 г. о злоупотреблениях свияжского воеводы) / сост. А.А. Чибис; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары: ЧГИГН, 2020. 268 с.	216
<i>Дегтярёв Г.А.</i> Рец. на: Фомин Э.В., Иванова А.М. Сăмах эткерё = Лексическое наследие: словарь. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. 108 с.	220

Наши юбиляры

Иванов Виталий Петрович (к 70-летию со дня рождения)	228
Матвеев Георгий Борисович (к 70-летию со дня рождения)	234
Петров Игорь Георгиевич (к 60-летию со дня рождения)	237
Лебедев Эдуард Евгеньевич (к 50-летию со дня рождения)	240
Мордвинова Антонина Ильинична (к 70-летию со дня рождения)	243
Хроника научной жизни института 2021 г.	248
Правила для авторов	255

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Чувашский гуманитарный вестник
№ 17. 2022

Научный журнал

Редактор *Е.П. Семенова*
Корректор *Н.Г. Герасимова*
Выпускающий редактор *Е.В. Федотова*
Верстка *Н.И. Никифоровой*

Публикуемые материалы
не обязательно отражают точку зрения редколлегии
При перепечатке материалов ссылка
на журнал «Чувашский гуманитарный вестник» обязательна

Подписано к печати 21.12.2022. Дата выхода в свет 27.12.2022. Формат 70×100¹/₁₆.
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman. Цена свободная.
Усл. печ. л. 21,12. Уч.-изд. л. 19,25. Тираж 100 экз. Заказ № 15.

Учредитель: БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-60986 от 5 марта 2015 г.
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Издатель — БНУ ЧР «Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики
428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1
тел 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05
e-mail: human2000@yandex.ru

Адрес редакции: 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1
Тел.: 8(8352) 45-00-10, 45-00-05, факс 45-00-05,
e-mail: human2000@yandex.ru

Оригинал-макет подготовлен РИО ЧГИГН
Отпечатано в РИО ЧГИГН 27.12.2022
г. Чебоксары, Московский пр., 29, корп. 1

9 772225 731212

ISSN 2225-7314

Чувашский гуманитарный вестник, 2022, № 17

ISSN 2225-7314